

ОИК
детск.

1 „ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ БИБЛІОТЕКА КРЕСТНАГО КАЛЕНДАРЯ“ 1

Дозволено ценз. Москва, 19го Марта 1894 г.

Обложка печатана въ Хромо-Литографіи В. Симова. В. Кудинова

Для составленія настоящаго **Полнаго Сборника Сказокъ Русскаго народа,** мы пользовались, кромѣ ненапечатанныхъ матерьяловъ, находящихся въ бумагахъ покойныхъ А. А. Гатцука и проф. О. П. Бодянскаго, между прочимъ, слѣдующими изданіями:

Авдѣева: Дѣтскія сказки. **Афанасьевъ:** Нар. Рус. легенды, Народныя Русскія сказки, Поэт. воззрѣніе Славянъ на природу. **Безсоновъ:** Дѣтскія сказки. **Бодянскій:** Наськы Украиньскы казкы запорозьця Иська Матырынкы. **Боричевскій:** Повѣсти и преданія народовъ слав. плем. **Броницынъ:** Рус. нар. сказки. **Буслаевъ** Рус. нар. поэзія., Истор. очер Рус. нар. словесн., Истор. Христом. **Валявецъ:** Хорутанскія и Словацкія сказки (Narodne pripovjedke, skupio Matija Valjavec) **Венцигъ:** Чешскія, Моравскія и Кошубскія сказки (Westslawische Merchenschatz). **Веселыя похожденія старинныхъ пошехонцевъ.** Изд. 1821 г. **Войцицкій:** Польскія сказки (Zarisy dowove). **Врчевичъ:** Сербскія сказки (Српске народне проповjетке). **Глинскій:** Польскія сказки. **Даль:** Сказки казака Луганскаго, Пословицы Рус. нар., Картины: рус. быта. **Данилевскій:** Степныя сказки. **День** (журналъ). **Деревенская забавная старушка.** Изд. 1804. **Дмитріевъ** Опытъ собранія сказокъ Сѣверо-Западнаго края. **Добжинскій:** Славянскія сказки (Sloven. povesti). **Добровольскій:** Смоленскій Этнографическій Сборникъ. **Драгомановъ:** Малороссійскія народныя преданія и разсказы: **„Дѣдушкины прогулки“**. Изд. 1819 г. **Журналъ** Мин. Нар. Просв. (прибавленія). **Записки** Геогр. Общ. **Записки** Академіи Наукъ. **Калачовъ:** Архивъ ист.-юрид. свѣд. о Россіи. **„Калики перехожіе“**, Сборникъ народн. стиховъ. **Караджичъ:** Сербскія сказки (Српске народне проповjетке). **Кирша Даниловъ:** Древнія Рос. стихотв. **Киреевскій:** Пѣсни. **Костомаровъ:** Славян. Миѳол. **Касторскій:** Начерт. Рус. Миѳол. **Кулишъ:** Записки о Южной Россіи. **Кульда:** Моравскія сказки. **Лѣкарство** отъ задумч. и безсон. изд. 1819 г. **Лѣтописи** русск. литер. и древн. **Максимовичъ:** Русская Бесѣда. **Малый:** Чешскія сказки (Biblioteka zobavneho cteni) **Матица:** Србски лѣтописъ. **Манжура:** Сказки, пословицы и пр. (Сборникъ Харьковскаго Историко-Филолог. общества). **„Маякъ“** (журналъ). **Молодикъ** (малорус. альманахъ). **Мордовцевъ:** Малорус. литерат. сборн. **„Не любо—не слушай, а лгать не мѣшай“** изд. 1832 г. **Николичъ:** Сербскія сказки. **Новосельскій:** Народъ Украинскій (Lud Ukrainski). **Нѣмцова:** Словацкія сказки (Slov. pohadki). **„Основа“** (Малорус. журн.). **Памятники** стар. рус. литер. Изд. Кушелева-Безбородка. **„Пантеонъ“** (журналъ). **Пассекъ:** Очерки Россіи. **Пермскій Сборникъ. Подснѣжникъ** (журналъ). **Полевой:** Русскія нар. сказки. **Пыпинъ:** Очеркъ литер. исторіи старин. повѣстей и сказокъ. **Романовъ: В. Р.** Бѣлорусскій сборникъ. **Рудченко:** Малорусскія сказки. **Русскія** сказки, изд. 1787 г. **„Русское Слово“** (журналъ). **Рыбниковъ:** Сборн. пѣсенъ. **Садовниковъ:** Сказки Самарскаго края. **Гр. Сахаровъ:** Сказанія Рус. народа, Рус. нар. сказки. **Семенскій:** Польскія и литовскія преданія (Podania i Legendy). **Сказки,** записанныя въ Буковинѣ, Седмиградіи, у Поморянъ и Кошубовъ („Zeitschrift für Deutsche Mythologie und Sittenkunde“). **Смоляръ и Гауптъ:** Народныя сказанія Вендовъ Верхней и Нижней Лужицы. **Снѣгиревъ:** Сборникъ истор. и статист. свѣд. о Россіи. **Собраніе** старинныхъ русскихъ сказокъ, изд. 1830 г. **„Старичекъ Весельчакъ“**, изд. 1801. **Стасовъ:** Происхожденіе русскихъ былинъ. **Сумлоркъ:** Старочешскія сказки (Staroceske powesti, spewy etc). **Терещенко:** Бытъ Русскаго Народа. **Труды** Курскаго Статист. Комит. **Труды** Общ. Любит. Рос. Словесн. **Труды** Ярославскаго Губ. Стат. Комит. **Худяковъ:** Русскія народныя сказки, Матерьялы для изученія народной словесности. **Черниговскія** Губ. Вѣдом. **Чтеніе** Общ. Ист. и Древн. Рос. **Чубинскій:** „Труды“. **Чудинскій:** Великорус. сказки. **Чулковъ:** Русскія сказки **Шафарикъ:** Преданія и легенды русскія, польскія, и т. д. (Podania i Legendy polskie, ruskie, litowskie), Образцы Чешской нар. литер. **Шейнъ:** Бѣлорусскій сказки (изд. 1893 г.). **Шпилевскій:** Бѣлоруссія въ описаніяхъ и повѣріяхъ **Щаповъ:** Истор. очерки нар. міросозерц. **Эрбенъ.** Лужицкія, Кошубскія, Болгарскія, Чешскія и пр. сказки (Slovenska citanka). **Эрленвейнъ:** Народныя сказки, собранныя сельскими учителями. **Этнографическое Обозрѣніе** (журналъ).

Всѣ 20 выпусковъ выйдутъ въ свѣтъ не позднѣе половины 1895 года и составятъ роскошный томъ въ 740 страницъ.

При **20**-мъ выпускѣ подписчикамъ будетъ разослано особое послѣсловіе съ портретами извѣстнѣйшихъ собирателей русскихъ народныхъ сказокъ и этнографовъ, трудившихся по разработкѣ русскаго народнаго эпоса.

За одинъ рубль, при послѣднемъ (20-мъ) выпускѣ, подписчикамъ на все изданіе можетъ быть высланъ къ нему роскошный *металлическій* переплетъ.

Подписная цѣна на сборникъ „Сказокъ Русскаго Народа“: **съ доставкой и пересылкой:** за всѣ **20** выпусковъ—**5** р.;10 вып.—**3** р.; 5 вып.—**1** р. **50** к. **Безъ доставки: 20** вып. — **4** р.; 10 вып. —**2** р. **50** к.; 5 вып.—1 р. **25** к. **Отдѣльный выпускъ** *(для ознакомленія)* **высыл. за 30 к.** почт. марками. ***Въ Москвѣ можно подписываться открытымъ письмомъ въ контору,*** *(при чемъ необходимо указать время, когда артельщикъ конторы можетъ явиться съ подписнымъ билетомъ за полученіемъ платы).*

По окончаніи изданія цѣна будетъ возвышена.

Контора: Москва, Болотная площадь, домъ Майтова (редакція Крестнаго Календаря).

(См. 3-ю стр. обложки).

„Иллюстрированная Библіотека Крестнаго Календаря“.

СКАЗКИ
РУССКАГО НАРОДА.

Текстъ подъ редакціей

В. А. Гатцука.

Рисунки художника **Н. А. Богатова.**

I.

СОДЕРЖАНІЕ:

МОСКВА.
Типографія В. А. Гатцукъ (Д. Чернышевскій), Никитскій бульваръ.
1894.

Дозволено цензурою. Москва, 5 Декабря 1893 года.

Морозко.

Жилъ-былъ старикъ со старухой, а у нихъ было три дочери. Старшая-то дочь доводилась старухѣ падчерицей. Дѣло извѣстное: падчерицѣ при мачихѣ что за житье? Съ утра до вечера старуха ее поѣдомъ ѣстъ: «Экая лѣнивица, экая неряха! И вѣникъ-то не у мѣста, и ухватъ не такъ поставленъ, и въ избѣ-то сорно.» А Марѳуша всѣмъ взяла: собой пригожа, работница, скромница: до свѣту поднимется, дровъ и воды принесетъ, печку истопитъ, полъ подмететъ, скотинѣ корму задастъ. Всячески старалась Марѳуша угодить мачихѣ, всѣ попреки молча сносила; только, бывало, и отведетъ душу, что сядетъ въ уголокъ да поплачетъ. Глядя на мать, и сестры частенько ее до слезъ обижали. Сами онѣ поздно просыпались, приготовленной водицей умывались, чистымъ полотен-

цемъ утирались, а за работу садились, когда пообѣдаютъ. Жалко было старику старшей дочери, да не зналъ онъ, чѣмъ горю пособить: такую ужь власть жена надъ нимъ взяла.

Дочери ростутъ да ростутъ, — вотъ ужь и невѣстами стали. Начали старики между собой думу думать, какъ-бы получше ихъ пристроить. Отецъ всѣмъ тремъ добра желаетъ, а мать только двумъ своимъ. И надумала она про падчерицу думу худую. Разъ говоритъ она мужу: «Ну, старикъ! Марѳутку замужъ пора сдавать, а то пока еще къ ней какой женишишка навернется,— мои дочки хорошихъ жениховъ упустятъ. Все же впередъ старшую надо съ рукъ сбывать.»—«Ладно,» — говоритъ старикъ, и полѣзъ на печку. А старуха вслѣдъ ему: «Я же ей и жениха надумала. Завтра встань пораньше, запряги лошадь въ дровни и поѣзжай съ Марѳуткой, а куда—тогда и скажу. А ты, Марѳутка, собери свое добро въ коробейку да одѣнься получше: поѣдешь съ отцомъ въ гости.»

Поутру Марѳуша встала ранёхонько, умылась бѣлёхонько, Богу помолилась, отцу, матери поклонилась, собрала свое добро въ коробейку и сама нарядилась: невѣста хоть куда. Старикъ запрягъ лошадь въ дровни, подвелъ къ крыльцу и говоритъ: «Ну, я все изладилъ. А ты, Марѳуша, готова?»—«Готова, батюшка.»— «А коли готовы, такъ закусите на дорогу, чѣмъ Богъ послалъ,»— говоритъ мачиха. Дивится старикъ: «Съ чего это моя старуха вдругъ раздобрилась?» Покормила мачиха старика съ падчерицей и говоритъ: «Просватала я Марѳушу за лѣсного дѣдку Мороза: женихъ богатый, чего ей еще надо. Правда, хоть не молодъ, ну, да ничего: стерпится-слюбится.» Старикъ и ложку выронилъ, глаза вытаращилъ, смотритъ на жену. «Опомнись, старуха,—говоритъ:—въ умѣ-ли ты?»—«Ладно, разговаривай еще. Женихъ богатый, у него всѣ елки, сосны да березы въ серебрѣ стоятъ. И дорога къ нему, не Богъ знаетъ, какая дальняя: сперва прямо поѣзжай, потомъ направо, въ темный лѣсъ заверни, а тамъ, какъ десять верстъ проѣдешь, подъ высокой сосной Марѳутку и ссади. Да мѣсто запримѣть хорошенько, завтра молодую навѣстить тебя же пошлю. Ну, живѣй, нечего время терять!» А на дворѣ стояла зима лютая, лежали снѣга глубокіе, птица на лету мерзла.

Всталъ старикъ съ лавки, положилъ дочернины пожитки на дровни, велѣлъ ей надѣть шубу — и поѣхали. Доѣхали до лѣсу, въѣхали въ глушь непроходимую и подъ высокой сосной остановились. «Слѣзай, дочушка,» — говоритъ старикъ. Слѣзла Марѳуша. Старикъ снялъ съ дровней коробейку, поставилъ подъ сосной, посадилъ дочку свою и сказалъ: «Сиди, жди жениха, да принимай ласковѣе.» — Простился съ дочерью и поѣхалъ домой.

«Тепло-ль тебѣ, дѣвица? Тепло-ль тебѣ, красная?»

Сидитъ Марѳуша подъ высокой сосной на коробейкѣ, сидитъ—пригорюнилась. Стало ее холодомъ, ознобомъ пробирать; вдругъ слышитъ: Морозко по лѣсу пощелкиваетъ, потрескиваетъ, съ елки на елку перескакиваетъ. Вотъ ужь онъ и на высокой соснѣ. «Тепло-ль тебѣ, дѣвица? Тепло-ль тебѣ, красная?» — спрашиваетъ.—«Тепло, дѣдушка, тепло Морозушко,»—говоритъ Марѳуша, а у самой зубъ-на-зубъ не попадаетъ. Сталъ Морозко ниже спускаться, сильнѣе потрескивать, звонче пощелкивать и опять спрашиваетъ: «Тепло-ль тебѣ, дѣвица? Тепло-ль тебѣ, красная?» — «Ой, тепло, дѣдушка,» — а сама чуть духъ переводитъ. Спустился Морозко до самой земли: «Тепло-ль тебѣ, дѣвица? Тепло-ль тебѣ, красная?» А Марѳуша ужь замерзать стала. Тутъ сжалился Морозъ, покрылъ ее шубами, отогрѣлъ одѣялами, обласкалъ, подарилъ ей сундукъ съ нарядами, шубу атласомъ крытую, серебра и камней самоцвѣтныхъ. «Разжалобила,—говоритъ,—ты меня, красная дѣвица, разжалобила своей кротостью да безотвѣтностью.»

На утро старуха поднялась раннимъ-рано, стала блины печь, чтобъ было чѣмъ падчерицу помянуть. «Ну, поѣзжай,—говоритъ мужу,—поздравь молодыхъ-то.» Старикъ запрягъ лошадь и поѣхалъ. Доѣхалъ до высокой сосны—и глазамъ не вѣритъ: сидитъ Марѳуша на коробейкѣ веселая-превеселая, на ней шуба новая, въ ушахъ серьги драгоцѣнныя, рядомъ ларецъ серебромъ окованный. Сложилъ старикъ все добро на возъ, сѣлъ съ дочерью—и скорѣй домой. Дома старуха блины печетъ, а шавка изъ-подъ лавки тявкаетъ: «Тявъ, тявъ! Марѳуша ѣдетъ, возъ добра везетъ.» Разсердилась старуха, швырнула въ шавку полѣномъ: «Врешь, подлая! Старикъ въ кошолкѣ Марѳуткины косточки везетъ!» Вотъ и дровни подъѣхали. Вышла старуха на крыльцо—да такъ и остолбенѣла: сидитъ на дровняхъ Марѳуша жива-невредима, разряжена лучше праздничнаго, а рядомъ ларецъ съ подарками дѣдки Мороза. Затаила мачиха злобу до времени, ласково съ падчерицей поздоровалась, въ избу ввела, подъ образами съ почетомъ посадила.

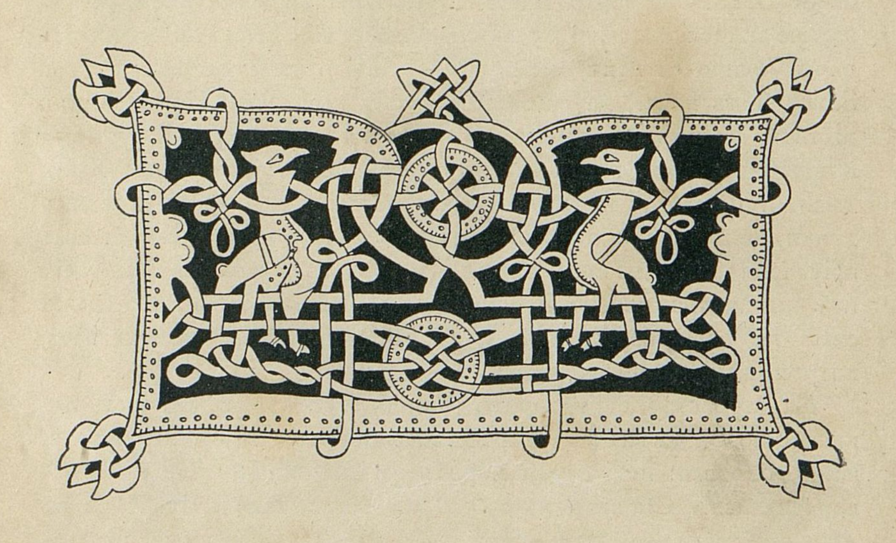
Зависть взяла двухъ старухиныхъ дочерей, какъ увидали онѣ богатые Морозкины подарки. Стали онѣ у матери просить: «Свези

насъ въ лѣсъ, къ Морозкѣ въ гости: онъ и насъ подарками одаритъ. Чѣмъ мы хуже Марѳутки?» Вотъ, рано поутру старуха дочекъ своихъ накормила, убрала, снарядила и въ путь-дорогу отпустила. Старикъ свезъ ихъ на то же мѣсто, куда Марѳушу возилъ, и оставилъ подъ высокой сосной. Сѣли дѣвицы рядышкомъ и стали ждать, — про великія богатства Морозкины судить-рядить. Дѣвушки были въ шубахъ, а все-таки порядочно прозябли. «Что это Морозко-то запропастился? — говоритъ одна.—Вѣдь такъ мы замерзнемъ.» — «Что ты съ нимъ станешь дѣлать,—говоритъ другая,—развѣ эти женихи рано собираются? А ты какъ думаешь, кого онъ возьметъ: меня или тебя?»—«Конечно меня, не тебя же, младшую.»—«Анъ врешь.»—«А ты дура!» Слово за слово, и перебранились; стали другъ дружку отчитывать: «Ты такая, а ты эдакая.» Бранились, бранились, вдругъ слышатъ: Морозко по лѣсу потрескиваетъ, пощелкиваетъ, съ елки на елку перескакиваетъ. Примолкли дѣвушки. Вотъ Морозъ ужь и на высокой соснѣ. «Тепло-ли вамъ, дѣвицы? Тепло - ли вамъ, красныя?»—спрашиваетъ.—«Ой, дѣдка, больно студено! Чуть не замерзли мы, тебя поджидаючи. Гдѣ это тебя до сей поры носило?» Сталъ Морозко ниже спускаться, сильнѣе потрескивать, звонче пощелкивать, и опять спрашиваетъ: «Тепло-ли вамъ, дѣвицы? Тепло-ли вамъ, красныя?»—«Да ну тебя, стараго дурака! Заморозилъ вовсе, да еще спрашиваетъ: тепло-ли! Полно шутки шутить. Давай подарки, а то плюнемъ и уйдемъ вовсе.» Спустился Морозъ до самой земли и опять спрашиваетъ: «Тепло-ли вамъ, дѣвицы? Тепло-ли вамъ, красныя?» Разсердились вовсе мачихины дочки, не хотятъ и отвѣчать ему. Обозлился и Морозко да такъ пріударилъ, что дѣвицы, какъ сидѣли, такъ и закоченѣли. А онъ ихъ холоднымъ инеемъ присыпалъ—и пошелъ себѣ по лѣсу съ елки на елку перескакивать, съ вѣтки на вѣтку попрыгивать, потрескивать да пощелкивать.

На утро старуха говоритъ старику: «Запряги, старикъ, пошевни, положи сѣна побольше да возьми теплое одѣяло. Дочки-то, чай, продрогли: ишь какой морозъ на дворѣ! Да проворнѣй поворачивайся!» Старикъ живо собрался и поѣхалъ. Пріѣхалъ въ лѣсъ, да такъ руками и всплеснулъ: обѣ дочки мертвыя, присло-

нясь къ соснѣ, сидятъ! Нечего дѣлать, поднялъ ихъ, положилъ въ пошевни и повезъ домой. Дома старуха хлопочетъ, обѣдъ готовитъ, чтобы получше дочекъ угостить, а шавка изъ-подъ лавки: «Тявъ, тявъ! Старикъ ѣдетъ, дочерей косточки везетъ.» Разсердилась старуха, швырнула въ шавку полѣномъ: «Врешь, подлая! Старикъ съ дочками ѣдетъ, возъ добра везетъ!» Вотъ и пошевни подъѣхали. Вышла старуха на крыльцо—да такъ и остолбенѣла: лежатъ обѣ дочки мертвыя. «Что ты надѣлалъ, старый хрычъ? Уходилъ ты моихъ дѣточекъ, моихъ милыхъ дочекъ, ненаглядныхъ! Вотъ я жь тебя кочергой попотчую!»—«Что дѣлать, старуха,—говоритъ старикъ.—Всѣ мы тутъ виноваты: онѣ, что на богатство польстились, ты, что ихъ не остерегла, а мой грѣхъ,—что раньше я тебя мало училъ; подъ старость поздно ужь приниматься.»

Поплакала старуха, посердилась, побранилась—да послѣ съ мужемъ и помирилась. Съ тѣхъ поръ она и къ Мареушѣ добрѣе стала, а когда къ ней женихъ-молодецъ присватался, старуха на Мареушиной свадьбѣ со старикомъ еще камаринскую плясала.

Солдатъ и Смерть.

Дослужилъ солдатъ Богу и великому государю сполна двадцать пять лѣтъ, получилъ чистую отставку и пошелъ домой на родину. Шелъ-шелъ, попадается ему навстрѣчу убогій нищій и проситъ милостынку. А у солдата всего-то капитала—три сухаря. Отдалъ онъ нищему одинъ сухарь, а себѣ оставилъ два. Пошелъ дальше. Попадается ему другой нищій, кланяется и тоже проситъ милостынку. Солдатъ подалъ и ему сухарь, а себѣ оставилъ одинъ. Опять пошелъ дальше своей дорогой, и повстрѣчалъ третьяго нищаго — старика сѣдого, какъ лунь. Кланяется старикъ, проситъ милостынку. Вынулъ солдатъ изъ ранца послѣдній сухарь и думаетъ: «Цѣлый дать — самому не останется; половину дать—противъ тѣхъ двухъ нищихъ старика обидѣть... Нѣтъ, лучше отдамъ ему цѣлый сухарь, а самъ обойдусь какъ-нибудь.» Отдалъ послѣдній сухарь и остался не при чемъ. «Спасибо тебѣ, добрый человѣкъ!—говоритъ старикъ солдату.—Теперь скажи мнѣ: чего желаешь, въ чемъ нуждаешься? Можетъ быть, я тебѣ въ чемъ и помогу.» — «Богъ съ тобой!— отвѣчаетъ солдатъ.—Съ тебя, старичокъ, взять нечего, ты самъ человѣкъ убогій.»—«Да ты не смотри на мое убожество, а только скажи, что тебѣ нужно.» — Хотѣлъ солдатъ пошутить и говоритъ: «Коли есть у тебя карты, подари на память.» А старикъ вынулъ изъ-за пазухи карты и подалъ солдату. «Вотъ, — говоритъ, — тебѣ карты, да еще не простыя: съ кѣмъ станешь играть, того навѣрное объиграешь. Да вотъ, еще тебѣ котомка холщовая. Если встрѣтится тебѣ на дорогѣ звѣрь или птица, и захочешь ты ихъ поймать, распахни котомку и скажи: «Полѣзай

сюда,»—и будетъ по твоему».—«Спасибо дѣдушка,» — говоритъ солдатъ; взялъ котомку, попрощался со старикомъ и пошелъ своей дорогой.

Шелъ онъ не мало и пришелъ къ озеру, а на томъ озерѣ плавали три дикихъ гуся. «Попробую-ка я свою котомку,»—думаетъ солдатъ. Распахнулъ котомку и говоритъ: «Эй вы, дикіе гуси, летите-ка сюда!» И только солдатъ эти слова вымолвилъ, какъ снялись гуси съ озера и прилетѣли прямо въ котомку. Солдатъ ее завязалъ, закинулъ за плечи и пошелъ дальше.

Шелъ онъ шелъ и зашелъ въ чужеземное государство, въ невѣдомый городъ, и первымъ долгомъ—въ трактиръ, перекусить чего-нибудь и отдохнуть съ дороги. Сѣлъ за столъ, подозвалъ хозяина и говоритъ: «Вотъ тебѣ тройка гусей. Этого гуся ты мнѣ зажарь, этого на водку промѣняй, а этого себѣ за хлопоты возьми.» Сидитъ солдатъ въ трактирѣ и угощается: выпьетъ рюмочку, да гусемъ закуситъ. И вздумалось ему посмотрѣть въ окно. А изъ окна былъ видѣнъ царскій дворецъ. Смотритъ солдатъ и дивится: выстроенъ дворецъ на славу, а ни въ одномъ окнѣ цѣлаго стекла нѣтъ — всѣ перебиты. «Что за притча?—спрашиваетъ солдатъ у хозяина.—Кто же это смѣлъ во дворцѣ окна перебить?» И разсказалъ тутъ трактирщикъ солдату диковинную исторію: «Построилъ нашъ царь себѣ дворецъ, а жить въ немъ нельзя. Вотъ ужь семь лѣтъ онъ стоитъ пустой: всѣхъ нечистая сила выгоняетъ. Каждую ночь собирается тамъ чертовское сонмище: шумятъ, кричатъ, пляшутъ, въ карты играютъ.»

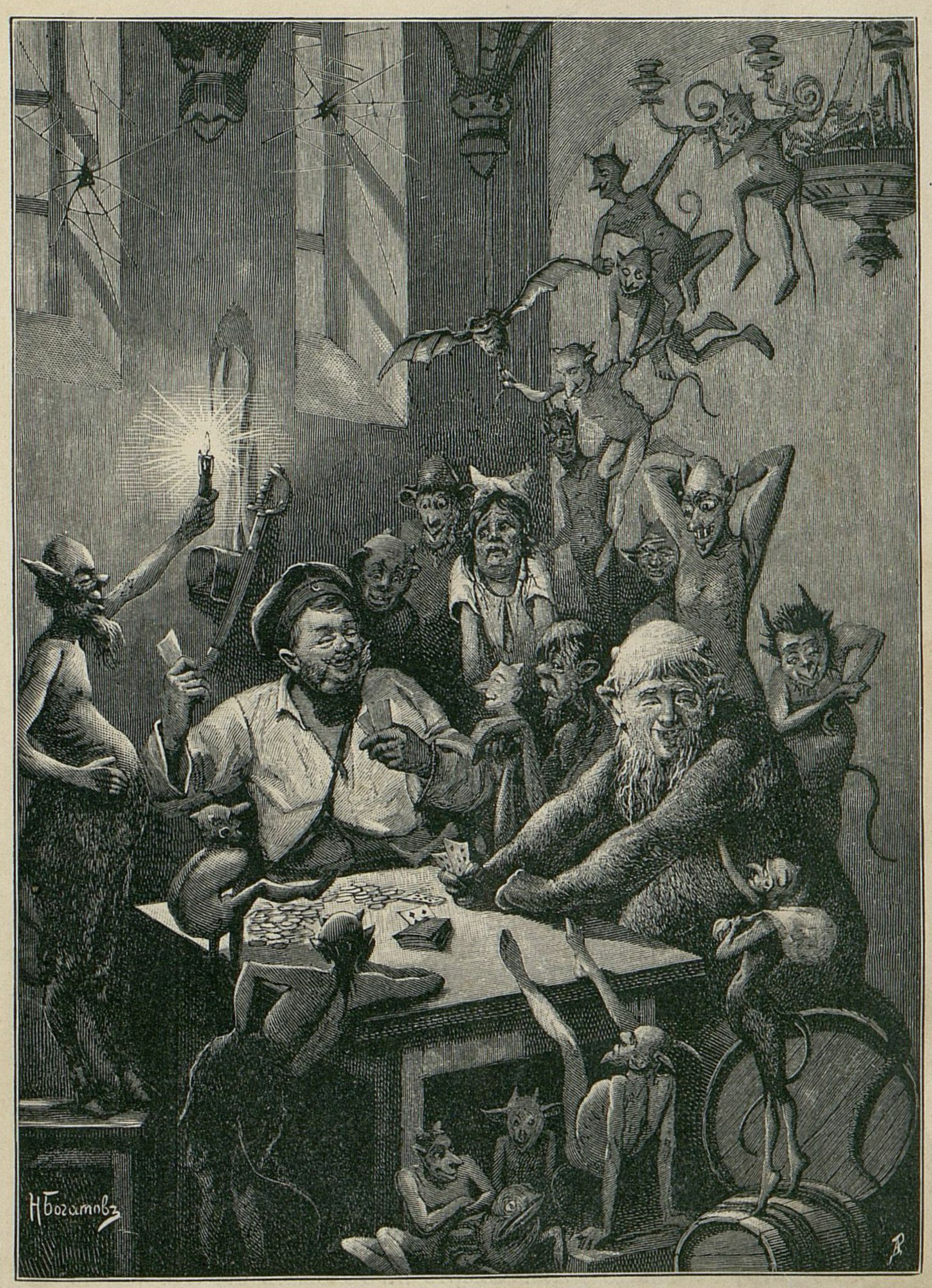
Солдатъ не долго сталъ раздумывать: развязалъ ранецъ, вынулъ оттуда запасный мундиръ, надѣлъ его, заслуженную медаль прицѣпилъ и явился къ царю. «Ваше царское величество!—говоритъ.—Позвольте мнѣ въ вашемъ пустомъ дворцѣ одну ночь переночевать.»—«Что ты, служивый!—говоритъ ему царь.—Богъ съ тобой! Много смѣльчаковъ бралось ночевать въ этомъ дворцѣ, да никто живъ не вернулся. Да ты знаешь-ли, что во дворцѣ творится?»—«Знаю все, ваше величество! Да вѣдь русскій солдатъ въ огнѣ не горитъ, въ водѣ не тонетъ. Служилъ я Богу и бѣлому царю двадцать пять лѣтъ, въ сраженьяхъ бывалъ, турку

бивалъ, да вотъ же живъ остался; а то за одну ночь у тебя помру!» Сколько ни уговаривалъ царь солдата, тотъ все на своемъ стоитъ. «Ну,—говоритъ царь,—ступай съ Богомъ, ночуй, если хочешь; я съ тебя воли не снимаю.»

Вечеромъ пришелъ солдатъ во дворецъ и расположился въ самой большой палатѣ: снялъ съ себя ранецъ и въ уголокъ поставилъ, сумку съ саблей на стѣнку повѣсилъ; сѣлъ за столъ, рядомъ съ собой котомку положилъ, набилъ трубочку,— сидитъ да покуриваетъ. Ровно въ полночь загудѣло, завыло, поднялся во дворцѣ шумъ и гамъ. Откуда ни возьмись, набѣжало чертей видимо-невидимо: скачутъ, свистятъ, кричатъ — оглушили солдата совсѣмъ. «А, и ты, служивый, здѣсь!—завопили черти, какъ увидали солдата.—Зачѣмъ пожаловалъ? Не хочешь-ли съ нами въ карты поиграть?» — «Отчего не хотѣть, — говоритъ солдатъ. — Только, чуръ, играть моими картами: вашимъ я не вѣрю.» Черти согласились. Вынулъ солдатъ свои карты и сталъ сдавать. Разъ съиграли,—солдатъ выигралъ; въ другой,—опять солдатъ выигралъ... Сколько ни ухитрялись черти, сколько ни плутовали, а всѣ деньги спустили солдату. Забралъ солдатъ цѣлую кучу золота и говоритъ чертямъ: «Будетъ, что-ли? Или отъигрываться хотите?» Черти порѣшили отъиграться. «Постой, служивый!—кричатъ ему.—Есть у насъ въ запасѣ еще шестьдесятъ четвериковъ серебра, да сорокъ четвериковъ золота.» И приказалъ старшо́й чертъ, лысый дѣдушка, маленькому чертенку таскать сначала серебро. Сѣли опять играть,— опять солдатъ объигрываетъ. Чертенокъ таскалъ-таскалъ, все серебро перетаскалъ, умаялся, и говоритъ старшо́му, лысому дѣдушкѣ: «Дѣдушка! Больше нѣту.»—«Таскай, пострѣлъ, золото!» Принялся чертенокъ за золото, перетаскалъ всѣ мѣшки, цѣлый уголъ завалилъ, и золото выигралъ солдатъ. «Дѣдушка! Больше нѣту!»—говоритъ чертенокъ старшо́му. «Играй въ долгъ, послѣ отдадимъ!»—кричатъ черти солдату.—«Да въ долгъ я и мѣднаго гроша вамъ не повѣрю,»—говоритъ солдатъ. Жалко стало чертямъ своихъ денегъ, да и обидно, что солдату такое счастье везло. Стали черти приступать къ нему, да какъ заревутъ: «Разорвемъ его, братцы! Съѣдимъ его!»—«Еще посмотримъ, кто кого

съѣстъ,»—говоритъ солдатъ. Схватилъ онъ свою котомку, распахнулъ и спрашиваетъ: «А это что?»—«Котомка,»—говорятъ черти.—«А если котомка, — полѣзайте въ нее!» Только вымолвилъ эти слова, и полѣзли черти въ котомку. Лѣзли, лѣзли, набились, какъ сельди въ боченкѣ, пищатъ, давятъ другъ друга. Когда всѣ влѣзли, солдатъ завязалъ котомку покрѣпче и повѣсилъ на гвоздь, а самъ сталъ золото да серебро пересчитывать.

Поутру посылаетъ царь своихъ людей: «Ступайте, провѣдайте, что съ солдатомъ дѣется? Коли разорвала его нечистая сила, такъ приберите его косточки.» Вошли царедворцы во дворецъ, смотрятъ—и глазамъ не вѣрятъ: солдатъ по горницамъ похаживаетъ да трубочку покуриваетъ. «Здорово, служивый! Не чаяли тебя въ живыхъ видѣть. Ну, какъ ночевалъ, какъ съ чертями поладилъ?»—«Что черти! Вы посмотрите-ка лучше, какую уйму серебра да золота я у нихъ выигралъ!» Посмотрѣли царскіе люди и еще больше вздивовались, а солдатъ имъ наказываетъ: «Приведите, братцы, поживѣе, двухъ кузнецовъ, да пусть наковальню и два молота захватятъ.» Сказано-сдѣлано. Пришли кузнецы съ наковальнею и съ молотами. «Ну-ка,—говоритъ солдатъ,—снимите эту котомку, да пріударьте ее по кузнечному.» Стали кузнецы снимать котомку со стѣны и говорятъ промежь себя: «Ишь, какая тяжелая! Черти, что-ли, въ ней напиханы?» А черти откликаются: «Мы, батюшки! Мы, родимые!» Кузнецы поставили наковальню, положили на нее котомку, да какъ пріударятъ по ней молотами по-кузнечному... Жутко пришлось чертямъ, не въ моготу стало терпѣть и стали они вопить: «Смилуйся, служивый! Выпусти на вольный свѣтъ! По вѣкъ тебя не забудемъ, а ужь сюда больше ни ногой, всѣмъ закажемъ, за сто верстъ обѣгать будемъ!»—«Стойте!»—говоритъ солдатъ кузнецамъ. Развязалъ онъ котомку; черти такъ и прыснули, повыскакали всѣ и безъ оглядки бросились бѣжать домой—въ преисподнюю. А солдатъ не промахъ: ухватилъ старшого черта, дѣдушку лысаго, за ногу и говоритъ: «Постой, погоди, лысый чертъ, давай сперва мнѣ росписку, что будешь мнѣ вѣрно служить.» Нечего дѣлать: укололъ себѣ лапу чертъ и кровью написалъ росписку. Спряталъ солдатъ росписку и отпустилъ черта, а самъ пошелъ къ царю.

«Дѣдушка, больше нѣту!»

— Молодецъ, служивый!—говоритъ царь солдату.—Спасибо тебѣ.—«Радъ стараться, ваше величество!»—отвѣчаетъ солдатъ. Царь наградилъ его за службу и оставилъ жить при себѣ. И сталъ солдатъ жить-поживать безъ нужды и заботъ: всего у него вдоволь, денегъ куры не клюютъ, люди ему въ поясъ кланяются. Задумалъ онъ жениться; пріискалъ себѣ невѣсту, съигралъ свадьбу, а черезъ годъ и сынъ у него родился. Разъ приключилась мальчику хворь; много лекарей перебывало, много лекарствъ перепробовали, а все толку нѣтъ: только даромъ деньги солдатъ платилъ. Вспомнилъ тогда онъ, что чертъ, дѣдушка лысый, далъ ему когда-то росписку на вѣрную службу. Нашелъ онъ эту росписку и сказалъ: «А ну-ка, лысый чертъ, стань передо мной, какъ листъ передъ травой, посмотримъ, какъ ты слово свое сдержишь.» А чертъ тутъ какъ тутъ. «Здравствуй, служба! Что твоей милости угодно?»—«Да вотъ что: сынишка у меня что-то прихворнулъ, такъ не возмешься ли его вылечить?» — «Отчего не взяться. Первымъ долгомъ давай мнѣ стаканъ.» Солдатъ подалъ. Чертъ налилъ воды въ стаканъ, поставилъ больному въ головахъ и говоритъ солдату: «Поди-ка, посмотри на воду.» Солдатъ смотритъ въ стаканъ, а чертъ его спрашиваетъ: «Ну, что видишь?»—«Вижу, Смерть стоитъ.» — «Гдѣ?» — «У сына въ ногахъ.» — «Ну, коли въ ногахъ, такъ ладно: будетъ здоровъ, а если-бы въ головахъ стояла, — непремѣнно бы померъ. Теперь возьми воды изъ стакана и брызни на больного.» Солдатъ такъ и сдѣлалъ, и мальчикъ выздоровѣлъ въ ту же минуту. «Спасибо за науку,»—сказалъ солдатъ, и отдалъ черту росписку. «Теперь я лекаремъ буду,—говоритъ,—народъ буду пользовать.» И сталъ солдатъ лечить князей, бояръ и простой народъ: только посмотритъ въ стаканъ, сейчасъ же и узнаетъ, кому помереть, кому выздоровѣть. Вошелъ солдатъ въ великую славу: издалека къ нему лечиться пріѣзжали, а побогаче люди къ себѣ на домъ приглашали.

Разъ случилось самому царю захворать. Онъ къ лекарямъ и обращаться не сталъ, а прямо послалъ за солдатомъ. Явился солдатъ, налилъ въ стаканъ воды, поставилъ царю въ головахъ и посмотрѣлъ. Плохо дѣло! Смерть въ головахъ стоитъ. «Ваше

величество! Никто васъ не можетъ вылечить. Самую малость вамъ жить осталось.» Разгнѣвался царь на эти слова. «Какъ такъ? Князей-бояръ ты вылечивалъ, а меня, царя, не хочешь вылечить! Да развѣ я хуже ихъ? Сейчасъ велю тебя казнить!» Сталъ солдатъ думать крѣпкую думу: какъ ему быть? И началъ онъ просить Смерть: «Отдай ты царю мой вѣкъ, а меня умори! Лучше мнѣ помереть своей смертью, чѣмъ лютую казнь претерпѣть.» Смерть кивнула головой и стала въ ногахъ у царя. Тутъ солдатъ взялъ воды, сбрызнулъ царя—и тотъ выздоровѣлъ. Сталъ тутъ солдатъ проситься у Смерти: «Дай мнѣ сроку хоть на три часа, только домой сходить, съ женой, съ сыномъ проститься.»—«Ступай,»—говоритъ Смерть.

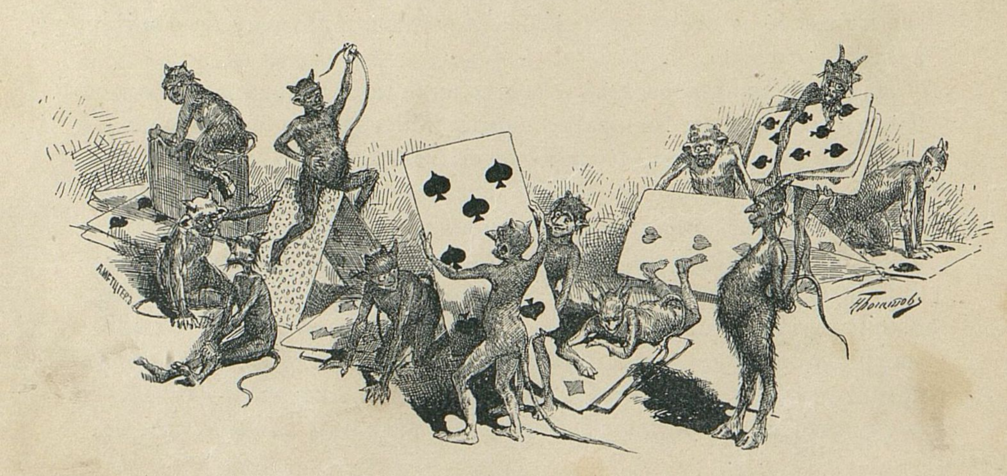
Пришелъ солдатъ домой, легъ на кровать, а подъ голову свою котомку положилъ; лежитъ-полеживаетъ да трубочку покуриваетъ. Вдругъ—Смерть тутъ и есть. «Ну, служивый,—говоритъ,—прощайся скорѣе: всего три минуточки осталось тебѣ жить на бѣломъ свѣтѣ.» Солдатъ потянулся, досталъ изъ-подъ подушки котомку, распахнулъ ее и спрашиваетъ: «А это что?» Поглядѣла Смерть и отвѣчаетъ: «Котомка.»—«А коли котомка,—полѣзай въ нее!» Нечего дѣлать: влѣзла Смерть въ котомку. Солдатъ,—куда хворь его дѣвалась, — вскочилъ съ кровати, завязалъ котомку крѣпко-накрѣпко, вскинулъ ее на плечи и пошелъ въ дремучіе лѣса. Забрался въ самую непросвѣтную глушь, куда и звѣрь не зарыскивалъ, и птица не залетывала, повѣсилъ котомку на осинѣ, а самъ воротился домой.

Съ той поры пересталъ народъ помирать: родиться — рождаются люди, а не помираетъ никто. Много лѣтъ прошло, солдатъ все котомки со Смертью не снимаетъ. Идетъ онъ разъ по улицѣ, а навстрѣчу ему бредетъ древняя-древняя старушка: глазами ничего не видитъ, волосы повылѣзли, зубы повывалились, руки, ноги трясутся, въ которую сторону вѣтеръ подуетъ, въ ту и валится. «Вишь, какая старая,—говоритъ солдатъ.—Давно пора помирать тебѣ, бабушка.» — «Сама знаю, что пора, батюшка,—говоритъ старуха.—Я бы и рада на покой, да безъ Смерти земля не принимаетъ. Какъ посадилъ ты Смерть въ котомку,—оставалось всего моего житья на бѣломъ свѣтѣ одинъ только часъ. Я

было сначала и обрадовалась пожить подольше; да подъ старость—жизнь не на радость. И тебѣ, служивый, это отъ Бога непрощеный грѣхъ! Много душъ на этомъ свѣтѣ по твоей милости такъ-же, какъ я, ни къ чему мучаются.» Вотъ солдатъ и сталъ думать: «Видно, придется мнѣ Смерть на волю выпустить. Ужь пускай уморитъ меня; и безъ того на мнѣ грѣховъ много.»

Собрался солдатъ и пошелъ въ дремучіе лѣса. Подходитъ къ осинѣ и видитъ: виситъ котомка попрежнему и качаетъ ее вѣтромъ въ разныя стороны. «Здорово, Смерть!—говоритъ солдатъ.—Что ты, жива еще?»—«Жива, батюшка,» — отзывается Смерть чуть слышно изъ котомки. Снялъ солдатъ котомку, развязалъ и выпустилъ Смерть на волю. «Теперь, — говоритъ, — я въ твоей волѣ, бери меня, коли хочешь!» Куда тебѣ! Бросилась Смерть бѣжать со всѣхъ ногъ, куда глаза глядятъ,—кричитъ: «Пускай тебя кто хочетъ моритъ, а я не стану!» Только солдатъ ее и видѣлъ.

Воротился солдатъ домой и сталъ жить-поживать на бѣломъ свѣтѣ. Жилъ, жилъ, даже надоѣло, думалось, и конца не будетъ, да вотъ недавно полѣзъ, пьяный, въ подвалъ за виномъ, свалился съ крутой лѣстницы—и сломалъ себѣ шею вовсе. Ну, безъ головы, какъ ни вертись, а жить нельзя. Тутъ его Смерти волей-неволей ужь пришлось взять.

Золотой хлѣбъ.

Была у старухи-вдовы дочка. Хоть собой дѣвушка была красавица-писаная, за то горда, на богатство да на почести завистлива и безжалостна,—точно бѣдности никогда ей и близко видѣть не приходилось. Хоть жили онѣ съ матерью въ плохихъ достаткахъ, а женихи у дѣвушки изъ-за ея красоты не переводились. Только по нраву ей ни одинъ не пришелся: этотъ собой нехорошъ, этотъ небогатъ, тотъ неуменъ, а тотъ и всѣмъ бы взялъ— да изъ мужицкаго рода. Точно сама—не крестьянка была.

Лежитъ разъ ночью старуха, не спится ей; смотритъ, дочка чего то такъ весело во снѣ улыбается. На утро мать и спрашиваетъ ее: «Что это ты, дочка, ныньче во снѣ улыбалась? Видно, сонъ веселый видѣла?» А та ей: «Хорошій, матушка, сонъ мнѣ приснился: будто, пріѣхалъ къ намъ въ мѣдной каретѣ чужестранный бояринъ, подарилъ мнѣ серьги съ самоцвѣтными камнями и взялъ за себя замужъ. А какъ въ церкви мы съ нимъ вѣнчались, народъ только и смотрѣлъ, что на образа̀ да на меня.»—«Охъ, много въ тебѣ гордости, дочка,»—говоритъ старуха.

Въ самый тотъ день пріѣхалъ свататься къ дѣвушкѣ добрый молодецъ, богатаго мельника сынъ, и говоритъ ей: «Хочешь, красавица, со мной жить, мой крестьянскій хлѣбъ ѣсть.» А она ему: «Не за всякаго боярина пойду, не то, что за тебя, сиволапаго!»

На другую ночь приснился дѣвушкѣ сонъ, будто пріѣхалъ къ нимъ чужеземный князь въ серебряной каретѣ, подарилъ ей драгоцѣнное ожерелье да платье изъ серебряной парчи и взялъ

за себя замужъ. А въ церкви народъ, будто, больше на нее оборачивался, чѣмъ на образа̀ смотрѣлъ.

И вправду, посватался за нее въ тотъ же день молодой бояринъ.—«Полюбилась,—говоритъ онъ старухѣ,—мнѣ твоя дочка. Хочу, чтобы была моей женой.» А дѣвушка ему: «Меня князь съ охотою замужъ бы взялъ, да и то я еще подумаю.»

На третье утро разсказала дѣвушка матери, что снился ей сонъ, будто пріѣхалъ къ нимъ въ золотой каретѣ чужеземный королевичъ, подарилъ ей весь уборъ изъ золота съ жемчугами да золотое платье, и взялъ ее замужъ. А въ церкви, будто, народъ все время только на нее и смотрѣлъ. «Охъ, дитятко,—говоритъ старуха,—сколько въ тебѣ гордости. Да и жемчугъ во снѣ видѣть—не къ добру, къ слезамъ.»

Только успѣла это старуха вымолвить, подъѣзжаютъ къ ихъ избушкѣ три кареты: одна золотая—шестерикомъ, другая серебряная—четверикомъ, а третья мѣдная—парою вороныхъ коней запряжены. Изъ каретъ вышелъ чужеземный молодой королевичъ съ двумя своими боярами и вошелъ въ избушку.—«Здравствуй, дѣвица,—говоритъ королевичъ;—и до меня дошла вѣсть о твоей красотѣ. Хочешь выйти за меня замужъ, со мною въ моемъ королевствѣ жить, мой королевскій золотой хлѣбъ ѣсть?» И подалъ дѣвицѣ весь уборъ изъ дорогихъ камней и платье золотой парчи. Хотѣла было мать спросить жениха, изъ какого государства онъ королевичъ и почему онъ свой хлѣбъ золотымъ называетъ,—дочка ей и слова вымолвить не дала. «Согласна,—говоритъ,—за тебя замужъ выйти и твой хлѣбъ ѣсть, каковъ-бы онъ ни былъ.» Сѣла съ королевичемъ въ золотую карету, даже у матери благословенья не попросила, не простилась со старухой,—и поѣхали.

Подхватили карету вороные кони; помчали—только пыль столбомъ. Ничего кругомъ не видно, тьма кромѣшная. И чудится дѣвицѣ, будто, карета куда-то все внизъ да внизъ спускается, а кругомъ, будто, огоньки малые мелькаютъ. «Куда это мы ѣдемъ, суженый?»—спрашиваетъ она жениха. А тотъ смѣется: «Не бойся,—говоритъ,—сейчасъ пріѣдемъ.» Остановилась карета на широкой полянѣ, вышла дѣвица и видитъ: стоитъ передъ ней дворецъ—

весь изъ чистаго золота, съ серебряной крышей, въ окошкахъ, вмѣсто стеколъ, самоцвѣтные камни вставлены—какъ жаръ горятъ, все вокругъ освѣщаютъ, а кругомъ, будто, костры пылаютъ, котлы кипятъ, стонъ, крикъ и вопли слышатся.

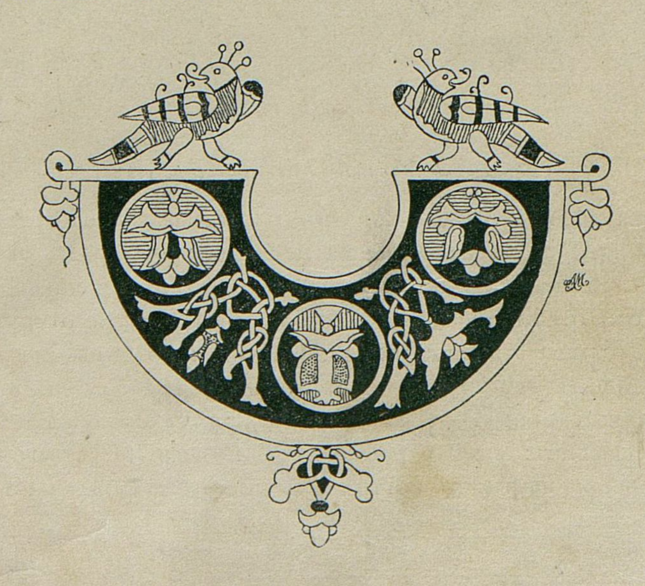

«Здравствуй, дѣвица!»— говоритъ королевичъ.

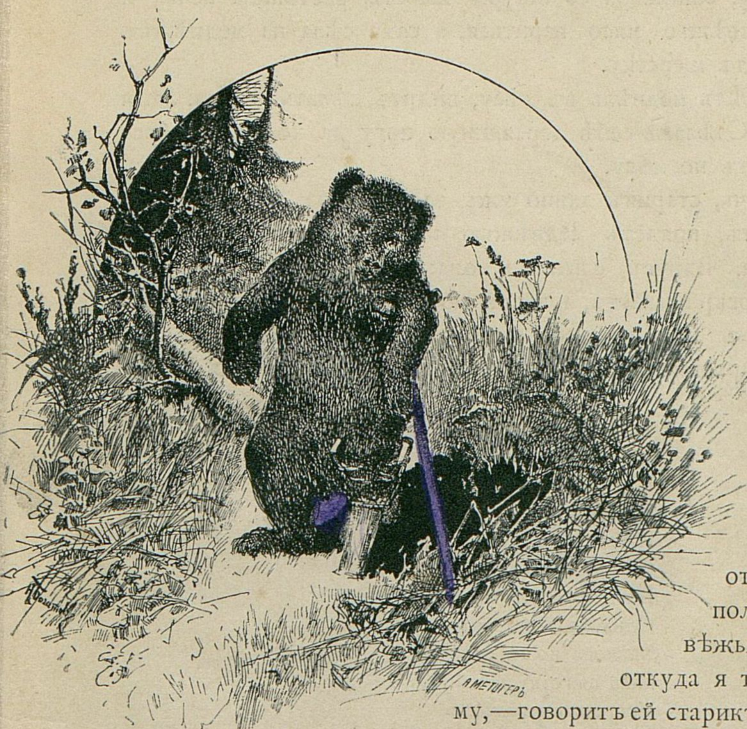
Вошла дѣвица съ женихомъ въ золотыя палаты. Посреди большой комнаты столъ накрытъ, на немъ золотыя блюда съ крышками наставлены. «Садись, красавица,—говоритъ женихъ,—моего хлѣба-соли отвѣдай.» Сѣли за столъ: блюда сами открываются, одно за однимъ къ нимъ пододвигаются. Смотритъ дѣвица: на одномъ блюдѣ все золото, на другомъ серебро кусками, на третьемъ—камни самоцвѣтные насыпаны; а женихъ ея—ужь не красавецъ-королевичъ: у него рога выросли, весь шерстью обросъ, ноги конскія, на рукахъ когти желѣзные, и ѣстъ онъ золото, какъ

хлѣбъ, самоцвѣтными камнями закусываетъ, на дѣвицу поглядываетъ да усмѣхается. Поняла она теперь, что къ самому нечистому въ адъ попала и взмолилась. «Выпусти меня,—говоритъ,—на бѣлый свѣтъ, не хочу я золота, дай кусокъ простого чернаго хлѣба, не то я съ голоду умру.» А тотъ ей: «Другаго у насъ хлѣба здѣсь нѣтъ, сама ты захотѣла со мной жить, мой золотой хлѣбъ ѣсть. Съ голоду тебѣ умереть нельзя: у насъ здѣсь не умираютъ; будешь ты со мною жить и вѣчно о простомъ людскомъ хлѣбѣ мучиться. А выпускать тебя на вольный бѣлый свѣтъ я буду въ годъ два раза на два часа: передъ великими людскими праздниками, чтобы ты не забыла, какъ люди живутъ, многаго не желаютъ, розговѣнью радуются.»

И живетъ съ той поры дѣвица у нечистаго—только на золото да на самоцвѣтные камни смотритъ, да муки грѣшниковъ слышитъ. Выпускаетъ онъ ее на вольный бѣлый свѣтъ лишь въ ночь подъ Рождество да подъ Свѣтлый Праздникъ, и ходитъ она по землѣ каждый разъ два часа, у православныхъ подъ окнами стучится, куска чернаго хлѣба Христовымъ именемъ проситъ. А прочее время у нея нѣтъ ничего кромѣ золота — чего ей пуще всего на свѣтѣ хотѣлось, и нѣтъ къ ней жалости, которой у нея самой на землѣ не было.

Медвѣдь и старуха.

Взбрело на умъ, ни съ того ни съ сего, вздорной старухѣ медвѣжьяго мясца поѣсть. Пристала она къ старику неотвязно: вынь да положь ей медвѣжьяго мяса. «Да откуда я тебѣ его возьму,—говоритъ ей старикъ,—что я, охотникъ, что-ли; ни ружья у меня нѣту, ни собаки, ни рогатины. Пойду на медвѣдя съ топоромъ,—вѣдь онъ меня съѣстъ.» А старуха все свое: «Ступай за медвѣжьимъ мясомъ; хуже будетъ, какъ я тебѣ ухватомъ голову проломлю.» Что съ ней станешь дѣлать; собрался старикъ, заткнулъ за поясъ топоръ и пошелъ въ лѣсъ.

Ходилъ-ходилъ, бродилъ-бродилъ, глядь,—а подъ деревомъ здоровенный медвѣдище спитъ, лапы въ стороны раскинулъ, храпитъ на весь лѣсъ. Подкрался старикъ изъ-за куста, тяпъ, — и отрубилъ ему заднюю лапу. Какъ заревѣтъ медвѣдь, а старикъ бросилъ съ перепугу топоръ, схватилъ медвѣжью лапу въ охапку,—и давай Богъ ноги.

Прибѣжалъ старикъ домой, отдалъ лапу старухѣ и забился самъ на печь, сидитъ: жалко ему медвѣдя. А старуха ободрала съ лапы шкуру, сощипала со шкуры шерсть, растопила печку и поставила медвѣжье мясо вариться, а сама сѣла на медвѣжью кожу и прядетъ шерстку.

Ревѣлъ-ревѣлъ медвѣдь въ лѣсу, видитъ, дѣлать нечего: лапы не воротишь. Сдѣлалъ себѣ деревянную ногу да костыль и бредетъ, ковыляетъ по лѣсу.

Пришла ночь, старикъ давно ужь заснулъ на печкѣ, а старуха все сидитъ, прядетъ медвѣжью шерстку да ждетъ, когда лапа уварится. Вдругъ слышитъ она: кто-то идетъ по улицѣ, деревяшкой поскрипываетъ, клюкой постукиваетъ; выглянула въ оконце, да такъ и обмерла со страху: идетъ къ избѣ медвѣдь, клюкою подпирается. Подошелъ медвѣдь подъ окошко и заревѣлъ:

«Скрипу, скрипу, скрипу!
На липовой ногѣ,
На березовой клюкѣ!
И земля-то спитъ,
И вода-то спитъ;
Все по селамъ спитъ,
По деревнямъ спитъ,
Одна баба не спитъ,
На моей кожѣ сидитъ,
Мою шерстку прядетъ,
Мое мясо варитъ!...»

Не взвидѣла свѣту старуха; потушила огонь, открыла подполье да скорѣй туда и спряталась; сидитъ тамъ ни жива, ни мертва. А медвѣдь ужь въ сѣнцы ввалился, деревяшкой постукиваетъ, дверь съ петель сворачиваетъ; вломился въ избу, шагнулъ въ темнотѣ, да и бултыхъ въ подполье къ старухѣ.

Медвѣдь рычитъ, старуха кричитъ.... Проснулся старикъ и бросился на село, поскорѣе народъ скликать. Пока добудился, пока собрались люди; вошли въ избу, смотрятъ: а медвѣдь-то въ подпольѣ ужь старухины косточки догладываетъ. Ну, мишку убили, а старуху не воскресишь. Да не очень объ ней и жалѣли.

Горшеня.

Везъ мужикъ на базаръ горшки продавать,—и нагоняетъ его великій государь Петръ Алексѣевичъ. Придержалъ государь коня и говоритъ: «Здорово, горшеня! Миръ по дорогѣ.»—«И тебѣ, бояринъ, много лѣтъ здравствовать.» Не призналъ мужикъ государя, потому что и видѣть-то его не приходилось да и ѣздилъ царь Петръ Алексѣевичъ часто одинъ, безъ свиты, въ простомъ платьѣ,—правду на Руси да добрыхъ слугъ себѣ съискивать.

— Хорошо-ли, горшенюшка, торгуешь?—спрашиваетъ мужика государь.—«Да, слава Богу, бояринъ; иной годъ рублей сорокъ пользы остается.» — «Куда же ты столько денегъ дѣваешь?»—«Десять рублей—въ по́дать взношу, десять долгу плачу, десять взаймы даю, да десять въ окно кидаю.»—«Что-то, горшеня, непонятно.»—«Правду-то, бояринъ, не всякому понять. А ты смекни-ка: долгъ платить—отца съ матерью кормить, взаймы давать—сына воспитывать, за окно кидать,—дочь для чужой семьи ростить.»—«Такъ, горшенюшка, такъ.» — «Вотъ и живу, бояринъ; годъ-то прошелъ,—смотришь: безъ худа и остался.»—«Безъ какого худа?»—«Эхъ, бояринъ! Въ худѣ живете, а худа не видите: ужь что есть на свѣтѣ хуже денегъ. Изъ-за нихъ всѣ другъ другу завидуютъ, бранятся, одинъ другого грабитъ, убиваетъ. Завелась у убогаго нищаго въ котомкѣ мѣдная денежка,—смотри, и на ту чей нибудь глазъ зарится.» — «Не обидѣлъ Богъ тебя, горшенюшка, разумомъ! А видалъ ли когда того, кому четвертую-то часть пользы отдаешь?»—«Нѣтъ, бояринъ, гдѣ ужь намъ въ царевы ясныя очи глядѣть; не приводилось государя видѣть.»—«Такъ ты, горшенюшка, пожалуй, встрѣтишь царя,—не узнаешь да и опростоволосишься.»—«Какъ не узнать, бояринъ:

передъ царемъ-то, вѣдь, всякій съ дороги сходитъ, съ телѣги слѣзаетъ да шапку снимаетъ.»

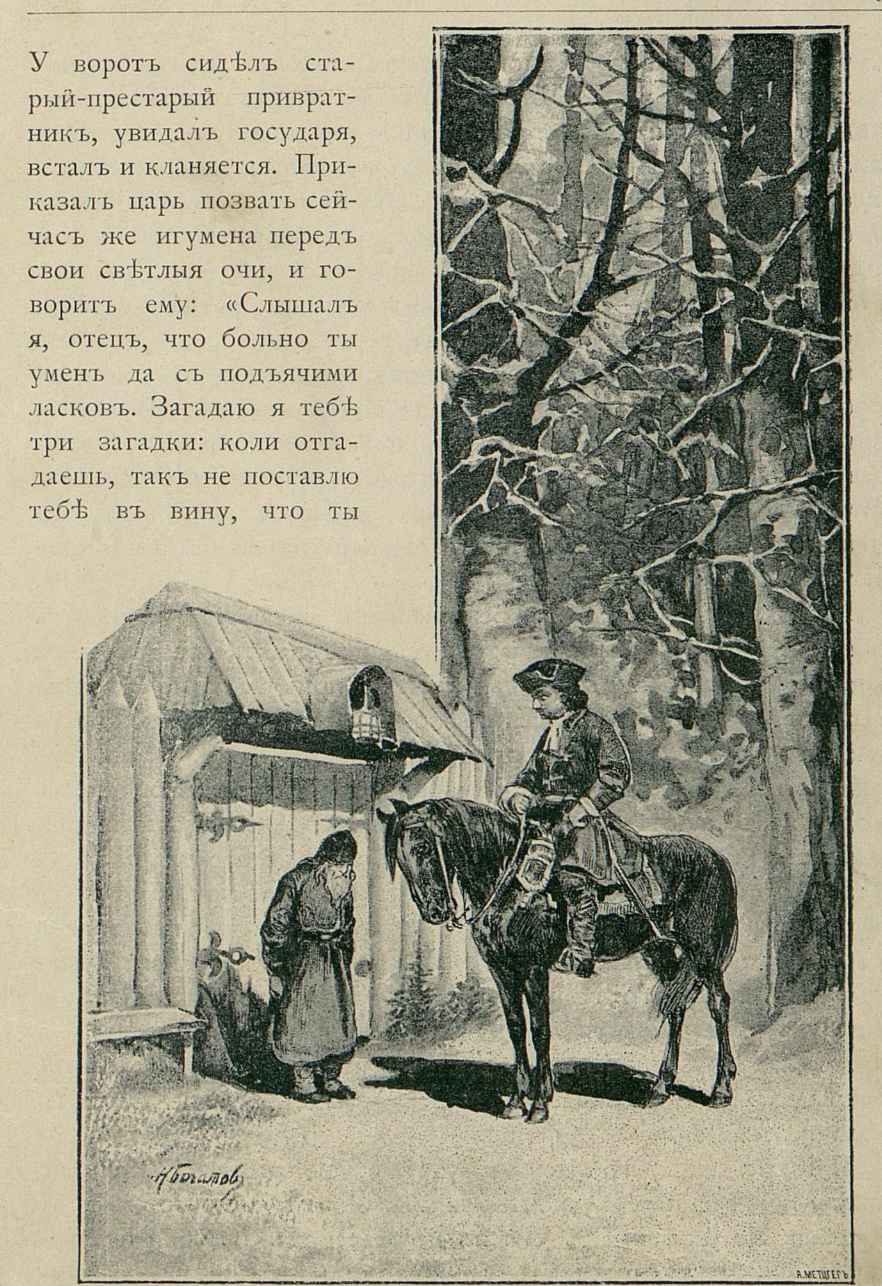
Какъ разъ на тотъ случай попадается имъ на встрѣчу боярскій обозъ. Запримѣтили царя, узнали — сейчасъ долой съ дороги, слѣзли съ лошадей, вышли бояринъ съ боярыней изъ кареты, слуги изъ повозокъ, поснимали шапки, стоятъ и кланяются. — «Ну что, горшенюшка, понялъ?»—спрашиваетъ государь мужика.—«Понялъ, бояринъ: либо ты—государь, либо—я. Оба мы не пѣшіе и въ шапкахъ, а всѣ передъ нами шапки ломаютъ да съ дороги сходятъ.» Засмѣялся великій государь Петръ Алексѣевичъ мужиковой уверткѣ, а тотъ слѣзъ съ телѣги, поклонился царю земно и говоритъ: «Прости, надежа-государь мои мужицкія шутки да глупыя прибаутки.»—«Богъ проститъ, горшенюшка.»

Поѣхали дальше,—горшеня около телѣги идетъ, а царь рядомъ ѣдетъ. «Есть тутъ въ вашей сторонѣ, — говоритъ царь,— монастырь, что «Безпечальнымъ» зовутъ, а въ томъ монастырѣ, будто-бы, игуменъ ужь больно умный?»—«Какъ этому монастырю, государь, безпечальнымъ не зваться: земли у него много, лѣса̀, пашни, рыбныя ловли, всего въ волю; сколько селъ да деревень къ нему приписано, и работаютъ теперь крестьяне на монастырь, какъ крѣпостные. А по правдѣ-то, государь,—мужики эти твои царскіе, вольные испоконъ вѣковъ были. Да и впрямь хитеръ-уменъ нынѣшній игуменъ: отсудилъ ихъ монастырю, не пожалѣлъ денегъ подъячимъ да судьямъ неправеднымъ.»—«Правду ли, мужикъ, говоришь,—строго спрашиваетъ государь.—Не по злобѣ-ли? Смотри: у меня ложному доносщику—первый кнутъ.»—«Правду истинную, какъ передъ Богомъ, такъ и передъ тобою, великій государь.»

— Ну,—говоритъ царь, — прощай, умный горшеня. Поѣду я теперь въ этотъ Безпечальный монастырь, посмотрю на игумена. Коли и вправду уменъ, а не хитеръ только, хоть и виноватъ— помилую. Мнѣ умные люди надобны.» Хлестнулъ государь коня и поѣхалъ шибко отъ горшени.

Ѣхалъ долго-ли, коротко-ли и подъѣзжаетъ къ монастырю. А монастырь былъ старинный и стоялъ въ глухомъ бору.

У воротъ сидѣлъ старый-престарый привратникъ, увидалъ государя, всталъ и кланяется. Приказалъ царь позвать сейчасъ же игумена передъ свои свѣтлыя очи, и говоритъ ему: «Слышалъ я, отецъ, что больно ты уменъ да съ подъячими ласковъ. Загадаю я тебѣ три загадки: коли отгадаешь, такъ не поставлю тебѣ въ вину, что ты

Старый-престарый привратникъ увидалъ государя, всталъ и кланяется.

неправдою къ монастырю моихъ государевыхъ вольныхъ мужиковъ приписалъ, хоть и отберу ихъ: не слѣдъ монахамъ чужимъ трудомъ жить. А не отгадаешь,— не помилую. Вотъ тебѣ загадки: первая: *сколько звѣздъ на небѣ*, вторая: *чего я, русскій царь, стою*, и третья: *что я думаю*. Даю тебѣ сроку до завтрашняго дня. Теперь поѣду я въ городъ, разберу, что съ тобою подъячіе напутали, а буду назадъ ворочаться,—будешь ты мнѣ и отвѣтъ держать.»—Хлестнулъ коня и уѣхалъ, а игуменъ остался у воротъ ни живъ, ни мертвъ со страху.

По сказанному, какъ по писанному, разобралъ государь въ городѣ все дѣло: плутовъ судей да подъячихъ, что совѣсть и присягу продавали, не помиловалъ, и поѣхалъ обратно. А горшеня продалъ на базарѣ свой товаръ съ барышкомъ и думаетъ: «Что-то теперь въ нашемъ монастырѣ дѣлается, не заѣхать ли отца игумена утѣшить: грозенъ, молъ, царь да милостивъ Богъ.» И поѣхалъ.

Пріѣзжаетъ горшеня въ Безпечальный монастырь и видитъ въ монастырѣ печаль великую: сидитъ игуменъ съ братьею, надъ царевыми загадками думаютъ,—ничего придумать не могутъ. «Что, отецъ игуменъ, не веселъ, голову повѣсилъ,»—спрашиваетъ мужикъ. И разсказалъ ему игуменъ свое горе. Подумалъ горшеня и говоритъ: «А вѣдь загадки-то эти я разгадаю.» Сталъ его игуменъ просить-молить, чтобы горю пособить, горшеня отказывается: «Боюсь,—говоритъ, — впутываться: это дѣло государево; твой, вѣдь, разумъ царь испытываетъ, а не мой.» Посулилъ ему игуменъ за помощь сто рублей, сейчасъ и деньги принесъ все серебряными рублевиками, насильно въ руки суетъ. Поглядѣлъ мужикъ на деньги, еще подумалъ и говоритъ: «Ну ладно: выручу я тебя. Ложись теперь спать: утро вечера мудренѣе, а завтра, какъ пріѣдетъ государь, одѣну я твое игуменское платье и выйду къ нему за тебя.» Игуменъ и радъ—боится царю на глаза показаться.

Пріѣхалъ на другой день государь къ монастырю, сумрачный, зоветъ игумена передъ свои грозныя очи. А вышелъ-то къ нему горшеня. Не узналъ царь его въ монашескомъ одѣяніи и спрашиваетъ: «Ну что, разгадалъ, старикъ, мои загадки?» — «Разга-

далъ, государь. Первая твоя загадка: сколько звѣздъ на небѣ. Столько ихъ, государь, сколько вотъ въ этомъ возу маковыхъ зеренъ, да еще въ Большой Медвѣдицѣ—семь звѣздъ.»

А около воротъ стоялъ возъ съ макомъ, привезли его въ монастырь на мельницу, масло изъ мака жать.

— Не правда это!»—говоритъ царь.—«А вотъ провѣрь, перечти, государь: такъ точно выйдетъ. Вторая твоя загадка: чего ты сто́ишь. Іисуса Христа, Царя нашего Небеснаго, жиды въ тридцать сребренниковъ, говорятъ, оцѣнили. Ну, по этому судя, за тебя, земнаго царя, все-таки больше двадцати девяти нельзя дать.»

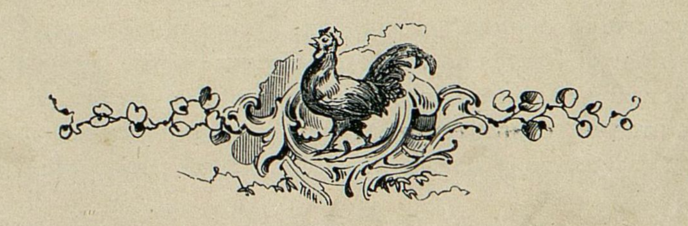
Улыбнулся царь. «Ловко сказано. Не даромъ тебя, игуменъ, умнымъ величаютъ.»

— А третья твоя загадка,—говоритъ горшеня:—что̀ ты, государь, думаешь. Думаешь ты, государь, что я — игуменъ, анъ нѣтъ: я тотъ самый горшеня, съ которымъ ты вчера дорогою ѣхалъ.

Узналъ его царь и разсмѣялся: «Ну, ловокъ ты, горшеня! А все-таки не хвалю тебя: не слѣдъ тебѣ не въ свое дѣло соваться.»—«И самъ я такъ думалъ, государь,—говоритъ мужикъ,—да твое же царское лицо меня съ пути сбило.»—«Какъ такъ?»—«Да вотъ какъ, государь,»—и вынулъ горшеня изъ кармана сто рублей, что ему игуменъ далъ. А на рублевикахъ то, вѣдь, царскій портретъ выбитъ.

— Ну, Богъ съ тобой,—говоритъ государь:—ради твоего ума и съ тебя не взыщу и игумена помилую. Умѣлъ ты, горшеня, ловко отвѣтъ держать, умѣй хорошо и дѣло дѣлать. Сбирайся и явись ко мнѣ въ столицу. Посажу я тебя съ хитрыми иноземными послами рѣчь вести, нашу царскую пользу блюсти.»

Такъ-то сталъ жить горшеня въ столицѣ, вѣрно царскую службу править и дослужился до большихъ чиновъ.

Хитрая наука.

Жили-были дѣдъ да баба, а у нихъ былъ сынъ. Старику очень хотѣлось отдать сына въ науку, чтобъ смолоду былъ родителямъ на утѣху, подъ старость на успокоеніе, а по смерти на поминъ души. Да что станешь дѣлать, коли достатку нѣтъ? Водилъ старикъ сына по городамъ, по селамъ— авось возьметъ кто въ ученье. Нѣтъ, никто не берется учить даромъ. Воротился старикъ домой, потужили они со старухой, погоревали о своей бѣдности — и повели опять сына въ городъ. Только пришли они въ городъ, попадается имъ навстрѣчу горбатый старикъ, въ боярскомъ платьи, и спрашиваетъ: «Что, старичокъ, пригорюнился?»—«Какъ мнѣ не пригорюниться,—говоритъ дѣдъ:—водилъ, водилъ сына, никто задаромъ не беретъ въ науку, а денегъ нѣтъ, платить нечѣмъ.»—«Да отдай его мнѣ: я въ три года выучу его всякимъ хитростямъ. А черезъ три года, въ этотъ самый день и часъ, приходи за сыномъ. Да смотри: если не просрочишь, придешь во̀ время и узнаешь сына—возьмешь его назадъ; а если просрочишь или не узнаешь—то оставаться ему у меня.» Дѣдъ такъ обрадовался, что и не спросилъ: кто такой встрѣчный, гдѣ живетъ, чему будетъ учить сына? А встрѣчный-то былъ колдунъ.

Вотъ прошли три года. Старикъ и думать забылъ, въ какой день и часъ отдалъ сына въ науку. А сынъ за день до срока прилетѣлъ къ нему малой пташкою, ударился о завалинку и вошелъ въ избу добрымъ молодцомъ. Поклонился отцу и говоритъ: «Батюшка! Завтра сравняется моему ученью три года; не замѣшкайся, приходи за мною.»—«Сынокъ мой милый! Ишь ты, научился птицей обертываться. Какъ мнѣ тебя узнать?»—«А я научу. У хозяина не я одинъ въ наукѣ; кромѣ меня у него один-

надцать добрыхъ молодцовъ. Тѣ навсегда при немъ остались, потому что родители не съумѣли ихъ признать; если и меня ты не признаешь, то я останусь у хозяина двѣнадцатымъ. Завтра, какъ придешь ты за мною, хозяинъ выпуститъ насъ всѣхъ бѣлыми голубями: перо въ перо, хвостъ въ хвостъ, голова въ голову—всѣ ровны. Вотъ ты и смотри: всѣ высоко станутъ летать, а я нѣтъ-нѣтъ да и возьму повыше всѣхъ. Послѣ выведетъ онъ двѣнадцать коней—всѣ одной масти, гривы на одну сторону, во всѣхъ статьяхъ ровны.

Попадается имъ навстрѣчу горбатый старикъ.

Какъ станешь ты проходить мимо тѣхъ коней, хорошенько примѣчай: всѣ будутъ смирно стоять, а я нѣтъ-нѣтъ да и топну правой ногой. Наконецъ выйдутъ къ тебѣ двѣнадцать добрыхъ молодцовъ—ростъ въ ростъ, волосъ въ волосъ, голосъ въ голосъ, всѣ на одно лицо и одежей равны. Какъ станешь проходить мимо тѣхъ молодцовъ, хорошенько вглядывайся. На правую щеку ко мнѣ нѣтъ-нѣтъ да и сядетъ малая мушка. То тебѣ примѣта вѣрная.» Распростился съ отцомъ, ударился о завалинку, обернулся птичкою и улетѣлъ восвояси.

Поутру дѣдъ всталъ, собрался и пошелъ за сыномъ. Приходитъ къ колдуну. «Ну, старикъ!—говоритъ колдунъ,—выучилъ я

твоего сына всякимъ хитростямъ. Только если не признаешь его, оставаться ему при мнѣ на вѣки вѣчные.» Выпустилъ колдунъ двѣнадцать бѣлыхъ голубей: «Узнавай, старикъ, своего!» — «Мудрено узнать: ишь, всѣ ровны.» Стали голуби летать, а одинъ все повыше другихъ забираетъ. Старикъ запримѣтилъ его и говоритъ: «Надо быть, это мой.»—«Узналъ, дѣдушка,»—говоритъ колдунъ. Потомъ вывелъ колдунъ двѣнадцать коней. Сталъ дѣдъ ходить вокругъ тѣхъ коней да приглядываться. Топнулъ одинъ конь правой ногой; старикъ сейчасъ же на него показалъ и говоритъ: «Надо быть, это мой.» — «Узналъ, дѣдушка,» — говоритъ колдунъ. Наконецъ явились двѣнадцать добрыхъ молодцовъ — ростъ въ ростъ, волосъ въ волосъ, голосъ въ голосъ, всѣ на одно лицо и одежей равны. Дѣдъ разъ прошелъ мимо тѣхъ молодцовъ — ничего не запримѣтилъ, въ другой прошелъ—тоже ничего, а какъ проходилъ въ третій разъ, увидалъ у одного молодца на правой щекѣ муху и говоритъ: «Надо быть, это мой.»—«Узналъ, узналъ, дѣдушка, — сказалъ колдунъ,—не своимъ умомъ дошелъ, а сынъ тебя научилъ, меня, колдуна, перехитрилъ.»

Взялъ старикъ сына и пошелъ съ нимъ домой. На ту пору скачутъ охотники, гонятъ звѣря краснаго, лисицу. «Батюшка!—говоритъ сынъ.—Я обернусь борзой собакой и схвачу лисицу. Какъ поѣдутъ охотники и станутъ отбивать звѣря, скажи имъ: «Господа охотники! У меня свой песъ, я тѣмъ голову свою кормлю.» Охотники захотятъ меня купить и будутъ давать тебѣ хорошія деньги. Ты меня и продай, а ошейника съ веревкой ни за что не отдавай.» Тотчасъ обернулся онъ борзой собакой, погнался за лисой и схватилъ ее. Наѣхали охотники. «Ахъ ты, старый!—кричатъ.— Зачѣмъ пришелъ сюда нашу охоту перенимать?»—«Господа охотники! У меня свой песъ, я тѣмъ голову свою кормлю.»—«Продай его намъ.»—«Купите.»—«Сколько хочешь?»—«Сто рублей.» Охотники и торговаться не стали, заплатили ему сто рублей и берутъ себѣ собаку, а старикъ снимаетъ съ нея ошейникъ и веревку. «Что жь ты веревку тащишь?»—«И, кормильцы, мое дѣло дорожное; оборвется на лаптяхъ оборка—навязать пригодится.»— «Ну, ладно, возьми себѣ,»—сказали охотники, накинули на со-

«Господа охотники! У меня свой песъ, я тѣмъ голову свою кормлю.»

баку свою привязь и ударили по лошадямъ. Ѣхали-ѣхали, глядь—бѣжитъ лисица; пустили за ней своихъ собакъ, тѣ гоняли-гоняли, никакъ догнать не могли. Вотъ и говоритъ одинъ охотникъ: «Пустимте, братцы, новую собаку.» Пустили, да только и видѣли: лиса бѣжитъ въ одну сторону, а собака въ другую; нагнала старика, ударилась о сырую землю и сдѣлалась молодцомъ попрежнему.

Пошелъ старикъ съ сыномъ дальше. Подходятъ къ озеру; охотники стрѣляютъ гусей, лебедей, сѣрыхъ утокъ. Летитъ стадо гусиное, и говоритъ сынъ отцу: «Батюшка! Я обернусь яснымъ соколомъ и стану хватать-побивать гусей; придутъ къ тебѣ охотники, начнутъ приставать, ты имъ скажи: «У меня свой соколъ есть, я тѣмъ голову свою кормлю.» Будутъ они торговать сокола—ты птицу продай, а путцевъ ни за что не отдавай.» Обернулся яснымъ соколомъ, поднялся выше стада гусинаго и сталъ гусей хватать-побивать, да на землю кидать. Старикъ едва въ кучу собирать поспѣваетъ. Какъ увидали охотники такую добычу, прибѣжали къ старику: «Ахъ ты, старый! Зачѣмъ пришелъ сюда нашу охоту перенимать?»—«Господа, охотники! У меня свой соколъ есть, я тѣмъ свою голову кормлю.» — «Не продашь-ли сокола?»—«Отчего не продать, купите!»—«А дорогъ?»—«Два ста рублей.» Охотники заплатили деньги и берутъ себѣ сокола, а старикъ путцы снимаетъ. «Что жь ты путцы снимаешь, аль жалко?»—«И, кормильцы, мое дѣло дорожное; оборвется на лаптишкахъ оборка—навязать пригодится.» Охотники не стали спорить и пошли выискивать дичь; долго-ли, коротко-ли,—летитъ стадо гусиное. «Пустимте, братцы, сокола!» Пустили, да только и видѣли. Соколъ поднялся повыше стада гусинаго и полетѣлъ вслѣдъ за старикомъ; нагналъ его, ударился о сырую землю и сдѣлался молодцомъ попрежнему. Воротились они домой и зажили себѣ припѣваючи.

Въ воскресенье говоритъ сынъ отцу: «Батюшка! Я обернусь нынче конемъ; смотри же, коня продавай, а уздечки не моги продавать; не-то домой не ворочусь.» Ударился о сырую землю, сдѣлался славнымъ конемъ, и повелъ его дѣдъ на базаръ продавать. Обступили старика торговые люди, все барышники:

тотъ даетъ дорого, другой даетъ дорого, а колдунъ тутъ же явился и даетъ дороже всѣхъ. Старикъ не призналъ его и продалъ ему сына, а уздечки не отдаетъ. «Какъ же я поведу коня?—говоритъ колдунъ.—Дай хоть до двора довести, а тамъ, пожалуй, бери уздечку: она мнѣ не въ корысть.» Тутъ всѣ барышники на старика накинулись: «Такъ не водится: продалъ коня—продалъ и уздечку.» Нечего дѣлать, отдалъ старикъ уздечку. Колдунъ привелъ коня къ себѣ на дворъ, поставилъ въ конюшню, крѣпко привязалъ къ кольцу и высоко притянулъ ему голову. Стоитъ конь на однихъ заднихъ ногахъ, переднія до земли не достаютъ.

— Ну, дочка,—говоритъ колдунъ, — вѣдь я купилъ нашего хитреца.»—«Гдѣ же онъ, батюшка?»—«На конюшнѣ стоитъ.» Дочь пришла посмотрѣть. Жалко ей стало добраго молодца, захотѣла она подлиннѣй отпустить поводъ, стала распутывать, а конь, какъ затрясъ головой, сбросилъ съ себя узду, вырвался и побѣжалъ по чисту полю. Бросилась дочь къ отцу: «Батюшка! Что я надѣлала! Вѣдь конь-то убѣжалъ.» Колдунъ ударился о сырую землю, обернулся сѣрымъ волкомъ и пустился въ погоню; вотъ близко, вотъ нагонитъ! Конь прибѣжалъ къ рѣкѣ, ударился о землю, обернулся ершомъ—и бултыхъ въ воду. А волкъ за нимъ щукою. Ершъ плылъ-плылъ водою, добрался къ плотамъ, гдѣ красныя дѣвицы бѣлье полоскали, перекинулся золотымъ колечкомъ и подкатился купеческой дочери прямо подъ руку. Купеческая дочь увидала колечко, подхватила и на пальчикъ надѣла. А колдунъ сдѣлался попрежнему человѣкомъ и пристаетъ къ ней: «Отдай мое золотое колечко!»—«Бери,»—говоритъ красная дѣвица, и бросила кольцо наземь. Какъ ударилось оно, въ ту минуту разсыпалось мелкимъ жемчугомъ. А колдунъ обернулся пѣтухомъ и бросился клевать жемчужныя зерна; пока онъ клевалъ, одно зерно перекинулось ястребомъ. Ястребъ тотчасъ взвился кверху, ударилъ съ налету и убилъ пѣтуха на смерть. Послѣ того обернулся ястребъ добрымъ молодцомъ.

Полюбился онъ купеческой дочери, и она ему полюбилась; женился на ней, и зажили они вдвоемъ весело да счастливо.

Лубокъ.

Жилъ мужикъ нахуторѣ, и звали его Никифоромъ. Семья у него—не велика, самъ четвертъ: жена, сынъ маленькій, да отецъ, старикъ старенькій. Выходитъ,—надо кормить четыре рта, а добытчикъ одинъ. Дѣдъ какой работникъ: руки-ноги ослабли, весь въ дугу согнулся,—задаромъ только хлѣбъ ѣстъ. Заѣла Никифора лихая нужда, бился-бился бѣднякъ—все самому куска не хватаетъ, и задумалъ онъ отвязаться отъ старика отца. Время было зимнее. Досталъ разъ мужикъ длинный большой лубокъ и говоритъ отцу. «Ну, старикъ, пойдемъ. Будетъ тебѣ на свѣтѣ маяться, чужой вѣкъ заѣдать. И тебѣ станетъ легче, а намъ безъ тебя вдвое.» Понялъ дѣдъ къ чему Никифоръ рѣчь ведетъ, молчитъ, да плачетъ, горькими слезами заливается. Взялъ Никифоръ, сынишку съ собой и повели они дѣда. Привели къ глубокому оврагу, посадилъ Никифоръ старика въ лубокъ и спустилъ внизъ. «Прощай, отецъ, не поминай насъ лихомъ.» Вздохнулъ Никифоръ, постоялъ не много и хотѣлъ идти домой, а сынишка дергаетъ его за рукавъ и говоритъ: «Тятя, а тятя, возьми лубокъ-то съ собой.»—«А на что онъ мнѣ?»—«Пригодится, тятя, возьми: когда будешь ты такимъ старенькимъ, какъ дѣдушка, посажу тебя въ него и внизъ скачу.» Схватился Никифоръ за голову и говоритъ: «Эхъ, видно, окаянный меня попуталъ. Спасибо, сынокъ, что дурака-отца уму разуму наставилъ.» Бросился въ оврагъ, вытащилъ старика, попросилъ у него прощенья и повелъ домой. Съ той поры сталъ мужикъ кормить и покоить старика-отца до самой смерти.

Для составленія настоящаго **Полнаго Сборника Сказокъ Русскаго народа,** мы пользовались, кромѣ ненапечатанныхъ матерьяловъ, находящихся въ бумагахъ покойныхъ А. А. Гатцука и проф. О. М. Бодянскаго, между прочимъ, слѣдующими изданіями:

Авдѣева: Дѣтскія сказки. **Афанасьевъ:** Нар. Рус. легенды, Народныя Русскія сказки, Поэт. воззрѣніе Славянъ на природу. **Безсоновъ:** Дѣтскія сказки. **Бодянскій:** Наськы Украиньскы казкы запорозьця Иська Матырынкы. **Боричевскій:** Повѣсти и преданія народовъ слав. плем. **Броницынъ:** Рус. нар. сказки. **Буслаевъ** Рус. нар. поэзія., Истор. очер Рус. нар. словесн., Истор. Христом. **Валявецъ:** Хорутанскія и Словацкія сказки (Narodne pripovjedke, kupio Matija Valjavec) **Венцигъ:** Чешскія, Моравскія и Кошубскія сказки (Westslawische Merchenschatz). **Веселыя похожденія старинныхъ пошехонцевъ.** Изд. 1821 г. **Войцицкій:** Польскія сказки (Zarisy dowowe). **Врчевичъ:** Сербскія сказки (Српске народне проповјетке). **Глинскій:** Польскія сказки. **Даль:** Сказки казака Луганскаго, Пословицы Рус. нар., Картины: рус. быта. **Данилевскій:** Степныя сказки. **День** (журналъ). **Деревенская забавная старушка.** Изд. 1801. **Дмитріевъ** Опытъ собранія сказокъ Сѣверо-Западнаго края. **Добжинскій:** Славянскія сказки (Sloven. povesti). **Добровольскій:** Смоленскій Этнографическій Сборникъ. **Драгомановъ:** Малороссійскія народныя преданія и разсказы: **„Дѣдушкины прогулки“.** Изд. 1819 г. **Журналъ** Мин. Нар. Просв. (прибавленія). **Записки** Геогр. Общ. **Записки** Академіи Наукъ. **Калачовъ:** Архивъ ист.-юрид. свѣд. о Россіи. **„Калики перехожіе“,** Сборникъ народн. стиховъ. **Караджичъ:** Сербскія сказки (Српске народне проповјетке). **Кирша Даниловъ:** Древнія Рос. стихотв. **Киреевскій:** Пѣсни. **Костомаровъ:** Славян. Миѳол. **Касторскій:** Начерт. Рус. Миѳол. **Кулишъ:** Записки о Южной Россіи. **Кульда:** Моравскія сказки. **Лѣкарство** отъ задумч. и безсон. изд. 1819 г. **Лѣтописи** русск. литер. и древн. **Максимовичъ:** Русская Бесѣда. **Малый:** Чешскія сказки (Bibliotека zobavneho cteni) **Матица:** Србски лѣтописъ. **Манжура:** Сказки, пословицы и пр. (Сборникъ Харьковскаго Историко-Филолог. общества). **„Маякъ“** (журналъ). **Молодикъ** (малорус. альманахъ). **Мордовцевъ:** Малорус. литерат. сборн. **„Не любо — не слушай, а лгать не мѣшай“** изд. 1832 г. **Николичъ:** Сербскія сказки. **Новосельскій:** Народъ Украинскій (Lud Ukrainski). **Нѣмцова:** Словацкія сказки (Slov. pohadki). **„Основа“** (Малорус. журн.). **Памятники** стар. рус. литер. Изд. Кушелева-Безбородка. **„Пантеонъ“** (журналъ). **Пассекъ:** Очерки Россіи. **Пермскій Сборникъ. Подснѣжникъ** (журналъ). **Полевой:** Русскія нар. сказки. **Пыпинъ:** Очеркъ литер. исторіи старин. повѣстей и сказокъ. **Романовъ: В. Р.** Бѣлорусскій сборникъ. **Рудченко:** Малорусскія сказки. **Русскія** сказки, изд. 1787 г. **„Русское Слово“** (журналъ). **Рыбниковъ:** Сборн. пѣсенъ. **Садовниковъ:** Сказки Самарскаго края. **Гр. Сахаровъ:** Сказанія Рус. народа, Рус. нар. сказки. **Семенскій:** Польскія и литовскія преданія (Podania i Legendy). **Сказки,** записанныя въ Буковинѣ, Седмиградіи, у Поморянъ и Кошубовъ („Zeitschrift für Deutsche Mythologie und Sittenkunde“). **Смоляръ и Гауптъ:** Народныя сказанія Вендовъ Верхней и Нижней Лужицы. **Снѣгиревъ:** Сборникъ истор. и статист. свѣд. о Россіи. **Собраніе** старинныхъ русскихъ сказокъ, изд. 1830 г. **„Старичекъ Весельчакъ“,** изд. 1801. **Стасовъ:** Происхожденіе русскихъ былинъ. **Сумлоркъ:** Старочешскія сказки (Staroceske powesti, spewy etc). **Терещенко:** Бытъ Русскаго Народа. **Труды** Курскаго Статист. Комит. **Труды** Общ. Любит Рос. Словесн. **Труды** Ярославскаго Губ. Стат. Комит. **Худяковъ:** Русскія народныя сказки, Матерьялы для изученія народной словесности. **Черниговскія** Губ. Вѣдом. **Чтеніе** Общ. Ист. и Древн. Рос. **Чубинскій:** „Труды“. **Чудинскій:** Великорус. сказки. **Чулковъ:** Русскія сказки **Шафарикъ:** Преданія и легенды русскія, польскія, и т. д. (Podania i Legendy polskie, ruskie, litowskie), Образцы Чешской нар. литер. **Шейнъ:** Бѣлорусскій сказки (изд. 1893 г.). **Шпилевскій:** Бѣлоруссія въ описаніяхъ и повѣріяхъ **Щаповъ:** Истор. очерки нар. міросозерц. **Эрбенъ.** Лужицкія, Кошубскія, Болгарскія, Чешскія и пр. сказки (Slovenska citanka). **Эрленвейнъ:** Народныя сказки, собранныя сельскими учителями. **Этнографическое Обозрѣніе** (журналъ).

Цѣна выпуска
25 коп.
съ пересылкой 30 копѣекъ.

Сказки

Подъ редакціей
В. А. Гатцука.

Русскаго народа

Дозволено цензурою. Москва, 19 Марта 1894 г.

Обложка печатана въ Хромо-Литографіи В. Симова. В. Кудинова.

„ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ БИБЛІОТЕКА КРЕСТНАГО КАЛЕНДАРЯ".

СКАЗКИ
РУССКАГО НАРОДА.

Текстъ подъ редакціей

В. А. Гатцука.

Рисунки художника Н А. Богатова.

II

СОДЕРЖАНІЕ:

МОСКВА.
Типографія В. А. Гатцукъ (Д. Чернышевскій), Никитскій бульваръ.
1894.

Дозволено цензурою. Москва, 8 января 1894 года.

Сказка
про
Ерша Ершовича
Щетинникова.

Надоѣло-опостылѣло удалому добру-молодцу Ершу Ершовичу, по прозванію Щетинникову, въ славномъ Кубенскомъ озерѣ жить. Ужь и что это за торговля: вино изъ любого кабака продаютъ за два пятака; хоть—пей, хоть—лей, хоть—окачивайся.

Сѣлъ Ершишка на ветхія дровнишки, прихватилъ жену съ дѣтишками и поѣхалъ въ то-ли глубокое озеро Ростовское.

— Здравствуйте, лещи, ростовскіе жильцы! Пустите меня, Ерша, въ вашемъ славномъ Ростовскомъ озерѣ ночку переночевать!

Согласилась вся рыба—лещи, караси, язи, головли, плотичка-сиротичка,—пустили Ерша ночку переночевать. А Ершъ не дремалъ: гдѣ ночь ночевалъ—тутъ и годъ годовалъ; гдѣ двѣ ночи ночевалъ—тутъ два года годовалъ; сыновей поженилъ, дочерей замужъ повыдалъ.

Разошелся, распространился Ершъ по всему славному Ростовскому озеру,—ни пѣшій Ерша не обойдетъ, ни конный не объ-

ѣдетъ, — сталъ виномъ торговать, подъ закладъ давать, лещей-мужиковъ, ростовскихъ жильцовъ, въ раззоръ разорять.

Собралась вся рыба—лещи, караси, головли, язи, плотичка-сиротичка — во единый кругъ, выбрали Леща съ товарищами: «Ступай ты, Лещъ, къ судьямъ праведнымъ,—а тѣ судьи: Стерлядь да Бѣлуга да старшій Сомъ-съ-большимъ-усомъ, — подавай на Ерша челобитную. Авось на Щетинника у нихъ управа найдется.»

Пришелъ въ судъ Лещъ съ товарищами, подаетъ судьямъ челобитную, а въ той челобитной прописано:

«Господамъ судьямъ праведнымъ, Сому да Бѣлугѣ да Стерляди, Леща съ товарищами и всей ростовской рыбы—язей, головлей, карасей, плотички-сиротички и иныхъ,—на злого человѣка Ерша Ершова сына Щетинникова слезная жалоба. Въ позапрошломъ, государи, году пришелъ въ наше славное Ростовское озеро Ершишка на ветхихъ дровнишкахъ съ женою и дѣтишками. И пустили мы лещи, ростовскіе жильцы, его, Ерша, одну ночь переночевать, а онъ, Ершишка, злой человѣкъ, гдѣ ночь ночевалъ, тутъ и годъ годовалъ, расплодился, разумножился, сталъ виномъ торговать, подъ закладъ давать, насъ, царскихъ мужиковъ, въ раззоръ разорять. Загналъ насъ, сиротъ, во мхи и болота, въ пропасти земныя. Три года мы, лещи, свѣту бѣлаго не видали, три года мы, лещи, хлѣба-соли не ѣдали, три года мы, лещи, свѣжей воды не пивали и оттого мы, лещи, съ голоду помирали. А то, государи, славное Ростовское озеро испоконъ-вѣку наше, и въ той нашей правдѣ шлемся мы, лещи, на всѣхъ честныхъ людей и на васъ, господа судьи праведные. Смилуйтесь, государи, не дайте намъ, сиротамъ, напрасной смертью пропасть!»

Послали судьи за Ершомъ отвѣтчикомъ рыбу Пескаря, а съ нимъ семь малыхъ Малѐй, понятыхъ людей. Искали Малѝ Ерша по̀-верху, а Пескарь искалъ Ерша по̀-песку. И совсѣмъ-было Ершъ ему попался,—только взять его Пескарь побоялся; къ судьямъ пришелъ: «Искалъ,—говоритъ,—Ерша, не нашелъ.»

Послали судьи середнюю рыбу Налима, чтобы онъ Ерша нашелъ-доправилъ, на судъ поставилъ. Налимъ идти не прочь, онъ до прибыли охочь. Пришелъ къ Ершу смѣло и говоритъ ему все

дѣло. Ершъ его напоилъ-накормилъ, далъ ему пять алтынъ отступнаго, и ушелъ отъ него Налимъ по-здорову. Къ судьямъ пришелъ: «Искалъ,—говоритъ,—Ерша, не нашелъ.»

Послали судьи за Ершомъ большую рыбу Щуку. Щука въ озеро нырнула, хвостомъ плеснула, живо Ерша нашла и на судъ привела.

Говорятъ Ершу судьи: «Бьютъ намъ челомъ лещи, ростовскіе жильцы, на тебя, Ерша Щетинникова, что завладѣлъ ты славнымъ Ростовскимъ озеромъ не по правдѣ, а хитростью да силою. Держи отвѣтъ безъ утайки: есть-ли у тебя на то озеро купчія крѣпости, записи или граматы какія?»

Сталъ Ершъ передъ судьями. Рѣчь ведетъ по писаному, поклонъ кладетъ по ученому. «Судьи праведные!—говоритъ. —Въ тѣ поры, какъ наше славное Ростовское озеро горѣло, была у меня, Ерша, избишка, въ избишкѣ были сѣнишки, въ сѣнишкахъ клѣтишка, въ клѣтишкѣ сундучишка, у сундучишка замчишка, у замчишка ключишка; тамъ были книги, граматы и записи,—все у меня, сироты, сгорѣло. Да былъ еще у моего батюшки дворецъ на семи столбахъ: подъ палатями бобры, на палатяхъ ковры,—и тотъ дворецъ сгорѣлъ. А что Лещъ съ товарищами жалуется, будто я насильно въ Ростовскомъ озерѣ живу—и то все напраслина!»

— А какіе у тебя, Ерша, есть на то свидѣтели, что славное Ростовское озеро горѣло?

— Есть у меня на то свидѣтели: Плотица-рыба на томъ пожарѣ была, глаза задымила. Оттого у нея они и красные.»

Спрашиваютъ судьи рыбу Плотицу: «Правда-ли, что въ старые годы Ростовское озеро горѣло?»—«Напраслина, господа судьи, напраслина! Ни во вѣкъ наше Ростовское озеро не горѣло.»

Говоритъ судья Сомъ-съ-большимъ-усомъ: «Слышишь, Ершъ добрый человѣкъ! Плотица-то тебя въ глаза уличаетъ.»

А Ершъ не унываетъ, на себя уповаетъ: «Есть еще у меня свидѣтель: рыба Окунь на томъ пожарѣ былъ, головешки носилъ. Оттого у него и нынче перья красныя.»

Спрашиваютъ судьи рыбу Окуня: «Правда-ль, что въ старые годы Ростовское озеро горѣло?» — «Напраслина, господа судьи,

напраслина! Ни во вѣкъ наше славнсе Ростовское озеро не горѣло.»

Говоритъ судья Сомъ-съ-большимъ-усомъ: «Слышишь, Ершъ, добрый человѣкъ! И Окунь-то тебя въ глаза уличаетъ.»

А Ершъ не унываетъ, на себя уповаетъ: «А еще есть у меня свидѣтель—ты самъ, господинъ судья Сомъ-съ-большимъ-усомъ. Какъ служилъ ты у моего батюшки въ свинопасахъ — въ лѣсу костеръ разложилъ, ушелъ, не потушилъ. Оттого и все наше славное Ростовское озеро сгорѣло. Да и самъ ты на томъ пожарѣ обгорѣлъ,—по сейчасъ, какъ головешка, черный!»

Разгнѣвался судья праведный Сомъ-съ-большимъ-усомъ на ершову наглость. «Врешь ты, Ершъ, безстыжіе твои глаза! Ни во вѣкъ я у твоего отца въ свинопасахъ не служилъ. Изстари мы, Сомы, рода боярскаго, служили царю воеводами.»

А Ершъ не унываетъ, на себя уповаетъ: «Теперь-то, — говоритъ,—вѣстимо, не признаешься!»

Тутъ и рыба Сельдь, что позади стояла, на Ерша злымъ голосомъ вскричала: «Ахъ ты, Ершишка, плутишка, худая головишка! Жилъ ты, воръ, въ нашемъ славномъ Ростовскомъ озерѣ трй года, добра нажилъ трй воза, а пришелъ ты къ намъ, Ершишка, въ худомъ кафтанишкѣ; твои малые Ершата безъ шапокъ подъ окнами ходили, у добрыхъ людей милостыню просили, а теперь не хуже тебя разбойничаютъ. И жена-то твоя, Ершиха, къ намъ въ рваной шубейкѣ пришла, да и ту, вишь, по дорогѣ нашла, а теперь передъ добрыми людьми носъ деретъ,—не поклонится! Чтобы всѣмъ вамъ, ворамъ, ни дна ни покрышки! Смилуйтесь, господа судьи праведные! Онъ, разбойникъ Ершъ, и меня погубилъ, моихъ малыхъ ребятъ-сиротъ по міру пустилъ!»

Говоритъ тутъ рыба Осетръ: «Господа судьи праведные! Есть и у меня на Ерша челобитная: далъ я ему въ заемъ деньги не малыя: три ста рублей все цѣлковыми. А какъ пришелъ я нынѣшнимъ лѣтомъ къ нему долгъ получать, онъ, Ершъ, привелъ меня въ укромное мѣсто и говоритъ: «Полѣзай, братъ Осетръ: здѣсь я твои деньги спряталъ.» Я, было, государи, сталъ отказываться: «Ты, молъ, меньше меня, пролазистѣе.» А онъ, злодѣй Ершъ, — шиловатый хвостъ, несытая скотина, лихая обра-

*Тутъ и рыба Сельдь, что позади стояла, на Ерша злымъ голосомъ вскричала:
«Ахъ ты, Ершишка, плутишка, худая головишка!..»*

зина,—обошелъ меня льстивыми рѣчами: «Гдѣ это,—говоритъ,—видано, гдѣ это слыхано, чтобы меньшой братъ впереди старшаго шелъ!» Тутъ я, мужикъ простой, и обмишулился: пошелъ по ершову указу да и попалъ въ неводъ сразу. Какъ начали меня мужики-рыболовы изъ воды тащить,— онъ, Ершъ окаянный, снизу пищитъ: «Счастливъ ты, брате Осетръ: живой въ рай возносишься!» А какъ стали меня мужики-рыболовы по башкѣ дубинами гвоздить,—онъ, Ершъ окаянный, насмѣхается: «Терпи, брате Осетръ: что ни разъ тебѣ по башкѣ,—три грѣха долой!» Насилу я отъ мужиковъ вырвался да въ воду ушелъ: и по сейчасъ голова болитъ.»

Видятъ судьи, что ершово дѣло неправое: всѣмъ-то онъ насолилъ, всѣхъ изобидѣлъ да еще и на судѣ огрызается. Всталъ судья Сомъ и прочелъ приговоръ, а въ томъ приговорѣ прописано:

«Слушали мы, судьи праведные, Сомъ-съ-большимъ-усомъ да Бѣлуга да Стерлядь, судное дѣло Леща, ростовскаго жильца, съ Ершомъ Ершовымъ сыномъ Щетинниковымъ. Жаловался Лещъ на Ерша за многія обиды и ершовы-же свидѣтели его, Ерша, въ глаза уличили. Потому и рѣшили мы, судьи: истца-Леща оправить, а отвѣтчика-Ерша обвинить, и приговорили: бить того Ерша кнутомъ нещадно, а послѣ кнута повѣсить его въ жаркій день противъ солнца.»

Сейчасъ и правую грамату написали, Ракъ ее клешней припечаталъ, и отдали ее Лещу.

— Ну-ка,—говоритъ судья Сомъ-съ-большимъ-усомъ,—Окунь-приставъ, Карась-разсыльный, семь Малéй-понятыхъ людей! Берите-ка Ерша плута да валяйте его въ три кнута. А чтобы не обтрепать кнутъ объ спину,—сдерите съ Ерша сперва щетину!»

Тутъ Ершишка ощетинился, наежился, растопырилъ колючки во всѣ стороны; растолкалъ сторожей, понятыхъ людей, юркнулъ въ хворостъ—и подаетъ оттуда голосъ:

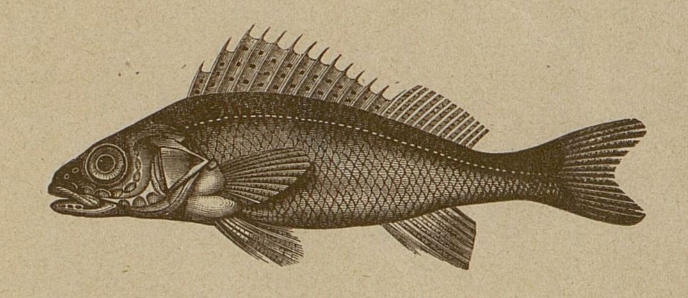
— Ну-ка, ну-ка, вы, холопье неумытое! Подойдите-ка сюда спроста да возьмите-ка Ерша съ хвоста! Чтобы я, Ершъ, такому суду поддался! Да откуда у тебя, Сома толстогубаго, такой умъ взялся, чтобы меня Ерша, именитаго купца, осудить, мое тор-

говое дѣло мнѣ въ вину поставить, а Леща, чернаго мужика, совсѣмъ оправить?! Да я васъ, судей, самихъ засужу, какъ съ истцовъ взятки брать,—вамъ покажу! А тебѣ, Лещъ, и свидѣтелямъ твоимъ, Окуню да Плотицѣ красноглазой, ужь я припомню за одно все разомъ!

На тотъ случай услыхали рыбаки ершовъ тонкій голосъ и стали Ерша ловить:

Пришелъ Вуколъ—забилъ колъ, пришелъ Павелъ—вершу поставилъ, пришелъ Богданъ, глядь—Ерша Богъ далъ, пришелъ Петрушка—положилъ Ерша въ плетушку, пришелъ Амосъ—Ерша понесъ, пришелъ Иванъ — поставилъ таганъ, пришла Марина—Ерша помыла, пришла Акулина—Ерша сварила, пришелъ Савва—положилъ въ уху перцу да сала, пришель Іуда—выложилъ Ерша на блюдо, пришелъ Фока—принялся за Ерша съ бока, пришелъ Ильюша—всего Ерша скушалъ, пришелъ Власъ—выпучилъ глазъ, пришелъ Елизаръ—блюдо облизалъ, пришла Ненила — и блюдо обмыла.

Тутъ добру-молодцу Щетинникову и славу поютъ!

Кузнецъ и Чортъ.

Пошелъ разъ кузнецъ въ церковь и видитъ: на паперти, на картинѣ Страшнаго Суда, нарисованъ чортъ, да такой страшный—черный, съ рогами и съ хвостомъ. «Ишь, какой!—подумалъ кузнецъ.—Дай-ка я себѣ въ кузницѣ такого намалюю.» Нанялъ живописца и велѣлъ ему нарисовать на дверяхъ кузницы чорта, точь-въ-точь такого, какого видѣлъ на картинѣ. Нарисовалъ ему живописецъ чорта. Съ той поры кузнецъ, какъ войдетъ въ кузницу, всегда взглянетъ на него и скажетъ: «Здорово, землякъ!» А потомъ ужь разведетъ въ горнѣ огонь и примется за работу. Жилъ такъ кузнецъ въ ладу съ чортомъ лѣтъ съ десятокъ, [illegible]ь заболѣлъ и умеръ.

Сталъ сынъ его за хозяи[illegible]ринялся за кузнечное дѣло; только не захотѣлъ онъ поч[illegible] чорта, какъ почиталъ его старикъ. Придетъ ли поутру в[illegible]ицу,—никогда съ чортомъ не поздоровается, а вмѣсто лас[illegible]о слова возметъ самый что ни есть большой молотъ и огрѣе[illegible] этимъ молотомъ чорта прямо по лбу раза три, да потомъ и за работу. Придетъ праздникъ,—кузнецъ сходитъ въ церковь, помолится; а въ кузницу зайдетъ,—плюнетъ чорту въ глаза. Прошло три года,—онъ все угощаетъ нечистаго каждое утро то молотомъ, то плевками. Тотъ терпѣлъ, терпѣлъ, да и вышелъ изъ терпѣнія: не въ моготу стало. «Полно,—думаетъ,—принимать мнѣ отъ него такое наругательство; дай ухитрюсь, что нибудь надъ нимъ сдѣлаю.»

Обернулся чортъ парнемъ и приходитъ въ кузницу. «Здравствуй, хозяинъ!» — «Здорово. Чего тебѣ?» — «Возьми меня къ себѣ въ ученье: буду тебѣ хоть уголья таскать да мѣха раздувать, а жалованье положи, какое заслужу.» Кузнецъ согласился. «Отчего не взять, — говоритъ, — вдвоемъ все скорѣй дѣло пойдетъ.» Пошелъ чортъ въ науку, пожилъ съ мѣсяцъ и узналъ кузнечное дѣло лучше самого хозяина: чего хозяинъ не сможетъ, то онъ сдѣлаетъ. Любо-дорого посмотрѣть! Полюбилъ его кузнецъ; ужь такъ имъ доволенъ,

Вытащили старуху изъ кареты лакей съ приживалкою и ввели въ кузницу.

что и сказать нельзя. Иной разъ самъ не идетъ въ кузницу, на работника надѣется.

Жили въ сосѣднемъ городѣ генералъ съ генеральшею, старые-престарые. И приснился разъ генеральшѣ сонъ, будто приходитъ къ ней какой-то человѣкъ и говоритъ: «Поѣзжай ты въ кузницу, что въ такой-то деревнѣ; тамъ кузнецъ изъ тебя молодую сдѣлаетъ.» Разсказала генеральша сонъ мужу, а тотъ и говоритъ: «Ты еще поплотнѣе за ужиномъ поѣшь, и не то приснится.» На другую ночь — опять тотъ же сонъ генеральшѣ; на третью—опять тоже. Совсѣмъ взбѣленилась старуха, приказала заложить карету и поѣхала. Пріѣзжаетъ въ ту деревню, гдѣ кузнецъ жилъ; остановилась карета, вытащили изъ нея старуху лакей съ приживалкою и ввели въ кузницу.

А въ кузницѣ тогда хозяина не случилось: былъ только работникъ. Посмотрѣлъ онъ на генеральшу и говоритъ: «Добраго здоровья, барыня. Знаю, зачѣмъ сюда пожаловали: молодой стать захотѣлось. Что-жь — это въ нашей власти, можемъ вамъ годковъ пятьдесятъ съ плечъ скинуть.»—А сны-то чортъ самъ-же ей и посылалъ.—«Чѣмъ это ты похваляешься? Да вправду-ли? Да сумѣешь ли?»—спрашиваетъ старуха работника.—«Не учиться намъ стать,—отвѣчаетъ нечистый.—Коли-бъ не умѣлъ, такъ и не вызывался бы.»—«А что стоитъ?»—спрашиваетъ барыня.—«Пятьсотъ рублей.»—«Вотъ тебѣ деньги, сдѣлай изъ меня молодую.» Нечистый взялъ деньги и говоритъ: «Сейчасъ, только я хозяина позову.» Приходитъ къ кузнецу: «Ну, хозяинъ, пойдемъ; я буду старуху въ молодую передѣлывать, а ты смотри, примѣчай да деньги наживай.» Удивился кузнецъ, пошелъ за нечистымъ, а тотъ, какъ пришли они въ кузницу, и говоритъ генеральшиному лакею: «Ступай на деревню, притащи сюда два ушата молока.» Побѣжалъ лакей за молокомъ, а нечистый схватилъ барыню клещами за ноги, бросилъ въ горнъ и сжегъ всю дочиста—однѣ косточки обгорѣлыя остались. Какъ принесли молоко, онъ вылилъ его въ кадку, собралъ всѣ косточки и побросалъ въ молоко. Глядь—выходитъ изъ молока барыня, да такая молодая, красивая. Сѣла она въ коляску и поѣхала домой. Вошла молодая генеральша къ мужу, а тотъ уставилъ на нее глаза и не

узнаетъ своей жены. «Посмотри, какая я молодая да красивая, говоритъ она.—Не хочу, чтобы у меня мужъ былъ старый! Сейчасъ же поѣзжай въ кузницу, пускай и тебя перекуютъ въ молодого, а иначе и знать тебя не хочу.»

Поглядѣлъ генералъ на жену, подивился: видитъ—дѣло-то не въ шутку. Приказалъ заложить себѣ коляску и поѣхалъ къ кузнецу, въ молодого перековываться.

А кузнецъ, получивши генеральшины деньги, сейчасъ пошелъ съ радости въ кабакъ: сидитъ тамъ, передъ людьми похваляется да выпиваетъ, и ужь порядочно сталъ подъ хмѣлькомъ. Вдругъ бѣжитъ за нимъ изъ кузницы подручный мальчишка. «Пойдемъ,—говоритъ, — хозяинъ; тебя какой-то генералъ кличетъ, въ коляскѣ пріѣхалъ!» Пришелъ кузнецъ въ кузницу, а туда ужь народу видимо-невидимо сбѣжалось,—прослышали про кузнецово искусство. «Это ты мою жену молодой сдѣлалъ?»—спрашиваетъ его генералъ. — «Мы.» — «А можешь и меня помолодить?»—«Могу.» Далъ ему генералъ пятьсотъ рублей и приказываетъ сейчасъ за дѣло приниматься. Да такой сердитый, кричитъ, ногами топаетъ: ужь очень ему помолодѣть захотѣлось.

Хватился тутъ кузнецъ своего работника; туда-сюда, искалъ, искалъ,—нѣтъ его нигдѣ, точно въ воду канулъ, и не видалъ никто, куда онъ дѣлся. Осмѣлился отъ вина кузнецъ: «Ну что-жь,—думаетъ — и безъ него дѣло сдѣлаю: не велика хитрость.» Сейчасъ распорядился на счетъ молока, ухватилъ генерала—и кинулъ его въ горнъ. Какъ сгорѣлъ генералъ, онъ вытащилъ изъ огня его косточки и положилъ въ кадку съ молокомъ.

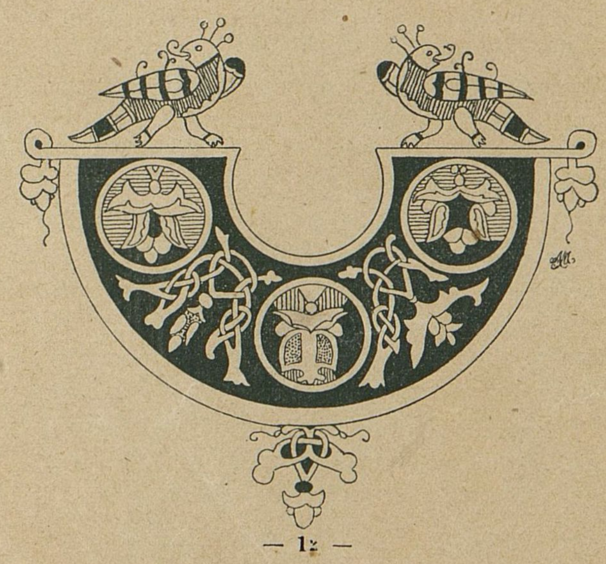
Ждетъ-пождетъ, проходитъ часъ, другой, третій, — не вылѣзаетъ генералъ изъ молока молодымъ, все только косточки да пепелъ по верху плаваютъ. Стали генеральскіе слуги сперва надъ кузнецомъ подшучивать, потомъ ругаться начали: кричатъ, что онъ генерала безъ пути сжогъ. Кузнецъ и голову повѣсилъ. А тутъ, откуда ни возьмись, и генеральша пріѣхала узнать, что съ мужемъ дѣлается; да какъ узнала, что сжечь-то его кузнецъ сжогъ, а оживить не можетъ,—разсердилась и приказала связать кузнецу руки назадъ и вести въ судъ.

Соскочилъ съ кузнеца и хмѣль весь, идетъ онъ между сторожей да горько плачетъ. Вдругъ — на встрѣчу его работникъ. «Куда хозяина ведете, добрые люди?»—спрашиваетъ. Разсказали ему. Подошелъ онъ къ кузнецу и говоритъ: «Хочешь, я тебя, хозяинъ, выручу, отъ злой смерти спасу?» Повалился ему кузнецъ въ ноги, а чортъ ему говоритъ: «Ну ладно, генерала я на этотъ разъ оживлю и молодымъ сдѣлаю, только ты поклянись мнѣ, что никогда меня впередъ обижать не станешь и будешь почитать, какъ твой отецъ почиталъ. Вѣдь на двери-то у тебя я нарисованъ.» Поклялся кузнецъ отцомъ, матерью, дѣтьми своими малыми, что во вѣкъ на него ни молота не подниметъ, ни плевать не станетъ, а будетъ отдавать ему всякую почесть. «Стойте, добрые люди,—говоритъ чортъ.—Ожилъ вашъ генералъ!»

И вправду, глядь—выходитъ изъ кузницы генералъ, молодой, грудь колесомъ, усы покручиваетъ, саблей побрякиваетъ.

Сейчасъ развязали кузнеца и отпустили на всѣ четыре стороны съ честью. Хотѣлъ было кузнецъ чорту спасибо сказать,— а того и слѣдъ простылъ, точно его и не бывало.

Съ той поры пересталъ кузнецъ обижать чорта, а генералъ съ генеральшей зажили въ любви да согласіи — и теперь живутъ, коли не умерли.

Пѣтухъ
и
ЖЕРНОВКИ.

За тридевять земель, въ тридесятомъ царствѣ, не въ нашемъ государствѣ, жили-были старикъ со старухой, бѣдные пребѣдные. Не стало у нихъ хлѣба, пошли они въ лѣсъ, набрали жолудей, принесли домой и стали ѣсть. И урони старуха одинъ жолудь въ подполье. Пустилъ жолудь ростокъ, — росъ-росъ, доросъ до полу. Примѣтила это старуха и говоритъ мужу: «Старикъ, надобно намъ полъ прорубить: пусть себѣ дубъ ростетъ да ростетъ. Какъ выростетъ, — не нужно будетъ въ лѣсъ за жолудями ѣздить, станемъ ихъ въ избѣ собирать» Старикъ прорубилъ полъ. Деревцо

Полѣзъ старикъ по дубу

ростетъ себѣ да ростетъ—и выросло до потолка. Старикъ разобралъ потолокъ, а послѣ и крышу снялъ — все дереву мало мѣста. И выросъ изъ жолудя цѣлый дубъ, да такой высокій, что верхушки не видать.

Не стало у старика со старухой жолудей,—взялъ старикъ мѣшокъ и полѣзъ по дубу. Лѣзъ-лѣзъ, и взобрался на небо. Видитъ,—стоитъ избушка, не по нашему выстроена: стѣны изъ пироговъ, печь изъ блиновъ, столъ изъ пшеничнаго хлѣба, лавки пряничныя. Обрадовался старикъ послѣ долгой голодовки, наѣлся до отвала, и легъ на печку.

Долго-ли, коротко-ли, пришли въ избу три козы, сестры родныя: одна коза съ однимъ глазомъ и однимъ ухомъ, другая коза съ двумя глазами и двумя ушами, третья коза съ тремя глазами и тремя ушами. Притаился старикъ на печкѣ, слушаетъ: что будетъ дальше. Стали козы принюхиваться и говорятъ между собой: «Не ладно, сестрицы,—русскимъ духомъ пахнетъ! Нѣтъ-ли чужого кого?» Пошарили по угламъ,—никого не нашли, а на печь-то заглянуть не догадались. Поѣли козы пироговъ да блиновъ и собрались уходить, а одноглазую козу дома оставляютъ: «Гляди въ оба, сестрица, чтобы кто къ намъ не зашелъ.»—«Ладно, идите; я постерегу.» Слышитъ старикъ этотъ разговоръ и думаетъ: «Какъ бы мнѣ эту козу-дозорщицу угомонить?» Какъ двѣ козы ушли, онъ и сталъ потихоньку напѣвать: «Спи глазокъ, закройся ушко! Спи глазокъ, закройся ушко!» Закрылся у козы глазокъ, закрылось ушко. Заснула коза, а старикъ съ печки слѣзъ и давай пироги да блины въ мѣшокъ накладывать. Не успѣлъ наложить, слышитъ,—кто-то идетъ. Онъ скорѣй опять на печь.

Вернулись двѣ козы, глядь, — а сестра-то крѣпкимъ сномъ спитъ. Насилу ее разбудили. «Что ты такъ заспалась?» — «И сама не знаю, съ чего это я. Ну да ничего, у насъ пока все благополучно.» — «А все русскимъ духомъ пахнетъ.» И порѣшили между собой козы: пусть двухглазая коза теперь сторожитъ. «Ладно, идите, я постерегу,»—говоритъ двухглазая коза. Какъ двѣ козы ушли, старикъ давай опять потихоньку напѣвать: «Спи глазокъ, спи другой, закройся ушко, закройся другое!» Заснула коза, а старикъ съ печи слѣзъ и сталъ пироги да блины въ

мѣшокъ накладывать. Почти ужь до верху доложилъ, какъ вдругъ вернулись двѣ козы.

Разбудили двухглазую козу: «Что ты такъ заспалась?»—«И сама не знаю: такой сонъ напалъ! Ну да ничего, у насъ пока все благополучно.»—«А русскимъ духомъ все пахнетъ.» Вотъ третья коза и говоритъ: «Теперь вы идите, а я буду стеречь.» Только ушли двѣ козы, старикъ и думаетъ: «Ну, мнѣ домой пора,»—и давай напѣвать: «Спи глазокъ, спи другой, закройся ушко, закройся другое,»—а про третій-то глазокъ, про третье ушко и забылъ. Заснула коза на два глаза и два уха закрыла, старикъ слѣзъ съ печки, мѣшокъ на плечи взвалилъ и пошелъ было къ двери. Увидала коза, вскочила, закричала благимъ матомъ; прибѣжали на крикъ другія двѣ козы и стали старика допрашивать: «Откуда пришелъ, да зачѣмъ, да какъ смѣлъ сюда забраться?» Отвѣчаетъ имъ старикъ: «Влѣзъ я по дубу, увидалъ ваше житье-бытье и захотѣлъ съѣстнымъ поживиться. Всего у васъ вволю, а мы со старухой и жолудямъ рады.» Потолковали козы между собой и говорятъ старику: «Мы твоей бѣдности поможемъ, только ты больше не смѣй сюда являться и дорогу забудь.» Подарили козы ему золотые жерновки́ и пѣтуха. Пѣтушокъ-Золотой-Гребешокъ былъ такой умникъ-разумникъ, что другого на всемъ бѣломъ свѣтѣ не найти, а жерновка́мъ только прикажи, будутъ съѣстное молоть,—кашу-ли, щи-ли, пироги или блины,—пока не скажешь: «По козьему велѣнью, по моему прошенью—стойте жерновки!»

Спустился старикъ по дубу на землю и про все старухѣ разсказалъ. Старуха первымъ долгомъ стала пробовать жерновки: поставила ихъ и приказала молоть. Что ни повернутся жерновки,—все блинъ да пирогъ, блинъ да пирогъ. И зажили съ тѣхъ поръ старикъ со старухой припѣваючи.

Ѣхалъ разъ мимо какой-то баринъ и заѣхалъ къ старику со старухой. «Нѣтъ ли, — спрашиваетъ,—чего нибудь поѣсть?»—«Чего же тебѣ дать поѣсть, родимый?—говоритъ старуха.—Развѣ пирожковъ да блинковъ?» Взяла жерновки, намолола; а баринъ поѣлъ и говоритъ: «Не продашь-ли старуха, мнѣ эти жерновки?»—«Нѣтъ,—говоритъ старуха,—они не продажные.» Онъ взялъ, отнялъ у ней жерновки да и уѣхалъ, — только его и

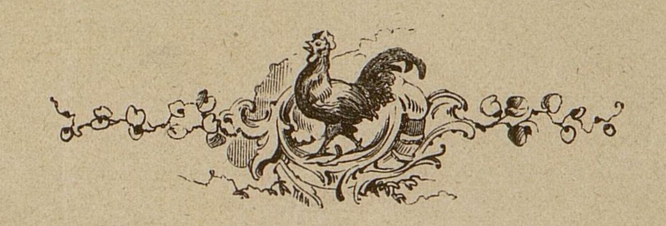
видѣли. Стали старикъ со старухой горевать, а какъ быть, не знаютъ. «Постойте,—говоритъ Пѣтушокъ-Золотой-Гребешокъ, — я полечу, отберу наши жерновки.» Прилетѣлъ пѣтушокъ къ барскимъ хоромамъ, сѣлъ на подоконникъ и кричитъ: «Кукуреку! Баринъ, баринъ, отдай наши жерновки, золотые не простые!» Услыхалъ баринъ, сейчасъ приказываетъ: «Эй, малый, поймай пѣтуха да брось въ воду!» Поймали пѣтуха, бросили въ прудъ, а онъ плаваетъ да приговариваетъ: «Носикъ, носикъ, пей воду! Ротикъ, ротикъ, пей воду!» — и выпилъ весь прудъ. Выпилъ, полетѣлъ къ барскимъ хоромамъ, сѣлъ на окно и опять кричитъ: «Кукуреку! Баринъ, баринъ, отдай наши жерновки, золотые не простые!» Баринъ велѣлъ повару бросить пѣтуха въ горячую печь. Поймали его, бросили въ печь, а онъ бѣгаетъ по печи да приговариваетъ: «Носикъ, носикъ, лей воду! Ротикъ, ротикъ, лей воду!»—и залилъ весь огонь въ печи. Вспорхнулъ, влетѣлъ въ барскую горницу и опять кричитъ: «Кукуреку! Баринъ, баринъ, отдай наши жерновки золотые не простые!» Бросились гости и самъ баринъ ловить пѣтушка, а онъ улучилъ время, схватилъ жерновки и улетѣлъ съ ними къ старику со старухою.

Узналъ богачъ изъ сосѣдняго села про чудесные жерновки пришелъ къ старику и проситъ: «Продай мнѣ жерновки, сдѣлай милость.»—«А что дашь?»—«Тысячу рублей.» Потолковали старикъ со старухой и по рукамъ съ покупателемъ ударили. Богачъ взялъ жерновки, принесъ домой и говоритъ женѣ: «Ступай въ поле убирать сѣно, а я обѣдъ приготовлю.» Жена ушла, мужъ поставилъ жерновки на столъ и приказываетъ, чтобъ они мололи щи съ кашей. Начали жерновки молоть щи съ кашей. Мелютъ да мелютъ. Всѣ чашки, плошки, корчаги, корыта, кадки— все полнымъ-полно намололи. Полились щи съ кашей на полъ, затопили избу. Насилу богачъ изъ избы въ окно выскочилъ: бѣжитъ, кричитъ, а за нимъ щи съ кашей по улицѣ текутъ. Выбѣжали люди изъ избъ, видятъ: щи все село того и гляди зальютъ, накинулись на богача: «Останови свои жерновки!»—А тотъ и самъ не знаетъ, какъ горю пособить. Бросился къ старику: «Сдѣлай милость, останови свои жерновки.» — «Э, братъ, они тебѣ, видно, не ко двору! Подавай ихъ мнѣ назадъ, да еще

тысячу рублей давай за то, что я въ вашу кашу полѣзу жерновки останавливать.» Что тутъ станешь дѣлать: отдалъ богачъ старику еще тысячу рублей. Пошелъ старикъ, добрался до окна избы, гдѣ жерновки щи съ кашей мололи, и закричалъ: «По козьему велѣнью, по моему прошенью,—стойте жерновки!» Жерновки остановились, старикъ влѣзъ въ избу и забралъ ихъ, а мужики послѣ того двѣ недѣли щи съ кашей ѣли — не съѣли, больше въ поля да въ огороды вывезли.

Заѣхалъ разъ къ старику купецъ, узналъ про чудесные жерновки и спрашиваетъ: «А могутъ они соль молоть?»—«Не пробовалъ,»—говоритъ старикъ. Стали пробовать,—и соль мелется. «Продай жерновки,»—говоритъ старику купецъ.—«А что дашь?»—«Тысячу рублей.» — «Мало; двѣ давай.» Сторговались; купецъ увезъ жерновки, поставилъ къ себѣ на корабль, поѣхалъ въ море и сталъ молоть соль. Сыплется соль и день, и другой — весь корабль наполнила; купецъ и не радъ такому богатству, да дѣлать нечего—забылъ у старика спросить, какъ жерновки остановить. Отяжелѣлъ корабль отъ соли, да и затонулъ вмѣстѣ съ жерновками.

По сю пору стоятъ на днѣ морскомъ чудесные жерновки, по сю пору соль мелютъ: оттого, говорятъ люди, и солона морская вода.

Вареный Топоръ.

Возвращался солдатъ со службы домой и зашелъ въ избу переночевать. «Здорово, бабушка, — говоритъ хозяйкѣ.—Нѣтъ-ли у тебя чего поѣсть?»—А она ему въ отвѣтъ: «Вонъ тамъ, на гвоздикѣ повѣсь.» — «Да ты, видно, старуха глуха, что не чуешь?» — «Гдѣ хочешь, батюшка, тамъ и заночуешь.» — «Ахъ ты, старая кочерга! Погоди, вотъ я вылечу тебѣ глухоту!» Полѣзъ солдатъ съ кулаками къ старухѣ: «Давай,—кричитъ,—старая, ѣсть!» — «Ничего нѣтъ у меня, служивый.» — «Вари сейчасъ кашицу!» — «Да не изъ чего, служивый.» — «Давай топоръ, я изъ него кашицу сварю.» Подала старуха топоръ, а сама думаетъ: «Что за диво! Посмотрю, какъ солдатъ будетъ изъ топора кашицу варить.» А солдатъ взялъ топоръ, положилъ въ горшокъ, налилъ воды и сталъ варить. Варилъ, варилъ, зачерпнулъ изъ горшка ложкой, попробовалъ да и говоритъ: «Кашица важная вышла, только крупъ не мѣшало-бы подсыпать.» Принесла старуха крупъ; солдатъ опять сталъ варить; помѣшалъ, попробовалъ. «Ну,—говоритъ,—старуха, кашица совсѣмъ готова, только маслица надо подлить.» Принесла старуха масла,—сварилъ солдатъ кашицу. «Давай теперь хлѣба, станемъ кашицу хлебать.» Похлебали они вдвоемъ кашицы. «Ну, служивый,—говоритъ старуха,—давай теперь топоръ ѣсть.» Солдатъ ткнулъ ножемъ въ топоръ и говоритъ: «Нѣтъ, бабушка, еще не уварился. Доварю гдѣ нибудь на дорогѣ, да позавтракаю.» Взялъ топоръ, спряталъ въ ранецъ. «Прощай, бабушка, спасибо за кашицу,»—и ушелъ.

Деревянный Орелъ.

Заспорилъ разъ столяръ съ золотыхъ дѣлъ мастеромъ, чье ремесло почетнѣе, полезнѣй и выгоднѣй. Каждый на своемъ стоитъ, кричатъ, что есть мочи, того и гляди до драки дойдутъ. Наконецъ говоритъ столяръ: «Пойдемъ судиться къ царю: какъ царь-батюшка разсудитъ, такъ тому дѣлу и быть.» Согласился золотыхъ дѣлъ мастеръ, и оба явились къ царю. А царю тогда что-то некогда было. Онъ отослалъ ихъ къ царевичу. «Такъ и такъ, государь, яви божескую милость, разсуди насъ по правдѣ.»—«Вотъ что, ребята,—говоритъ царевичъ:—сработайте мнѣ по подарку. Кто лучше сдѣлаетъ, тотъ и правъ будетъ.» Пошелъ столяръ съ золотыхъ дѣлъ мастеромъ по домамъ, и давай выдѣлывать каждый по своему ремеслу такую работу, чтобы передъ царевичемъ лицомъ въ грязь не ударить.

Черезъ мѣсяцъ оба приходятъ опять къ царевичу. «Покажите-ка, что сработали,»—говоритъ царевичъ. Золотыхъ дѣлъ мастеръ поставилъ на столъ ящичекъ краснаго дерева и говоритъ: «Пусть принесутъ мнѣ сюда чанъ воды.» При-

несли воды. Открылъ мастеръ ящичекъ и вынулъ оттуда трехъ золотыхъ лебедей: лебеди, какъ жаръ горятъ, сдѣланы на диво. «Славная штука!»—говоритъ царевичъ.—«Погоди, государь, то-ли еще будетъ!» Пустилъ мастеръ этихъ лебедей на воду въ чанъ, и они заплавали, заныряли, точно живые. Похвалилъ царевичъ мастера за работу и сказалъ: «Безъ награды тебя не оставлю.» Мастеръ поблагодарилъ царевича и отошелъ къ сторонкѣ.

— Ну,—говоритъ царевичъ столяру,—теперь твой чередъ. Столяръ положилъ на столъ мѣшокъ, развязалъ его и высыпалъ оттуда цѣлый ворохъ клиньевъ. «Не обезсудь,—говоритъ,—твоя царская милость, на работѣ: что съумѣлъ, то и сработалъ.»—«Да ты смѣяться надо-мной выдумалъ?»—«Никакъ нѣтъ, смотри, государь, дальше.» Принялся столяръ складывать свои клинья,—вышелъ деревянный орелъ, огромный-преогромный, сдѣланъ на диво. Кончилъ столяръ и говоритъ: «А теперь, государь, не угодно-ли покататься на моей птичкѣ?» — «Да развѣ можно?»—спрашиваетъ царевичъ.—«На то и сдѣлана,»—отвѣчаетъ столяръ, а самъ птицу за носъ придерживаетъ, чтобы не улетѣла. «Да ты не колдунъ-ли какой?»—спрашиваетъ царевичъ.—«Помилуй, государь, какое здѣсь колдовство! Эта птица нашихъ рукъ дѣло, а мы люди крещеные.»—«Нѣтъ, какъ хочешь, а лучше сперва ты самъ покатайся на этой птицѣ въ виду у меня,—я посмотрю.» Сѣлъ столяръ на своего орла, и полетѣлъ орелъ по палатамъ царскимъ, какъ стрѣла пущенная, взвился подъ самый потолокъ и крыльями замахалъ. Смотритъ царевичъ и глазамъ не вѣритъ. «Теперь,—говоритъ,—меня поучи.» Спустился столяръ, слѣзъ и сталъ царевича учить, какъ птицей управлять. Царевичъ эту науку скоро понялъ. «Спасибо за подарокъ,— говоритъ столяру:—будь теперь у меня придворнымъ столяромъ.» Тутъ же и жалованье ему большое положилъ. Такъ столяръ остался при царевичѣ первымъ человѣкомъ, а золотыхъ дѣлъ мастеръ на второе мѣсто отошелъ.

По сосѣдству съ тѣмъ царствомъ было другое, гдѣ жилъ богатый король, а у него была дочь невѣста, красавица писаная. Жила она въ высокомъ терему за желѣзными рѣшотками за крѣпкими запорами. Только и допускали къ ней въ теремъ, что мать родную да няньку старую; отецъ и тотъ рѣдко королевну

видалъ. Строгій человѣкъ былъ старый король: все боялся, какъ бы дочь чего худого не увидала и не услыхала.

Узналъ царевичъ, что у сосѣдняго короля дочь красавица и захотѣлъ ее повидать. Собрался въ дорогу, сложилъ изъ клиньевъ орла, сѣлъ на него, мѣшокъ подъ мышку — и полетѣлъ. Летѣлъ-летѣлъ, наконецъ вдали увидалъ королевнинъ теремъ. Пока долетѣлъ, ночь настала и въ терему огонекъ засвѣтился. Подлетѣлъ царевичъ къ окну и увидалъ за рѣшоткой королевну красавицу. Вынулъ прутья изъ рѣшотки, окно отворилъ и вошелъ въ теремъ. Испугалась королевна и спрашиваетъ: «Кто ты такой, добрый молодецъ?»—«Я—царскій сынъ, прилетѣлъ издалека, чтобъ повидать тебя. Много толкуютъ въ народѣ про твою красоту, а сама ты еще лучше этихъ толковъ.»—«Какъ-же ты сюда попалъ?» Царевичъ орла своего разобралъ, клинья въ мѣшокъ спряталъ и рѣчь повелъ. Не замѣтила королевна, какъ и ночь прошла. Стучитъ нянька въ дверь: «Королевна, вставать пора!» Тутъ царевичъ попрощался, орла собралъ, сѣлъ на него и вылетѣлъ изъ терема. Съ тѣхъ поръ сталъ царевичъ каждую ночь летать въ теремъ: полюбилась ему прекрасная королевна, да и онъ ей.

Дивится нянька: съ чего это каждую ночь въ терему оконныя рѣшотки поскрипываютъ? Разъ подкралась она къ двери и стала слушать: два голоса разговариваютъ. Заглянула въ замочную скважину—и увидала царевича. Подкосились у старушки ноги, чуть на мѣстѣ не упала. На другой день раннимъ-рано пошла она къ королевѣ и разсказала ей, что видѣла, а королева мужу передала. Пришли король съ королевой къ дочери и стали ее допрашивать. Королевна разсказала все чистосердечно, одного не могла сказать: изъ какой земли былъ царевичъ, потому что и сама того не знала.

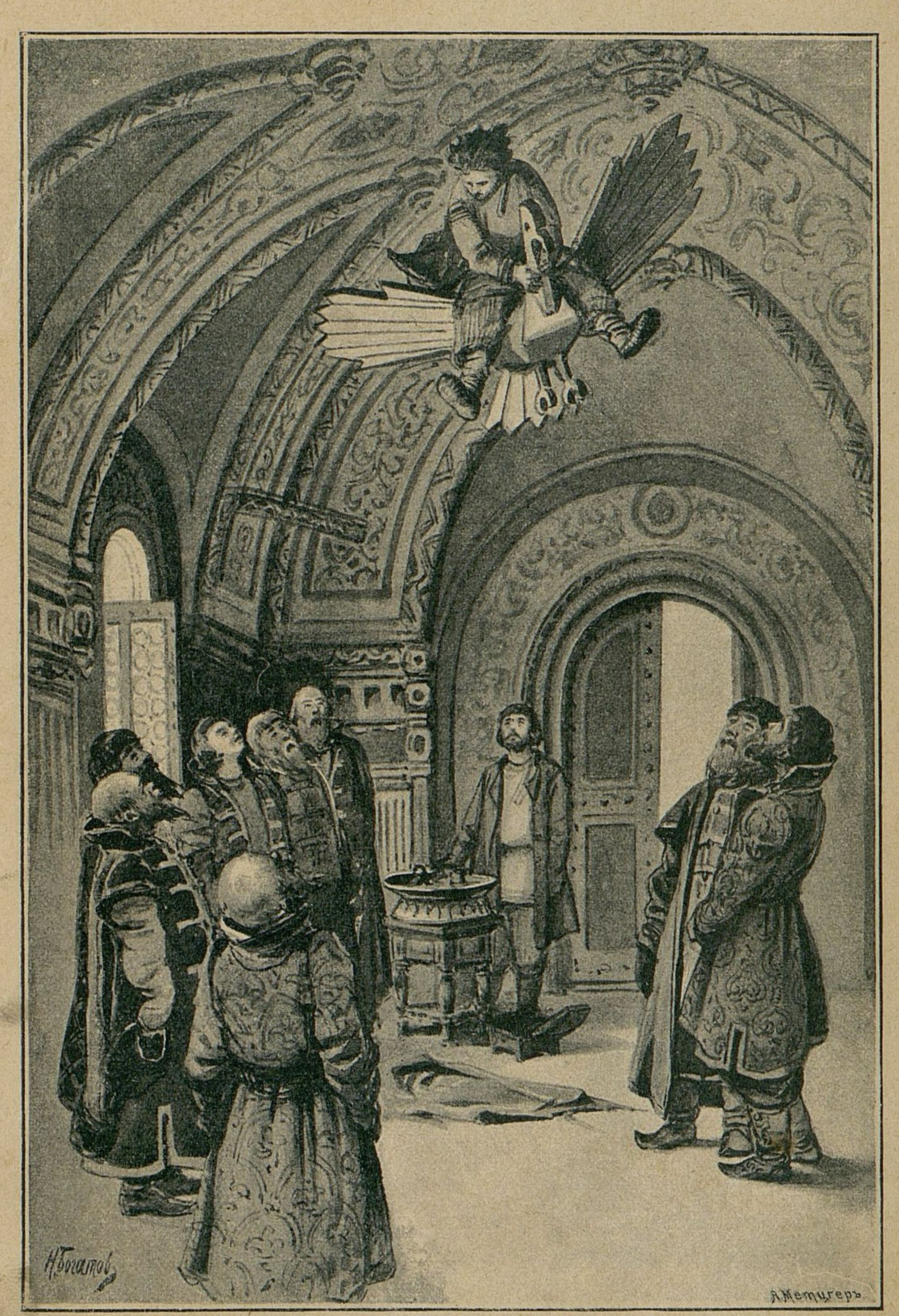
Созвалъ король своихъ вельможъ, разсказалъ имъ, какъ было дѣло, и спрашиваетъ: «Какъ изловить мнѣ этого молодца?» Всталъ одинъ вельможа и говоритъ: «Государь! Я знаю средство. Прикажи выдумать такой составъ, чтобъ всякая вещь къ нему прилипала. Пусть этимъ составомъ вымажутъ окно въ королевниномъ терему, черезъ которое тотъ молодецъ летаетъ. Какъ положитъ онъ свою епанчу на окно, такъ она сейчасъ и при-

липнетъ. А по одежѣ мы его скоро найдемъ.» Сказано-сдѣлано. Ночью прилетѣлъ царевичъ, сбросилъ на окно епанчу, — она и прилипла. Рванулъ онъ епанчу—полу оторвалъ. Тутъ догадался царевичъ, что его ловятъ, и говоритъ: «Прощай, прекрасная королевна, не поминай лихомъ! Богъ вѣсть, когда увидимся.» Сѣлъ на орла и полетѣлъ домой. На другой день представили королю полу епанчи; онъ велѣлъ разрѣзать ее на мелкіе кусочки и разослать по всему королевству въ суконныя лавки, съ строгимъ наказомъ: кто будетъ спрашивать себѣ такого сукна, того сейчасъ же хватать и тащить къ королю.

Вернулся царевичъ домой и говоритъ дворецкому: «Со мной бѣда случилась: шелъ я ночью по улицѣ, откуда ни возьмись собаки, напали на меня и оторвали полу у епанчи. Сыщи мнѣ такого же сукна и отдай портному вставить полу.» Ищетъ дворецкій по всѣмъ лавкамъ, нигдѣ не можетъ найти такого сукна. Наконецъ въ одной лавкѣ ему говорятъ: «Это сукно заграничное, изъ сосѣдняго королевства къ намъ идетъ.» Вернулся дворецкій, царевичу докладываетъ. Тотъ не сталъ времени тратить, сѣлъ на своего орла и полетѣлъ за сукномъ.

Проходитъ день, и два, и недѣля—а царевича все нѣтъ. Дворецкій не знаетъ, что и подумать. Наконецъ видитъ: нужно царю доложить. Пришелъ и доложилъ. «Кто царевичу такого орла сдѣлалъ?»—спросилъ царь. Дворецкій говоритъ: «Нашъ придворный столяръ.» Царь тотчасъ же велѣлъ столяра въ тюрьму засадить. А тутъ еще золотыхъ дѣлъ мастеръ наговорилъ на него; явился къ царю и сказалъ: «Государь-царь батюшка! Этотъ столяръ—колдунъ и первый въ свѣтѣ обманщикъ.» Царь за правду принялъ его слова и послалъ столяра въ ссылку на всю жизнь.

А съ царевичемъ вотъ что сталось. Прилетѣлъ онъ въ сосѣднее королевство, спустился въ городѣ и сейчасъ же въ лавку; показалъ образчикъ и спросилъ себѣ такого-же сукна. Тутъ его схватили и къ королю представили. Пошелъ допросъ: кто такой? Зачѣмъ явился и откуда? Царевичъ сказался купеческимъ сыномъ. «А въ мѣшкѣ что у тебя?»—спрашиваютъ.—«Это аршины да полуаршины—въ нашемъ дѣлѣ вещь нужная.» Не повѣрили царевичу и въ тюрьму его посадили.

Взвился орелъ подъ самый потолокъ и крыльями замахалъ.

Сидитъ онъ день, сидитъ другой, сидитъ недѣлю — все не выпускаютъ. Видитъ царевичъ, что дѣло плохо, — поднялся на хитрости. Позвалъ главнаго тюремщика и говоритъ: «Я не купеческій сынъ, — это я со страху на себя показалъ, — я фокусникъ; на то и клинья у меня такіе имѣются. Сталъ тюремщикъ его просить, чтобъ показалъ свои фокусы. «Пожалуй,— говоритъ царевичъ:—только пусть дадутъ мнѣ просторную комнату съ широкими окнами, а то здѣсь тѣсно.» Тюремщикъ призадумался: и фокусы посмотрѣть хочется, и арестанта боится упустить. Подумалъ немного и согласился. Отвели царевичу просторную комнату и привели его туда подъ стражей. Высыпалъ царевичъ изъ мѣшка клинья, сложилъ своего орла, сѣлъ на него и говоритъ: «Прощайте, братцы! Счастливо оставаться!» Только его и видѣли.

Прилетѣлъ царевичъ домой, увидалъ дворецкаго и спрашиваетъ: «Ну, что тутъ у васъ подѣлывается безъ меня!» Дворецкій обрадовался царевичу и разсказалъ все, что безъ него случилось. Обрадовался и царь, какъ увидалъ сына, на радостяхъ пиръ на весь міръ задалъ.

Пируютъ гости; одинъ царевичъ что-то не веселъ. «Что ты, сынокъ любезный, сумраченъ сидишь?»—спрашиваетъ царь.—«Первая дума моя,—говоритъ царевичъ, — это красная дѣвица, сосѣдняго короля дочь. На ней, государь мой батюшка, хотѣлось-бы мнѣ жениться.»—«А на то,—говоритъ царь, — твоя добрая воля, а мое родительское благословеніе.» — «Другая дума моя: какъ бы столяра изъ ссылки воротить.» — «И на то согласенъ, только съ однимъ уговоромъ: чтобъ онъ впередъ такихъ птицъ не дѣлалъ. Да и ты, сдѣлай милость, потѣшь меня, старика: изруби и сожги этого проклятаго орла, который мнѣ столько горя надѣлалъ.»—«А на то, батюшка,—говоритъ царевичъ,—твоя родительская воля.» Скоро царевичъ женился на прекрасной королевнѣ,—богатую свадьбу съиграли. Къ свадьбѣ и столяра изъ ссылки воротили, да недолго онъ послѣ того прожилъ, а сталъ хирѣть да хирѣть и умеръ. Вмѣстѣ съ нимъ пропалъ навсегда и секретъ, какъ изъ дерева летающихъ птицъ дѣлать.

Горе.

Въ одной деревушкѣ жили два мужика, два родные брата: одинъ бѣдный, а другой богатый. Богатый переѣхалъ на житье въ городъ, выстроилъ себѣ домъ и сталъ хлѣбомъ торговать; а у бѣднаго иной разъ хлѣба ни куска нѣтъ, ребятишки, малъ-мала меньше, плачутъ да ѣсть просятъ. Съ утра до вечера бьется мужикъ, какъ рыба объ ледъ, а все ничего нѣтъ. Вотъ разъ и говоритъ онъ женѣ: «Дай-ка пойду я въ городъ, попрошу брата, не поможетъ-ли чѣмъ?» Пришелъ къ богатому: «Братецъ родимый, помоги ты сколько нибудь моему горю! Жена и дѣти безъ хлѣба сидятъ, по цѣлымъ днямъ голодаютъ.»—«Поработай у меня эту недѣлю, тогда помогу,»—говоритъ богатый. Принялся бѣдный за работу: дворъ чиститъ, лошадей холитъ, воду возитъ, дрова рубитъ. Черезъ недѣлю даетъ ему богатый ковригу хлѣба: «Вотъ тебѣ за труды!»—«И на томъ спасибо,»—говоритъ бѣдный, поклонился и хотѣлъ было домой идти. «Постой!—говоритъ богатый:—приходи завтра ко мнѣ въ гости и жену приводи: вѣдь завтра мои именины.»—«Эхъ, братецъ! Куда мнѣ: къ тебѣ придутъ купцы въ сапогахъ да въ шубахъ, а я въ лаптяхъ хожу да въ худомъ полушубкѣ.» — «Ничего, приходи; и тебѣ будетъ мѣсто.»—«Спасибо, братецъ, приду.» Воротился бѣдный домой, отдалъ женѣ ковригу и говоритъ: «Слушай, жена! Завтра насъ съ тобой въ гости зовутъ.»—«Куда?»—«Къ брату: онъ завтра именинникъ.»—«Ну что-жь, надо идти.»

На утро встали они и пошли въ городъ, пришли къ богатому, поздравили его и сѣли въ углу на лавку. За столомъ ужь много гостей сидѣло. Всѣхъ ихъ угощаетъ хозяинъ на славу, а про бѣднаго брата и съ женой—и думать забылъ. Тѣ сидятъ да только посматриваютъ, какъ другіе пьютъ и ѣдятъ. Кончился обѣдъ; стали гости изъ за стола выходить, хозяина съ хозяюшкой за хлѣбъ-соль благодарить — и бѣдный тоже, поднялся съ лавки, кланяется брату въ поясъ. Гости поѣхали домой навеселѣ; шумятъ, пѣсни поютъ. А бѣдный, какъ пошелъ, такъ и ворочается натощахъ. Идутъ они съ женою путемъ-дорогою; дѣло къ вечеру, холодно, вѣтрено, снѣговыя тучи все небо покрыли. «Давай-ка, — говоритъ бѣднякъ женѣ, — и мы запоемъ какую нибудь пѣсню!»—«Съ чего это ты пѣть вздумалъ? Люди поютъ оттого, что сладко поѣли да много выпили, а мы съ тобой ушли не солоно хлѣбавши.»—«Нѣтъ, жена; все-таки я у брата на именинахъ былъ, безъ пѣсенъ мнѣ стыдно идти. Какъ я запою, такъ всякій подумаетъ, что и меня угостили.» — «Пой, если есть охота, а я не стану.» Запѣлъ мужикъ пѣсню—и слышится ему, точно чей-то голосъ, да такой тоненькій да жалобный сзади подпѣваетъ. Онъ пересталъ и спрашиваетъ жену: «Это ты подсобляла мнѣ пѣть?»—«Нѣтъ, и не думала.»—«Такъ кто же?»—«Не знаю.»—«А ну-ка, запой еще, я послушаю.» Онъ опять запѣлъ: и опять тотъ же голосъ слышится. Остановился бѣднякъ и говоритъ: «Эхъ, знать, это мое Горе мнѣ пѣть помогаетъ!» А Горе и вправду отзывается: «Я, хозяинъ!»—«Ну, Горе, пойдемъ съ нами вмѣстѣ.»—«Пойдемъ, хозяинъ; я и такъ отъ тебя не отстаю.»

Пришелъ мужикъ домой, а Горе зоветъ его въ кабакъ. Тотъ говоритъ: «У меня денегъ нѣтъ.»—«Охъ ты, мужичокъ недогадливый! На что тебѣ деньги? Вишь, на тебѣ полушубокъ надѣтъ, а на что онъ тебѣ? Скоро лѣто придетъ, все равно носить не станешь. Пойдемъ-ка въ кабакъ, да полушубокъ по боку.» Пошелъ мужикъ съ Горемъ въ кабакъ, и пропили они тамъ полушубокъ. На другой день Горе заохало,—съ похмѣлья голова болитъ,—и опять зоветъ хозяина винца испить. «Денегъ нѣтъ,»—говоритъ мужикъ.—«Да на что намъ деньги? Возьми сани да телѣгу—съ насъ и довольно.» Нечего дѣлать, не отбиться мужику отъ Горя;

взялъ онъ сани съ телѣгой, потащилъ въ кабакъ и пропилъ. На утро Горе еще пуще заохало, зоветъ хозяина опохмѣлиться: мужикъ пропилъ борону и соху. Мѣсяца не прошло, какъ онъ все спустилъ; даже избу свою сосѣду заложилъ, а деньги въ кабакъ снесъ. Горе опять пристаетъ къ нему: «Пойдемъ да пойдемъ въ кабакъ!» — «Нѣтъ, Горе, воля твоя, а больше тащить нечего.» — «Какъ нечего? У твоей жены два сарафана: одинъ оставь, а другой продай.» Продалъ мужикъ сарафанъ, деньги пропилъ и

Горе выскочило и усѣлось купцу на плечи.

думаетъ: «Вотъ когда чистъ! Ни кола ни двора; ни на себѣ ни на женѣ.»

Поутру проснулось Горе, видитъ, что у мужика нечего больше взять, и говоритъ: «Хозяинъ! Ступай къ сосѣду, попроси у него пару воловъ съ телѣгой.» Пошелъ мужикъ къ сосѣду: «Дай,— проситъ,—на время пару воловъ съ телѣгой; я на тебя хоть недѣлю за то проработаю.»—«На что тебѣ?» — «Въ лѣсъ за дровами съѣздить.»—«Пожалуй, возьми; только не великъ возъ накладывай.» Привелъ мужикъ домой пару воловъ, сѣлъ вмѣстѣ съ Горемъ въ телѣгу и поѣхалъ въ чистое поле.

— Хозяинъ,—спрашиваетъ Горе,—знаешь-ли ты на этомъ полѣ у дуба большой камень?»—«Какъ не знать?»—«А когда знаешь, поѣзжай прямо къ нему.» Пріѣхали они на то мѣсто, остановились и вылѣзли изъ телѣги. Велѣло Горе мужику поднимать камень, мужикъ поднимаетъ, Горе подсобляетъ. Подняли камень, а подъ нимъ яма, доверху золотомъ насыпана. «Ну, что глядишь?—говоритъ Горе.—Таскай скорѣй въ телѣгу!» Мужикъ принялся за работу и насыпалъ телѣгу золотомъ, все изъ ямы повыбралъ, до послѣдняго червонца. Видитъ, что ужь больше ничего не осталось, и говоритъ: «Посмотри-ка, Горе, никакъ тамъ еще деньги остались?» Горе наклонилось: «Гдѣ? Я что то не вижу.» — «Да вонъ въ углу свѣтятся!»—«Нѣтъ, не вижу.»—«Полѣзай въ яму, такъ и увидишь.» Горе полѣзло въ яму; только что спустилось туда, а мужикъ и накрылъ его камнемъ. «Вотъ такъ то лучше будетъ!—говоритъ.—Коли взять тебя съ собою, такъ ты, Горе-горемычное, и эти деньги пропьешь.»

Пріѣхалъ мужикъ домой, свалилъ деньги въ сундукъ, воловъ отвелъ къ сосѣду, и сталъ думать, какъ бы себя устроить. Купилъ лѣсу, выстроилъ большія хоромы и зажилъ богаче своего брата. Подошли его именины, онъ и поѣхалъ въ городъ звать брата съ женой въ гости. «Ишь, что выдумалъ!— говоритъ богатый:—у самаго ѣсть нечего, а еще именины справляешь!»— «Ну, когда то было нечего ѣсть, а теперь, слава Богу, всего довольно. Пріѣзжай—увидишь.»—«Ладно, пріѣду.» На другой день богатый братъ собрался съ женою, и поѣхалъ на именины. Смотрятъ,—а у бѣднаго-то хоромы новыя, высокія; не у всякаго купца

такія есть. Угостилъ мужикъ ихъ, употчивалъ, напоилъ всякими медами и винами. Вотъ богатый у брата и спрашиваетъ: «Скажи, пожалуйста, какими ты судьбами разбогатѣлъ?» Мужикъ разсказалъ ему по чистой совѣсти, какъ привязалось къ нему Горе-горемычное, какъ пропилъ онъ съ Горемъ въ кабакѣ все свое добро до послѣдней ниточки—только и осталось, что душа въ тѣлѣ,—какъ Горе указало ему кладъ въ полѣ у дуба и какъ онъ отъ Горя избавился. Завидно стало богатому. «Дай,—думаетъ,—поѣду къ тому дубу да выпущу Горе на бѣлый свѣтъ; пусть оно до тла разоритъ брата, чтобъ не смѣлъ онъ передо-мной своимъ богатствомъ чваниться.»

Отпустилъ богатый жену домой, а самъ въ поле поѣхалъ. Подъѣхалъ къ дубу, сталъ заступомъ камень сворачивать и только что наклонился надъ ямой, а Горе выскочило и усѣлось ему на плечи: «А! — кричитъ,—ты хотѣлъ меня здѣсь уморить! Нѣтъ, теперь я отъ тебя ни за что не отстану.»—«Послушай, Горе,—говоритъ купецъ.—Не я, а мой братъ засадилъ тебя подъ камень. Я нарочно пришелъ, чтобъ тебя выпустить.» — «Нѣтъ, врешь: одинъ разъ обманулъ, въ другой не обманешь!»

Крѣпко насѣло Горе богатому купцу на плечи; привезъ онъ его домой, и пошло у него хозяйство и вкривь и вкось: много добра въ кабакъ ушло. «Этакъ неладно жить, — думаетъ купецъ. — Довольно потѣшилъ я Горе; пора-бъ и разстаться съ нимъ.» Пошелъ купецъ на широкій дворъ, обтесалъ два дубовыхъ клина, взялъ новое колесо и накрѣпко вбилъ клинъ съ одного конца во втулку. Приходитъ къ Горю: «Что ты, Горе, все на боку лежишь?»—«А что-жь мнѣ больше дѣлать?»—«Пойдемъ на дворъ въ прятки играть.» Вышли на дворъ. Сперва купецъ спрятался—Горе его нашло; потомъ пришелъ Горю чередъ прятаться. «Ну,—говоритъ,—меня не скоро найдешь: я хоть въ какую щель забьюсь.»—«Куда тебѣ!—говоритъ купецъ.—Ты въ это колесо не влѣзешь, не то что въ щель.»—«А вотъ смотри.» Влѣзло Горе въ колесо, а купецъ взялъ, съ другого конца забилъ во втулку дубовый клинъ, поднялъ колесо и забросилъ его въ рѣку. Горе потонуло,—и сталъ купецъ жить по старому, по богатому.

Знахарь.

Жилъ-былъ хоть бѣдный да продувной мужичокъ, по прозванью Жучокъ. Укралъ онъ разъ у бабы холстину и спряталъ въ солому, а самъ давай повсюду хвастать, что ворожить мастеръ. Пришла къ нему баба и проситъ погадать. Жучокъ спрашиваетъ: «А что за труды дашь?»—«Много не могу, родимый: пудъ муки, да фунтъ масла дамъ».—«Ладно». Началъ гадать; погадалъ и говоритъ что ея холстина въ скирдѣ соломы тамъ-то и тамъ лежитъ. Стала баба искать—нашла холстину; кланяется, благодаритъ, Жучка за знахаря славитъ.

Дня черезъ два, черезъ три пропала у барина лошадь,—самъ же Жучокъ ее и укралъ.—Посылаетъ баринъ за знахаремъ, проситъ погадать. Сталъ Жучокъ гадать; погадалъ и говоритъ

барину, что его лошадь стоитъ въ лѣсу, въ такомъ-то мѣстѣ къ дереву привязана. Послалъ баринъ искать, сыскали лошадь и привели. Обрадовался баринъ, подарилъ Жучку сто рублей, и пошла о знахарѣ слава по всей округѣ.

Пропало разъ у князя обручальное кольцо. Ищутъ-поищутъ— нѣтъ нигдѣ. Послалъ князь за знахаремъ. Взяли Жучка, посадили въ повозку и привезли къ князю. «Вотъ, когда пропалъ-то!— думаетъ Жучокъ.—Откуда мнѣ знать, гдѣ кольцо? Разгнѣвается князь, не миновать мнѣ бѣды.»—«Здравствуй, мужичокъ!— говоритъ князь: — поворожи-ка мнѣ. Отгадаешь,—награжу, не отгадаешь,—голову съ плечъ сниму.» Приказалъ князь отвести знахаря въ особую горницу: пускай де цѣлую ночь ворожитъ, чтобы къ утру отвѣтъ былъ готовъ.

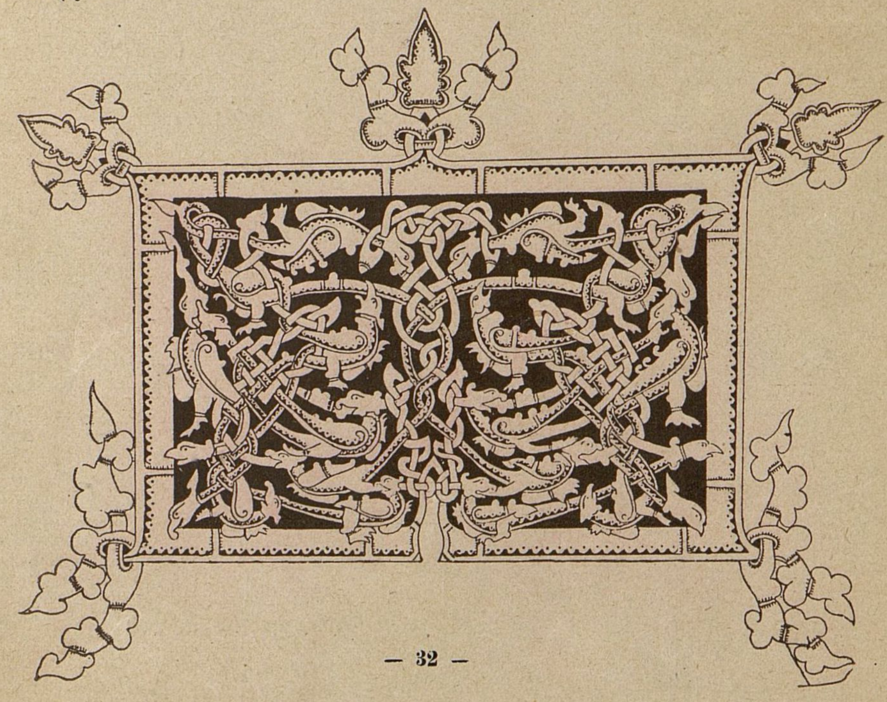
Сидитъ знахарь въ горницѣ и крѣпкую думу думаетъ: «Какой я отвѣтъ князю дамъ? Дождусь-ка лучше глухой полночи, да убѣгу, куда глаза глядятъ. Какъ пропоютъ третьи пѣтухи,—сейчасъ и задамъ тягу.»

А кольцо-то княжеское стащили трое: лакей, кучеръ да поваръ. «Бѣда, братцы!—говорятъ они между собой.—Вѣдь знахарь-то, пожалуй, всю правду узнаетъ,—тогда намъ смерть неминучая. Давайте подслушивать у дверей: коли онъ ничего не знаетъ,—то и мы молчокъ, а коли узнаетъ насъ, такъ ужь дѣлать нечего, придется ему повиниться, чтобъ только князю не говорилъ.» Пошелъ лакей подслушивать. Запѣли первые пѣтухи. «Слава Богу!— говоритъ Жучокъ. — Вотъ и первый, только-бы второго и третьяго дождаться.» У лакея душа въ пятки ушла. Прибѣжалъ онъ и говоритъ товарищамъ: «Ну, братцы, меня онъ узналъ! Только я къ двери, а онъ и говоритъ: «Вотъ и первый, только бы второго да третьяго дождаться!»—«Постой, я пойду,»—сказалъ кучеръ, и пошелъ слушать. Запѣли вторые пѣтухи. «Слава Богу!— говоритъ Жучокъ. — Два есть, остается одного ждать.» Перепугался кучеръ, воротился самъ не свой. «Теперь я пойду,— говоритъ поваръ: — если и въ третій разъ узнаетъ, придется повиниться ему.» Сталъ поваръ слушать. Запѣли третьи пѣтухи. Жучокъ обрадовался: «Слава Богу! Дождался третьяго!»—да поскорѣй къ двери, а воры ему навстрѣчу, кинулись въ ноги

и просятъ: «Не погуби, не сказывай князю, вотъ тебѣ кольцо!»— Жучокъ живо смекнулъ, въ чемъ дѣло, пріосанился и промолвилъ: «Ну, такъ и быть, прощаю васъ.» Взялъ кольцо, поднялъ половицу и бросилъ его подъ полъ.

На утро князь спрашиваетъ Жучка: «Ну что, узналъ, гдѣ мое кольцо?»—«Узналъ, князь-государь!»—«Гдѣ же?» — «Подъ эту половицу укатилось.» Подняли половицу и достали кольцо. Князь богато наградилъ знахаря, велѣлъ накормить-напоить, а самъ пошелъ въ садъ гулять. Идетъ по дорожкѣ, увидалъ жука, поднялъ его и вернулся къ знахарю. «Ну,—говоритъ,—если ты въ самомъ дѣлѣ знахарь, такъ узнай, что у меня въ рукѣ?» Знахарь испугался, шепчетъ самъ себѣ: «Попался, братъ Жучокъ, князю въ руки. Теперь не выскочишь!»—«Вѣрно, твоя правда,»— сказалъ князь, еще больше наградилъ знахаря и съ честью отпустилъ домой.

Такъ-то, братцы, бываетъ, что и ума не приложишь, а случай выручаетъ!

Цѣна выпуска
25 коп.
съ пересылкой 30 копѣекъ.

Дозволено цензур. Москва, 19го Марта 1894 г.
Обложка печатана въ Хромо-Литографіи В. Симова В. Кулинова

ВЪ ТОМЪ ЖЕ ВИДѢ И ОБЪЕМѢ, КАКЪ

СКАЗКИ РУССКАГО НАРОДА

КОНТОРОЮ КРЕСТНАГО КАЛЕНДАРЯ ИЗДАЮТСЯ:

Сказки, изложенныя по сборнику	ПОВѢСТИ и СКАЗКИ
Бр. Я. и В. ГРИММЪ.	**Ганса АНДЕРСЕНА.**

Въ настоящее время, послѣ изданія 10-го выпуска Сказокъ Андерсена и 15-го—Сказокъ бр. Гриммъ, первые выпуски обоихъ изданій, печатанные въ количествѣ **5000** экз., оказываются уже почти безъ остатка распроданными. Приступая поэтому къ новому изданію первыхъ выпусковъ и параллельно продолжая печатаніе остальныхъ, редакція, съ разрѣшенія Главнаго Управленія по Дѣламъ Печати отъ 9-го Сентября 1894 года, за № 5162, съ цѣлью удешевленія изданія и для удобства читателей, въ особенности иногородних ь

ОТКРЫВАЕТЪ ПОДПИСКУ НА ОБА ЭТИ ИЗДАНІЯ:

1) Сказки, изложенныя по сборнику Бр ГРИММЪ.

Огромный успѣхъ этого изданія объясняется впервые въ немъ сдѣланною удачною обработкою для русскихъ читателей текста сказокъ, роскошными рисунками художника Гротъ-Іоганна, а также изяществомъ и дешевизною изданія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: *Безъ доставки:* за все изданіе (20 выпусковъ)—**3** руб., за 10 вып.—**1** р. **50** коп., за 5 вып.—**80** коп. *Съ пересылкой и доставкой:* за 20 вып.—**4** руб., за 10 вып.—**2** руб. и за 5 вып.—**1** руб. Роскошный ***металлическій*** переплетъ на все изданіе—**1** рубль.

Отдѣльный выпускъ 20 коп., съ пересылкой 25 коп. (почт. марками).

2) Сказки и повѣсти АНДЕРСЕНА,

Новый переводъ съ датскаго подлинника, снабженный огромнымъ количествомъ (почти на каждой страницѣ) роскошныхъ иллюстрацій заграничныхъ и оригинальныхъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: *Безъ пересылки:* за все изданіе (20 выпусковъ) **3** р. **50** к., за 10 вып.—**1** р. **75** к. и за 5 вып.—**1** р. *Съ пересылкой и доставкой:* за 20 вып.—**4** р. **50** к., за 10 вып.—**2** р. **25** к. и за 5 вып.—**1** р. **25** к. Роскошный ***металлическій*** переплетъ на все изданіе—**1** р.

Отдѣльный выпускъ 25 коп., съ пересылкой 30 коп. (почт. марками).

Подписка принимается въ конторѣ Крестнаго Календаря

Москва, Болотная площадь, д. Майтова.

Въ Москвѣ можно подписываться открытымъ письмомъ въ контору, при чемъ необходимо указать время, когда артельщикъ конторы можетъ явиться съ подписнымъ билетомъ за полученіемъ платы.

Отдѣльные выпуски обоихъ изданій можно получать во всѣхъ книжныхъ и писчебумажныхъ торговляхъ Россіи. *(См. 3-ю стр. обложки.)*

4—5 (двойной) выпускъ—Сказка про Лису Патрикѣевну, съ 22-мя рисунками, выйдетъ десятаго Ноября с. г., 6 и 7-й выпуски—выйдутъ въ Ноябрѣ.

„Иллюстрированная Библіотека Крестнаго Календаря“.

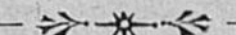
СКАЗКИ
РУССКАГО НАРОДА.

Текстъ подъ редакціей
В. А. Гатцука.

Рисунки художника **Н. А. Богатова.**

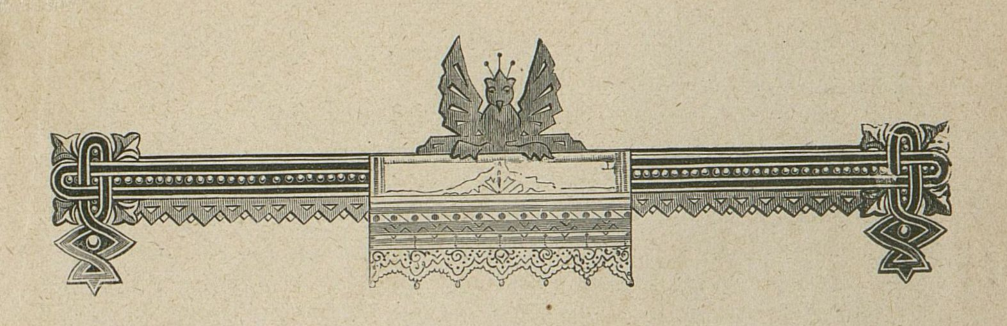
III.

СОДЕРЖАНІЕ:

МОСКВА.
Типографія **В. А. Гатцукъ**, Болотная площадь, домъ Майтова.
1894.

Дозволено цензурою. Москва, 15 Октября 1894 года.

Страшный Кабанъ. *)

Давнымъ-давно жилъ въ одномъ селѣ человѣкъ, по имени Иванъ. Умерла у Ивана молодая жена и оставила ему двухъ сыновъ-малолѣтокъ и новорожденную дочку.

Сталъ Иванъ одинъ жить, одинъ дѣтей ростить и выростилъ молодцовъ-сыновей Петра и Степана да дочку-красавицу Олесю, себѣ и добрымъ людямъ на радость, а худымъ на зависть.

Какъ подросли сыновья, сталъ старшій охотникомъ,—далъ ему отецъ ружье, да не простое, а заговоренное: не знало то ружье никогда промаху.

А младшій сталъ по степи ходить, отцовскихъ овецъ пасти,—и далъ ему отецъ рожокъ пастушій, тоже не простой: только подумай, заигравши на немъ, кого позвать хочешь—звѣрь-ли, птица-ли,—какъ ручной придетъ.

Пришла весна красная, прилетѣли гуси-лебеди съ теплой стороны, поднялся изъ берлоги голодный медвѣдь—сталъ людей обижать ихъ скотину драть—не идетъ Петрó на охоту съ сво-

*) Тема, общая сказаніямъ всѣхъ индоевропейскихъ народовъ (чудесное раскрытіе тайнаго братоубійства или сестроубійства, совершеннаго изъ зависти) въ обработкѣ по варіантамъ южныхъ славянъ: малороссовъ, вендовъ, хорутанъ, сербовъ и др.

имъ вѣрнымъ ружьемъ; потянулись въ степь овечьи отары—не гонитъ свою за другими Степанъ.

Дивится старый Иванъ: день братьевъ дома нѣтъ, — гдѣ они, никому невѣдомо,—а вечеромъ придутъ домой сумрачные, исподлобья другъ на друга смотрятъ, слова одинъ другому не вымолвятъ.

А дѣло вотъ какое было. Жила на краю бора вдова старуха съ дочерью Татьяной,—зачаровала дѣвица обоихъ братьевъ своими карими очами да черными бровями. Не отходятъ Петро и Степанъ цѣлый день отъ старухиной хаты: и дрова старухѣ рубятъ и воду носятъ,—только, чтобы хоть взглянуть на Татьяну, хоть слово отъ нея услышать. А Татьяна—нынче будто съ Петромъ ласкова, а на Степана и глядѣть не хочетъ, завтра—отъ старшаго отворачивается, къ младшему ласкается. И ходятъ братья сумрачные, одинъ другого выслѣживаютъ, волками другъ на друга смотрятъ.

Вдругъ появился въ той сторонѣ, невѣдомо откуда, страшный дикій кабанъ-одинецъ, величины и злобы неслыханной. Рыщетъ кабанъ ночью и днемъ, поля вытаптываетъ, въ садахъ дерева съ корнемъ вырываетъ, набѣжитъ на стадо—и скотъ и пастуховъ клыками на смерть поретъ.

Прослышала про этого кабана Татьяна, и говоритъ братьямъ: «Ступайте-ка вы въ дремучій боръ, и кто изъ васъ принесетъ мнѣ страшнаго кабана, живого или мертваго, тотъ и сватовъ ко мнѣ присылай.»

Отъ зари до зари искалъ Петро страшнаго кабана: всѣ тропы выслѣдилъ, всѣ кручи, овраги повыходилъ, всю чащу вытопталъ—нѣтъ кабана, точно его вовсе и не было. Идетъ Петро вечеромъ назадъ сумрачный, вдругъ слышитъ—братнинъ рожокъ невдалекѣ играетъ. Выглянулъ Петро изъ чащи, глядь—идетъ братъ Степанъ по тропинкѣ межъ камышами, на рожкѣ весело поигрываетъ, а рядомъ съ нимъ бѣжитъ страшный кабанъ, похрюкиваетъ и башкой о братнино плечо ласково трется.

Весь затрясся Петро отъ злобы, схватилъ ружье, приложился и — выстрѣлилъ. Упалъ Степанъ, какъ подкошенный; изъ виска, братниной пулей пробитаго, потекла на землю горячая,

А дудка сама поетъ, слова выговариваетъ.

алая кровь. А кабанъ, какъ стрѣла, метнулся въ камышъ, — больше объ немъ никогда и не слышали.

Взялъ Петрò братнино тѣло, закопалъ его у тропинки въ камышахъ, а самъ пошелъ домой. «Гдѣ Степанъ?»—спрашиваетъ его отецъ.—«Не знаю, я ему не сторожъ; можетъ быть его въ лѣсу дикіе звѣри разорвали.»

Шелъ, на другую весну, пастушокъ боромъ—искалъ себѣ камышину для дудки. Видитъ, около тропинки въ болотѣ бугорокъ, а на немъ высокая прямая камышина выросла; срѣзалъ онъ камышину и сдѣлалъ изъ нея себѣ дудку.

Вечеромъ гонитъ онъ домой череду *), и заигралъ у околицы на своей новой дудочкѣ. А дудочка сама поетъ, слова выговариваетъ:

*) Стадо.

«Ой, тише-тише, пастушокъ, играй,
Покой моимъ косточкамъ ты въ могилѣ дай!
Меня братъ убилъ, въ камышахъ зарылъ—
Въ камышахъ при дубровѣ—
За тѣ дѣвичьи очи, за черныя брови!»

Старый Иванъ съ дочкою въ то время на крыльцѣ сидѣлъ; какъ услыхалъ старикъ, что чудесная дудочка выговариваетъ, помертвѣлъ весь, и говоритъ пастуху: «Отдай, овчарикъ, *) мнѣ твою дудочку.» Отдалъ ему овчаръ дудочку и, только что приложилъ ее отецъ къ губамъ, она сама заиграла:

«Ой, тише, тише, батюшка, играй,
Покой моимъ косточкамъ ты въ могилѣ дай!
Меня братъ убилъ, въ камышахъ зарылъ—
Въ камышахъ при дубровѣ—
За тѣ дѣвичьи очи, за черныя брови!»

«Гдѣ ты камышину срѣзалъ?»—спрашиваетъ Иванъ пастуха. Разсказалъ ему пастухъ мѣсто по примѣтамъ, пошелъ старикъ въ дуброву къ камышамъ, выкопалъ изъ подъ бугорка кости сыновнія и принесъ ихъ домой.

А Петро ужь вернулся, съ охоты, сидитъ, какъ всегда, въ углу сумрачный. «Сыграй-ка мнѣ на этой дудочкѣ» — говоритъ ему отецъ. Лишь приложилъ Петро дудку къ губамъ, она сама заиграла:

«Ой, тише-тише, братецъ мой играй,
Покой моимъ косточкамъ ты въ могилѣ дай!
Ты-жь меня убилъ, въ камышахъ зарылъ—
Въ камышахъ при дубровѣ—
За тѣ дѣвичьи очи, за черныя брови!»

Вскочилъ Петро съ лавки, выронилъ дудку и, бросился вонъ изъ дому, какъ сумасшедшій.

Говорятъ, и теперь еще бродитъ онъ по дремучимъ лѣсамъ,— ни смерти, ни покоя себѣ не находитъ.

---

*) Овечій пастушокъ.

Аленькій Цвѣточекъ. *)

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ былъ богатый купецъ, именитый человѣкъ, и было у того купца три дочери, всѣ три красавицы писаныя, а меньшая лучше всѣхъ. Вотъ собрался тотъ купецъ по торговымъ дѣламъ и говоритъ дочерямъ своимъ: «Дочери мои милыя, ѣду я по своимъ дѣламъ за тридевять земель, въ тридесятое царство,—скажите, какихъ гостинцевъ вамъ хочется.» И говоритъ ему старшая дочь: «Государь мой батюшка, привези ты мнѣ золотой вѣнецъ изъ каменьевъ самоцвѣтныхъ.» Средняя дочь проситъ привезти ей зеркальцо хрусталю восточнаго, цѣльнаго, безпорочнаго. Поклонилась въ ноги отцу меньшая дочь и говоритъ таково слово: «Государь ты мой батюшка, привези ты мнѣ *аленькій цвѣточекъ,* котораго бы не было краше на бѣломъ свѣту.» Призадумался честной купецъ: «Задала ты мнѣ работу потяжеле сестриныхъ: аленькій цвѣточекъ не хитро найти, да какъ же узнать мнѣ, что краше его нѣтъ на бѣломъ свѣту?»

Ѣздитъ честной купецъ по чужимъ сторонамъ, по королевствамъ невиданнымъ; онъ мѣняетъ товаръ на товаръ со придачею серебра да золота; золотой казной корабли нагружаетъ да домой посылаетъ. Отыскалъ онъ завѣтный гостинецъ для своей старшей дочери—вѣнецъ съ камнями самоцвѣтными: отъ нихъ

*) По С. Т. Аксакову.

свѣтло въ темную ночь, какъ въ бѣлый день. Отыскалъ завѣтный гостинецъ и для средней дочери — хрустальное зеркальцо: въ немъ видна вся красота поднебесная, смотрѣть въ него,— дѣвичья красота не старѣется, а прибавляется. Не можетъ онъ только найти для меньшой, любимой дочери, завѣтнаго гостинца— аленькаго цвѣточка, краше котораго нѣтъ на бѣломъ свѣту. Хороши цвѣты встрѣчалися, да чтобъ краше ихъ не найти, — въ томъ поруки нѣтъ.

Вотъ ѣдетъ купецъ путемъ-дорогою, со всѣми слугами вѣрными, по пескамъ сыпучіимъ, по лѣсамъ дремучіимъ и, откуда ни возьмись, налетѣли на него разбойники басурманскіе, нехристи поганые. Увидѣлъ купецъ бѣду неминучую, бросилъ свои караваны богатые со слугами вѣрными и бѣжитъ во темны лѣса. Идетъ онъ тѣми лѣсами дремучими день отъ утра до вечера, не слышитъ онъ реву звѣринаго, ни шипѣнія змѣинаго, ни крику совинаго, ни голоса птичьяго: точно около него все повымерло. Вотъ пришла и темная ночь; кругомъ его—хоть глазъ выколи, а у него подъ ногами свѣтлехонько. Чѣмъ дальше идетъ, тѣмъ свѣтлѣе становится, и вышелъ онъ, подъ конецъ, на поляну широкую, а посереди той поляны широкія стоитъ дворецъ королевскій, весь въ огнѣ, въ серебрѣ, въ золотѣ и въ каменьяхъ самоцвѣтныхъ, весь горитъ и свѣтитъ, точно солнышко красное. Всѣ окошки во дворцѣ растворены и играетъ въ немъ музыка согласная.

Вошелъ купецъ на широкій дворъ, черезъ дворъ — и въ палаты бѣлокаменныя; вошелъ въ горницу — нѣтъ никого; въ другую, въ третью—нѣтъ никого, въ пятую, десятую—нѣтъ никого; а убранство вездѣ невиданное: золото, серебро, хрустали восточные, да каменья самоцвѣтные. Ни хозяина, ни прислуги нѣтъ—только музыка играетъ не смолкаючи. И подумалъ купецъ про себя: «Все хорошо, да ѣсть нечего.» Глядь,—а передъ нимъ столъ, убранный; въ золотой посудѣ да серебряной явства стоятъ сахарныя и вина заморскія. Сѣлъ онъ за столъ, напился, наѣлся до сыта. Не успѣлъ онъ встать да оглянуться, а стола съ кушаньемъ какъ не бывало. Дивится купецъ такому чуду, и ходитъ онъ по палатамъ изукрашеннымъ, да любуется. Захотѣлось

ему спать, глядь — стоитъ передъ нимъ кровать рѣзная, изъ чистаго золота, на ножкахъ хрустальныхъ, съ пологомъ серебрянымъ, съ бахромою и кистями жемчужными; пуховикъ на ней, какъ гора лежитъ, пуху мягкаго, лебяжьяго. Легъ купецъ и заснулъ тотчасъ.

Утромъ всталъ, глядитъ, платье ему приготовлено и фонтанъ воды бьетъ въ чашу хрустальную. Глядитъ купецъ въ окно и видитъ, что кругомъ дворца разведены сады диковинные, плодовитые, и цвѣты цвѣтутъ красоты неописанной. Захотѣлось ему по тѣмъ садамъ прогуляться.

Сходитъ онъ по лѣстницѣ изъ мрамора зеленаго, изъ малахита мѣднаго, съ перилами позолоченными, сходитъ прямо въ зелены сады. Гуляетъ онъ и любуется: на деревьяхъ висятъ плоды спѣлые, румяные, сами въ ротъ такъ и просятся; цвѣты цвѣтутъ пахучіе, всякими красками расписанные; птицы летаютъ невиданныя, пѣсни поютъ райскія; фонтаны воды бьютъ высокіе, и бѣгутъ и шумятъ ключи родниковые по колодамъ хрустальнымъ. Ходитъ купецъ, дивуется; вдругъ видитъ онъ, на зеленомъ пригорочкѣ цвѣтетъ цвѣтокъ цвѣту алаго, красоты невиданной и неслыханной, ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать. Подходитъ купецъ къ тому цвѣтку—руки, ноги трясутся у него, и говоритъ онъ радостно: «Вотъ аленькій цвѣточекъ, какого нѣтъ краше на бѣломъ свѣту, о немъ то и просила меня дочь меньшая, любимая.» Подошелъ онъ и сорвалъ аленькій цвѣточекъ.

Вдругъ въ ту минуту блеснула молнія, ударилъ громъ, земля зашаталася, — и выросъ, словно изъ земли, передъ купцомъ—звѣрь не звѣрь, человѣкъ не человѣкъ, а такъ какое-то чудище страшное, мохнатое, и заревѣло оно дикимъ голосомъ:

— Что ты сдѣлалъ? Какъ посмѣлъ сорвать въ моемъ саду мой заповѣдный, любимый цвѣтокъ? Принялъ я тебя въ свой дворецъ, какъ дорогого гостя и званнаго, накормилъ, напоилъ и спать уложилъ, а ты такъ-то заплатилъ за мое добро! Знай же свою участь горькую: умереть тебѣ за свою вину смертью безвременной!

У купца отъ страха зубъ на зубъ не попадаетъ; оглянулся онъ кругомъ и видитъ, что со всѣхъ сторонъ, изъ подъ каждаго дерева и кустика, изъ воды, изъ земли, лѣзетъ къ нему сила нечистая и несмѣтная: все страшилища безобразныя. Онъ упалъ на колѣни передъ чудищемъ мохнатымъ, и говоритъ ему жалобно:

— Охъ ты гой еси, звѣрь лѣсной, морское чудище! Не погуби ты меня за мою продерзость безвинную, не вели казнить, вели слово вымолвить.—И разсказалъ тутъ купецъ чудищу про дочерей своихъ и про свое обѣщаніе. Сталъ просить, молить, чтобы отдало оно ему цвѣточекъ аленькій для дочери любимой, обѣщалъ заплатить золотой казны, сколько потребуетъ. Засмѣялся звѣрь лѣсной, страшное чудище:

— Не надо мнѣ твоей золотой казны—мнѣ своей дѣвать некуда. Отпущу я тебя домой невредимаго, награжу казной несчетною, подарю цвѣточекъ аленькій, коли дашь ты мнѣ слово честное, что пришлешь ко мнѣ одну изъ дочерей своихъ; я обиды ей никакой не сдѣлаю, а будетъ она жить, какъ самъ ты жилъ, во дворцѣ моемъ. Стало скучно мнѣ жить одному, и хочу я залучить себѣ товарища.—Опечалился купецъ, да какъ взглянетъ на звѣря лѣсного, на страшное чудище, да вспомнитъ дочерей своихъ, — и заплакалъ голосомъ: больно страшенъ былъ лѣсной звѣрь, морское чудище.

— Какъ же мнѣ быть,—говоритъ онъ чудищу,—коли дочери мои по своей волѣ не захотятъ ѣхать къ тебѣ? Не связать же мнѣ имъ руки и ноги, да насильно прислать? Да и какимъ путемъ до тебя доѣхать? Я ѣхалъ къ тебѣ ровно два года, а по какимъ мѣстамъ, по какимъ путямъ,—и не вѣдаю.—Отвѣчаетъ звѣрь лѣсной, морское чудище:

— Не хочу я невольницы: пусть пріѣдетъ твоя дочь сюда по любви къ тебѣ, своей волею; а коли дочери твои не поѣдутъ, то самъ пріѣзжай, и велю я казнить тебя смертью лютою. А какъ пріѣхать ко мнѣ—не твоя печаль; дамъ я тебѣ перстень съ руки моей: кто надѣнетъ его на правый мизинецъ, тотъ очутится тамъ, гдѣ пожелаетъ, въ одно мгновеніе. Сроку тебѣ даю дома пробыть три дня и три ночи.» — Думалъ, думалъ купецъ,

«Что ты сдѣлалъ? Какъ посмѣлъ сорвать мой заповѣдный цвѣтокъ?»

дѣлать нечего; далъ онъ слово честное, получилъ съ руки чудища золотой перстень. И только онъ надѣлъ его на правый мизинецъ, какъ очутился у себя дома; а въ ворота въѣзжаютъ его караваны богатые, и привезли они казны и товаровъ втрое противу прежняго.

Встрѣтили его дочери, стали отца цѣловать, миловать, ласковыми именами называть. Только видятъ онѣ, что отецъ невеселый: у него на сердцѣ печаль какая-то. Стали дочери его спрашивать: не потерялъ ли онъ богатствъ своихъ, отчего такъ кручиненъ сталъ. «Не потерялъ я своего богатства великаго, — говоритъ отецъ, — а нажилъ казны втрое-вчетверо; есть у меня другая печаль, и скажу вамъ о ней завтрашній день.» Приказалъ онъ принести сундуки; досталъ онъ старшей дочери золотой вѣнецъ золота аравійскаго: на огнѣ не горитъ, въ водѣ не ржавѣетъ, съ камнями самоцвѣтными. Досталъ гостинецъ середней дочери—зеркальцо хрусталю восточнаго; подаетъ и меньшой дочери золотой кувшинъ съ цвѣточкомъ аленькимъ.

Утромъ позвалъ къ себѣ купецъ старшую дочь, разсказалъ ей все, что съ нимъ приключилося, и спросилъ: хочетъ ли она избавить его отъ лютой смерти и поѣхать жить къ звѣрю лѣсному, къ морскому чудищу? Старшая дочь отказалася и говоритъ: «Пусть та дочь и выручаетъ отца, для которой онъ доставалъ аленькій цвѣточекъ.» Отказалась и средняя дочь. Позвалъ купецъ меньшую дочь и началъ ей все разсказывать. Стала передъ нимъ на колѣни дочь меньшая, любимая, и говоритъ: «Благослови меня, батюшка: я поѣду къ звѣрю лѣсному, страшному чудищу, и стану жить у него. Для меня досталъ ты аленькій цвѣточекъ, — мнѣ надо и выручать тебя.» Прошелъ второй и третій день и третья ночь, пришла пора разставаться купцу съ дочерью. Вынулъ онъ перстень звѣря лѣсного, страшнаго чудища, надѣлъ на правый мизинецъ дочери — и не стало ея въ ту-же минуту, со всѣми ея пожитками.

Очутилась она во дворцѣ звѣря лѣсного, страшнаго чудища, во палатахъ высокихъ, каменныхъ, на кровати изъ рѣзного золота, на пуховикѣ пуха лебяжьяго, покрытомъ золотой камкой. Встала она съ постели и видитъ, что цвѣточекъ алень-

кій въ кувшинѣ позолоченномъ тутъ же на столѣ стоитъ. Захотѣлось ей осмотрѣть весь дворецъ, пошла она осматривать, и ходила она не мало времени, на диковинки любовалася; потомъ взяла она изъ кувшина любимый цвѣточекъ аленькій, сошла въ садъ, — и запѣли ей птицы свои пѣсни райскія, а деревья, кусты и цвѣты передъ ней преклонилися. И нашла она то мѣсто высокое, пригорокъ муравчатый, на которомъ сорвалъ отецъ ея цвѣточекъ аленькій, краше котораго нѣтъ на бѣломъ свѣтѣ. Вынула она цвѣточекъ изъ кувшина, и хотѣла посадить на мѣсто прежнее; но самъ онъ вылетѣлъ изъ рукъ ея, приросъ къ стеблю и разцвѣлъ краше прежняго. Подивилася она такому чуду, порадовалась своему цвѣточку аленькому, завѣтному, и пошла назадъ во дворецъ.

Ходитъ она по палатамъ бѣлокаменнымъ и видитъ—въ одной столъ накрытъ. «Видно, звѣрь лѣсной на меня не гнѣвается и будетъ ко мнѣ господиномъ добрымъ и милостивымъ,»—думаетъ дѣвица; и только что это подумала, какъ на бѣлой мраморной стѣнѣ появились слова огненныя: «Не господинъ я тебѣ, а твой послушникъ и рабъ. Что тебѣ пожелается, моя госпожа, все исполнять буду съ охотою.» Прочитала она эти слова, видитъ, на столѣ появились явства сахарныя, питія медовыя, вся посуда червоннаго золота. Сѣла она за столъ радостная: ѣла, пила, прохлаждалася, музыкою забавлялась, а послѣ обѣда гулять пошла по садамъ зеленымъ, поглядѣть на всѣ диковинки.

Стала жить да поживать дѣвица во дворцѣ у лѣсного чудища. Всякій день ей готовы наряды новые, богатые и убранства такія, что цѣны имъ нѣтъ — ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать. Стала она рукодѣльями заниматься, вышивать ширинки серебромъ и золотомъ, низать бахромы скатнымъ жемчугомъ, стала посылать подарки батюшкѣ родимому, а самую богатую ширинку вышила своему хозяину, тому лѣсному звѣрю, страшному чудищу, что къ ней такъ добръ и ласковъ былъ. Только какъ подарить,—не вѣдаетъ.

Прошло такъ не мало времени. Стала привыкать къ своему житью-бытью молодая дочь купеческая, ничему она ужь не удивляется, ничего не пугается; служатъ ей слуги невидимые, подаютъ,

принимаютъ и всѣ ея повелѣнія исполняютъ. И стала она своего господина любить, день-ото-дня все больше и больше; знаетъ красавица, что и онъ любитъ ее больше самого себя, и захотѣлось ей его голоса послушать, захотѣлось съ нимъ разговоръ повести. Стала она его о томъ молить и просить, да звѣрь лѣсной, страшное чудище, нескоро на ея просьбу соглашается, испугать ее, видно, своимъ голосомъ опасается.

Разъ пошла красавица въ садъ, вошла въ бесѣдку свою любимую, листьями, цвѣтами заплетенную, и сѣла на скамью. Говоритъ она чудищу лѣсному невидимому: «Не бойся ты, господинъ мой добрый, ласковый, испугать меня своимъ голосомъ; послѣ всѣхъ твоихъ милостей не испугаюсь я и рева звѣринаго: говори со мной, не бойся.» И слышитъ она, словно кто вздохнулъ за бесѣдкою, и вдругъ раздался голосъ страшный, дикій и хриплый, да и то говорилъ онъ еще въ полголоса; вздрогнула сначала красавица, да со страхомъ своимъ совладала, виду, что испугалася, не показала, и скоро слова его ласковыя и привѣтливыя, рѣчи умныя и разумныя стала слушать она и заслушалась, и стало у ней на сердцѣ радостно.

Съ той поры, пошли у нихъ разговоры каждый день въ зеленомъ саду, въ темныхъ лѣсахъ и во дворцѣ. Только спроситъ красавица: «Здѣсь ли ты, мой добрый любимый господинъ?» Отвѣчаетъ лѣсной звѣрь, страшное чудище: «Здѣсь, госпожа моя прекрасная, твой вѣрный рабъ, неизмѣнный другъ.» И не пугается она его голоса дикаго и страшнаго, и пойдутъ у нихъ рѣчи ласковыя,—что конца имъ нѣтъ.

Прошло мало ли, много ли времени, — скоро сказка сказывается, не скоро дѣло дѣлается, — захотѣлось красавицѣ увидѣть своими глазами звѣря лѣсного, страшное чудище, и стала она о томъ его просить, молить. И говоритъ звѣрь лѣсной, страшное чудище: «Не проси, не моли ты меня, красавица ненаглядная, чтобы показалъ я тебѣ свое лицо противное, свое тѣло безобразное. Какъ увидишь ты меня, страшное чудище, возненавидишь меня, несчастнаго, прогонишь съ глазъ долой, а въ разлукѣ съ тобой я умру съ тоски.» Не слушала такихъ рѣчей красавица, и стала клясться, что никакого

на свѣтѣ страшилища не испугается и что не разлюбитъ она своего господина добраго. И говоритъ ей чудище: «Исполню я твое желаніе, хоть и знаю, что погублю мое счастіе и умру смертью безвременной. Приходи ты въ садъ, въ сумерки когда, сядетъ за лѣсъ солнышко красное, и скажи: «Покажись мнѣ вѣрный другъ!» А коли станетъ не въ моготу тебѣ больше у меня оставаться, не хочу я твоей неволи: найдешь ты въ спальнѣ своей, у себя подъ подушкою, мой золотой перстень. Надѣнь его на правый мизинецъ и очутишься ты у батюшки родимаго, и ничего обо мнѣ никогда не услышишь.»

Къ вечеру, какъ опустилося за лѣсъ солнышко красное, говоритъ она: «Покажись мнѣ, мой вѣрный другъ!» И показался ей издали звѣрь лѣсной, страшное чудище. Прошелъ онъ только поперекъ дороги и пропалъ въ частыхъ кустахъ, увидала его красавица, всплеснула руками, закричала отъ страха и упала на дорогу безъ памяти. Страшенъ звѣрь лѣсной, морское чудище: руки кривыя, на рукахъ когти, ноги лошадиныя, спереди и сзади горбы верблюжіе, весь мохнатый сверху до низу, изо рта торчатъ кабаньи клыки, носъ крючкомъ, какъ у коршуна, а глаза совиные. Очнулась красавица, и слышитъ: плачетъ кто-то возлѣ нея, и говоритъ: «Погубила ты меня, моя красавица возлюбленная, не видать мнѣ больше твоего лица прекраснаго, не захочешь ты меня даже слышать: умру я лучше смертью безвременной.» Стало ей жалко и совѣстно, что испугалась она своего друга милаго. «Не бойся ничего, мой господинъ добрый и ласковый; не испугаюсь я больше тебя, не разлучусь съ тобой, не забуду твоей доброты; покажись мнѣ теперь опять.»

Показался ей лѣсной звѣрь, морское чудище, только близко подойти къ ней не осмѣлился, сколько она ни звала его. И гуляли они до темной ночи, вели бесѣды прежнія, ласковыя и разумныя, и никакого страха у красавицы къ нему не было. На другой день увидала она звѣря лѣснаго, страшное чудище, при свѣтѣ солнышка краснаго, и хоть испугалась,—виду не показала, а скоро страхъ ея и совсѣмъ прошелъ. Тутъ пошли у нихъ бесѣды больше прежняго; день деньской они

не разлучалися, за столъ вмѣстѣ садилися, гуляли по зеленымъ садамъ, безъ коней каталися по темнымъ лѣсамъ.

Прошло не мало времени. Вотъ разъ приснилось красавицѣ, что отецъ ея нездоровъ лежитъ и стала она плакать тосковать. Увидалъ ее въ слезахъ звѣрь лѣсной, страшное чудище, и сталъ спрашивать: о чемъ она тоскуетъ, слезы льетъ? Разсказала она ему свой сонъ и проситъ позволенія повидать своего отца и сестеръ. Говоритъ ей лѣсной звѣрь, страшное чудище: «И зачѣмъ тебѣ мое позволеніе? Золотой перстень мой у тебя лежитъ: надѣнь его на правый мизинецъ и очутишься въ домѣ отца. Только, знай, что коли ты черезъ три дня и три ночи не воротишься, то не будетъ меня на бѣломъ свѣтѣ: умру я тогда, потому что люблю тебя больше, чѣмъ самого себя, и жить безъ тебя не могу.» Обѣщалась красавица, что вернется къ нему за часъ до трехъ дней и ночей, простилась, надѣла на правый мизинецъ перстень золотой и очутилась у себя въ домѣ. Обрадовались ей отецъ и сестры. Разсказала она своему отцу и сестрамъ, про свое житье-бытье у звѣря лѣсного, страшнаго чудища. Завидно стало сестрамъ красавицы, какъ узнали онѣ про богатства несмѣтныя младшей сестры и про власть ея царскую надъ своимъ господиномъ. День прошелъ, какъ одинъ часъ, другой день прошелъ, какъ минуточка, подходитъ къ концу и третій день.

И задумали сестры изъ зависти злое дѣло, чтобы просрочила она урочный часъ и разгнѣвала чудище. Дали ей соннаго зелья— и заснула дѣвица тяжелымъ сномъ. Только наступилъ часъ заповѣдный, защемило ея сердце, проснулась она, глядь,—а ужь одна минута просрочена. Надѣла она золотой перстень на мизинецъ и очутилась во дворцѣ звѣря лѣсного.

Не встрѣчаетъ никто дѣвицу въ царствѣ звѣря лѣснаго, морского чудища. Тишь стоитъ мертвая: въ садахъ птицы не поютъ пѣсни райскія, не бьютъ фонтаны высокіе, не шумятъ ключи родниковые, не играетъ музыка въ палатахъ мраморныхъ. Чуетъ ея сердце недоброе; обѣжала она весь дворецъ и сады зеленые, зоветъ своего друга милаго — нѣтъ нигдѣ ни отвѣта ни привѣта; побѣжала она на пригорокъ муравчатый, гдѣ росъ, красовался ея

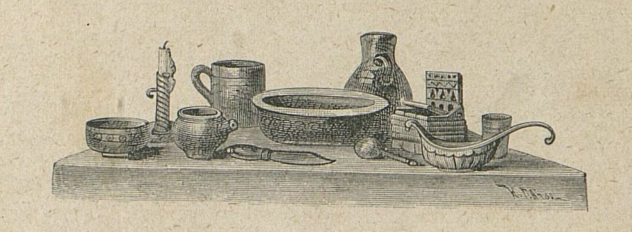
любимый цвѣточекъ аленькій, и видитъ она, что лѣсной звѣрь, страшное чудище, лежитъ на пригоркѣ, обхвативъ цвѣточекъ аленькій своими лапами безобразными. Подумала она, что, дожидаясь ее, заснулъ звѣрь крѣпкимъ сномъ. Начала его будить потихоньку красавица, но не слышитъ онъ; схватила его за лапу мохнатую и видитъ, что звѣрь лѣсной, страшное чудище, бездыханенъ-мертвъ лежитъ.... Помутилися ея очи ясныя, подкосилися ноги рѣзвыя, упала она на колѣни, обняла руками голову своего друга милаго, голову безобразную и заплакала: «Встань, пробудись, мой сердечный другъ, я люблю тебя, какъ жениха желаннаго».... И только она это вымолвила, какъ заблестѣла молнія, затряслась земля отъ грома, ударила стрѣла въ пригорокъ, и упала безъ памяти красавица.

Помутилися ея очи ясныя, подкосилися ноги рѣзвыя.

Долго ли она лежала безъ памяти — не помнитъ; только очнулась, видитъ себя во дворцѣ: сидитъ на золотомъ престолѣ съ каменьями драгоцѣнными, и держитъ ее за руку королевичъ молодой, красавецъ писаный, на головѣ у него корона царская, а на немъ одежда златотканная, передъ ней стоитъ отецъ съ сестрами, а кругомъ на колѣнахъ стоитъ свита: всѣ одѣты въ парчахъ золотыхъ, серебряныхъ.

И говоритъ ей молодой королевичъ: «Полюбила ты меня, красавица ненаглядная, въ образѣ чудовища безобразнаго, за мою добрую душу и любовь къ тебѣ, полюби же меня теперь въ образѣ человѣческомъ, будь моей невѣстой желанною. Злая вѣдьма прогнѣвалась на моего родителя покойнаго, короля, украла меня, еще маленькаго, колдовствомъ своимъ оборотила меня въ чудище страшное и наложила такое заклятіе: жить мнѣ въ такомъ видѣ безобразномъ и страшномъ для всякаго человѣка, для всякой твари Божіей, пока найдется красная дѣвица, полюбитъ меня и пожелаетъ быть моей женой,— тогда колдовство все покончится. Жилъ я такимъ чудищемъ тридцать лѣтъ, и залучалъ я въ мой дворецъ заколдованный одинадцать дѣвицъ, а ты была двѣнадцатая. Ни одна не полюбила меня за мои ласки и любовь, за мою душу добрую. Ты одна полюбила меня, за любовь мою къ тебѣ несказанную, и будешь ты за то женою короля славнаго, королевою.»

Стали поздравлять тогда жениха съ невѣстою отецъ и сестры завистливыя, вся свита и слуги вѣрные, люди ратные и, ни мало не медля, принялись веселымъ пиркомъ да за свадебку.

Жена докащица.

Пахалъ мужикъ барскую пашню и нашелъ кладъ,— цѣлую кубышку съ деньгами. Обрадовался, пришелъ домой и говоритъ женѣ: «Жена, а жена, я кладъ нашелъ.» — «Гдѣ?» — «На барской пашнѣ.» — «Что-жь, — говоритъ жена, — надо барину скорѣй сказать; хуже будетъ, если помимо насъ узнаетъ.» — «Не узнаетъ!»—«Ну, ты какъ знаешь, а я все-таки барину скажу.» Видитъ мужикъ,—дѣло плохо; скажетъ жена барину, тогда и кладъ прощай, потому что въ той сторонѣ такой законъ былъ: на чьей землѣ кладъ оказался, — тотъ имъ и владѣть долженъ. А жена у мужика была такая глупая да болтливая, что, бывало, что ни услышитъ отъ мужа—сейчасъ вся деревня узнаетъ. Сталъ мужикъ придумывать, какъ бы дѣло поправить, и надумалъ.

Поймалъ онъ щуку да зайца, а въ ближнемъ селѣ купилъ на базарѣ вязку баранокъ; щуку повѣсилъ въ силокъ на дерево, на самую верхушку, а зайца посадилъ въ вершу. Приходитъ домой, спряталъ баранки во дворѣ, и только что въ избу вошелъ,— жена первымъ долгомъ: «Сказывалъ ты барину про кладъ-то?»— «Успѣю сказать,—говоритъ мужикъ.—Ты лучше послушай, что я въ лѣсу видѣлъ: щука на деревѣ виситъ, на самой верхушкѣ: въ птичій силокъ попалась!» Пошли въ лѣсъ, видитъ жена: точно щука на деревѣ въ силкѣ виситъ. «Полѣзай за ней,—говоритъ мужу.—Вечеромъ на ужинъ зажаримъ.» Мужъ слазилъ на дерево и досталъ щуку. Пошли домой. Идутъ мимо рѣки, мужъ и говоритъ: «Постой, жена, я къ рѣкѣ сбѣгаю, въ верши посмотрю.» Заглянулъ въ вершу и давай жену звать: «Глянь-ка, заяцъ

въ вершу попалъ!» — «А коли попалъ, бери его поскорѣй—на обѣдъ завтра годится.» Взялъ старикъ и зайца.

Пришли домой. Жена опять пристаетъ къ мужу: «Скоро-ль ты къ барину-то пойдешь?»—«Успѣю еще, — говоритъ мужъ.— Завтра опять въ лѣсъ надо сходить, дровецъ нарубить, а теперь поздно: ложись-ка спать.» На утро проснулся мужикъ раньше жены, вышелъ во дворъ, раскидалъ по всему двору баранки, что тамъ раньше спряталъ, и будитъ жену: «Жена, а жена! Бѣги-ка на дворъ, баранки собирай. Какая ныньче ночью надъ нашей деревней бараночная туча прошла, — страсть! Другія-то хозяйки раньше тебя встали да и съ улицы баранки собрали, а у насъ только и есть что на дворѣ.» Выскочила жена, глядь— и правда, весь дворъ баранками усыпанъ. Набрала ихъ полный подолъ да еще охаетъ: «Охъ, горе мое горькое, только всего и осталось! Сколько, небось, сосѣдки-то набрали!» А мужъ ей: «Ну, ладно, въ другой разъ раньше вставай, теперь нечего разговаривать, пора въ лѣсъ ѣхать.»

Пріѣхали они въ лѣсъ, нарубилъ мужикъ дровъ и приказалъ женѣ хворостъ собирать, а самъ ушелъ. «Подожди,— говоритъ, — я скоро ворочусь. Вышелъ на опушку, глядь: стадо свиней безъ пастуха въ полѣ пасется. Онъ взялъ одну свинью, затащилъ ее въ чащу и повѣсилъ за заднюю ногу на дерево. Оретъ свинья, истошнымъ голосомъ заливается, а мужикъ вернулся къ женѣ, точно чего то до смерти испугался, завернулъ лошадь и давай ее вскачъ черезъ пень-колоду гнать къ дорогѣ. «Чего это ты. Что съ тобой? — спрашиваетъ его жена.—Что за крикъ такой по лѣсу?» — «Молчи, баба, отроду такого страха не видывалъ. Вѣдь это съ нашего барина черти шкуру дерутъ за то, вишь, что онъ свою старуху мать голодомъ уморилъ. Ну, теперь ему послѣ такой дерки не скоро поправиться!»

Прошло послѣ того съ недѣлю, — нѣтъ покоя болтливой бабѣ: всю деревню она обѣгала, всѣмъ и о кладѣ и о щукѣ съ зайцемъ и о бараночной тучѣ и о томъ, какъ съ барина черти шкуру драли, разсказала. Смѣются надъ ней люди, на смѣхъ вовсе подняли, а она-то злится, что ей не вѣрятъ. До

того дошла, что со злости, себя не помня, побѣжала къ барину и бултыхъ ему въ ноги: «Такъ и такъ, мой мужъ на вашей, сударь, землѣ кладъ нашелъ!»

Посылаетъ ее баринъ: «Поди, приведи своего мужа.» Пришелъ и мужикъ съ женой къ барину. «Что это, братецъ; жена твоя говоритъ, что ты кладъ на моей землѣ нашелъ?»

Какъ повернулъ бабу да хватилъ ее кулакомъ—съ той и платокъ свалился.

—«Никакого я, сударь, клада не находилъ,—отвѣчаетъ мужикъ,—просто брешетъ баба: она вѣдь у меня съ придурью.» Какъ взвизгнетъ баба: «Кто? Это я съ придурью? Самъ-то ты дуракъ и мошенникъ. А не помнишь, какъ ты съ пашни вернулся да самъ-же мнѣ говорилъ, что ты кладъ нашелъ. Еще въ тотъ день намъ щука въ силокъ попалась!» — «Вотъ, вотъ, батюшка баринъ; такъ-то она у меня давно ужь заговаривается. Щука, вишь, въ силокъ, вмѣсто чижа попала.» — «Да, старый ты грѣховодникъ, не помнишь, небось, самъ же ты щуку съ березы изъ силка вынималъ! А потомъ еще заяцъ въ твою вершу залѣзъ. Не помнишь?» — «Да гоните вы ее, батюшка, отъ себя въ зашей. Совсѣмъ баба ополоумѣла.»— «Нѣтъ, врешь, мошенникъ ты эдакій! Ужь коли на то пошло, что онъ меня полоумной показываетъ, такъ я докажу! На другой послѣ того день, батюшка баринъ, еще бараночная туча надъ деревней шла, такъ я баранокъ полный подолъ собрала,— всѣ сосѣдки видали, хоть всю деревню спросите!»

— И вправду, баба, что это ты за чепуху такую несешь? — говоритъ баринъ.—Какая такая бараночная туча?

— Говорю вамъ сударь, не въ полномъ она у меня разумѣ, умомъ повредилась, — подхватилъ мужикъ. — Что ты, жена, Христосъ съ тобой, опомнись, пойдемъ домой; тамъ водицы выпьешь, полежишь: можетъ, Богъ дастъ, и отойдетъ это отъ тебя.» Тутъ ужь баба совсѣмъ изъ себя вышла. «Да что-жь это, батюшка баринъ! Онъ-же, мошенникъ, вамъ на меня наговариваетъ. Это я-то не въ своемъ разумѣ! Да я все до чуточки помню, ничего не забыла. Еще въ тотъ же день, не во гнѣвъ вашей милости будь сказано, съ васъ въ лѣсу черти шкурку драли, за то, что вы покойницу барыню вашу матушку голодомъ уморить изволили. Ужь это, небось, и вамъ, батюшка, памятно.»

Какъ разсердится баринъ, затопалъ на бабу ногами. «Ахъ ты, дрянь эдакая!—кричитъ.—Мало того, что я все твое вранье о зайцахъ да о щукахъ слушалъ, ты еще покойницу матушку приплетаешь! Скажите на милость: съ меня черти кожу драли. Вонъ отсюда!» Да какъ повернулъ бабу къ двери, да хватилъ ее

кулакомъ по шеѣ — съ той и платокъ свалился, такъ кубаремъ изъ передней и вылетѣла.

А мужикъ ухмыляется себѣ въ бороду и говоритъ: «Каково мнѣ это, сударь, съ полоумной женой жить. Покаралъ меня Господь.» Пожалѣлъ его баринъ, далъ на чай за безпокойство и отпустилъ по здорову.

И зажилъ послѣ того мужикъ спокойно да богато, скоро въ городъ перебрался, въ купцы записался. А бабѣ съ той поры вовсе вѣрить перестали, такъ за полоумную всѣ и считали.

Сестрица Аленушка и братецъ Иванушка.

Было у царя двое дѣтей: сыночекъ Иванушка, да дочка Аленушка. Умерла царица и взялъ себѣ въ жены царь другую, молодую, красивую. Только мачиха-то была злая колдунья. Не взлюбила она Аленушку съ Иванушкой, стала всячески изводить ихъ, сживать со свѣту бѣлаго. Терпѣли, терпѣли они, пока отецъ былъ живъ, а какъ умеръ, не подъ силу имъ стало, и ушли они разъ ночью изъ дому, куда глаза глядятъ, по бѣлу-свѣту странствовать.

Идетъ сестрица Аленушка съ братцемъ Иванушкой путемъ-дорогою, ночь прошла, ясный день насталъ. Идутъ полями широкими, горами высокими; ни деревца, ни кустика. Солнце огнемъ палитъ, жаръ донимаетъ, потъ выступаетъ. Захотѣлось Иванушкѣ пить, и говоритъ онъ: «Сестрица Аленушка, пить очень хочется.» — «Погоди, братецъ, дойдемъ до колодца, тамъ напьешься.»

Шли, шли,—солнце высоко, колодезь далеко, жаръ донимаетъ, потъ выступаетъ. Видитъ Иванушка водицу въ коровьемъ копытцѣ. «Сестрица Аленушка, выпью я изъ копытца водицу.»—«Не пей, братецъ, станешь теленочкомъ,» — говоритъ Аленушка. Послушался Иванушка, и пошли дальше.

Идутъ они полями широкими, горами высокими; ни деревца, ни кустика, а солнце высоко, колодезь далеко, жаръ донимаетъ, потъ выступаетъ. Видитъ Иванушка водицу въ лошадиномъ копытцѣ. «Сестрица Аленушка, напьюсь я изъ копытца.» — «Не пей, братецъ, — жеребеночкомъ сдѣлаешься.» Послушался Иванушка и пошелъ за сестрицей дальше.

Идутъ они, — солнце высоко, колодезь далеко, жаръ донимаетъ, потъ выступаетъ. Видитъ Иванушка водицу въ козлиномъ копытцѣ, не спросился у Аленушки, припалъ къ копытцу и выпилъ всю воду до дна. Оглянулась Аленушка, кличетъ братца, а Иванушки нѣтъ: вмѣсто него бѣжитъ за ней бѣлый козленочекъ. Какъ увидала Аленушка, что съ братцемъ сталося, залилася слезами горькими, а козленочекъ скачетъ возлѣ нея, рѣзвится. Сняла Аленушка съ себя поясокъ и повела козленочка. Шла она, шла, и скоро очутилась въ дремучемъ лѣсу. Набрела въ томъ лѣсу на пустую избушку и стала въ ней жить съ своимъ братцемъ, козленочкомъ.

Охотился одинъ царевичъ въ томъ лѣсу. Видитъ онъ избушку, слѣзъ съ коня и вошелъ туда. Увидалъ красавицу Аленушку, а съ ней козленочка и спрашиваетъ: «Скажи мнѣ, красавица, какого ты роду, какого племени и зачѣмъ попала ты въ дремучій лѣсъ?»—Отвѣчаетъ ему Аленушка: «Я дочь царская, и зовутъ меня Аленушкой, а козленочекъ — братецъ мой Иванушка. Не взлюбила насъ вѣдьма злая мачиха, ушли мы съ братцемъ изъ родного дома, по бѣлому свѣту странствовать. Наколдовала вѣдьма, навела порчу на воду по дорогѣ, гдѣ мы шли. Не утерпѣлъ мой братецъ Иванушка, напился изъ козлинаго копытца водицы и сталъ козленочкомъ.» Полюбилася царевичу Аленушка, взялъ онъ ее съ собой, прихватилъ и козленочка, и повезъ въ свое царство. Тамъ съигралъ царевичъ свою свадьбу съ Аленушкой, и стали они всѣ втроемъ съ козленочкомъ жить во дворцѣ;

козленочекъ вмѣстѣ съ ними и ѣстъ и пьетъ и по царскимъ садамъ гуляетъ.

Провѣдала тѣмъ временемъ вѣдьма, злая мачиха, что Аленушка жива и вышла замужъ за царевича, а братецъ ея Иванушка живетъ при нихъ козленочкомъ, и стала придумывать, какъ-бы погубить ихъ обоихъ. Выждала, когда царевичъ уѣхалъ на охоту, пришла во дворецъ и прямо къ Аленушкѣ. А та въ ту пору больна была, въ постели лежала. «Хочешь я тебя, государыня, вылѣчу,—говоритъ вѣдьма.—Ходи по вечернимъ зорямъ купаться на сине море.» Послушалась Аленушка и пошла вечеромъ къ синему морю, а вѣдьма ужь тамъ, ждетъ ее: схватила она Аленушку, навязала ей тяжелый камень на шею и бросила въ воду. Аленушка и пошла ко дну. Увидалъ это козленочекъ, что слѣдомъ за сестрицей къ морю шелъ, заплакалъ горькими слезами и побѣжалъ домой.

«Скажи мнѣ, красавица, какого ты роду, какого племени?»

Воротилась вѣдьма во дворецъ, приняла на себя видъ Аленушки, въ платья ея нарядилась и велѣла слугамъ прогнать изъ дворца козленочка. Какъ прiѣхалъ царевичъ съ охоты, и спрашиваетъ жену: «А гдѣ-же козленочекъ?»—«Я не велѣла его пускать во дворецъ: не мѣсто ему здѣсь,»—отвѣчаетъ вѣдьма. Ничего не сказалъ царевичъ. На другой день, какъ уѣхалъ онъ опять на охоту, велѣла вѣдьма мачиха привести къ себѣ козленочка и стала его бить-колотить, а сама говоритъ: «Погоди, прiѣдетъ царевичъ, буду просить, чтобы тебя зарѣзали.» Козленочекъ ничего сказать не можетъ, только смотритъ жалобно да слезами заливается.

Стала съ тѣхъ поръ злая вѣдьма приставать къ царевичу: «Вели, зарѣзать козленочка, опостылѣлъ онъ мнѣ.» Удивляется царевичъ, что съ женой сдѣлалось: прежде она такъ любила козленочка, а теперь проситъ его зарѣзать. Жалко было царевичу его, да дѣлать нечего, послалъ слугъ искать козленочка.

А козленочекъ, какъ узналъ, что его зарѣзать хотятъ, побѣжалъ къ морю, легъ на бережку и кричитъ жалобно:

«Аленушка, сестрица моя,
Всплыви, всплыви на бѐрежокъ,
Я—братецъ твой Иванушка!
Котлы кипятъ кипучiе,
Огни горятъ горючiе,
Ножи точатъ булатные,
Меня хотятъ зарѣзати.»

А Аленушка отвѣчаетъ ему изъ воды:

«Родной братецъ Иванушка!
Тебѣ тяжко,—мнѣ тошнѣй того:
Тяжелъ камень ко дну тянетъ,
Люта змѣя сердце высосала,
Шелкова трава ноги спутала,
Желты пески на грудь легли.»

Слушаютъ слуги царевича и диву даются, взяли съ собой козленочка и повели къ царевичу. Разсказали они ему, что слышали; царевичъ не вѣритъ и велитъ отпустить козленочка.

Побѣжалъ козленочекъ опять къ морю, а царевичъ слѣдомъ за нимъ пошелъ и спрятался на берегу за ракитовъ кустъ.

Легъ козленочекъ на бережку и кричитъ жалобно:

«Аленушка, сестрица моя,
Всплыви, всплыви на бе́режокъ,
Я—братецъ твой, Иванушка!
Котлы кипятъ кипучіе,
Огни горятъ горючіе,
Ножи точатъ булатные,
Меня хотятъ зарѣзати.»

А Аленушка изъ воды отвѣчаетъ:

«Родной братецъ Иванушка!
Тебѣ тяжко,—мнѣ тошнѣй того:
Тяжелъ камень ко дну тянетъ,
Люта змѣя сердце высосала,
Шелкова трава ноги спутала,
Желты пески на грудь легли.»

Услыхалъ царевичъ голосъ Аленушки, побѣжалъ во дворецъ и велитъ людямъ закинуть въ море невода, сѣти шелковыя. Стали люди искать Аленушку и вытащили ее изъ воды съ камнемъ на шеѣ. Вспрыснулъ ее царевичъ живой водой,—встала, ожила Аленушка, бросилась мужу на шею и разсказала ему все про вѣдьму, злую мачиху. Велѣлъ царевичъ схватить мачиху и сжечь живьемъ.

Сожгли слуги вѣдьму, пепелъ по вѣтру разсѣяли. Какъ скрылся изъ глазъ пепелъ злой вѣдьмы,—оборотился козленочекъ Иванушкой, красавцемъ-молодцомъ. Обрадовалась Аленушка своему братцу и стали они вмѣстѣ жить-поживать да добра наживать.

Безручка.

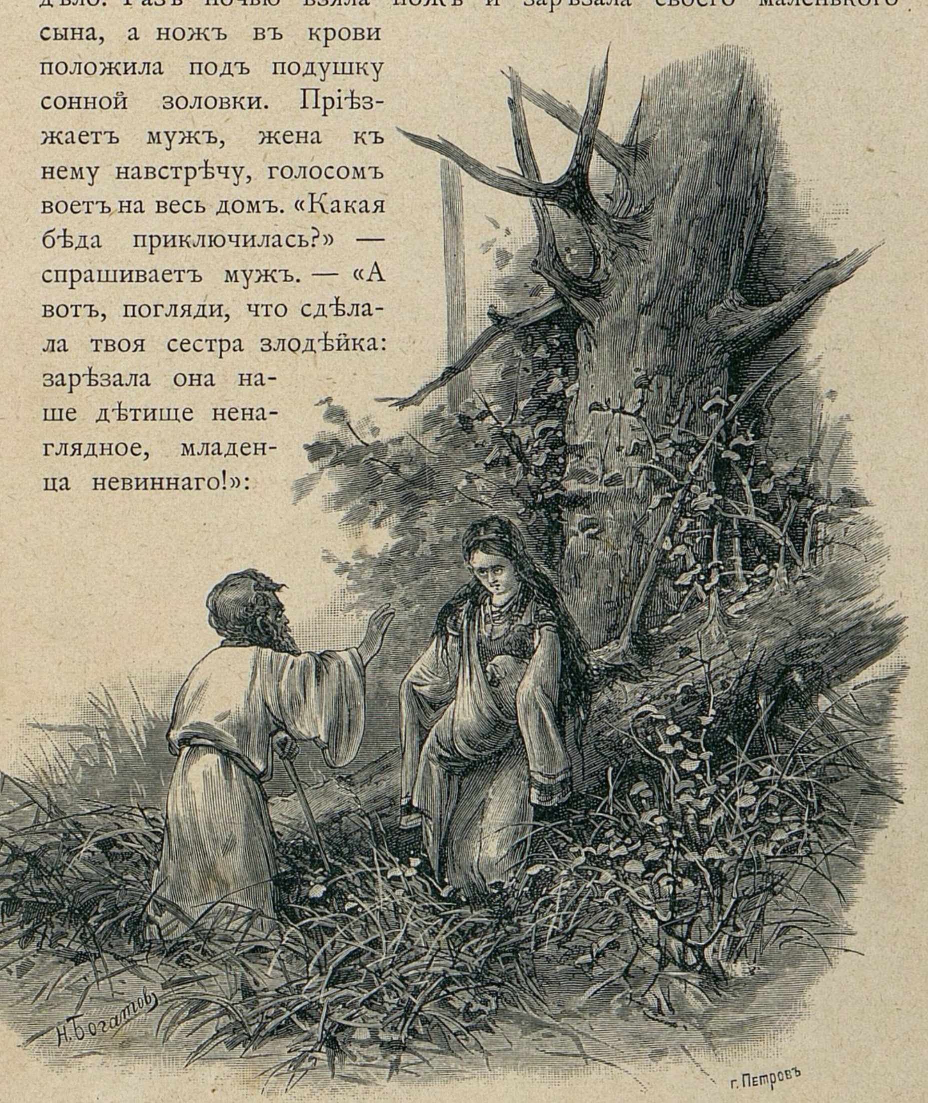
Было у купца двое дѣтей: сынъ да дочь. Какъ пришло время купцу умирать, говоритъ онъ сыну: «Береги сестру, будь ей вмѣсто меня и не давай никому въ обиду.»

Вскорѣ послѣ того женился молодой купецъ и взялъ къ себѣ въ домъ жену, бабу злую, сварливую. Не взлюбила она свою золовку за ея смиренность и покорность, да за то, что мужъ свою сестру въ домѣ хозяйкой поставилъ. И стала злая баба думать, какъ-бы извести золовку.

Уѣхалъ разъ молодой купецъ на ярмарку торговать, а жена передъ тѣмъ, какъ вернуться ему, пошла въ конюшню и зарѣзала его любимаго коня. Пріѣзжаетъ мужъ, жена сидитъ и плачетъ. «Что съ тобой?—спрашиваетъ мужъ. О чемъ плачешь?»—«Какъ мнѣ не плакать: ты не наглядишься, не надышишься на свою сестру любимую, а она коня твоего зарѣзала на зло тебѣ.» — «Ну, вотъ, есть о чемъ плакать. Конь дѣло наживное, а другой сестры мнѣ не нажить.»

Отлучился мужъ изъ дома опять, а жена взяла да и выпустила на волю его любимаго сокола. Встрѣчаетъ мужа и плачетъ. «Что съ тобой?»—спрашиваетъ тотъ.—«А вотъ, посмотри, полюбуйся, что твоя любимая сестрица надѣлала: выпустила она на волю твоего любимаго сокола. Ты ей во всемъ потачку даешь, милѣй она тебѣ жены.»—«Э, полно! Есть о чемъ горевать. Соколъ—дѣло наживное, новаго себѣ сыщу, а сестра одна, другой не найдешь.»

Такъ и не удалось злой бабѣ оклеветать свою золовку передъ мужемъ, а какъ уѣхалъ онъ въ третій разъ, задумала она злое дѣло. Разъ ночью взяла ножъ и зарѣзала своего маленькаго сына, а ножъ въ крови положила подъ подушку сонной золовки. Пріѣзжаетъ мужъ, жена къ нему навстрѣчу, голосомъ воетъ на весь домъ. «Какая бѣда приключилась?» — спрашиваетъ мужъ. — «А вотъ, погляди, что сдѣлала твоя сестра злодѣйка: зарѣзала она наше дѣтище ненаглядное, младенца невиннаго!»:

«Протяни локти и пеленай сына,»— говоритъ старичокъ.

Не вѣритъ мужъ женѣ, а та и говоритъ: «Коли не вѣришь, пойдемъ къ твоей сестрѣ лиходѣйкѣ, увидишь, — ея это дѣло.» Пришли; спитъ дѣвица крѣпкимъ сномъ, а у ней изъ подъ подушки ножъ торчитъ, весь въ крови. Выслалъ мужъ жену и сталъ сестру будить: «Вставай, сестра, поѣдемъ къ заутрени.» — «Что такъ рано, братецъ, теперь полночь.» — «Чего рано; ваше дѣвичье дѣло такое, — пока косы расчешешь, пока одѣнешься, уберешься, времени много и пройдетъ.» Стала сестра одѣваться, чуетъ недоброе ея сердце; руки у ней такъ и опускаются: за что ни возьмется—изъ рукъ валится. А братъ торопитъ, говоритъ: «Скорѣй собирайся.»

Собралась сестра, и поѣхали. Пріѣхали въ дремучій лѣсъ, въ самую чащу. Остановилъ братъ лошадь у большого пня, вынулъ топоръ и говоритъ: «Ну, сестра, клади руки на пень.» Горько заплакала дѣвица, стала брата упрашивать: «Братецъ мой милый, за что ты меня загубить хочешь, неповинна я ни въ чемъ, чиста я передъ Богомъ и тобой.» Братъ говоритъ: «Я тебѣ вмѣсто отца сталъ; моя воля и казнить тебя за злыя дѣла. Руки твои кровью невиннаго младенца облиты.»

Видитъ сестра, что не оправдаться ей передъ братомъ, покорилась она и положила руки на пень. Ударилъ братъ топоромъ по рукамъ и отрубилъ ихъ по локти, а самъ повернулъ лошадь и уѣхалъ домой.

Пошла бродить по лѣсу бѣдная Безручка; ходитъ день, ходитъ ночь, а выйти изъ лѣсу не можетъ. Наконецъ отыскала она тропинку и пошла по ней. Долго-ли, коротко-ли шла она и пришла въ большой городъ, въ чужеземное королевство. Подошла подъ окна королевскаго дворца и проситъ милостыню. Вышелъ въ это время на крыльцо королевичъ, увидалъ Безручку, къ себѣ подозвалъ, спрашиваетъ: кто она и откуда. Видитъ королевичъ, что нищенка — красавица писаная, всѣмъ взяла и станомъ и лицомъ, только рукъ нѣтъ, и велѣлъ ее одѣть и помѣстить во дворцѣ.

Приглянулась королевичу Безручка, сталъ онъ часто поглядывать на нее, думать о ней. И приснилось ему разъ: будто приходитъ къ нему старенькій, сѣденькій старичокъ и говоритъ:

«Возьми ты за себя замужъ безрукую дѣвицу,—принесетъ она тебѣ счастье, родится у ней сынъ: по локоть руки въ золотѣ, по колѣна ноги въ серебрѣ, во лбу свѣтлый мѣсяцъ, противъ сердца красное солнце.» Снится королевичу этотъ сонъ другой разъ и третій, и сталъ онъ у отца и матери просить благословенія. Отговариваютъ король и королева сына; что, молъ, тебѣ за неволя жениться на безрукой, а королевичъ на своемъ стоитъ: «Не работать, вѣдь, ей замужемъ,—говоритъ.— А красоту ея и во снѣ вижу, ночи не сплю.»

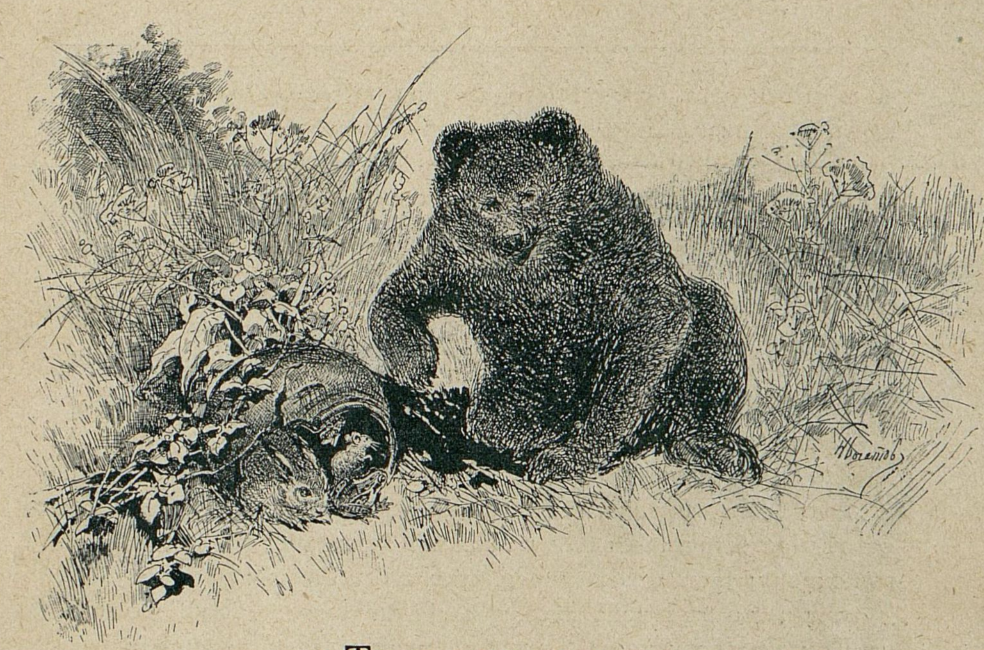
Женился королевичъ на Безручкѣ и стали они жить счастливо и весело. Только понадобилось разъ королевичу уѣхать изъ дому на долгое время въ чужую страну, на родину Безручки, и говоритъ онъ матери: «Коли родится у меня сынъ, извѣсти письмомъ.» Простился и уѣхалъ. Пришло время, родился у Безручки сынъ: по локоть руки въ золотѣ, по колѣна ноги въ серебрѣ, во лбу свѣтлый мѣсяцъ, противъ сердца красное солнце. Написала королева объ этомъ письмо и послала гонца къ сыну. Дорогой заѣхалъ гонецъ переночевать въ домъ къ Безручкиной невѣсткѣ. Вывѣдала обо всемъ злая вѣдьма, подмѣнила письмо, пока гонецъ спалъ, и написала другое, что, молъ, родился у твоей жены уродъ съ собачьей головой. Получилъ королевичъ письмо, прочелъ, погоревалъ и отвѣтилъ: «Что отъ Бога, то все благо, берегите жену до моего пріѣзда.» Заѣхалъ гонецъ на обратномъ пути опять въ домъ къ Безручкиному брату. Напоила его невѣстка, злая вѣдьма, утащила письмо и подмѣнила другимъ.

Вернулся гонецъ къ королевѣ, читаетъ она письмо и диву дается: «Прикажи,—пишетъ королевичъ матери,—выслать жену съ сыномъ изъ королевства, въ дремучій лѣсъ, а коли не сдѣлаете по моему, пріѣду, и самъ предамъ ее смерти.» Жалко было королевѣ Безручку съ сыномъ, да дѣлать нечего: лучше пусть жива останется, скитается по чужимъ землямъ, чѣмъ умереть ей отъ руки мужа. И велитъ она выслать Безручку изъ королевства. Привязали къ груди ея сына, завезли подальше отъ города и оставили въ дремучемъ лѣсу. Пошла Безручка, куда глаза глядятъ. Долго ходила она; понадобилось ей рас-

пеленать сына,—не можетъ она ничего подѣлать, стоитъ въ лѣсу и горько-горько плачетъ. Вдругъ видитъ, очутился передъ ней старенькій, сѣденькій старичокъ и говоритъ ей: «О чемъ, красавица, плачешь?» Разсказала Безручка ему свое горе. «Ну,—говоритъ старичокъ,—протяни локти впередъ и пеленай сына.» Шевельнула Безручка плечами, вытянула локти и стали у ней руки попрежнему. Смотритъ, а старичка и слѣдъ простылъ, точно его и не бывало.

Обрадовалась Безручка и пошла дальше. Шла она долго и пришла въ свой родной городъ, къ своему брату. Не узнали ее ни братъ, ни невѣстка, пустили переночевать. А въ ту пору, королевичъ, Безручкинъ мужъ, домой возвращался и за непогодой тоже заѣхалъ къ молодому купцу въ домъ, что стоялъ на проѣзжей дорогѣ. Увидалъ королевичъ свою жену, не узналъ ее. Видитъ, словно-бы похожа на жену, да у той рукъ нѣтъ. Поглядѣлъ, поглядѣлъ на нее, да и говоритъ: «А, ну-ка, красавица, покажи мнѣ своего ребенка?»—Развернула королевна пеленки, и какъ показала сына,—всю комнату такъ и освѣтило: по локоть руки у сына въ золотѣ, по колѣна ноги въ серебрѣ, во лбу свѣтлый мѣсяцъ, противъ сердца красное солнце. Тутъ королевичъ узналъ свою жену, бросился къ ней, сталъ ее обнимать, цѣловать. Королевна разсказала мужу и брату обо всемъ, что съ ней сдѣлала злая вѣдьма. Схватилъ тогда братъ свою жену, велѣлъ привести изъ конюшни самаго лихого коня, привязалъ къ его хвосту злодѣйку жену и пустилъ по полю. До тѣхъ поръ носилъ конь по полямъ вѣдьму, пока отъ нея одна коса осталась, а королевичъ съ женой и ея братомъ, поѣхали домой и стали жить всѣ трое вмѣстѣ.

Теремокъ.

Ѣхалъ мужикъ съ посудой въ городъ на базаръ и обронилъ большой кувшинъ. Лежитъ кувшинъ при дорогѣ. Летѣла мимо Муха—видитъ, теремокъ хоть куда. Залетѣла въ кувшинъ и стала въ немъ жить-поживать. День живетъ, другой живетъ. Прилетѣлъ Комаръ и стучится:

«Кто, кто въ терему? Кто, кто во высокомъ?» — «Я Муха-Горюха. А ты кто?»—«А я Комаръ-Пискунъ.» — «Иди ко мнѣ жить.» День живутъ, другой живутъ. Скачетъ мимо Блоха:

«Кто, кто въ терему? Кто, кто во высокомъ?»—«Я Муха-Горюха, да Комаръ-Пискунъ. А ты кто?»—«Я Блоха-Попрыгуха.»—«Иди къ намъ жить.» День живутъ, другой живутъ. Прибѣжала Мышка; стукъ, стукъ хвостикомъ:

«Кто, кто въ терему? Кто, кто во высокомъ?»—«Я Муха-Горюха, да Комаръ-Пискунъ, да Блоха-Попрыгуха. А ты кто?»—«А я Мышка-Норушка.»—«Иди къ намъ жить». День живутъ, другой живутъ. Прискакала Лягушка:

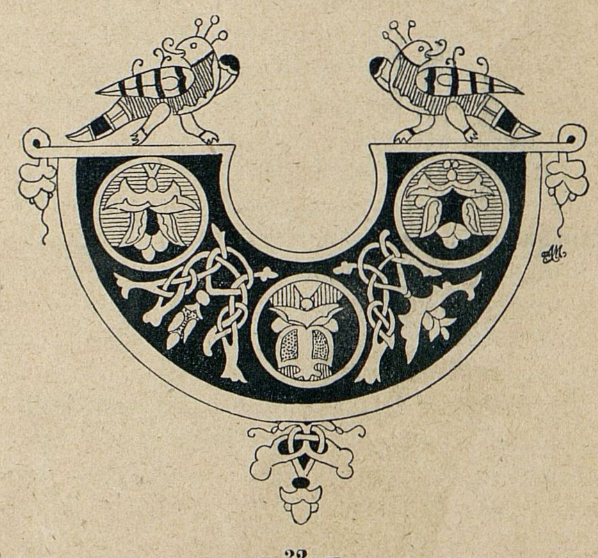
«Кто, кто въ терему? Кто, кто во высокомъ?» — «Муха-Горюха, да Комаръ-Пискунъ, да Блоха-Попрыгуха, да Мышка-Норушка. А ты кто?»—«А я Лягушка-Квакушка.»—«Иди къ намъ жить.» День живутъ, другой живутъ. Прибѣжалъ Зайка косоглазый:

«Кто, кто въ терему? Кто, кто во высокомъ?»—«Муха-Горюха, да Комаръ-Пискунъ, да Блоха-Попрыгуха, да Мышка-Норушка, да Лягушка-Квакушка. А ты кто?»—«А я на Горѣ-Увертышъ.»—«Иди къ намъ жить.» День живутъ, другой живутъ. Прибѣжала Лиса-Патрикѣевна:

«Кто, кто въ терему? Кто, кто во высокомъ?»—«Муха-Горюха, да Комаръ-Пискунъ, да Блоха-Попрыгуха, да Мышка-Норушка, да Лягушка-Квакушка, да на Горѣ-Увертышъ. А ты кто?»—«А я Вездѣ-Поскокишъ.»—«Иди къ намъ жить.» День живутъ, другой живутъ. Бредетъ Миша-Топтыгинъ по лѣсу:

«Кто, кто въ терему? Кто, кто во высокомъ?»—«Муха-Горюха, да Комаръ-Пискунъ, да Блоха-Попрыгуха, да Мышка-Норушка, да Лягушка-Квакушка, да на Горѣ-Увертышъ, да Вездѣ-Поскокишь. А ты кто?»—«А я Всѣхъ-васъ-Давишъ!»

Сѣлъ Медвѣдь на кувшинъ и раздавилъ всѣхъ жильцовъ.

Цѣна выпуска

25 коп.

съ пересылкой 30 копѣекъ.

Сказки

Подъ редакціей
В. А. Гатцука.

Русскаго народа

ВЪ ТОМЪ ЖЕ ВИДѢ И ОБЪЕМѢ, КАКЪ

СКАЗКИ РУССКАГО НАРОДА

КОНТОРОЮ КРЕСТНАГО КАЛЕНДАРЯ ИЗДАЮТСЯ:

Сказки, изложенныя по сборнику **Бр. Я. и В. ГРИММЪ.** | ПОВѢСТИ и СКАЗКИ **Ганса АНДЕРСЕНА.**

Въ настоящее время, послѣ издания 10-го выпуска Сказокъ Андерсена и 15-го—Сказокъ бр. Гриммъ, первые выпуски обоихъ изданій, печатанные въ количествѣ **5000** экз., оказываются уже почти безъ остатка распроданными. Приступая поэтому къ новому изданію первыхъ выпусковъ и параллельно продолжая печатаніе остальныхъ, редакція, съ разрѣшенія Главнаго Управленія по Дѣламъ Печати отъ 9-го Сентября 1894 года, за № 5162, съ цѣлью удешевленія изданія и для удобства читателей, въ особенности иногороднихъ

ОТКРЫВАЕТЪ ПОДПИСКУ НА ОБА ЭТИ ИЗДАНІЯ:

1) Сказки, изложенныя по сборнику Бр ГРИММЪ.

Огромный успѣхъ этого изданія объясняется впервые въ немъ сдѣланною удачною обработкою для русскихъ читателей текста сказокъ, роскошными рисунками художника Гротъ-Іоганна, а также изяществомъ и дешевизною изданія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: *Безъ доставки:* за все изданіе (20 выпусковъ)—**3** руб., за 10 вып.—**1** р. **50** коп., за 5 вып.—**80** коп. *Съ пересылкой и доставкой:* за 20 вып.—**4** руб., за 10 вып.—**2** руб. и за 5 вып.—**1** руб. Роскошный ***металлическій*** переплетъ на все изданіе—**1** рубль.

Отдѣльный выпускъ 20 коп., съ пересылкой 25 коп. (почт. марками).

2) Сказки и повѣсти АНДЕРСЕНА,

Новый переводъ съ датскаго подлинника, снабженный огромнымъ количествомъ (почти на каждой страницѣ) роскошныхъ иллюстрацій заграничныхъ и оригинальныхъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: *Безъ пересылки:* за все изданіе (20 выпусковъ) **3** р. **50** к., за 10 вып.—**1** р. **75** к. и за 5 вып.—**1** р. *Съ пересылкой и доставкой:* за 20 вып.—**4** р. **50** к., за 10 вып.—**2** р. **25** к. и за 5 вып.—**1** р. **25** к. Роскошный ***металлическій*** переплетъ на все изданіе—**1** р.

Отдѣльный выпускъ 25 коп., съ пересылкой 30 коп. (почт. марками).

Подписка принимается въ конторѣ Крестнаго Календаря

Москва, Болотная площадь, д. Майтова.

Въ Москвѣ можно подписываться открытымъ письмомъ въ контору, при чемъ необходимо указать время, когда артельщикъ конторы можетъ явиться съ подписнымъ билетомъ за полученіемъ платы.

Отдѣльные выпуски обоихъ изданій можно получать во всѣхъ книжныхъ и писчебумажныхъ торговляхъ Россіи. *(См. 3-ю стр. обложки.)*

„Иллюстрированная Библіотека Крестнаго Календаря“.

СКАЗКИ
РУССКАГО НАРОДА.

Текстъ подъ редакціей
В. А. Гатцука.

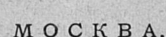
Рисунки художниковъ **Н. А. Богатова, Г. Дорэ** и др.

IV.

Сказка про Лису Патрикѣевну.

Часть I-я.

1) Присказка (2 рис.).
2) Какъ Лиса дѣвочку Снѣгурушку нашла (2 рис.).
3) За что Медвѣдь, Волкъ, Слѣпень и Лиса на мужика разсердились (1 рис.).
4) Про Лису и Козла (2 рис.).
5) Какъ звѣри мужика погубить собрались (1 рис.).
6) Какъ Лиса мужика отъ Медвѣдя выручила (1 рис.).
7) Про Лису и Колобокъ (1 рис.).
8) Какъ завела-было себѣ Лиса бычка-третьячка.
9) Какъ Лиса рыбкой у мужика поживилась (1 рис).
10) Какъ Лиса Волку за бычка отплатила (1 рис.).
11) Какъ Лиса у Волка жила.
12) Какъ Лиса и Ракъ перегонялись (2 рис.).
13) Какъ Лиса Зайчика изъ избушки выгнала (1 рис.).
14) Какъ Лиса на Пѣтуха зубы точила.

МОСКВА.
Типографія **В. А. Гатцукъ**, Болотная площадь, домъ Майтова.
1894.

Дозволено цензурою. Москва, 9 Ноября 1894 года.

СКАЗКА

ПРО

ЛИСУ ПАТРИКѢЕВНУ.

Присказка.

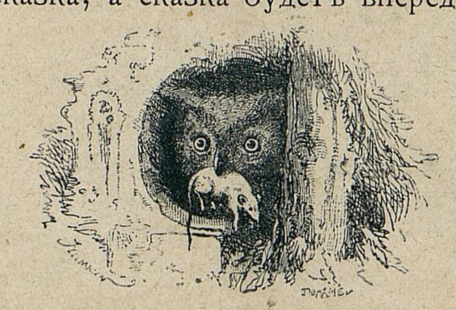
Старину скажу стародавнюю, стародавнюю, небывалую: старика свяжу со старухою, со старухою длинноухою. Это вамъ не чудо, не диковина, — я видалъ чудо чуднѣй того: середи моря овинъ горитъ, по чисту полю корабль бѣжитъ. И тому вы чуду не дивуйтеся, — я видалъ чудо чуднѣй того: ужь какъ курочка бычка родила, поросеночекъ яичко снесъ! Это вамъ не чудо, не диковинка, — я видалъ чудо чуднѣй того: по поднебесью Медвѣдь летитъ, онъ, Медвѣдюшка, попархиваетъ, шибко лапками помахиваетъ, сѣрымъ хвостикомъ поправливаетъ. И тому вы чуду не дивуйтеся, — я видалъ чудо чуднѣй того: сомутилася

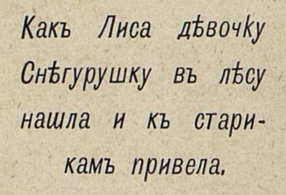
вода съ пескомъ, передралися Лука съ Петромъ; какъ сноха-то бьется со свекровкою, большимъ боемъ бьются—мутовкою; ложками стрѣляли во чисто поле, устрѣлили татарина мертваго. Въ томъ бою кашу поранили, а кисель-то во полонъ пошелъ; подъ морковь-рѣпу подкопъ подвели, всю капусту мечемъ посѣкли.

Кто богатъ да скупъ: пива не варитъ, меня, молодца, не кормитъ не поитъ,—будетъ тому кошачье воздыханье, собачье возрыданье. У небогатаго да тароватаго, кто пиво варитъ, меня, молодца, поитъ,—будетъ на полѣ приплодъ, на гумнѣ умолотъ, на столѣ свѣжина, на головѣ плѣшина; взять ему за себя, жену славную, бабу справную: какъ по улицѣ пройдетъ,—всю подоломъ подмететъ; малые ребятишки встрѣчаютъ, полѣньями кидаютъ. Не надо покупать ни дровъ ни лучины,—живи себѣ безъ кручины!

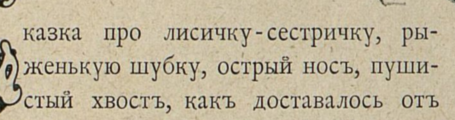
Летѣла Сова, веселая голова. Вотъ, она летѣла, летѣла, на березку сѣла, хвостикомъ повертѣла, по сторонамъ поглядѣла, пѣсенку спѣла и опять полетѣла. Летѣла, летѣла, на березку сѣла, хвостикомъ повертѣла, по сторонамъ поглядѣла, пѣсенку спѣла....

Это присказка, а сказка будетъ впереди.

Какъ Лиса дѣвочку Снѣгурушку въ лѣсу нашла и къ старикамъ привела.

Сказка про лисичку-сестричку, рыженькую шубку, острый носъ, пушистый хвостъ, какъ доставалось отъ нея и старому и малому. Сказка-складка, не всякому слову въ ней вѣрь: а иной разъ бываетъ, что и уму-разуму научаетъ.

Жилъ да былъ старикъ со старухой, была у нихъ внучка Снѣгурушка. Собрались ея подружки въ лѣсъ по ягоды, и пришли ее съ собой звать. Старики отпустили Снѣгурушку, только строго-на-строго наказали ей: отъ подружекъ не отставать. Ходятъ дѣвушки по лѣсу, ягоды сбираютъ; деревцо за деревцо, кустикъ за кустикъ,—и отстала Снѣгурушка отъ подругъ. Тѣ аукали ее, аукали,—не могли дозваться; а какъ стало вовсе смеркаться, потемнѣло въ лѣсу, онѣ испугались и ушли домой. Видитъ Снѣгурушка, что она одна въ лѣсу осталась, влѣзла со страха на дерево и давай горько плакать да приговаривать:

— Ау, ау, Снѣгурушка!... Ау, ау, голубушка!... У дѣдушки, у бабушки была внучка Снѣгурушка; ее подружки въ лѣсъ заманили, заманивши, покинули!

Идетъ мимо Медвѣдь и спрашиваетъ: «О чемъ ты, дѣвушка, плачешь!»—«Какъ мнѣ, батюшка Медвѣдюшка, не плакать? Одна я у дѣдушки, у бабушки внучка Снѣгурушка; меня подружки въ лѣсъ заманили, заманивши, покинули.»—«Сойди, я тебя домой снесу»—«Нѣтъ, я тебя боюсь: ты меня съѣшь». Постоялъ, постоялъ Медвѣдь, и ушелъ отъ нея. А она опять стала плакать:

— Ау, ау, Снѣгурушка!... Ау, ау, голубушка!... У дѣдушки, у бабушки была внучка Снѣгурушка; ее подружки въ лѣсъ заманили, заманивши, покинули!

Шелъ мимо Волкъ, услыхалъ, что Снѣгурушка плачетъ: «О чемъ ты, дѣвушка, плачешь?»—спрашиваетъ. Узналъ про ея горе и говоритъ: «Сойди, я тебя домой снесу.»—«Нѣтъ, я тебя боюсь: ты меня съѣшь». Волкъ постоялъ, постоялъ и ушелъ отъ нея. А она еще громче стала плакать да приговаривать:

— Ау, ау, Снѣгурушка!... Ау, ау, голубушка!... У дѣдушки, у бабушки была внучка Снѣгурушка; ее подружки въ лѣсъ заманили, заманивши, покинули!

Идетъ мимо Лиса, услыхала, какъ Снѣгурушка плачетъ, и спрашиваетъ ее, да ласково такъ: «О чемъ ты, дѣвушка, плачешь?» Узнала про ея горе, и говоритъ: «Сойди, я тебя домой снесу». Снѣгурушка не побоялась Лисички, сошла на землю и сѣла Лисѣ на спину.

Прибѣжала Лиса со Снѣгурушкою къ старикамъ на деревню и стучитъ хвостомъ въ ворота: «Тукъ, тукъ!»—«Кто тамъ?»—спрашиваютъ старики. «Я, Лисичка. Принесла вамъ внучку Снѣгурушку». Обрадовались старики внучкѣ, а Лису ужь не знаютъ, гдѣ и посадить, чѣмъ угостить: «Ахъ ты дорогая наша голубушка!» Принесли молока, яицъ, творогу, стали Лису потчивать. Лиса отъ такого угощенья отрекается, а проситъ въ награду курочку. Завязали старики Лисѣ въ мѣшокъ бѣлую курочку, и съ честью Лису до лѣсу проводили.

Только Лиса не изъ-за одной курочки старалась. Пока была она у стариковъ, все высмотрѣла, всѣ ходы-выходы вынюхала,—

на другую же ночь забралась къ старикамъ въ курятникъ и украла еще курочку; потомъ еще да еще. Дивится старикъ: что за притча, каждое утро одной курочки у него въ курятникѣ нѣтъ. Вотъ разъ проснулся онъ раннымъ-рано, вышелъ подъ утро на дворъ, глядь,—а Лиса, съ курочкой въ зубахъ, изъ курятника вышмыгнула, да въ лѣсъ. «Ну, ладно, кума,—говоритъ старикъ,—попадешься мнѣ, не помилую я тебя за твое воровство!»

За что Медвѣдь, Волкъ, Лиса и Слѣпень на мужика разсердились.

Выѣхалъ разъ старикъ въ лѣсъ за дровами. Только въѣхалъ онъ въ лѣсъ, а навстрѣчу ему идетъ большущій Медвѣдь. Поздоровались. Хочется Медвѣдю старикову лошадь съѣсть, вотъ онъ и давай исподволь разговоръ со старикомъ заводить. Посмотрѣлъ Медвѣдь на старикову пѣгую лошадь и говоритъ: «Какая у тебя, мужичекъ, лошадь славная: ишь, рябенькая вся. Кто это ее пятналъ?»—«Это, Миша, я самъ ее выпестрилъ.»—«Да развѣ ты умѣешь пѣжить!»—«Я-то? Первый мастакъ. Хочешь, тебя еще пестрѣе моей лошади сдѣлаю?» — «Ладно, — говоритъ Медвѣдь, — дѣлай; только смотри: коли не выпестришь, я твою лошадь съѣмъ.» Ударили по рукамъ. «Надо тебя, Миша,— говоритъ старикъ,—увязать получше, а то, пожалуй, не выдержишь, какъ стану пѣжить.» Медвѣдь согласился. «Погоди, — думаетъ мужикъ, — я тебя спеленаю, забудешь, какъ на мою лошадь зариться.» Взялъ вожжи, веревки, да такъ скрутилъ Медвѣдя, что тотъ началъ на весь лѣсъ ревѣть: «Отпусти,

мужичокъ, я ужь не хочу пѣгимъ быть! Пожалуйста отпусти!»—«Нѣтъ, врешь! Самъ напросился: такъ тому и быть.» Нарубилъ мужикъ дровъ, разжогъ костеръ, да и положилъ въ огонь топоръ. Какъ топоръ докрасна накалился, мужикъ вытащилъ его—и давай Медвѣдя пѣжить,—такъ и зашипѣло! Заревѣлъ Медвѣдь, понатужился, перервалъ всѣ веревки, и ударился бѣжать по лѣсу во всѣ лопатки,—только лѣсъ трещитъ. Бѣжалъ, бѣжалъ, изъ силъ выбился; хочетъ лечь—нельзя: вся шкура выжжена,—какъ зареветъ: «Ну, попадись мнѣ, мужикъ, въ лапы: будешь меня помнить!»

Жнивье въ то время поспѣло. На другой день пошла старуха въ полѣ жать, а старикъ повелъ въ стадо новую овцу. Идетъ съ овцою перелѣскомъ, — вдругъ навстрѣчу ему Волкъ: «Здорово, дѣдушка! Куда овцу-то ведешь?»—«Да вотъ, новую купилъ, такъ надо самому въ стадо отвести.»—«Эхъ, дѣдушка; какъ же это ты покупалъ овцу да не доглядѣлъ: вѣдь на ней тулупъ-то мой.»—«Ну вотъ, твой. Врешь, небось, Евстифеюшка?» — А Волка-то Евстифейкой звали.—«Мой тулупъ, хоть подъ присягу пойду. Подавай его мнѣ, а то и тебѣ не сдобровать.»—Поглядѣлъ старикъ кругомъ, видитъ: въ кусту волчій капканъ стоитъ, настороженъ.—«Такъ подъ присягу пойдешь? — говоритъ. — Ну, цѣлуй присягу, твое счастье.» Подвелъ Волка къ капкану. Волкъ сунулъ носъ въ капканъ,—тотъ какъ хлопнетъ и защемилъ ему морду. А старикъ отвелъ овцу въ стадо и пошелъ на жнивье къ старухѣ.

Въ то время бродила голодная Лиса по полю, искала, чѣмъ бы поживиться. Такъ ей туго пришлось, что ужь не до стариковыхъ курочекъ: хоть бы мышь какая попалась, и той рада. Глядь, — старуха рожь жнетъ, а кошолка съ хлѣбомъ да кувшинъ съ молокомъ въ сторонкѣ стоятъ. Подобралась Лиса къ хлѣбу, съѣла его; потомъ къ кувшину, всунула въ него голову, выпила молоко,—а назадъ-то головы и не вытащитъ. Ходитъ по жнивью, головой мотаетъ, да приговариваетъ: «Ну, кувшинъ, пошутилъ да и будетъ!... Ну, полно баловать, отпусти меня! Кувшинушка, голубчикъ, полно тебѣ дурачиться: поигралъ да и будетъ!»—А сама все головой мотаетъ. Тутъ, на лисицину бѣду,

какъ разъ старикъ подошелъ. Увидалъ Лису, схватилъ полѣно, да какъ хватитъ ее по ногамъ. Лиса—въ сторону, да головой прямо объ камень, и кувшинъ въ мелкіе дребезги разбила. Глядь, — а за ней старикъ съ полѣномъ гонится. Какъ прибавитъ Лиса рыси! Даромъ, что на трехъ ногахъ, а съ собаками за ней не угонишься,—и скрылась въ лѣсу.

— Что, будешь меня помнить, Лиса?»—говоритъ мужикъ, и сталъ на возъ снопы накладывать. Вдругъ, откуда ни возьмись, Слѣпень, сѣлъ мужику на шею и больно его укусилъ. Мужикъ схватился за шею, поймалъ Слѣпня и говоритъ: «Что мнѣ съ тобою, аспидомъ, дѣлать? Да ладно, постой, будешь меня помнить!» Взялъ мужикъ соломину и привязалъ ее къ Слѣпню. «Лети теперь, какъ знаешь!» Полетѣлъ бѣдный Слѣпень и соломину за собой тащитъ. «Ну,—думаетъ,—въ хорошихъ рукахъ я побывалъ! Отроду не таскивалъ такой ноши!» Летѣлъ онъ, летѣлъ, кое какъ дотянулъ до лѣсу, и совсѣмъ ужь изъ силъ выбился. Захотѣлъ сѣсть на дерево отдохнуть; думалъ повыше подняться, — а соломина его книзу тянетъ. Бился-бился, насилу кое какъ присѣлъ, запыхался, и такъ тяжело началъ дышать, что даже дерево зашаталось.

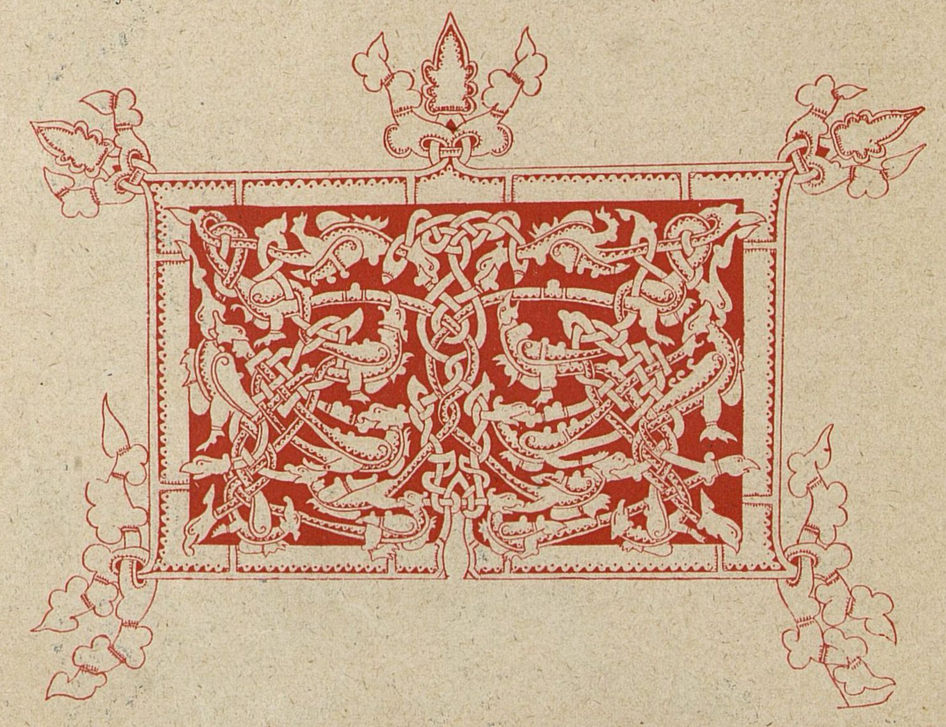
А подъ деревомъ-то лежалъ тотъ самый Медвѣдь, котораго старикъ выпѣжилъ. Лежитъ онъ, шкуру свою обожженную зализываетъ,

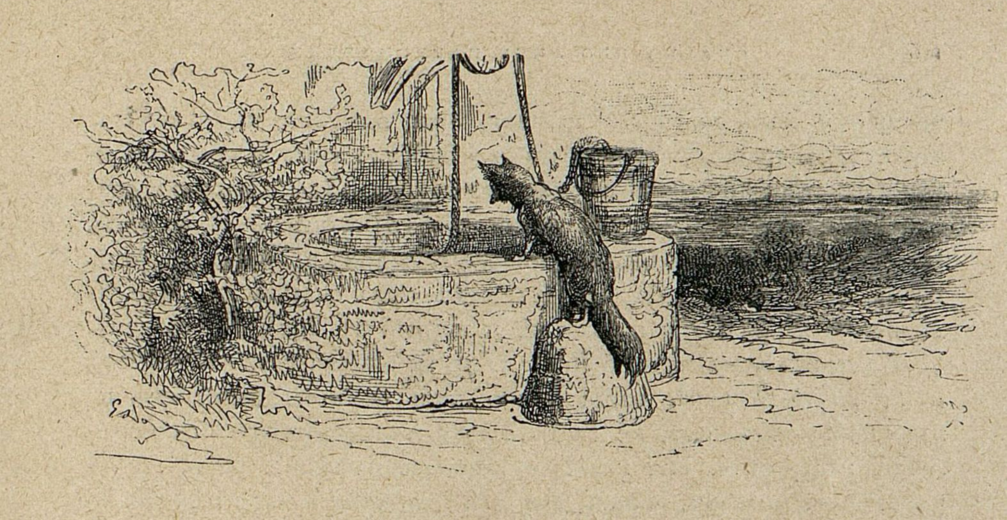

вдругъ дерево шибко зашаталось. Испугался Медвѣдь, глянулъ вверхъ, а на деревѣ сидитъ Слѣпень. «Эй, братецъ,— кричитъ Медвѣдь, — слѣзай внизъ, сдѣлай милость. А то такъ, пожалуй, дерево повалишь». Послушался Слѣпень и слетѣлъ внизъ. Медвѣдь посмотрѣлъ на него и спрашиваетъ: «Кто это, братъ, тебѣ соломину-то привязалъ?» А Слѣпень на него глядитъ и говоритъ: «Мнѣ-то—мужикъ; а тебя кто это такъ обработалъ? Ишь у тебя гдѣ шерсть, а гдѣ голое мясо.» — «Эхъ, братъ Слѣпень, и меня этотъ самый мужикъ употчивалъ.»

Разговариваютъ они такъ, глядь — плетется сѣрый Волкъ Евстифейка, вся морда у него въ крови, уши оборваны, — это онъ изъ капкана кое-какъ вырвался, — а за нимъ скачетъ на трехъ ногахъ Лиса. Сошлись всѣ вмѣстѣ и давай другъ-другу всякій свою бѣду разсказывать. Выходитъ, что всѣ они вовсе безвинно отъ мужика потерпѣли.

И порѣшили они забраться какъ-нибудь къ мужику ночью и погубить его.

Про Лису и Козла.

Бродитъ Лиса, на зашибленную ногу хромаетъ; жаръ ее донимаетъ, испить хочется. А на ту пору засуха была сильная, мелкіе ручейки, канавки, всѣ повысохли, на рѣчку идти далеко. Добрела она до монастыря, глядь—въ кустахъ хорошій каменный колодецъ. Пить Лисѣ, смерть, хочется; влѣзла она на колодезную стѣнку и думаетъ: какъ бы до воды добраться. «Эхъ, была не была, сяду въ ведро да спущусь въ колодецъ — не глубокъ, выберусь!» Сѣла, и бултыхнулась внизъ. Воды въ колодцѣ было всего ничего, и хоть, вправду, неглубокъ онъ былъ, а выбраться Лисѣ все же нельзя. Сидитъ она въ колодцѣ и носъ повѣсила.

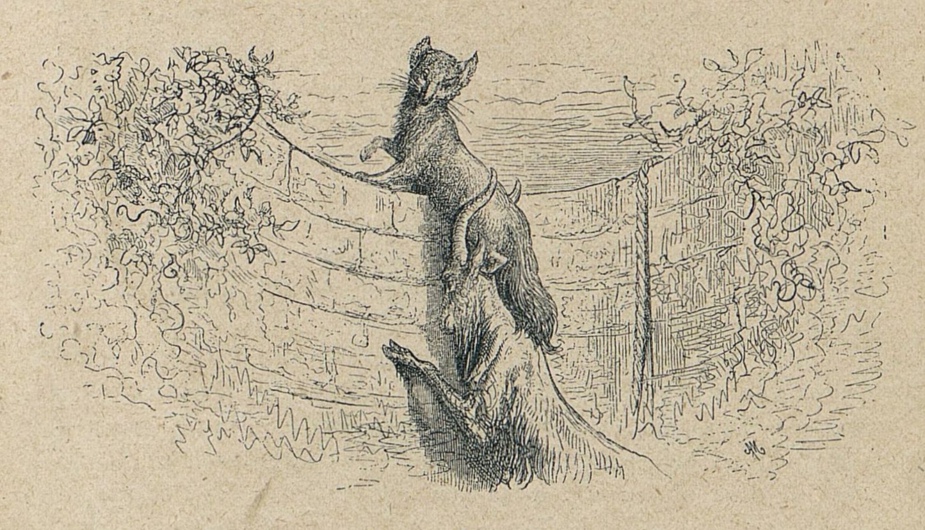
Шелъ мимо монастырскій Козлище, длинная бородища, бородой потряхиваетъ, рогами помахиваетъ, хвостомъ вертитъ, изъ стороны въ сторону безъ пути болтается. Набрелъ на колодецъ — а тамъ Лиса. «Патрикѣевнѣ почтенье!» — «Здравствуй на многія лѣта, Кузьма Микитичъ. Куда Богъ несетъ?»—«Да что, въ ко-

нюшнѣ у насъ жара нестерпимая, мухи одолѣли; иду въ лѣсъ: можетъ, не прохладнѣе ли будетъ.» — «Куда тамъ, Кузьма Микитичъ: въ лѣсу-то я чуть съ жары не померла. Здѣсь только и спасаюсь: и прохладно и водица студеная подъ бокомъ.» — «И вправду, Патрикѣевна, должно быть, хорошо у тебя тамъ.» – «Что говорить, Кузьма Микитичъ! Да ты бы самъ сюда спрыгнулъ, прохладился.» Козелъ сдуру возьми да и прыгни къ Лисѣ въ колодецъ.

Какъ взъѣлась на него Лиса: «Ахъ ты Кузька-увалень! Не могъ и прыгнуть-то какъ надо: точно куль свалился, меня чуть не задавилъ!» — Кричитъ, не даетъ Козлу и опомниться: — «Эко идолище несуразное. Ну, живѣй, становись на заднія ноги, лбомъ въ стѣнку, болванъ, упрись, дай мнѣ хоть повернуться-то!» Сталъ Козелъ на заднія ноги, а Лиса прыгъ ему на спину, со спины на рога, съ рогъ на верхъ колодца. «Прощай, — говоритъ, — Кузьма Микитичъ, посиди въ холодкѣ, а мнѣ домой пора!»

Сидѣлъ, сидѣлъ Козелъ въ колодцѣ: и продрогъ и промокъ и проголодался — давай кричать. Ужь онъ кричалъ-кричалъ, вопилъ-вопилъ. Когда-то монастырскіе конюхи его взыскались, по крику до него дошли да за рога вытащили.

И отдѣлали же они Козла палками: чтобы по лѣсу не шлялся, въ колодцахъ не валялся.

Какъ звѣри мужика погубить собрались.

Только, пока судъ-да-дѣло, зажила у Лисы лапа и стала Лиса думать: есть-ли ей разсчетъ съ мужикомъ воевать. Еще побьютъ звѣри мужика, либо нѣтъ, а коли ей съ мужикомъ помириться,—такъ, можетъ быть, и курочка-другая отъ него перепадетъ. Вотъ, надумалась она такъ и пошла къ мужиковой избѣ. Смотритъ—Васька Котъ по задворкамъ похаживаетъ, мышей у амбара высматриваетъ. «Здорово, Вася,»—говоритъ Лиса.—«Здравствуй, кума; куда идешь?»—«Да вотъ, къ хозяину твоему; хочу ему сказать, что Медвѣдь съ Волкомъ да Слѣпнемъ нынче ночью сюда придутъ, чтобы его погубить.»—«Эхъ, вотъ бѣда: хозяина-то дома нѣтъ, на свадьбу въ чужое село уѣхалъ; развѣ что завтра вернется. Ну, да ладно, мы сами съ усами: и одни съ Медвѣдемъ да съ Волкомъ управимся.»—«А ты бы, Вася, вынесъ мнѣ за мою службу хоть одну курочку.»—«Нѣтъ, кума, проваливай; безъ хозяина нельзя!»

Пошелъ Котъ къ Быку, Барану да Пѣтуху, что безъ хозяина домовничать остались, разсказалъ имъ про лисицины слова, и надумались они звѣрямъ не поддаться.

Въ самую глухую полночь подошли къ мужиковой избѣ Медвѣдь съ Волкомъ да Слѣпнемъ — и Лиса сзади приплелась, будто за одно съ ними,—и стали совѣтъ держать: какъ имъ въ избу пробраться. А Быкъ, Баранъ, Котъ и Пѣтухъ огонь потушили, сидятъ въ избѣ—ни гугу,—да въ щель поглядываютъ.

Думали, думали звѣри: кому на развѣдки идти, и послали Слѣпня. Влетѣлъ Слѣпень черезъ щель въ избу—только его и видѣли: Пѣтухъ клюнулъ его разъ,—и нѣтъ Слѣпня. Пождали его звѣри и стали посылать Лису на развѣдки. «Нѣтъ, братцы,—говоритъ Лиса,— я все еще на ногу хромаю; ступну неладно, половица заскрипитъ, хозяева проснутся. Пусть лучше Волкъ-Евстифейка идетъ, а я дверь отворю.»—«Ну хорошо,—говоритъ Волкъ,—я пойду: смотрите, братцы, чуръ, не выдавать.» Только вскочилъ Волкъ въ избу,—быкъ приперъ его рогами къ стѣнѣ, котъ вцѣпился ему въ морду, Баранъ давай его съ разбѣгу по бокамъ лбомъ осаживать, а Пѣтухъ прыгаетъ на палатяхъ, хлопаетъ крыльями и кричитъ во всю мочь:

— Куда, куда, куда! Да подайте мнѣ его сюда: я ногами затопчу, топоромъ зарублю! И ножишко здѣсь, и гужишко здѣсь, и зарѣжемъ здѣсь, и повѣсимъ здѣсь!»

Насилу, чуть живой, отъ нихъ Волкъ вырвался, выскочилъ изъ избы, какъ ошпаренный, и говоритъ: «Нѣтъ, братцы, намъ съ ними не совладать. Тамъ у нихъ, должно быть, солдаты на постоѣ: только что я вошелъ,—одни меня штыками къ стѣнѣ приперли, другіе стали прикладами колотить, третьи саблями всю морду изрѣзали, а еще какой-то,—должно быть самый старшій генералъ,—какъ затопочетъ да закричитъ... Не знаю, какъ я и живъ-то остался.»

Такъ и ушли звѣри отъ мужиковой избы, не солоно хлѣбавши.

Какъ Лиса старика отъ медвѣдя выручила.

Болѣла у Медвѣдя шкура долго, а какъ зажила — сталъ онъ забывать старикову обиду.

Выѣхалъ разъ старикъ въ лѣсъ, вдругъ лѣзетъ навстрѣчу ему Медвѣдь. Испугался старикъ,

а Медвѣдь ему: «Старикъ, а старикъ! Я тебя съѣмъ». — «Не тронь меня, Мишенька, лучше помиримся. Что тебѣ за корысть во мнѣ, старомъ; а вотъ, когда буду рѣпу сѣять, себѣ возьму хотъ корешки, а тебѣ отдамъ вершки».—«Ну, ладно,—говоритъ Медвѣдь; — только смотри: коли обманешь, такъ въ лѣсъ по дрова ко мнѣ хоть вовсе не ѣзди.» Сказалъ, и ушелъ въ лѣсъ.

Пришло время: старикъ рѣпу копаетъ, а Медвѣдь изъ лѣсу вылѣзаетъ. «Ну, старикъ, давай дѣлить. Да помни уговоръ: тебѣ корешки, а мнѣ вершки». — «Ладно, Мишенька». И отвезъ ему старикъ въ лѣсъ цѣлый возъ ботвы. Погрызъ, погрызъ Медвѣдь ботву—не вкусно, бросилъ и пошелъ старика искать. А старикъ наложилъ свою рѣпу на возъ и повезъ въ городъ продавать. Вдругъ, догоняетъ его Медвѣдь: «Куда ѣдешь?»—«Въ городъ, Мишенька, корешки продавать». — «Дай-ка попробовать, каковъ корешокъ». Старикъ далъ ему рѣпу. Попробовалъ Медвѣдь и заревѣлъ: «Обманулъ ты меня! Корешки то получше вершковъ: сладенькіе! Ну, когда будешь еще что сѣять, ужь такъ меня не проведешь!»

На другой годъ старикъ сталъ сѣять пшеницу. Сѣетъ, а Медвѣдь изъ лѣсу лѣзетъ. «Теперь что себѣ возмешь Мишенька?»—спрашиваетъ старикъ.—«Подавай мнѣ корешокъ, а себѣ бери вершокъ!» Созрѣла пшеница, старикъ ее сжалъ, раздѣлилъ по уговору; потомъ намолотилъ свою долю и напекъ себя ситниковъ. «Дай-ка попробовать»,—говоритъ Медвѣдь. Попробовалъ и заревѣлъ: «Опять ты меня обманулъ! Вершки-то получше корешковъ! Теперь и не показывайся ко мнѣ въ лѣсъ за дровами: задеру!» Сказалъ и ушелъ въ боръ.

Боится старикъ ѣхать въ лѣсъ: пожогъ и полочки и лавочки и кадочки; а все дѣлать нечего — надо дровъ добывать. Выѣзжаетъ потихонечку. Откуда ни возмись, бѣжитъ Лиса. «Здравствуй, дѣдушка знакомый! Что тихо ѣдешь?»—«Эхъ, кумушка Лисынька! Боюсь Медвѣдя: сердитъ онъ на меня, обѣщалъ задрать». — «Не бойся, дѣдушка, не задеретъ. Только, смотри, уговоръ лучше денегъ: я тебя выручу, а ты мнѣ за то дай пар бѣленькихъ курочекъ: Ты руби дрова, а я буду порскать. Коли Медвѣдь придетъ и спроситъ, что такое, скажи: охотники на-

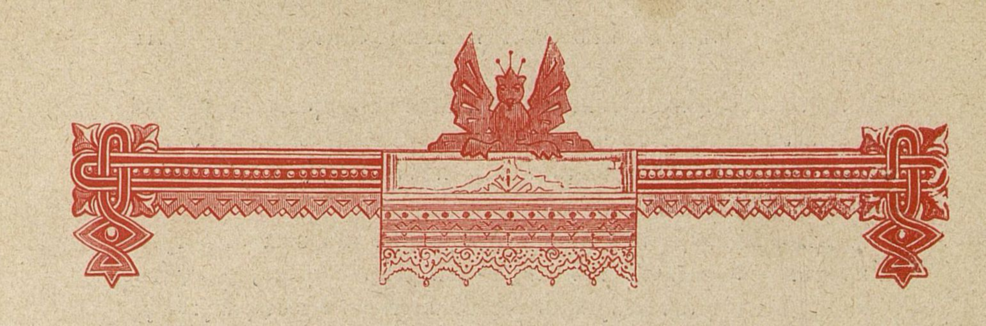
ѣхали, ловятъ волковъ, медвѣдей». Мужикъ принялся рубить дрова, а Лиса ушла въ чащу и стала порскать: «У-тю-тю! У-тю-тю, собаченьки! Здѣсь былъ, здѣсь ночевалъ! Доходите, выгоняйте волковъ, медвѣдей!»

Вылѣзъ Медвѣдь изъ лѣсу и спрашиваетъ старика: «Что тутъ за крикъ?»—«Охотники наѣхали, — говоритъ старикъ, — ловятъ волковъ, медвѣдей». Испугался Медвѣдь и говоритъ старику: «Ну, дѣдушка, чуръ, кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ. Положи ты меня въ сани: авось подумаютъ, что колода лежитъ». Старикъ положилъ Медвѣдя въ сани. А Лиса изъ кустовъ выбѣжала и спрашиваетъ: «Старичокъ, старичокъ? Нѣтъ ли здѣсь волковъ, медвѣдей?»—«Нѣту».—«А въ саняхъ у тебя что?»—«Колода».—«Кабы колода была, была-бы увязана». Сказала, и юркнула въ кусты. Медвѣдь потихоньку говоритъ старику: «Свяжи меня». Старикъ его связалъ. Воротилась Лиса и опять спрашиваетъ: «Старичокъ, старичокъ! Нѣтъ ли здѣсь волковъ, медвѣдей?» — «Нѣту».—«А въ саняхъ что у тебя?» – «Колода».—«Кабы колода была, въ нее былъ бы топоръ воткнутъ». Сказала, и юркнула въ кусты. Медвѣдь потихоньку говоритъ старику: «Воткни въ меня топоръ». Старикъ воткнулъ медвѣду въ спину топоръ. Какъ взреветъ Медвѣдь; разорвалъ веревки, которыми былъ обвязанъ, скатился съ саней кубаремъ и бросился въ чащу,—только кусты затрещали.

Прибѣжала Лиса къ старику: «Ну что, старичокъ, выручила я тебя?»—«Выручила, Лисынька, спасибо тебѣ.»—«Ну, изъ твоего спасиба шубы не сошьешь: подавай-ка, по уговору, пару бѣлыхъ курочекъ!»

Привелъ ее старикъ домой и отдалъ, по чести, пару курочекъ.

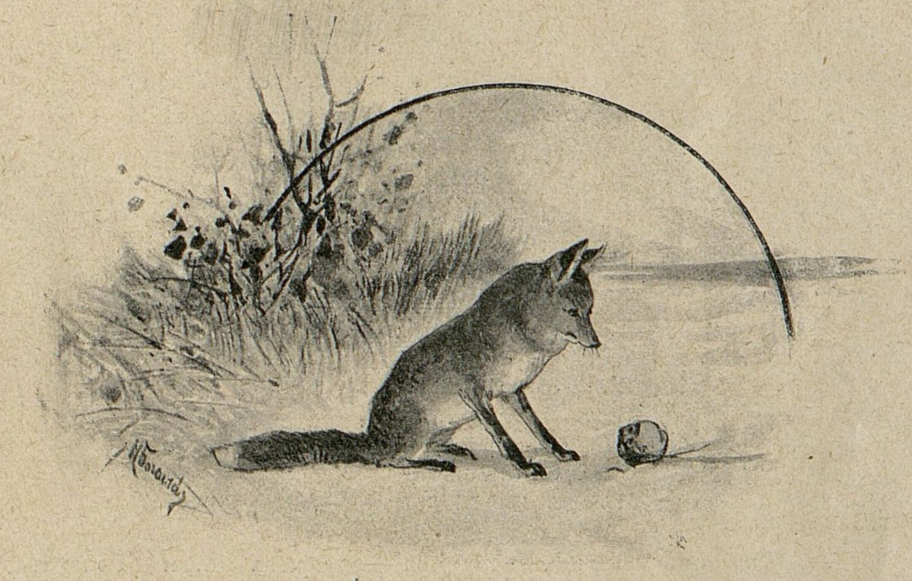
Про Лису и Колобокъ.

Какъ-то разъ говоритъ старикъ старухѣ: «Испеки-ка, старуха, колобокъ».—«Изъ чего печь то? Мука вся у насъ».—«А ты по коробу поскреби, по сусѣку помети: муки и наберешь». Взяла старуха крылышко, по коробу поскребла, по сусѣку помела, и набрала муки пригорши съ двѣ. Замѣсила на сметанѣ, изжарила въ маслѣ и положила на окошко постудить. Колобокъ полежалъ-полежалъ, да вдругъ и покатился: съ окна на лавку, съ лавки на полъ, по полу къ дверямъ, черезъ порогъ въ сѣни, изъ сѣней на крыльцо, съ крыльца на дворъ, со двора за ворота... Катится Колобокъ по дорогѣ, а навстрѣчу ему Заяцъ: «Колобокъ, Колобокъ, я тебя съѣмъ.»—«Не ѣшь меня, косой Заинька, я тебѣ пѣсенку спою». И запѣлъ:

Я по коробу скребенъ,
По сусѣку метенъ,
На сметанѣ мѣшонъ,
Да на маслѣ пряжонъ,
На окошкѣ студенъ.
Я отъ дѣдушки ушелъ,
Я отъ бабушки ушелъ!
Отъ тебя, отъ косого,
И подавно уйду!

И покатился себѣ дальше: только Заяцъ его и видѣлъ. Катится Колобокъ по дорогѣ, а навстрѣчу ему Волкъ: «Колобокъ, Колобокъ, я тебя съѣмъ.»—«Не ѣшь меня, сѣрый Волкъ! Я тебѣ пѣсенку спою.» И запѣлъ:

Я по коробу скребенъ,
По сусѣку метенъ,
На сметанѣ мѣшонъ,
Да на маслѣ пряжонъ,
На окошкѣ стужонъ.

Я отъ дѣдушки ушелъ,
Я отъ бабушки ушелъ,
Я отъ Зайца ушелъ!
Отъ тебя-то, отъ Волка,
И подавно уйду!

И покатился себѣ дальше: только Волкъ его и видѣлъ. Катится Колобокъ по дорогѣ, а навстрѣчу ему Баранъ: «Колобокъ, Колобокъ, я тебя съѣмъ.»—«Гдѣ тебѣ, глупому, меня съѣсть:

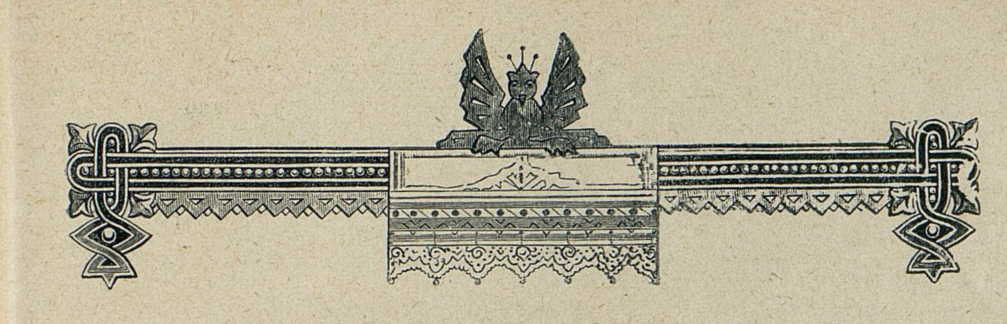
Я по коробу скребенъ,
По сусѣку метенъ,
На сметанѣ мѣшонъ,
Да на маслѣ пряжонъ,
На окошкѣ стужонъ.
Я отъ дѣдушки ушелъ,
Я отъ бабушки ушелъ,
Я отъ Зайца ушелъ,
Я отъ Волка ушелъ!
Отъ тебя, отъ Барана,
И подавно уйду!

И покатился себѣ дальше: только Баранъ его и видѣлъ. Катится Колобокъ по дорогѣ, а навстрѣчу ему Лисичка-сестричка. «Здравствуй, Колобокъ; какой ты хорошенькій!» А Колобокъ запѣлъ:

Я по коробу скребенъ,
По сусѣку метенъ,
На сметанѣ мѣшонъ,
Да на маслѣ пряжонъ,
На окошкѣ стужонъ.
Я отъ дѣдушки ушелъ,
Я отъ бабушки ушелъ,
Я отъ Зайца ушелъ,
Я отъ Волка ушелъ,
Отъ Барана ушелъ!
Отъ тебя, отъ Лисы,
И подавно уйду!

— Эхъ, вотъ пѣсенка-то хороша!—говоритъ Лиса.—Только, Колобочекъ, я ужь стара стала, плохо слышу: сядь-ка на мою мордочку, пропой еще разокъ, да погромче.» Колобокъ вскочилъ Лисѣ на мордочку и запѣлъ ту же пѣсню. «Спасибо, Колобокъ! Славная пѣсенка, хоть бы еще послушать. Сядь-ка ко мнѣ на язычекъ, да пропой еще разокъ.» Сказала Лиса и высунула языкъ. Колобокъ ей на языкъ прыгъ, а она его амъ—и перекусила.

Какъ завела-было себѣ Лиса бычка-третьячка.

Раскусила Лиса Колобокъ, весь мякишъ изъ середки у него выѣла; въ середину грязи наложила, корочки слѣпила, и бѣжитъ, — Колобокъ, точно цѣлый, въ зубахъ держитъ. Прибѣжала въ поле, гдѣ ребятишки бычковъ пасли, и говоритъ «Пастушки, пастушки, дайте мнѣ бычка-третьячка *), а я вамъ за то Колобочекъ дамъ. Пастухи согласились. «Только, — говоритъ имъ Лиса, — вы смотрите, не ѣшьте Колобка, пока я до лѣсу не дойду, а то въ Колобкѣ вмѣсто мякишка одна грязь будетъ.» Взяла Лиса бычка, украла гдѣ-то по дорогѣ санки съ упряжью, запрягла бычка въ санки,—и ѣдетъ по лѣсу барыней.

Попадается ей навстрѣчу Волкъ. «Здорово, кума!»—«Здравствуй, Евстифейка!»—«Гдѣ это ты, кума, санки взяла?»—«Сама сдѣлала».—«Ишь, барыней какой ѣдешь; подвезла-бы меня».—«Нельзя».—«Мнѣ, кумушка, хоть одну ножку положить».—«Ну, одну можно». Волкъ положилъ одну ногу, а какъ отъѣхали немножко, сталъ просить, чтобы позволила ему Лиса и другую ногу положить.—«Нельзя, Евстифейка: ты мнѣ санки сломаешь».—«Ничего, кума, не бойся»,—и положилъ другую ногу. Ѣдутъ, ѣдутъ—вдругъ что-то въ санкахъ у Лисы хрустнуло. «Видишь,

*) Трехгодовалаго

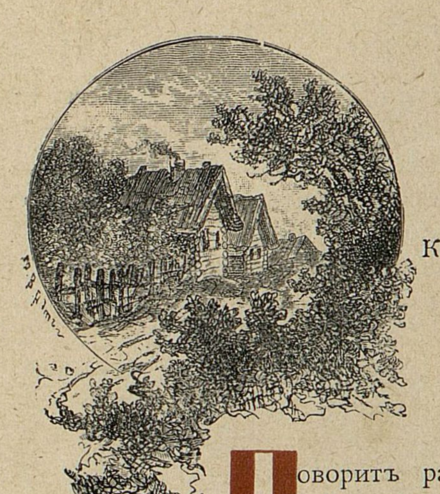
кумъ, санки трещатъ.»—«Нѣтъ, кума, это я орѣшекъ раскусилъ; да чего ты боишься, позволь совсѣмъ въ санки сѣсть.» — «Ну, что съ тобой дѣлать, садись; только хоть хвостища своего, полѣна, не клади.» – «Хорошо, Лисынька, не положу». – Еще немного отъѣхали—опять сани затрещали. «Охъ, батюшки,—кричитъ Лиса,—совсѣмъ сломаешь ты мои санки!» — «Да нѣтъ, кума, это я орѣшекъ раскусилъ.»—«Ишь ты какой: самъ ѣшь, а мнѣ не даешь.»—«Я бы далъ да больше нѣту,»—говоритъ Волкъ, а самъ проситъ, чтобы пустила Лиса и хвостъ на санки положить. Только положилъ Волкъ хвостъ въ санки,—онѣ и развалились.

Разсердилась Лиса на Волка — страхъ, такъ къ мордѣ и лѣзетъ, а какъ отлегло отъ сердца, приказала ему идти и нарубить деревьевъ, чтобы новыя санки сдѣлать. «Только, – говоритъ,— ты, дуракъ, смотри: какъ будешь рубить, говори: рубися дерево и прямое и кривое!»—«Хорошо, Лисынька». А самъ, какъ отошелъ, рубитъ да приговариваетъ:—«Рубися дерево все прямое да прямое». Нарубилъ и принесъ. Увидала Лисичка, что дерево не такое, какое нужно. «Эхъ,—говоритъ,—дуракъ ты, дуракъ, и этого сдѣлать не можешь. Постереги бычка, я сама пойду нарублю,»—и ушла въ лѣсъ. Волкъ, какъ увидалъ, что Лиса далеко ушла, зарѣзалъ бычка-третьячка, выѣлъ у него въ серединѣ все мясо, шкуру набилъ соломой, наложилъ на чучело сбрую, а самъ убѣжалъ.

Вернулась Лиса съ деревомъ, какимъ нужно, сдѣлала санки, сѣла въ нихъ, машетъ кнутомъ и кричитъ:

Эхъ, бычекъ-третьячекъ!
Сани-то чужія,
Вожжи краденыя,
Хомутъ не свой...
Погоняй, не стой!

А бычекъ, соломенный бочекъ, стоитъ не шевелится. Лиса его кнутомъ; а потомъ, какъ разглядѣла волчью продѣлку. «Ну,—говоритъ,—сѣрый кумъ, ужь я тебѣ эту насмѣшку отплачу съ лихвою.»

Какъ Лиса рыбкой у мужика поживилась.

Говоритъ разъ старикъ старухѣ: «Поѣду я, жена, на озеро рыбку половить». Наловилъ рыбки довольно и ѣдетъ назадъ. А Лиса все это пронюхала, забѣ-

жала впередъ его и развалилась на дорогѣ, лапы вытянула, хвостъ откинула, зубы оскалила, глаза зажмурила — мертвая да и

только! Подъѣхалъ старикъ, слѣзъ съ воза и подошелъ къ Лисичкѣ: та не ворохнется. «Вотъ такъ находка! — говоритъ мужикъ. — Женѣ на воротникъ и себѣ на шапку». Взялъ онъ Лису, положилъ на возъ, сверху рогожей прикрылъ, и пошелъ впереди лошади. А Лисичка улучила время и давай выбрасывать полегоньку изъ воза: все по рыбкѣ да по рыбкѣ, все по рыбкѣ да по рыбкѣ. Повыбросала всю рыбу, прыгъ съ воза,—и была такова.

Пріѣхалъ мужикъ домой. «Ну, жена, какой я воротникъ привезъ тебѣ на шубу!» — «Гдѣ?» — «Тамъ, на возу съ рыбой лежитъ». Побѣжала баба къ возу,—а тамъ ни рыбы, ни воротника. Принялась она мужа бранить: «Ахъ ты такой-сякой! Еще вздумалъ шутки надо мной шутить!» Подошелъ и мужикъ, обшарилъ возъ,—тоже ничего не нашелъ. Тутъ и смекнулъ онъ, что Лисичка-то не мертвая была.

Какъ Лиса Волку за бычка отплатила.

А Лиса собрала всю рыбу въ кучку, сѣла и ѣстъ себѣ. Глядь,—по дорогѣ Волкъ-Евстифейка идетъ. «Здравствуй, кумушка! Что это ты, рыбку кушаешь? Дай мнѣ!» — «Налови самъ, да и ѣшь».—«Да я не умѣю».—«Эхъ, ничего-то ты не умѣешь. Ну, на вотъ рыбку, попробуй!» Проглотилъ Волкъ рыбку, и сталъ Лису просить, чтобы она научила его, какъ ему самому такой рыбы наловить. «Ну, ладно, — говоритъ Лиса,— я тебя научу: ступай ты на рѣку и спусти хвостъ въ прорубь: рыба сама тебѣ на хвостъ нацѣпляется. Да смотри, сиди подольше, а то не наловишь». — «Спасибо, кумушка, за науку!» Повела Лиса его къ проруби, а дорогой и говоритъ: «Когда будешь, Евстифеюшка, ловить, приговаривай: ловись рыбка большая и маленькая! А то, коли одна большая наловится,—смотри, пожалуй и не вытащишь». Сѣлъ волкъ, хвостъ опустилъ въ прорубь, а самъ бормочетъ: «Ловися рыбка все большая да большая!

Увидали бабы Сѣраго, крикъ подняли.

Ловися рыбка, все большая да большая!» А Лисичка кругомъ похаживаетъ, на небо посматриваетъ да приговариваетъ: «На небѣ ясни, ясни: мерзни, мерзни волчій хвостъ!» — «Что ты, кумушка, говоришь?» — спрашиваетъ волкъ. — «Рыбку тебѣ, куманекъ, скликаю».

Сидѣлъ, сидѣлъ волкъ у проруби, ужь и ночь проходитъ, свѣтать стало. Попробовалъ было онъ приподняться — не тутъ то было. «Эка, сколько, рыбы привалило, и не вытащишь», — думаетъ. — «Не пора ли, кумушка, тащить?» — «Посиди еще, куманекъ: больше наловится». Занялась заря утренняя, потянулись бабы изъ села съ ведрами, съ коромыслами. Тутъ Лисичка хвостикомъ махнула и была такова, а Волкъ, какъ ни рвется — все ни съ мѣста: крѣпко примерзъ хвостъ къ проруби, держитъ его, какъ на привязи. Увидали бабы Сѣраго, крикъ подняли; сбѣжался народъ и давай Волка угощать всѣмъ, что кому въ руки попалось. Волкъ прыгалъ, прыгалъ, оторвалъ себѣ полхвоста и убѣжалъ.

Пока Волкъ отдувался своими боками, Лисичка захотѣла попробовать, не удастся ли еще что нибудь стянуть. Забралась она въ одну избу, гдѣ бабы блины пекли, да и попади невзначай головой въ кадушку съ тѣстомъ; вымазалась вся — и бѣжитъ. А Волкъ, избитый ей навстрѣчу. «Такъ-то ты, Лиса, меня учишь? Отъ твоей науки я принялъ такой муки, что безъ хвоста остался.» — «Эхъ, куманекъ, — говоритъ Лиса, — съ кѣмъ бѣда не живетъ! Тебѣ безъ полхвоста еще съ полгоря. А мнѣ то каково? Меня еще больнѣй твоего прибили: у тебя хоть кровь выступила, а у меня-то мозгъ. Видишь, насилу плетусь». — «Батюшки! — говоритъ. Волкъ. — Какъ тебя изуродовали! И то правда, кумушка, гдѣ ужь тебѣ идти: садись на меня, я тебя довезу». Сѣла Лисичка Волку на спину, и повезъ онъ ее. Вотъ она сидитъ, да потихоньку приговариваетъ: «Битый небитаго веветъ, битый небитаго везетъ». — «Что ты, кумушка, говоришь?» — «Я, куманекъ, говорю: битый, молъ, битаго везетъ». — «Правда, кумушка, охъ, правда».

Какъ Лиса у Волка жила.

Стало Волку тяжело на себѣ Лису тащить, вотъ онъ и спрашиваетъ: «Куда-же, кумушка, тебя отвезти?» — «Охъ, куманекъ, вези къ себѣ: до моего дома далеко; пожалуй, помру на дорогѣ безъ покаянія.» — А у Лисы и дома-то своего вовсе не было. — Вотъ пріѣхали они къ Волку въ домъ. Лиса, точно и вправду чуть жива, кряхтитъ, охаетъ. Насилу въ избу вошла, кое-какъ влѣзла на палати, съ палатей прыгъ на печку и лежитъ. Пришлось Волку Лису кормить; ужь онъ и такъ и сякъ изворачивался, — все кормитъ Лису. А Лиса лежитъ, полеживаетъ, отъѣлась на волчьихъ харчахъ, такая гладкая стала, что, страхъ,—ужь не все, что Волкъ принесетъ, и ѣстъ-то.

Пронюхала она, что на чердакѣ у Волка кадочка масла на черный день спрятана. Разъ лежитъ она ночью на печи, да украдкой хвостикомъ постукиваетъ. «Чу, кума,»—говоритъ Волкъ,—кто-то стучитъ.»—«А, знать, меня на родины въ бабки зовутъ.»—«Такъ сходи, все что нибудь заработаешь.» Вышла Лиса, прямехонько къ маслу; лизнула разъ, другой, да побоялась и вернулась домой. «Была?»—спрашиваетъ Волкъ.—«Была, кумъ»—«А какъ младенца-то назвали?»—«Початочкомъ.»

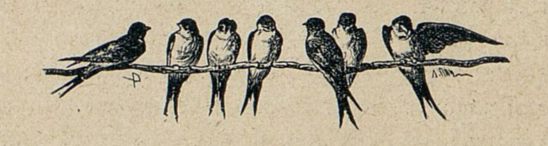
Въ другой разъ лежитъ Лиса, да опять хвостикомъ постукиваетъ: «Тукъ, тукъ,»—«Чу, кума, кто-то стучитъ.»—«Знать, опять меня на повой зовутъ.»—«Такъ сходи.» Вышла Лиса, прямехонько къ маслу, нализалась, какъ слѣдуетъ, и вернулась. «Была?»—«Была, кумъ.»—«А какъ младенца то назвали?»—«Да дѣвочка родилась, такъ Середочкой.»

Въ третій разъ Лисѣ захотѣлось совсѣмъ съ масломъ покончить. Лежитъ опять на печи, да хвостикомъ постукиваетъ. «Чу, кума, опять кто-то стучитъ.»—«Знать, меня опять на повой зовутъ: да ужь и ходить надоѣло.»—«Ничего, сходи.» Вышла Лиса и долизала все масло. «Была?»—спрашиваетъ ее Волкъ, какъ она воротилась. «Была, кумъ.»—«А какъ младенца-то назвали?» — «Поскребышкомъ, куманекъ, Поскребышкомъ!»

Долго-ли, коротко-ли, только захотѣлось Волку маслица поѣсть. Пошелъ кумъ на чердакъ,—а масла-то нѣтъ ничего, пустая кадочка на боку валяется. «Кума, кума!—кричитъ волкъ.—А вѣдь масло кто-то у меня съѣлъ.»—«Кому же съѣсть, кромѣ тебя?»—«А не ты-ли?»—«Что ты, что ты! День весь ты дома, а ночью я на повой хожу: когда же мнѣ твое масло ѣсть? Напраслина, кумъ, напраслина! Вотъ ужь правду люди говорятъ: кто Волка знаетъ да вѣдаетъ, тотъ безъ хлѣба обѣдаетъ. Самъ съѣлъ да на меня сваливаешь.» А Волкъ все на своемъ стоитъ. «Ну, хорошо, — говоритъ Лиса, — давай ляжемъ на солнышкѣ: у кого вытопится изъ живота масло, тотъ и виноватъ.»

Пошли, легли. Волкъ, какъ легъ, такъ и захрапѣлъ. А Лиса обтерла лапой кадочку и вымазала волку брюхо масломъ. «Кумъ, кумъ!» — толкаетъ она Волка. — Просыпайся, это что? Вотъ кто съѣлъ. Смотри, и полъ замаслилъ.» Проснулся Волкъ, посмотрѣлъ —брюхо въ маслѣ. А Лиса говоритъ: «Что, куманекъ, не стыдно свой грѣхъ на другихъ сваливать? Отпирайся, воръ, а улики-то вѣрныя.»

Осердился Волкъ: «Врешь, кума: это все твои хитрости Убирайся отъ меня вонъ!» И выгналъ Лису.

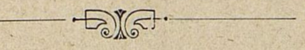

Какъ Лиса и Ракъ перегонялись.

Радоваться-бы Лисѣ и нечего, да и горе невеликое: зиму она у Волка перезимовала, отъѣлась, — лѣтомъ не мудрено пропитаться.

Бѣжитъ она около рѣчки, веселая, пѣсенку напѣваетъ, глядь—на бережку Ракъ сидитъ: глазищи вытаращилъ, усищи распустилъ, и говоритъ Лисѣ: «Куда, кума, торопишься?» — «Такъ, безъ дѣла лытаю.» — «Шибко ты, кума, бѣгаешь, только за мною тебѣ не угнаться.» — Раку-то надо бы въ гости къ свояку въ сосѣдней прудъ сходить, да идти лѣнь, — вотъ онъ и пошелъ на хитрости. — «Ну, куда тебѣ, усатому, пучеглазому!» — «А давай перегоняться: кто первый, вонъ, до того пруда добѣжитъ, — того и верхъ». — «Давай». Выбрали мѣсто поровнѣе, встали. Лиса побѣжала, а Ракъ уцѣпился клешней ей за хвостъ. Бѣжитъ Лисица торопится, а Ракъ—ни гугу: виситъ

себѣ на хвостѣ, покачивается. Добѣжала Лиса до пруда, обернулась, — посмотрѣть, гдѣ-то еще Ракъ, — а онъ ужь сзади отзывается. «Долго же ты бѣжала, кумушка; я ужь давно тебя здѣсь жду».

Какъ Лиса Зайца изъ избушки выгоняла.

Житье было Лисѣ, пока весна красная, лѣто теплое. А какъ пришла зима съ мятелями да морозами,—не та уже пѣсня. Забралась Лиса въ лѣсъ, увидала, что Заяцъ выстроилъ себѣ на зиму избушку лубяную, задумала и себѣ пріютъ выстроить. Только полѣнилась строить избушку лубяную, выстроила ледяную. «И такъ сойдетъ,» — думаетъ. А какъ подошло дѣло къ веснѣ, стало солнышко пригрѣвать, — лисицына-то избушка и растаяла.

Что Лисѣ дѣлать? Пришла она къ зайцевой избушкѣ и стучитъ въ дверь хвостомъ: «Тукъ, тукъ!»—«Кто тутъ» —«Я, Лисичка: Пусти меня, Заинька, у тебя хоть на крылечкѣ подъ крышкой посидѣть.»—«Ступай, кума.»—Взошла на крылечко: «Пусти меня, Заинька, въ сѣни.»—«Нѣтъ, кумушка, не пущу, ты меня, Зайца, обидишь.»—«И, что ты! Богъ съ тобой, Заинька. Пусти!»— «Такъ и быть, полѣзай.» Вошла въ сѣни: «Пусти меня въ избушку!»—«Нѣтъ, боюсь, не пущу.» — «Пусти, Заинька!» — «Такъ и быть, полѣзай.» Влѣзла Лиса въ зайцеву избушку, да Зайца самого вонъ и выгнала.

Идетъ Зайчикъ лѣсомъ, плачетъ да приговариваетъ:

Подъ елочкой капъ, капъ!
Подъ сосенкой капъ, капъ!
Куда Зайцу дѣться?
Куда схорониться?

Вдругъ, навстрѣчу ему собаки: «Тяфъ, тяфъ, тяфъ! О чемъ, Зайчикъ, плачешь?»—«Отстаньте, собаки! Какъ мнѣ не плакать? Была у меня избушка лубяная, да и изъ той Лиса меня выгнала.»—«Не плачь, Зайчикъ, — говорятъ собаки, — мы Лису выгонимъ.»—«Нѣтъ, не выгоните!»—«Нѣтъ, выгонимъ!» Подошли собаки къ избушкѣ: «Тяфъ, тяфъ, тяфъ! Поди, Лиса, вонъ!» А она имъ съ печи:

— Какъ выскочу, какъ выпрыгну, полетятъ клочки по закоулочкамъ!»—Собаки испугались и убѣжали.

Идетъ Зайчикъ дальше да плачетъ. А ему навстрѣчу Медвѣдь: «О чемъ, Зайчикъ, плачешь?»—«Отстань, Медвѣдь! Какъ мнѣ не плакать? Была у меня избушка лубяная, да и изъ той Лиса меня выгнала.»—«Не плачь, Зайчикъ,—говоритъ Медвѣдь,—я Лису выгоню.»—«Нѣтъ, не выгонишь! Собаки гнали, не выгнали, и тебѣ не выгнать.»—«Нѣтъ, выгоню.» Подошелъ Медвѣдь къ избушкѣ: «Поди, Лиса, вонъ!» А она ему съ печи:

— Какъ выскочу, какъ выпрыгну, полетятъ клочки по закоулочкамъ!» Медвѣдь испугался и ушелъ.

Идетъ Зайчикъ дальше да плачетъ:

Подъ кустикомъ капъ, капъ!
Подъ деревцомъ капъ, капъ!
Куда Зайцу дѣться?
Куда схорониться?

А ему навстрѣчу Пѣтухъ: «Кукуреку! О чемъ, Зайчикъ, плачешь?»—«Отстань, Пѣтухъ! Какъ мнѣ не плакать? Была у меня избушка лубяная, да и изъ той Лиса меня выгнала.»—«Не плачь, Зайчикъ,—говоритъ Пѣтухъ,—я Лису выгоню.»—«Куда тебѣ: собаки гнали, не выгнали, Медвѣдь гналъ, не выгналъ, тебѣ и подавно не выгнать.»—«Нѣтъ, выгоню!»

Подошелъ Пѣтухъ къ избушкѣ, взлетѣлъ на крышу и кричитъ во все горло:

Вотъ иду я на пятахъ,
Несу саблю на плечахъ.
Хочу Лису посѣчи
По самыя плечи.
Вонъ, Лиса, вонъ кума!

Лиса услыхала, испугалась и говоритъ: «Одѣваюсь.»

Пѣтухъ опять: «Кукуреку:»

Вотъ иду я на пятахъ,
Несу саблю на плечахъ...

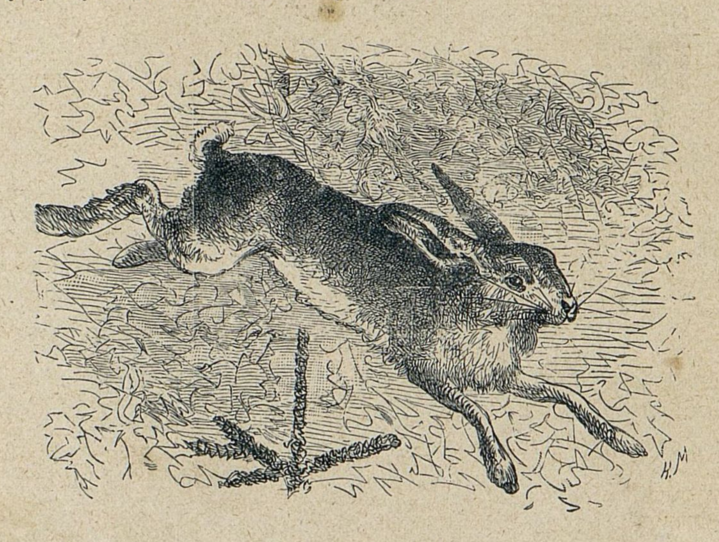
А Лиса въ отвѣтъ: «Шубу надѣваю.»

Пѣтухъ въ третій разъ:

Вотъ иду я на пятахъ,
Несу саблю на плечахъ...

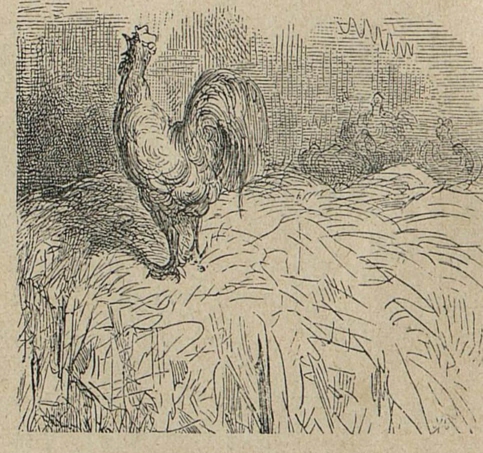
Лиса какъ бросится изъ избушки со всѣхъ четырехъ ногъ,—и слѣдъ простылъ.

Бѣжала, бѣжала Лиса, устала и присѣла отдохнуть на дорогѣ. Тутъ раздумье ее взяло: «Ахъ я глупая, глупая! Собакъ не испугалась, Медвѣдя не испугалась, Пѣтуха испугалась!» Обидно стало Лисѣ. «Погоди, Петя,—думаетъ,—я тебѣ отплачу.» И стала она думу думать, какъ ей Пѣтуха извести.

Какъ Лиса на Пѣтуха зубы точила.

Дождалась Лиса ночи, забралась къ мужику во дворъ и, только было, просунула носъ въ курятникъ,—а Пѣтухъ проснулся, да какъ закричитъ во всю глотку, ногами затопалъ, крыльями захлопалъ. Съ того крика пѣтушинаго куры закудахтали, утки закрякали, гуси загоготали, собаки залаяли, лошади заржали, коровы замычали. Выбѣжалъ мужикъ изъ избы съ палкой,—только Лисы ужь и слѣдъ простылъ. «Ладно,—говоритъ себѣ Лиса, — и это я тебѣ, Петя, припомню; за все разомъ отплачу».

Прошло довольно времени. Вышелъ разъ Пѣтухъ въ лѣсъ погулять, взлетѣлъ на рябинку, сидитъ да по сторонамъ посматриваетъ. Вдругъ—шасть Лиса изъ-за кустика, сѣла подъ деревомъ и говоритъ: «Здравствуй, Петинька!»—«Чего надо, куроцапка!»—«Эхъ, Петя, Петя! Я къ тебѣ съ добрымъ словомъ, а ты ругаться. Не до куръ ужь мнѣ теперь: старость, Петя, подходитъ, пора о грѣхахъ подумать. Вотъ и пришла я къ тебѣ со смиреніемъ: дай,—думаю,—пойду, моего Петю повидаю, обиды ему

мои прощу. Ужь какъ ты меня у Зайца въ избушкѣ испугалъ, какъ въ курятникѣ настращалъ,—и то я противъ тебя зла не держу. А ты вотъ что, Петя, подумалъ бы: я тебя люблю,—каково мнѣ твои грѣхи видѣть? Меня ты на весь лѣсъ срамишь-ругаешь, а самъ забрался на высокое дерево и гордостью своею величаешься. Да и на дерево-то взобрался неспроста. Сидишь ты на рябинѣ, ягодами объѣдаешься, а того не знаешь,—какой грѣхъ обжорство. Сойди, Петя, внизъ, сядемъ рядкомъ, потолкуемъ ладкомъ; простимъ другъ другу да поцѣлуемся. А то, каково тебѣ будетъ, какъ помру я, тебя не простивши?»

Разжалобила Лиса Пѣтуха, умилился Пѣтухъ, прослезился, и сталъ спускаться: съ вѣтки на вѣтку, съ прутка на прутокъ, съ сучка на сучекъ, съ пенька на пенекъ,—и попалъ Лисѣ въ лапы. Взмолился Пѣтухъ: «Не ѣшь меня, Лиса, честная вдова, ласковыя твои слова, сахарныя уста! Много ли во мнѣ корысти? А вотъ былъ я вчера у самого царя въ палатахъ,—хвалили меня всѣ на перебой: и собой-то я молодецъ видный и голосъ-то хорошъ. Зовутъ въ пѣвчіе. Вотъ бы тебѣ черезъ меня, Лисынька, попасть въ птичницы: курамъ, уткамъ, счета нѣтъ. Ѣшь—сыта, не хочу,—да облизывайся».

Потекли у Лисы съ тѣхъ пѣтушиныхъ словъ слюнки, распустила она лапы, — а Пѣтухъ порхъ на дубокъ и кричитъ: «Здравствуй, придворная птичница! Много ли куръ скушала? Спасибо, что меня, разинувъ ротъ, слушала!»

И пошла Лиса отъ Пѣтуха прочь, не солоно хлѣбавши. «Сколько,—думаетъ,—на свѣтѣ лѣтъ ни живала, а такого срама, отродясь, не видала: и вправду, гдѣ это бываютъ пѣтухи въ пѣвчихъ, а лисы въ птичницахъ».

Для составленія настоящаго **Полнаго Сборника Сказокъ Русскаго народа,** мы пользовались, кромѣ ненапечатанныхъ матерьяловъ, находящихся въ бумагахъ покойныхъ А. А. Гатцука и проф. О. М. Бодянскаго, между прочимъ, слѣдующими изданіями:

Авдѣева: Дѣтскія сказки. **Афанасьевъ:** Нар. Рус. легенды, Народныя Русскія сказки, Поэт. воззрѣніе Славянъ на природу. **Безсоновъ:** Дѣтскія сказки. **Бодянскій:** Наськы Украиньскы казкы запорозьця Иська Матырынкы. **Боричевскій:** Повѣсти и преданія народовъ слав. плем. **Броницынъ:** Рус. нар. сказки. **Буслаевъ** Рус. нар. поэзія., Истор. очер Рус. нар. словесн., Истор. Христом. **Валявецъ:** Хорутанскія и Словацкія сказки (Narodne pripovjedke, kupio Matija Valjavec) **Венцигъ:** Чешскія, Моравскія и Кошубскія сказки (Westslawische Merchenschatz). **Веселыя похожденія старинныхъ пошехонцевъ.** Изд. 1821 г. **Войцицкій:** Польскія сказки (Zarisy dowove). **Врчевичъ:** Сербскія сказки (Српске народне проповjетке). **Глинскій:** Польскія сказки. **Даль:** Сказки казака Луганскаго, Пословицы Рус. нар., Картины: рус. быта. **Данилевскій:** Степныя сказки. **День** (журналъ). **Деревенская забавная старушка.** Изд. 1804. **Дмитріевъ** Опытъ собранія сказокъ Сѣверо-Западнаго края. **Добжинскій:** Славянскія сказки (Sloven. povesti). **Добровольскій:** Смоленскій Этнографическій Сборникъ. **Драгомановъ:** Малороссійскія народныя преданія и разсказы: **„Дѣдушкины прогулки“.** Изд. 1819 г. **Журналъ** Мин. Нар. Просв. (прибавленія). **Записки** Геогр. Общ. **Записки** Академіи Наукъ. **Калачовъ:** Архивъ ист.-юрид. свѣд. о Россіи. **„Калики перехожіе“,** Сборникъ народн. стиховъ. **Караджичъ:** Сербскія сказки (Српске народне проповjетке). **Кирша Даниловъ:** Древнія Рос. стихотв. **Киреевскій:** Пѣсни. **Костомаровъ:** Славян. Миѳол. **Касторскій:** Начерт. Рус. Миѳол **Кулишъ:** Записки о Южной Россіи. **Кульда:** Моравскія сказки. **Лѣкарство** отъ задумч. и безсон. изд. 1819 г. **Лѣтописи** русск. литер. и древн. **Максимовичъ:** Русская Бесѣда. **Малый:** Чешскія сказки (Biblioteka zobavneho cteni) **Матица:** Србски лѣтописъ. **Манжура:** Сказки, пословицы и пр. (Сборникъ Харьковскаго Историко-Филолог. общества). **„Маякъ“** (журналъ). **Молодикъ** (малорус. альманахъ). **Мордовцевъ:** Малорус. литерат. сборн. **„Не любо—не слушай, а лгать не мѣшай“** изд. 1832 г. **Николичъ:** Сербскія сказки. **Новосельскій:** Народъ Украинскій (Lud Ukrainski). **Нѣмцова:** Словацкія сказки (Slov. pohadki). **„Основа“** (Малорус. журн.). **Памятники** стар. рус. литер. Изд. Кушелева-Безбородка. **„Пантеонъ“** (журналъ). **Пассекъ:** Очерки Россіи. **Пермскій Сборникъ. Подснѣжникъ** (журналъ). **Полевой:** Русскія нар. сказки. **Пыпинъ:** Очеркъ литер. исторіи старин. повѣстей и сказокъ. **Романовъ: В. Р.** Бѣлорусскій сборникъ. **Рудченко:** Малорусскія сказки. **Русскія** сказки, изд. 17б7 г. **„Русское Слово“** (журналъ). **Рыбниковъ:** Сборн. пѣсенъ. **Садовниковъ:** Сказки Самарскаго края. **Гр. Сахаровъ:** Сказанія Рус. народа, Рус. нар. сказки. **Семенскій:** Польскія и литовскія преданія (Podania i Legendy). **Сказки,** записанныя въ Буковинѣ, Седмиградіи, с Поморянъ и Кошубовъ („Zeitschrift für Deutsche Mythologie und Sittenkunde“). **Смоляръ и Гауптъ:** Народныя указанія Вендовъ Верхней и Нижней Лужицы. **Снѣгиревъ:** Сборникъ истор. и статист. свѣд. о Россіи. **Собраніе старинныхъ** русскихъ сказокъ, изд. 1830 г. **„Старичекъ Весельчакъ“,** изд. 1801. **Стасовъ:** Происхожденіе русскихъ былинъ. **Сумлоркъ:** Старочешскія сказки (Staroceske powesti, spewy etc). **Терещенко:** Бытъ Русскаго Народа. **Труды** Курскаго Статист. Комит. **Труды** Общ. Любит. Рос. Словесн. **Труды** Ярославскаго Губ. Стат. Комит. **Худяковъ:** Русскія народныя сказки, Матерьялы для изученія народной словесности. **Черниговскія** Губ. Вѣдом. **Чтеніе** Общ. Ист. и Древн. Рос. **Чубинскій:** „Труды“. **Чудинскій:** Великорус. сказки. **Чулковъ:** Русскія сказки **Шафарикъ:** Преданія и легенды русскія, польскія, и т. д. (Podania i Legendy polskie, ruskie, litowskie), Образцы Чешской нар. литер. **Шейнъ:** Бѣлорусскій сказки (изд. 1893 г.). **Шпилевскій:** Бѣлоруссія въ описаніяхъ и повѣріяхъ **Щаповъ:** Истор. очерки нар. міросозерц. **Эрбенъ.** Лужицкія, Кошубскія, Болгарскія, Чешскія и пр. сказки (Slovenska citanka). **Эрленвейнъ:** Народныя сказки, собранныя сельскими учителями. **Этнографическое Обозрѣніе** (журналъ).

Всѣ 20 выпусковъ выйдутъ въ свѣтъ не позднѣе половины 1895 года и составятъ роскошный томъ свыше 640 стр.

При **20**-мъ выпускѣ подписчикамъ будетъ разослано особое послѣсловіе съ портретами извѣстнѣйшихъ собирателей русскихъ народныхъ сказокъ и этнографовъ, трудившихся по разработкѣ русскаго народнаго эпоса.

За одинъ рубль, при послѣднемъ (20-мъ) выпускѣ, подписчикамъ на все изданіе можетъ быть высланъ къ нему роскошный *металлическій* переплетъ.

Подписная цѣна на сборникъ „Сказокъ Русскаго Народа“: **съ доставкой и пересылкой:** за всѣ **20** выпусковъ—**5** р.;**10** вып.—**3** р.; **5** вып.—**1** р. **50** к. **Безъ доставки: 20** вып. — **4** р.; **10** вып.—**2** р. **50** к.; **5** вып.—**1** р. **25** к. **Отдѣльный выпускъ** *(для ознакомленія)* высыл. за **30** к. почт. марками. ***Въ Москвѣ можно подписываться открытымъ письмомъ въ контору***, *(при чемъ необходимо указать время, когда артельщикъ конторы можетъ явиться съ подписнымъ билетомъ за полученіемъ платы).*

По окончаніи изданія цѣна будетъ возвышена.

Контора: Москва, Болотная площадь, домъ Майтова (контора Крестнаго Календаря).

Кромѣ того подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ ***Новаго Времени:*** *въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ.*

Цѣна выпуска
25 коп.
съ пересылкой 30 копѣекъ.

Сказки
подъ редакціей
В. А. ГАТЦУКА.
Птица Сиринъ
Русскаго народа

„Иллюстрированная Библіотека Крестнаго Календаря“.

СКАЗКИ
РУССКАГО НАРОДА.

Текстъ подъ редакціей
В. А. Гатцука.

Рисунки художниковъ **Н. А. Богатова, Г. Дорэ** и др.

V.

Сказка про Лису Патрикѣевну.

Часть II-я.

МОСКВА.
Типографія **В. А. Гатцукъ**, Болотная площадь, домъ Майтова.
1894.

Дозволено цензурою. Москва, 9 Ноября 1894 года

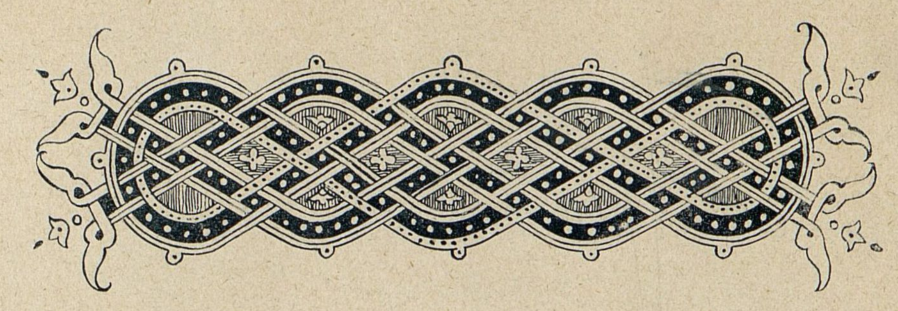
СКАЗКА ПРО ЛИСУ ПАТРИКѢЕВНУ.

Часть 2-я.

Почему Пѣтухъ отъ хозяина ушелъ.

Какъ ушла Лиса, Пѣтухъ слетѣлъ съ дубочка и вернулся домой. У воротъ встрѣчаетъ его Васька-Котъ и говоритъ: «Куда ты, Петя?» — «Домой.» — «Да что ты! Бѣги скорѣе отсюда, куда глаза глядятъ: хозяинъ внучку свою, Снѣгурушку, нынче замужъ выдаетъ, — тебя ужь съ утра ищутъ, чтобы зарѣзать, да въ пирогѣ запечь. Бѣги, Петя, со всѣхъ ногъ; пожалуй, и я тебѣ за товарища буду: что въ немъ, въ хозяинѣ, за радость; нынче бьетъ, а завтра за уши таскаетъ». — «Да правда-ли, Вася, что меня зарѣзать хотятъ?» — «Ну вотъ, съ чего мнѣ врать: правда истинная!»

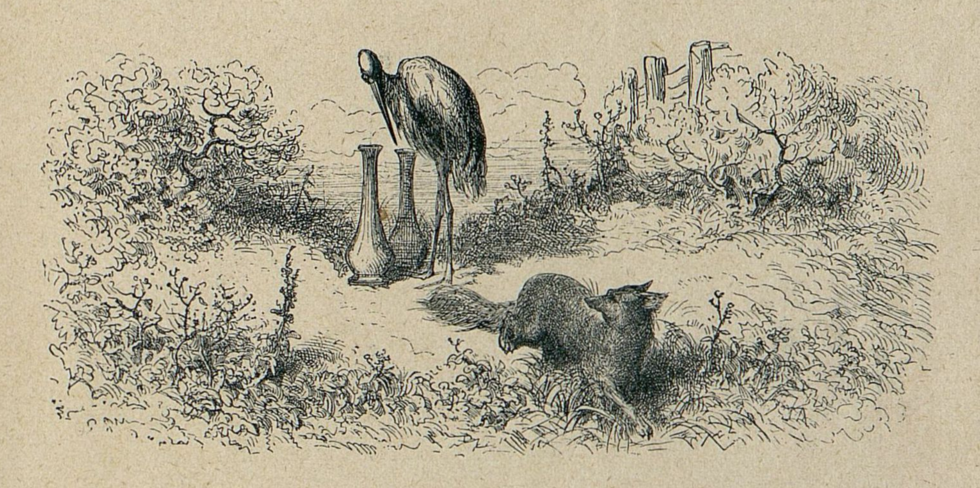
И все-то Васька неправду говорилъ: его самого хозяинъ хотѣлъ повѣсить за то, что онъ ужь очень шкодить началъ, — то сметанку сниметъ, то сливочки слижетъ, то говядинку уворуетъ,—а про Пѣтуха и разговору не было. Только Пѣтухъ ему повѣрилъ. Пошли они вмѣстѣ въ лѣсъ, ходили-ходили, бродили-бродили, и набрели на ту самую избушку лубяную, гдѣ Зайчикъ жилъ. Зайчикъ сейчасъ узналъ Пѣтуха, что помогъ ему Лису изъ избушки выгнать, и съ радостью пустилъ его и Кота съ собою жить.

Какъ Лиса съ Журавлемъ хлѣбъ-соль дѣлила.

Осѣклась Лиса на Пѣтухѣ, пришла домой, и стала думать да гадать, какъ бы на чей нибудь счетъ поживиться. Надумалась, и идетъ къ Журавлю. «Здравствуй, Журочка! Справлялась я по книгамъ и разыскала, что ты доводишься мнѣ троюроднымъ братомъ: надо, значитъ, намъ другъ друга знать и почитать. Приходи же, братецъ, ко мнѣ на новоселье: ужь какъ я тебя угощу!» Пошелъ Журавль на званый пиръ: тяпъ-ляпъ, тяпъ-ляпъ! А Лиса наварила манной каши и размазала по тарелкѣ. Подала и подчуетъ: «Покушай, куманекъ дорогой! Покушай, братецъ родимый: сама стряпала.» Журавль хлопъ-хлопъ носомъ, стучалъ, стучалъ — ничего не попадаетъ. А Лиса въ это время лижетъ себѣ да лижетъ кашу; такъ всю сама и съѣла. Кашу съѣла, и говоритъ Журавлю: «Не обезсудь, куманекъ дорогой! Не обезсудь, братецъ родимый! Больше подчивать нечѣмъ по бѣдности. У тебя хоромы просторныя,—все болото,—достатки большіе. Ужь какъ я къ тебѣ гостить приду, — ты меня не обидишь». — «Спасибо, кума, на угощеньи,—говоритъ Журавль, —приходи и ты ко мнѣ въ гости: поподчую.»

На другой день приходитъ Лиса къ Журавлю, а Журавль приготовилъ окрошку, наложилъ въ два кувшина съ узкими горлышками,—одинъ гостьѣ, другой себѣ, и говоритъ: «Кушай, кумушка!» Вертится Лиса вокругъ своего кувшина, и такъ зайдетъ, и этакъ, и полижетъ-то его, и понюхаетъ—все ничего не достанетъ:

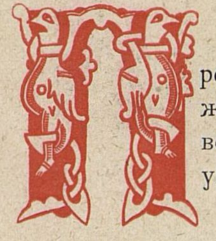
не лѣзетъ голова въ кувшинъ, да и только. А Журавль между тѣмъ клюетъ себѣ изъ своего да клюетъ, пока всю окрошку не съѣлъ. Поѣлъ и говоритъ: «Не обезсудь, кума, больше подчивать нечѣмъ». Взяла Лису досада: думала, что наѣстся на цѣлую недѣлю, а домой пошла не солоно хлѣбавши. Какъ аукнулось, такъ и откликнулось.

Съ тѣхъ поръ и дружба у Лисы съ Журавлемъ врозь.

Про то, какъ Лиса Пѣтуху обиды выместила.

Прослышала Лиса, что Пѣтухъ отъ хозяина сбѣжалъ, — въ зайцевой избушкѣ живетъ, — высмотрѣла все, вынюхала, дождалась, какъ Котъ на промыселъ ушелъ, подбѣжала къ избушкѣ и поетъ подъ окномъ:

Пѣтушокъ, Пѣтушокъ,
Золотой гребешокъ!
Выгляни въ окошко:
Дамъ тебѣ горошку!

Пѣтушокъ выставилъ въ окошко голову, чтобы посмотрѣть, кто это такъ поетъ, а Лиса цапъ его въ когти и понесла. Закричалъ Пѣтухъ истошнымъ голосомъ: «Несетъ меня Лиса за темные лѣса, за высокія горы, въ далекія страны, за тридевять земель, въ тридесятое царство. Котофей Ивановичъ, выручай меня!» Услыхалъ Котъ пѣтушій крикъ, бросился въ погоню, догналъ Лису, отнялъ Пѣтуха и принесъ домой. «Смотри-же, Петя,—говоритъ ему,—въ другой разъ не выглядывай въ окошко, не вѣрь Лисѣ: она съѣстъ тебя и косточекъ не оставитъ.»

Вышелъ опять Котъ на добычу; а Лиса опять подбѣжала къ избушкѣ и запѣла:

Пѣтушокъ, Пѣтушокъ,
Золотой гребешокъ,
Масляна головушка,
Шелкова бородушка!
Выгляни въ окошко,
Дамъ тебѣ горошку,
Дамъ и зернышекъ!

Пѣтушокъ ходитъ по избѣ да молчитъ. Лиса опять запѣла пѣсенку и бросила въ окно горошку. Пѣтухъ съѣлъ горошекъ, а самъ говоритъ: «Нѣтъ, Лиса, не обманешь меня! Ты хочешь меня съѣсть, и косточекъ не оставишь.» — «Полно, Петя! Стану-ли я ѣсть тебя? Мнѣ хотѣлось, чтобъ ты у меня погостилъ, на мое житье-бытье посмотрѣлъ, на мое добро полюбовался.» Не утерпѣлъ Пѣтухъ, выставилъ въ окошко голову, — а Лиса цапъ его въ когти и понесла. Закричалъ Пѣтухъ благимъ матомъ: «Несетъ меня Лиса за темные лѣса, за высокія горы, въ далекія страны, за тридевять

земель, въ тридесятое царство! Котофей Ивановичъ, выручай меня!» Услыхалъ Котъ пѣтушій крикъ, бросился въ погоню, догналъ Лису, отнялъ Пѣтуха и принесъ домой. «Говорилъ я тебѣ, Петя: не выглядывай въ окошко, не слушай Лисы. Пропадешь ты такъ не за грошъ, не за денежку.»

На другой день Котъ опять ушелъ на промыселъ, а Лиса подбѣжала къ избушкѣ и запѣла:

Пѣтушокъ, Пѣтушокъ,
Золотой гребешокъ,
Масляна головушка,
Шелкова бородушка,
Выгляни въ окошко:
У меня у Лисы
Хоромы большія,
Какъ во каждомъ углу,
Пшеницы—по мѣрочкѣ,
Гороху—по кадочкѣ.
Ѣшь—сытъ, не хочу!
У меня, у Лисы
Стоятъ санки-самокатки:
Они сами катятъ,
Сами ѣхать хотятъ!

Три раза Лиса пропѣла свою пѣсенку, а Пѣтухъ все молчитъ — ни гугу. «Что это,—говоритъ Лиса:—или мой Петя нѣмъ сталъ?»—«Нѣтъ, Лиса, теперь ужь не обманешь меня: ни за что не выгляну въ окошко.»—«Да ты посмотрѣлъ бы, Петя, сколько у меня всякихъ рѣдкостей! Покажись, Петя, не вѣрь Коту. Еслибъ я хотѣла тебя съѣсть,—давно бы съѣла. А я тебя люблю, хочу тебѣ свѣтъ показать, на умъ-разумъ наставить, научить, какъ жить нужно. Да покажись же, Петя! Вотъ я въ сторонку, подальше отойду!»—А сама къ стѣнѣ ближе притаилась. Пѣтухъ вскочилъ на лавку, посмотрѣлъ,—Лисы нѣтъ; высунулъ голову въ окно,—а Лиса его цапъ-царапъ, и была такова. Закричалъ Пѣтухъ во всю глотку: «Ой, несетъ меня Лиса за темные лѣса, за высокія горы, въ далекія страны, за тридевять земель, въ тридесятое царство, въ бусурманское государство!»—«Ладно,—говоритъ Лиса,—вотъ занесу тебя въ ельникъ и покажу тебѣ три-

десятое царство, за то что ты меня обманулъ, передъ всѣмъ лѣсомъ осрамилъ.» Кричалъ, кричалъ Пѣтухъ,—только Котъ на тотъ разъ далеко ушелъ, не слыхалъ его крика. Донесла Лиса Пѣтуха до ельничка, тамъ и съѣла: только хвостъ и перья остались, да и тѣ вѣтромъ разнесло.

Вернулся Котъ съ промысла и спрашиваетъ Зайчика: «А гдѣ Петя?»—«Приходила Лиса и унесла его.»—«Чтожь, ты за мной не сбѣгалъ? Я бъ его отнялъ.»—«А я забоялся, за печку забрался.»—«Эхъ ты! Сказано—Заяцъ!»

Какъ Котъ Лисѣ за Пѣтушка отплачивалъ.

Надумалъ Котъ Лисѣ за Пѣтушка отплатить. Сдѣлалъ себѣ гусельки, золотыя струночки, нарядился гусляромъ, повѣсилъ коробокъ за плечо и пошелъ къ лисицыному дому. А Лиса ужь домкомъ завелась. Подошелъ Котъ, сталъ за кустиками и запѣлъ:

Трень, брень, гусельки,
Золотыя струночки!
Какъ живетъ-то здѣсь Лиса,
По всему бору краса.
У ней пять дочерей,
Еще трое сыновей:
Старшая дочь Чучелка,
Вторая— Подчучелка,
Третья—Подмети-Шестокъ,
Четвертая—Дай-Челнокъ,
Пятая—Мѣси-Пирогъ;
Старшій сынъ Панкратьюшка,
Второй сынъ Игнатьюшка,
Третій—Ваня-паренекъ...
Вышли, Лисынька, блинокъ!

А Лиса въ то время блины пекла. «Поди, Чучелка,—говоритъ старшей дочери,—дай гусляру блинокъ.» Чучелка вышла, а Котъ ее—стукъ въ лобокъ да въ коробокъ, и опять то-же запѣлъ. Лиса выслала вторую дочь, за второй третью, за третьей четвертую, за четвертой пятую; Котъ ихъ всѣхъ—стукъ въ лобокъ да въ коробокъ. Дивится Лиса: что это дочекъ назадъ нѣтъ, послала ворочать ихъ старшаго сына, Панкратьюшку, а Котъ его - стукъ въ лобокъ да въ коробокъ. Потомъ пошелъ Игнатьюшка, потомъ Ваня-паренекъ. Котъ ихъ всѣхъ—стукъ въ лобокъ да въ коробокъ! Ждала, ждала Лиса дѣтей: нѣтъ и нѣтъ. Вышла сама,—глядитъ противъ солнца изъ-подъ лапки, а Котъ изъ-за кустовъ вышелъ и показываетъ ей всѣхъ ея дочекъ и сынковъ въ коробкѣ. «Вотъ тебѣ, Лиса, за Петю-Пѣтушка!»

Опять осталась Лисичка одна.

Какъ Лиса за Кота замужъ выходила.

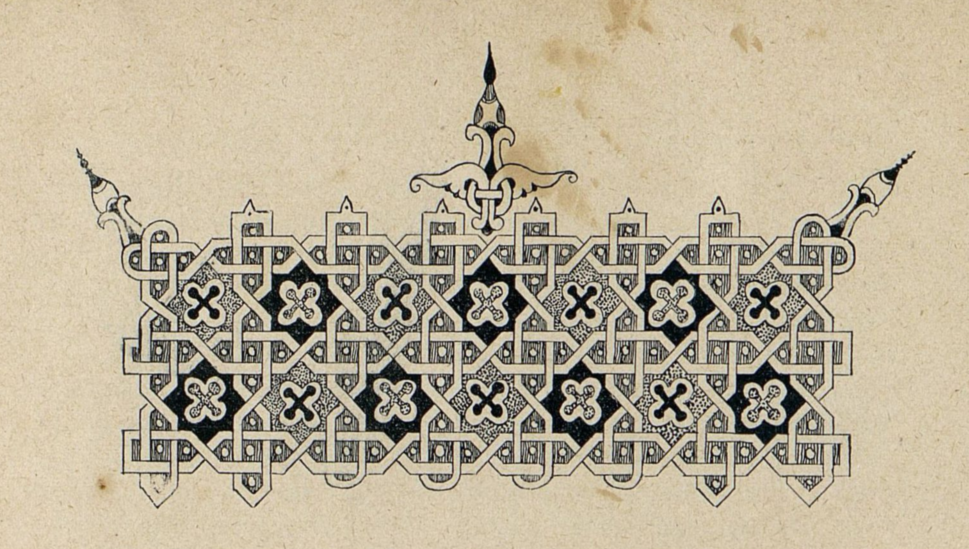
Разъ пришла къ Лисѣ Цапля, — самой первой свахой она въ той округѣ слыла, потому что сама за Журавля замужъ не вышла, — пришла и говоритъ: «Что это ты, кума, одна безъ мужа живешь? Вдова ты молодая, изъ себя красавица, — долго-ли про тебя плохой славѣ пойти? А ужь я тебѣ какого женишка припасла: за нимъ, какъ за каменной стѣной. И собой молодецъ видный и мужъ будетъ добычливый.»—«Охъ, Цаплинька, не знаю, какъ тебѣ и сказать: ужь очень за первымъ то я несчастлива была. За кого ты меня сватаешь-то?»—«Да что ужь тебя томить: за Котофея Ивановича,

вотъ, что съ Зайцемъ живетъ. Чѣмъ тебѣ не женихъ?» — «Что ты, Цапля; да онъ первый мой недругъ!» — «И-и, мраморная моя! Вы, молодые-то люди: нынче поссоритесь, а завтра и слюбитесь. Ужь я то знаю, что онъ тобой только и дышитъ: какъ учуетъ тебя,— подъ собой ногъ не слышитъ!» Пришла Цапля къ Коту: «Здравствуй, молодецъ, на мой товаръ купецъ! Пора тебѣ жениться, домкомъ обзаводиться.» — «Куда мнѣ, Цаплинька: только-бъ свою голову прокормить.» — «Эхъ, молодецъ! Хорошая-то жена—въ домѣ помога, а не мужу обуза. А ужь я тебѣ такую высватаю, что— весь свѣтъ обойти, такой не найти.» — «Кто такая?» — «Да ужь что тебя, молодца, томить! Небось знаешь Патрикѣевну Лисицу — молодую вдовицу. Давно она по тебѣ сохнетъ.» — «Что ты, Цапля; да Лиса меня живьемъ бы съѣла!» — «Ну, ужь это ваше молодое дѣло. Коли другъ другу по вкусу придетесь,—такъ хоть кусайтесь,—и то не разойдетесь. А я, Цапля, не сама къ тебѣ дорогу нашла: отъ Лисыньки съ поклономъ пришла!»

Такъ-то уговорила сваха ихъ, и вышла Лиса за Кота замужъ. На ихъ свадьбѣ еще и пѣсню сложили:

«Тра-та-та! Тра-та-та!
Пошла Лиса за Кота,
За сѣраго, за плута!

Какъ Лиса за Котомъ замужемъ жила.

Живутъ Котъ съ Лисой въ мирѣ и согласіи. Только разъ пошла Лиса добывать припасовъ, чтобы было чѣмъ съ молодымъ мужемъ жить, а Котъ остался дома. Бѣгала, бѣгала Лиса, добыла утку и несетъ домой. Вдругъ навстрѣчу ей Волкъ: «Стой, кума, чуръ пополамъ!»—«Нѣтъ, не отдамъ.»—«Ну, я самъ отниму.»—«А я мужу пожалуюсь.»—«За кого-же ты вышла, кумушка?»—«Развѣ ты не слыхалъ, что къ намъ изъ сибирскихъ лѣсовъ присланъ бурмистромъ Котофей Ивановичъ? Я теперь бурмистрова жена!»—«Что такой за звѣрь? Какъ бы на него посмотрѣть?»—«У, Котофей Ивановичъ у меня такой сердитый! Чуть что не по немъ, сейчасъ съѣстъ. Коли хочешь его видѣть, приготовь барана да принеси ему на поклонъ. Барана-то положи, а самъ поклонись пониже: Котофей Ивановичъ пуще всего почетъ любитъ.»

Побѣжалъ Волкъ барана искать, а навстрѣчу Лисѣ Медвѣдь лѣзетъ. «Стой, Лиса, утку отдай.»—«Нѣтъ, не отдамъ.»—«Ну, я самъ отниму.»—«А я мужу пожалуюсь.»—«За кого же ты вышла, Лиса?»—«Развѣ ты не слыхалъ, что къ намъ изъ сибирскихъ лѣсовъ присланъ бурмистромъ Котофей Ивановичъ? Я теперь бурмистрова жена!»—«Что такой за звѣрь! Какъ бы на

него посмотрѣть?»—«У, Котофей Ивановичъ у меня такой сердитый: чуть что не по немъ, сейчасъ съѣстъ! Коли хочешь его повидать, приготовь быка да принеси ему на поклонъ. Быка-то положи, а самъ поклонись пониже: Котофей Ивановичъ пуще всего почетъ любитъ.»

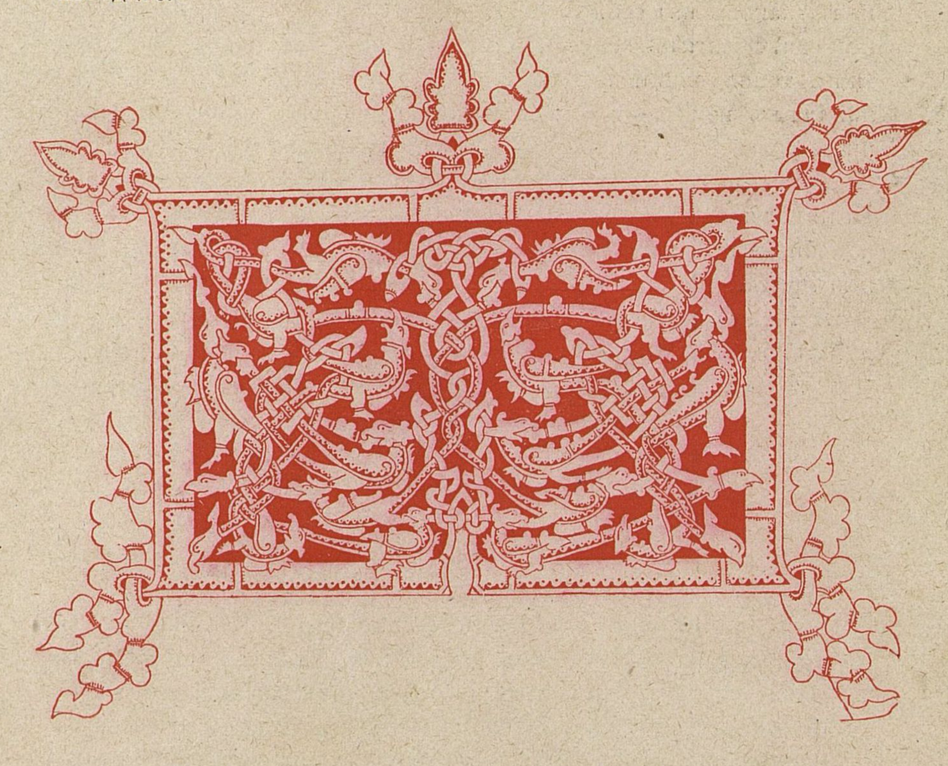
Побѣжалъ Медвѣдь быка искать. Тѣмъ временемъ Волкъ нашелъ барана, ободралъ шкуру, и стоитъ въ раздумьи. Смотритъ, и Медвѣдь лѣзетъ съ быкомъ. «Здравствуй, братъ Михайло Ивановичъ!»—«Здравствуй, братъ Евстифей! Что, не видалъ лисицына мужа? Каковъ онъ изъ себя: ужли больше меня?»—А Волкъ ему: «Нѣтъ, братъ Миша, не видалъ, а слышалъ, что звѣрь невиданный; ужли прытче меня?» Вдругъ, откуда ни возьмись, бѣжитъ Мышь. «Поди-ка ты сюда, — говоритъ ей Медвѣдь. — Разскажи намъ, каковъ изъ себя лисицынъ мужъ.»—«Ахъ, страшный какой да сердитый: сейчасъ сидитъ на пнѣ да ломаетъ его когтями, точно ножи точитъ, а глаза такъ и выпучилъ.»—«Я не пойду къ нему,»—говоритъ Медвѣдь.—«И я не пойду,»—говоритъ Волкъ.—«Слушай ты, Мышка-норышка: бѣги да скажи Лисѣ, что, де, Михайло Ивановичъ съ братомъ Евстифеемъ Иванычемъ давно готовы, ждутъ, де, тебя съ мужемъ, хотятъ поклониться барамомъ да быкомъ.» Пустилась Мышь къ Лисѣ во всю прыть.

А Медвѣдю съ Волкомъ не до поклона: боятся они, и стали думать, гдѣ бы имъ спрятаться. Медвѣдь говоритъ: «Я полѣзу на сосну.»—«А мнѣ что же дѣлать? Я куда дѣнусь? — спрашиваетъ Волкъ.—На дерево мнѣ вѣдь ни за что не взобраться. Михайло Иванычъ! Схорони, пожалуйста, меня куда нибудь, помоги горю.» Медвѣдь положилъ Волка въ кусты и завалилъ сухими листьями, а самъ влѣзъ на сосну да поглядываетъ: не идетъ-ли Котъ съ Лисой. Увидалъ и кричитъ Волку: «Идутъ!» Выглянулъ Волкъ, увидалъ издали Лису съ Котомъ и шепчетъ Медвѣдю: «Ну, братъ Михайло Иванычъ, какой-же онъ маленькій!»

Пришелъ Котъ, и сейчасъ бросился на быка: шерсть на немъ встала дыбомъ, сталъ онъ рвать мясо зубами и лапами, а самъ ворчитъ: «Мяу! Мяу!» А Медвѣдь съ дерева Волку шепчетъ: «Невеликъ, да прожорливъ! Намъ вчетверомъ не съѣсть, а ему одному мало

да мало! Этакъ пожалуй все съѣстъ, да до насъ доберется.» Захотѣлось Волку посмотрѣть хорошенько на Кота, да сквозь листья плохо видно. Началъ онъ сбрасывать листья съ головы. А Котъ услыхалъ, что листья шевелятся, подумалъ, что это мышь—да какъ кинется,—и прямо Волку въ морду вцѣпился. Волкъ вскочилъ, какъ ошпаренный, какъ припустится удирать, и былъ таковъ. А Котъ самъ испугался да съ перепугу прямо на дерево, гдѣ Медвѣдь сидѣлъ. «Ну,—думаетъ Медвѣдь,— увидалъ меня, теперь бѣда!» Слѣзать то некогда; вотъ онъ, не долго думая, какъ хлопнется съ дерева о земь,—всѣ печенки отбилъ. Вскочилъ, и бѣжать.

А Лиса имъ въ догонку: «У-лю-лю, вотъ онъ вамъ задастъ, погодите!»

Какъ Лиса съ Волкомъ на добычу ходила.

Идетъ Волкъ лѣсомъ, голодный-преголодный. Съ тѣхъ поръ, какъ поймалъ онъ барана для лисицынаго мужа, ничего себѣ на прокормъ достать не могъ. Идетъ, хвостъ поджалъ, животъ у него ввалился, ребра выпятились, голова опущена,—глядь, а Лиса сидитъ у стога на полянкѣ да что-то кушаетъ. — Это она курочку промыслила, закопала ее въ сѣно, чтобы мужа не кормить, а теперь пришла тайкомъ пообѣдать. — Подошелъ къ ней Волкъ и спрашиваетъ: «Что ты, кума, кушаешь?» — «Эхъ, Евстифеюшка, худыя времена пришли: въ деревняхъ собаки злыя, мужики немилостивые, ничѣмъ раздобыться нельзя, — хоть съ голоду помирай. Ужь который день мы съ мужемъ только сѣномъ и сыты. Поѣла сѣнца вотъ, понесу ему охапочку, — тѣмъ и живемъ. А ты какъ?» Разсказалъ ей Волкъ свою бѣду. «Ахъ, куманекъ, куманекъ, — говоритъ Лиса;—ужь какъ мнѣ тебя жалко: послѣднимъ съ тобой подѣлюсь. На, родимый, сѣнца вотъ поѣшь. Да кушай, не жалѣй, на здоровье!» Пожевалъ-пожевалъ Волкъ сѣно,—нѣтъ, не идетъ въ глотку,—выплюнулъ.

А Лиса сидитъ и думаетъ: «Возьму-ка я съ собой Евстифейку на промыселъ; въ немъ силы больше моего, больше добычи будетъ.» И говоритъ Волку: «Пойдемъ, куманекъ, вмѣстѣ на промыселъ; я ужь выслѣжу. Только, уговоръ лучше денегъ: вся добыча пополамъ.»

Пошли они вмѣстѣ и завидѣли, что стадо у опушки пасется, а одинъ Конь отбился и въ чащу зашелъ. «Стой, кума,—говоритъ Волкъ:—Конь нашъ будетъ. Только мнѣ сперва надо храбрости набраться.» Остановились они за кустами. Волкъ давай лапами землю рыть, рветъ и мечетъ, рветъ и мечетъ, а потомъ говоритъ: «Лиса, а Лиса! Что, у меня шерсть ощетинилась?»—«Ощетинилась.»—«А хвостъ поднялся?»—«Поднялся.»—«А глаза кровью налились?» — «Налились.» — «Ну вотъ, теперь хорошо: пойду Коня рѣзать.» Бросился Волкъ къ Коню: «Прощайся,—говоритъ,—съ вольнымъ свѣтомъ: сейчасъ я тебя зарѣжу.» А Конь ему: «Нѣтъ, братъ, этого нельзя. У меня паспортъ есть, чтобы вездѣ безъ обиды ходить.»—«Какой-такой паспортъ?»—«Да вотъ хоть самъ посмотри: на правой задней подковѣ все, какъ есть, прописано.» Подошелъ сдуру Волкъ паспортъ поглядѣть, а Конь его какъ хватитъ по башкѣ,—половина зубовъ у Волка такъ и вылетѣла; шаговъ на двадцать Волкъ отлетѣлъ, лежитъ, и память ему отшибло.

Насилу его Лиса кое-какъ отходила. «Нѣтъ, кумъ,—говоритъ,—эта добыча намъ съ тобою не по зубамъ.»

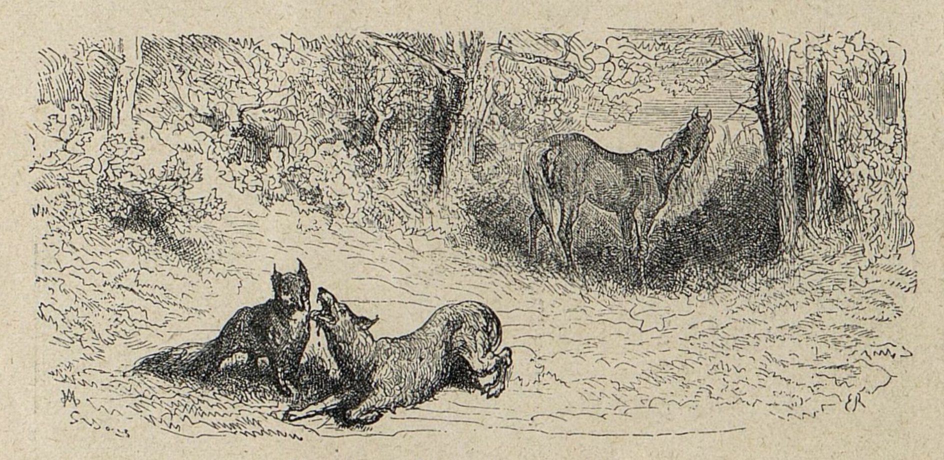
Пошли дальше: ходили-ходили, бродили-бродили, — вдругъ видитъ Лиса, что Баранъ одинъ на пригоркѣ пасется. «Вотъ это, кумъ, наша добыча. Ступай-ка, зарѣжь Барана, а я здѣсь за кустикомъ пока огонекъ разведу, чтобы мясо зажарить. Только, чуръ: мясо, какъ уговаривались, пополамъ.» Вышелъ Волкъ изъ кустовъ, сталъ подъ горкой, на которой Баранъ пасся, и кричитъ: «Эй ты, Баранъ-болванъ, прощайся съ бѣлымъ свѣтомъ, сейчасъ я тебѣ съѣмъ»!—«Что-жь,—говоритъ Баранъ,—наша доля такая баранья: кто-бъ ни съѣлъ, а съѣденымъ быть. Только вотъ, что я тебѣ скажу: чѣмъ тебѣ сюда ко мнѣ лѣзть, ты лучше стань тамъ, внизу, да пасть пошире разинь. Я прямо отсюда такъ тебѣ въ глотку цѣликомъ и вскочу!» Подумалъ Волкъ: «И то правда:

Шаговъ на двадцатъ Волкъ отлетѣлъ, лежитъ, и памятъ ему отшибло.

на кручу не лѣзть и Лисѣ половину мяса не отдавать». — «Ну, прыгай,»—говоритъ. Разбѣжался Баранъ, да какъ сгукнетъ Волка со всего разбѣга лбомъ по башкѣ, — тотъ и ногами задрыгалъ. А баранъ мотнулъ головой, и былъ таковъ.

Лежалъ-лежалъ Волкъ, очухался и сталъ думать: «Проглотилъ я Барана или не проглотилъ? Кабы проглотилъ, — такъ сытъ-бы былъ. Да и головѣ отчего-бы болѣть. Нѣтъ, видно, обманулъ онъ меня, разбойникъ.» Пришелъ къ Лисѣ. «А гдѣ-же Баранъ?» — спрашиваетъ Лиса.—«Да кто его знаетъ: такой воръ нынче народъ пошелъ. Какъ-то я его упустилъ».

Насилу его Лиса кое какъ отходила.

Пошли дальше. «Ты какъ хочешь, кума,—говоритъ Волкъ,— а я пойду на деревню: тамъ скорѣе добычу найдешь; не-то этакъ и съ голоду померетъ не долго».—«Ну, прощай, кумъ, счастливой охоты. А я среди бѣлаго дня на деревню не пойду». И побѣжала Лисичка домой.

Валитъ Волкъ прямикомъ на деревню; глядь, — около мельницы Свинья съ поросятами пасется. Погнался, было, Волкъ за поросенкомъ, а Свинья не даетъ. «Ахъ ты, свинья этакая, — говоритъ Волкъ, — да я и тебя-то разорву и твоихъ поросятъ за одинъ разъ проглочу!» — «Ну, — говоритъ Свинья, — не

дуракъ-ли ты, Евстифейка? Поросята мои только что изъ лужи, всѣ грязные,— станешь ихъ ѣсть, песокъ на зубахъ скрипѣть будетъ. Вотъ, лучше, давай, я ихъ сперва вымою, а тамъ и ѣшь себѣ на здоровье». Поставила Свинья Волка внизу, подъ мельничной запрудой противъ заставки, что воду запираетъ, и говоритъ: «Я моихъ поросятокъ буду по одиночкѣ въ чистой водицѣ полоскать да тебѣ внизъ подавать». А сама какъ ухватитъ зубами заставку, да какъ выдернетъ ее, — вода хлынула на Волка, сбила его съ ногъ и понесла,—только Волкъ поворачивается.

Пришла Свинья домой, наѣлась, напилась и съ дѣтками на мягкую постель спать завалилась.

Какъ Лиса мужика отъ Волка выручила.

Кое-какъ выбрался Волкъ изъ воды, и бѣжитъ въ лѣсъ, въ глухую чащу пробирается. Вдругъ залаяли собаки, завидѣли Волка охотники, и погнались за нимъ. Ужь вотъ-вотъ нагоняютъ; пришлось Волку черезъ дорогу перебѣгать, а на ту пору шелъ по дорогѣ мужикъ съ мѣшкомъ и цѣпомъ. Волкъ къ нему: «Сдѣлай милость, мужичокъ, схорони меня въ мѣшокъ! За мной охотники гонятъ». Мужикъ пожалѣлъ Волка, запряталъ его въ мѣшокъ, завязалъ и взвалилъ на плечи.

Вдругъ выскакиваютъ охотники: «Не видалъ-ли, мужичокъ, Волка?» — «Нѣтъ, не видалъ». Охотники поскакали впередъ и скрылись изъ виду. «Что, ушли мои злодѣи?»— спрашиваетъ Волкъ. «Ушли».—«Ну, теперь выпусти меня на волю». Мужикъ развязалъ мѣшокъ и выпустилъ волка на вольный свѣтъ. Волкъ и говоритъ: «А что, мужикъ, я тебя съѣмъ!» — «Я тебя изъ какой бѣды выручилъ, а ты меня съѣсть хочешь!» — говоритъ мужикъ. А Волкъ ему на это: «Нечего тутъ толковать: извѣстно, что старая хлѣбъ-соль забывается». Видитъ мужикъ, что дѣло плохо, и говоритъ: «Ну, коли такъ, пойдемъ дальше, и если первый, кто намъ встрѣтится, скажетъ по твоему, — что старая хлѣбъ-соль забывается,—тогда, дѣлать нечего,—ѣшь меня». И пошли по дорогѣ.

Повстрѣчалась имъ старая Лошадь. Мужикъ разсказалъ ей, какъ было дѣло. Лошадь подумала-подумала и говоритъ: «Я жила у хозяина двѣнадцать лѣтъ, принесла ему двѣнадцать жеребятъ, изо всѣхъ силъ на него работала; а какъ стара стала и не стало во мнѣ силы работать, взялъ меня хозяинъ и стащилъ въ оврагъ... Да: старая хлѣбъ соль забывается!» – «Видишь: моя правда»,—сказалъ Волкъ. Заплакалъ мужикъ и сталъ просить его подождать до другой встрѣчи.

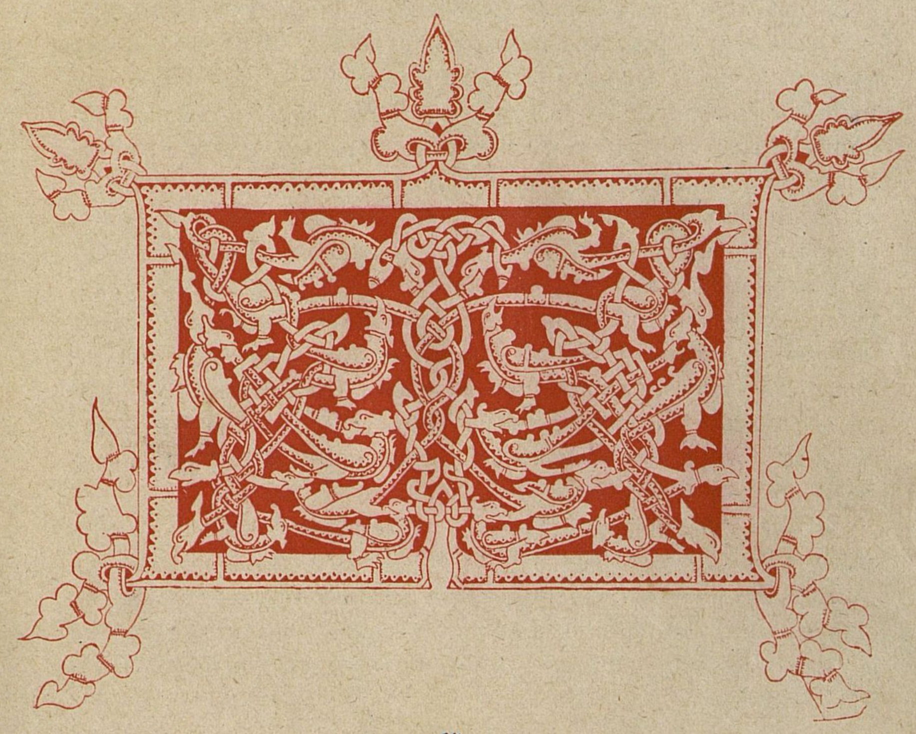
Повстрѣчалась имъ старая Собака. Мужикъ и ей разсказалъ, какъ было дѣло. Подумала-подумала Собака и говоритъ: «Служила я хозяину двадцать лѣтъ, оберегала его домъ и скотину; а какъ состарилась, перестала лаять,—онъ прогналъ меня со двора, куда глаза глядятъ... Да: старая хлѣбъ-соль забывается!»—«Видишь: опять моя правда»,—сказалъ Волкъ. Мужикъ упросилъ Волка подождать до третьей встрѣчи.

Идутъ они дальше, а навстрѣчу имъ Лиса. Мужикъ и ей разсказалъ, какъ было дѣло. «Вотъ, о чемъ вздумалъ, — говоритъ Лиса:—конечно, старая хлѣбъ-соль забывается. Только я одного не пойму: какъ это Волкъ, этакая большая туша, могъ помѣститься въ мѣшокъ?» Мужикъ сталъ божиться, а Лиса не вѣритъ. «Да ты покажи,—говоритъ,—какъ ты сажалъ его въ мѣшокъ-то». Мужикъ раскрылъ мѣшокъ, а Волкъ всунулъ туда голову. «Ишь ты,—закричала Лиса,—да развѣ ты одну голову

пряталъ въ мѣшокъ?» Волкъ влѣзъ совсѣмъ. «А ну-ка, мужичокъ, покажи, какъ ты его завязывалъ!» Мужикъ завязалъ. «Ну-ка, мужичокъ, покажи какъ ты цѣпомъ снопы обмолачиваешь!» Мужикъ сталъ молотить цѣпомъ по мѣшку.

Жутко пришлось Волку: ужь онъ вертѣлся-вертѣлся въ мѣшкѣ, наконецъ не выдержалъ, запросилъ у мужика помилованья. «Ну, ладно, — говоритъ мужикъ; — по вашему: старая хлѣбъ-соль забывается, а по нашему: кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ». И выпустилъ Волка. Какъ бросится Сѣрый въ чащу, только его и видѣли. «Что-жь, кумъ,—говоритъ Лиса,—опять я тебя выручила; надо съ тебя за это пару бѣленькихъ курочекъ получить».

Привелъ мужикъ Лису къ себѣ домой и отдалъ ей пару курочекъ.

Какъ Лиса по старухѣ плакала.

Была у старика со старухою курочка Пеструшечка, нашла она бобовое зернышко да и уронила его въ подполье. Принялся бобокъ рости: росъ-росъ,—до полу доросъ. Прорубилъ старикъ полъ; бобокъ ростетъ да ростетъ,—до потолка доросъ. Вынулъ старикъ изъ потолка доску, потомъ крышу разобралъ, бобокъ все ростетъ да ростетъ: росъ-росъ и до самаго неба доросъ.

Захотѣлось старику по бобу на небо влѣзть, посмотрѣть, что тамъ дѣлается,—а старуха его не пускаетъ: «Ужь коли лѣзть, такъ вмѣстѣ!»—«Да тебѣ, старуха, не добраться»—«А ты посади меня въ мѣшокъ; мѣшокъ то возьми въ зубы, такъ меня съ собой и втащишь.» Послушался старикъ жены, завязалъ ее въ мѣшокъ, взялъ мѣшокъ въ зубы и полѣзъ по бобу. Лѣзетъ онъ, лѣзетъ, стало старухѣ скучно: «Старикъ, а старикъ! Скоро-ли долѣземъ?» Старикъ молчитъ, зубовъ не разжимаетъ. Лѣзъ-лѣзъ, ужь половину дороги пролѣзъ,—опять старуха соскучилась: «Да скоро-ли,—спрашиваетъ,—конецъ-то?» Все старикъ молчитъ, зубовъ не разжимаетъ. Лѣзъ-лѣзъ,—совсѣмъ, было, доверху долѣзъ, опять его старуха спрашиваетъ: «Говори, старый хрычъ, скоро-ли долѣземъ?» Хотѣлъ старикъ сказать: «Сейчасъ!»—разжалъ зубы да и упустилъ мѣшокъ со старухой. Упала старуха на землю и до смерти убилась.

Жалко старику жены «Надо,—думаетъ,—похоронить ее какъ слѣдуетъ.»

А жили они одни одинешеньки, некому и поплакать-то по старухѣ. Взялъ старикъ мѣшокъ съ парой бѣленькихъ курочекъ и пошелъ искать плачеи, кто-бы надъ его старухой пожалобнѣе поплакалъ.

Видитъ: идетъ Медвѣдь. «Куда собрался, старикъ?»—«Плачеи искать, старуха померла. Поплачь по ней; я тебѣ дамъ пару бѣленькихъ курочекъ.» Медвѣдь заревѣлъ: «Ахъ ты моя родимая бабушка! Какъ мнѣ тебя жалко!»—«Нѣтъ,—говоритъ старикъ,—не умѣешь ты плакать: голосъ не хорошъ.» И пошелъ дальше.

Видитъ: идетъ Волкъ. «Куда собрался, старикъ?»—«Плачеи искать, старуха померла. Поплачь по ней; я тебѣ дамъ пару бѣленькихъ курочекъ.» Волкъ завылъ: «У! у! Туру, туру, бабушка! Убилъ тебя дѣдушка!»—«Нѣтъ,—говоритъ старикъ, —ты еще хуже Медвѣдя плачешь.» И пошелъ дальше.

Глядь,—Лиса навстрѣчу бѣжитъ. «Куда ты, дѣдушка?»—«Ахъ, Лисынька! Горе-то у меня какое: вѣдь старуха у меня померла. Поплачь по ней: я тебѣ дамъ пару бѣленькихъ курочекъ.» Сѣла Лиса передъ старикомъ и стала причитать «У дѣдушки, у стараго, была бабушка разумница: по утру рано вставала, щи, кашу варила, дѣдушку кормила!» А сама Лиса-то будто плачетъ, лапками глаза утираетъ.

Понравилось старику, какъ Лиса причитаетъ: «Коли ужь ты такая мастерица причитать, такъ другой плачеи мнѣ и не нужно.» Привелъ ее домой, старухѣ въ ноги посадилъ, а самъ вышелъ куда-то. Пока старикъ уходилъ Лисичка старуху съѣла, косточки собрала, въ уголокъ сложила и тряпочкой накрыла. Какъ услышала Лиса, что старикъ вернулся,—кричитъ ему: «Дѣдушка! Отвори-ка двери пошире, темно здѣсь!» Старикъ отворилъ, а Лисичка изъ избы шмыгъ—и слѣдъ простылъ. Вошелъ старикъ, поглядѣлъ: только старухины косточки въ уголкѣ лежатъ, тряпочкой прикрыты.

Поплакалъ старикъ, и сталъ одинъ свой вѣкъ доживать.

Про Лису и Тетерева.

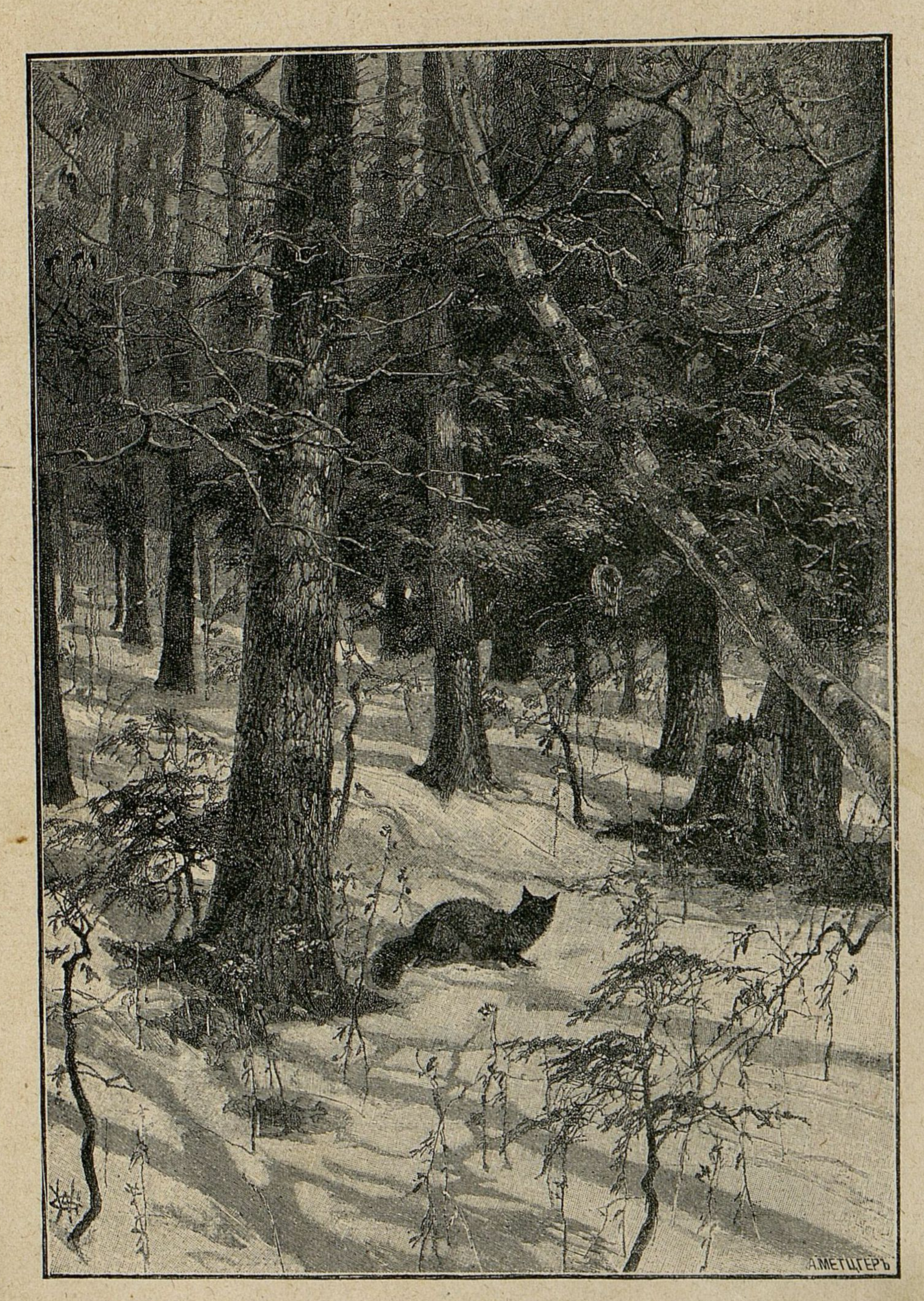
А Лиса и въ усъ не дуетъ, бѣжитъ себѣ по лѣсу веселая. Увидала на деревѣ Тетерева и думаетъ: «Вотъ-бы Тетеревъ про запасъ годился.» Подошла, и говоритъ ему: «Терентій, Терентій, я въ городѣ была.» — «Бу-бу-бу, бу-бу-бу! Была, такъ была.»—«Терентій, Терентій, я указъ добыла.»—«Бу-бу-бу, бу-бу-бу! Добыла, такъ добыла.»—«Чтобы вамъ, тетеревамъ, не сидѣть по деревамъ, а все бы гулять по зеленымъ лугамъ.»—«Бу-бу-бу, бу-бу-бу! Гулять, такъ гулять.»

Вдругъ, слышитъ Лиса конскій топотъ и собачій лай. «Терентій, кто тамъ ѣдетъ?»—спрашиваетъ. «Мужики ѣдутъ.»—«А сзади что нибудь бѣжитъ?»—«Жеребята бѣгутъ.»—«Какъ у нихъ хвосты-то?»—«Крючкомъ.»—«Ну, такъ прощай, Терентій: мнѣ дома недосугъ.»

Какъ Зайцу, Волку и Медвѣдю конецъ пришелъ.

Ужь какъ это случилось, — не знаю,—только ввалились разъ Медвѣдь, Волкъ, Заяцъ и Лиса въ глубокую яму. Сидятъ они тамъ день, другой—вылѣзти нельзя, голодъ ихъ одолѣваетъ. И стали они горевать, какъ имъ ѣду добывать. Вотъ Лиса и говоритъ: «Давайте, братцы, голосъ тянуть: кто всѣхъ тоньше запоетъ, того и съѣдимъ.» Стали тянуть. Медвѣдь затянулъ: о-о-о!

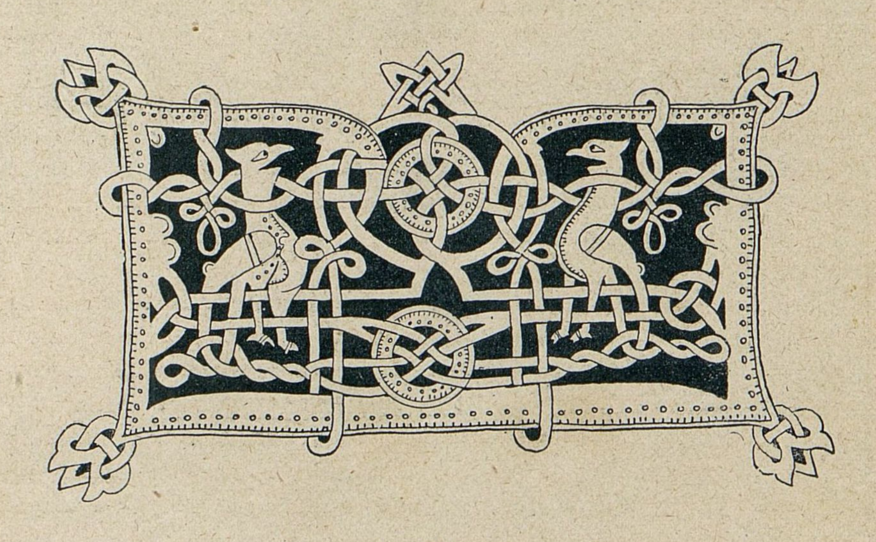
Увидѣла Лиса на деревѣ Тетереса.

Волкъ: у-у-у! Лиса: а-а-а! Заяцъ: и-и-и!—Всѣхъ тоньше Заяцъ тянулъ—за то его сейчасъ же разорвали и съѣли. На другой день Лиса говоритъ: «А теперь кого ѣсть?» Медвѣдь съ Волкомъ хотятъ, по вчерашнему, того ѣсть, кто всѣхъ тоньше запоетъ, а Лисѣ это не съ руки, вотъ она и выдумала. Подскочила къ Медвѣдю, толкнула его въ бокъ, да какъ закричитъ во всю глотку:

— Ты Медвѣдь—Мишенька, я Лиса—Лисынька! А Волкъ—сѣрый бокъ... Хватай его за клокъ!

Медвѣдь не одумался, цапъ Волка, и задушилъ его. Поѣли они. Только Лиса свою долю не сразу съѣла, а про запасъ оставила. Прошелъ день, прошелъ другой—проголодался Медвѣдь, а Лиса, знай себѣ, понемножку изъ запаса таскаетъ. «Что ты, Лисынька, ѣшь?»—спрашиваетъ Медвѣдь.—«А это я, Миша, изо лба кишочки таскаю, да и кушаю.»—«И вкусно?»—«Страсть, какъ вкусно.» Захотѣлось и Медвѣдю этого кушанья попробовать, сталъ онъ таскать изо лба кишочки, и до тѣхъ поръ надрывался, пока не кувырнулся,—и духъ вонъ.

Покончила Лиса съ Волкомъ, покончила съ Медвѣдемъ и стала голодать.

Про Лису и Дрозда.

Плохо приходится Лисѣ. На какую бы хитрость подняться?

Надъ ямой стояло дерево, а на деревѣ Дроздъ дѣтей вывелъ. Сидитъ Лиса въ ямѣ, все на Дрозда смотритъ, и говоритъ ему: «Дроздъ, Дроздъ, что ты дѣлаешь?» — «Дѣтей вывожу.» — «Дроздъ, вытащи меня изъ ямы; если не вытащишь, я твоихъ дрозденятъ поѣмъ.»

Дроздъ горевать, Дроздъ тосковать: какъ ему Лису вытащить. Полетѣлъ онъ въ лѣсъ, давай сучки таскать да Лисѣ въ яму кидать. Накидалъ полную яму, Лиса выскочила, легла подъ деревомъ и говоритъ: «Дроздъ, вытащилъ ты меня?»—«Вытащилъ.»—«Ну, такъ накорми теперь, а то я твоихъ дрозденятъ поѣмъ.»

Дроздъ горевать, дроздъ тосковать: какъ ему Лису накормить. Полетѣлъ Дроздъ въ поле и Лису за собой повелъ. Идутъ дорогою бабы съ горшочками, мужьямъ въ поле обѣдъ несутъ. «Ну, смотри, Лиса,—говоритъ Дроздъ,—не зѣвай.» А самъ сѣлъ передъ бабами на дорогу и давай чуть-чуть понизу перепархивать, будто летѣть не можетъ. «Смотри-ка,—говорятъ бабы,—ишь Дроздъ чуть перепархиваетъ, давайте его ловить!» Поставили на-

земь горшки—да за Дроздомъ, а онъ отъ нихъ дальше да дальше, отвелъ ихъ въ сторону, поднялся и улетѣлъ. А Лиса межъ тѣмъ прiѣла, что было въ горшочкахъ, и ушла,—только порожнiе горшочки съ бока на бокъ по дорогѣ катаются.

Вернулась Лиса къ дроздову гнѣзду, легла подъ деревомъ, и говоритъ: «Дроздъ, а Дроздъ! Ты меня вытащилъ?»—«Вытащилъ.»—«Накормилъ?»—«Накормилъ.»—«Ну, такъ напои-же меня, а то я твоихъ дрозденятъ поѣмъ.»

Дроздъ горевать, Дроздъ тосковать: какъ ему Лису напоить. Полетѣлъ онъ на село,—и Лиса за нимъ бѣжитъ,—влетѣлъ въ погребъ, гдѣ старикъ изъ бочки пиво цѣдилъ, сѣлъ старику на лысину, да—разъ его въ темя. Старикъ себя по лысинѣ кулакомъ, а Дроздъ увернулся да опять старика по лысинѣ: разъ! Вскочилъ старикъ и давай за Дроздомъ по погребу гоняться, Дрозда ловить. А пиво-то изъ бочки течетъ да течетъ. До тѣхъ поръ ловилъ старикъ Дрозда, пока Дроздъ не увидалъ, что Лиса напилась пива до отвала и ушла. Тогда и Дроздъ въ дверь улетѣлъ.

Воротилась Лиса къ дроздову гнѣзду, легла подъ деревомъ и говоритъ: «Дроздъ, а Дроздъ! Ты меня накормилъ?»—«Накормилъ.»—«Ты меня напоилъ?»—«Напоилъ.»—«Ну, такъ разсмѣши-же меня, а то я твоихъ дрозденятъ съѣмъ!»

Дроздъ горевать, Дроздъ тосковать: какъ ему Лису насмѣшить. Вылетѣлъ онъ на дорогу, глядь,—мужикъ возъ съ горшками везетъ. Вскочилъ Дроздъ мужиковой лошади на голову и давай ей глаза клевать. Мужикъ бѣжитъ съ полѣномъ, хочетъ Дрозда убить, прибѣжалъ да какъ хватитъ лошадь по головѣ,—лошадь такъ и упала, чуть мужикъ ее до смерти не убилъ. А Дроздъ перелетѣлъ на возъ и пошелъ бѣгать по горшкамъ, да крыльями хлопать. Мужикъ за нимъ,—и давай полѣномъ по возу-то, по возу-то. Всѣ горшки перебилъ. А Лиса смотритъ на все это изъ за кустовъ да отъ смѣха такъ по землѣ и катается.

Пришла Лиса опять къ дроздову гнѣзду, растянулась подъ деревомъ и говоритъ: «Дроздъ, а Дроздъ! Ты меня накормилъ?»—«Накормилъ.»—«Ты меня напоилъ?»—«Напоилъ.»—«Ты меня насмѣшилъ?»—«Насмѣшилъ.»—«Ну, такъ убирайся вонъ съ дерева:

мнѣ надо изъ него дуги гнуть!»—«Ахъ, Лисынька! Не дала ты мнѣ и дѣтенышей воспитать.»—«Ну, куда тебѣ. Давай мнѣ старшаго: я его выучу хорошему ремеслу, портняжному.» Кинулъ ей Дроздъ старшаго дѣтеныша, а она, кустикъ за кустикъ, лѣсокъ за лѣсокъ—и съѣла.

Вернулась опять къ дроздову гнѣзду:—Стукъ, стукъ!—по дереву: «Слѣзай, Дроздъ, мнѣ надо изъ дерева дуги гнуть.»—«Ахъ, Лисынька! Не дала ты мнѣ и дѣтенышей воспитать.»—«Кидай мнѣ средняго, я его ремеслу выучу, кузнечному.» Дроздъ кинулъ ей второго дѣтеныша, а она, кустикъ за кустикъ, лѣсокъ за лѣсокъ—и съѣла.

Третьяго дѣтеныша обѣщалась Лиса выучить башмачному ремеслу, четвертаго—столярному. А какъ переѣла всѣхъ, пришла къ дереву и говоритъ: «Ну, теперь прощай, Дроздъ; дожидай твоихъ мастеровъ изъ науки, а у меня дома очень дѣло спѣшное».

И убѣжала.

Какъ Лиса съ лаптемъ оборотъ дѣлала.

Бѣжитъ Лиса по дорогѣ, хвостъ распустила. Нашла лапоть, добѣжала до деревни и просится къ мужику: «Хозяинъ, пусти меня переночевать.» — «Некуда, Лисынька, самимъ тѣсно.» — «Да много ли нужно мнѣ мѣста? Сама лягу на лавочку, хвостикъ подъ лавочку; а лапотокъ мой къ вашимъ курочкамъ положите.» Пустили Лису, и лапоть къ курочкамъ положили. Лисичка ночью встала потихоньку, забросила свой лапотокъ, а поутру спрашиваетъ: «Гдѣ мой лапоть?» Стали хозяева искать, — нѣтъ лаптя. «Лисынька! Онъ пропалъ.»—«Ну, коли такъ, давайте мнѣ за него курочку.» Взяла курочку, идетъ и поетъ:

Шла Лисичка по дорожкѣ
Лапотокъ нашла:
За лапотокъ курочку
Съ мужика взяла!

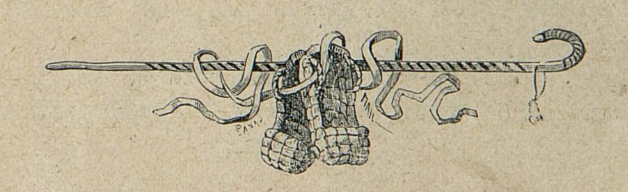
—Стукъ, стукъ, стукъ!—стучится къ другому мужику: «Хозяинъ, пусти меня переночевать».—«Некуда, Лисынька, самимъ тѣсно».—«Да много ли мнѣ мѣста нужно? Сама лягу на лавочку, хвостикъ подъ лавочку, а курочку мою къ вашимъ гуськамъ посадите». Лисичка ночью встала и съѣла курочку. Поутру спрашиваетъ: «А гдѣ моя курочка?» Стали хозяева искать,—нѣтъ курочки. «Лисынька! Она пропала».—«Ну, отдайте мнѣ за нее гусочку». Взяла гусочку, идетъ и поетъ:

Шла Лисичка по дорожкѣ,
Лапотокъ нашла:
За лапотокъ курочку,
За курочку гусочку
Съ мужика взяла!

— Стукъ, стукъ, стукъ! — стучится къ третьему мужику: «Хозяинъ, пусти меня переночевать». — «Некуда, Лисынька, самимъ тѣсно». — «Да много ли нужно мнѣ мѣста? Сама лягу на лавочку, хвостикъ подъ лавочку, а гусочку мою къ вашимъ барашкамъ посадите». Пустили Лису, а гусочку къ барашкамъ посадили. Лисичка ночью встала и съѣла гусочку, а мужикъ не спалъ и это видѣлъ. Поутру спрашиваетъ Лиса: «А гдѣ моя гусочка?» Стали хозяева искать, — нѣтъ гусочки. «Лисынька! Она пропала» — «Ну, отдайте мнѣ за нее барашка». — «Хитра же ты, Патрикѣевна, да меня не обманешь», — подумалъ мужикъ, и посадилъ ей въ мѣшокъ двухъ собакъ. Взяла Лиса мѣшокъ, и пошла. Шла-шла, устала нести тяжелый мѣшокъ. «Ну-ка, — думаетъ, — отдохну, посмотрю на моего барашка». Сѣла около дороги и давай мѣшокъ развязывать, а сама поетъ:

Шла Лисичка по дорожкѣ...

Только развязала мѣшокъ, собаки какъ выскочутъ да на Лису. Лиса отъ нихъ. Онѣ за Лисой. Удираетъ Лиса во всѣ лопатки!

Про лисицынъ хвостъ.

Катитъ Лиса полемъ во весь духъ, хвостомъ собакъ обманываетъ, къ норѣ поспѣшаетъ. Добѣжала до норы, юркнула въ нее и затаилась. Собаки туда-сюда, нюхаютъ, лаютъ, царапаются: — нѣтъ, ужь изъ норы Лису не достанешь!

А Лиса въ норѣ полеживаетъ да приговариваетъ: «Ножки, ножки, что вы дѣлали?» — «Мы все бѣжали да бѣжали, чтобы собаки Лисыньку не поймали!» — «А вы, глазки, что дѣлали?» — «Мы все глядѣли да глядѣли, чтобы собаки Лисыньку не съѣли». — «А вы, ушки, что дѣлали?» — «Мы все слушали да слушали, чтобъ собаки Лисыньку не скушали.» — «А ты, хвостище, что дѣлалъ?» — «А я все по пнямъ, по колодамъ мотался, подъ ногами болтался, чтобъ ты запуталась, упала, да къ собакамъ въ зубы попала.» — «А, такъ ты вотъ какой!» — закричала Лиса, и высунула хвостъ изъ норы: — «Ѣшьте его, собаки!» Собаки ухватились за хвостъ да полхвоста Лисѣ и оторвали.

Отсидѣлась Лиса отъ собакъ въ норѣ, а какъ тѣ ушли, она вылѣзла и говоритъ: «Ну чтожь, и хуже бываетъ: отъ хвоста и голова пропадаетъ».

Хоть и не пропала лисичкина голова отъ хвоста, а всетаки — безъ хвоста Лисѣ куда плохо: стыдно куцой въ лѣсъ показаться. Стала Лиса думать да гадать, какъ бы ей изъ такого срама вывернуться. Бродитъ она по полянкѣ, глядь, — подъ кустикомъ Синичка гнѣздо свила и дѣтенышей вывела. «Ну, Синичка, я твоихъ дѣтенышей съѣмъ!» — «Не ѣшь ихъ, Лисынька, я тебѣ какую хочешь, службу сослужу». — «Хорошо, — говоритъ Лиса; — лети же ты сейчасъ въ темные лѣса и скликай всѣхъ лисицъ на широкую поляну. Скажи: ѣздила, молъ, Лиса Патрикѣевна въ городъ Парижъ, куда какъ пріѣдешь, — угоришь, и хочетъ объявить всѣмъ лисамъ новую моду».

Синичка полетѣла, и собралось на другое утро лисицъ видимо-невидимо, узнать про новую моду.

Пришла Лиса Патрикѣевна: рѣчь ведетъ по писаному, поклонъ кладетъ по ученому: «Ѣздила я, — говоритъ, — сударыни, въ

славный городъ Парижъ,—куда какъ пріѣдешь, угоришь—и всѣ тамъ лисы безъ хвостовъ нынче ходятъ. И вправду: какой въ немъ, въ хвостѣ, толкъ; ни красы, ни радости. Я, какъ это увидала, сейчасъ и себѣ хвостъ обкарнала. Вотъ поглядите, какъ безъ хвоста красиво, просто — на диво!» Стали лисы на безхвостую Лису Патрикѣевну смотрѣть: однѣ хвалятъ, другимъ не нравится. А одна старая лиса смотрѣла, смотрѣла да и говоритъ: «А отчего, Патрикѣевна, у тебя на твоемъ огрызкѣ точно собачьи зубы видны? Не оттого-ли и такая мода проявилась, что ты, не по своей волѣ, безъ хвоста осталась?» Тутъ и другія лисы разглядѣли—и подняли Патрикѣевну на смѣхъ.

Какъ та ни отгрызалась, а пришлось ей со стыдомъ изъ лѣсу убираться.

Отчего Лисѣ конецъ пришелъ.

Сердитая-пресердитая бѣжитъ Лиса по дорогѣ: такой ей теперь срамъ, что въ лѣсъ хоть носу не показывай. Вдругъ, видитъ она, что на лужайкѣ кувшинъ лежитъ. Подбѣжала она къ кувшину посмотрѣть, нѣтъ-ли въ немъ чего; только сунула въ него носъ, а вѣтеръ въ кувшинѣ какъ загудитъ! И чудится Лисѣ, будто кувшинъ гудитъ, выговариваетъ:

— У-у-у! Куцая куроцапка! За что Петю-Пѣтушка съѣла? — Какъ отпрыгнетъ отъ кувшина Лиса: «А тебѣ,—спрашиваетъ, — кувшинище-дурачище, что за дѣло?» Молчитъ кувшинъ. Только опять сунула въ него Лиса носъ, – онъ опять загудѣлъ:

— У-у-у! Куроцапка! Зачѣмъ старуху съѣла и косточки въ тряпку завертѣла? — «А ты, кувшинище-дурачище, почемъ знаешь? Да коли и знаешь, зачѣмъ, пустая голова, на весь свѣтъ болтаешь?» Молчитъ кувшинъ. Только Лиса опять къ нему подошла,—онъ какъ загудитъ громче прежняго:

— У-у-у! Лиходѣйка! Зачѣмъ Зайчика съ Медвѣдемъ да Волкомъ-Евстифейкой съѣла? — Тутъ ужь Лису злость совсѣмъ разобрала. «Ну, постой-же ты, кувшинище-злодѣище: я съ тобой справлюсь. Коли такъ тебя оставить, ты меня по всему свѣту ославишь!»

Схватила Лиса кувшинъ, привѣсила его за веревку себѣ на шею и понесла къ рѣчкѣ: «Вотъ, какъ утоплю тебя, такъ разсказывай про меня рыбамъ да ракамъ!» Стала Лиса кувшинъ топить, — онъ налился водой, пошелъ ко дну, да и ее съ собой въ воду утащилъ.

Тутъ Лисѣ Патрикѣевнѣ и конецъ пришелъ!

Для составленія настоящаго **Полнаго Сборника Сказокъ Русскаго народа,** мы пользовались, кромѣ ненапечатанныхъ матерьяловъ, находящихся въ бумагахъ покойныхъ А. А. Гатцука и проф. О. М. Бодянскаго, между прочимъ, слѣдующими изданіями:

Авдѣева: Дѣтскія сказки. **Афанасьевъ:** Нар. Рус. легенды, Народныя Русскія сказки, Поэт. воззрѣніе Славянъ на природу. **Безсоновъ:** Дѣтскія сказки. **Бодянскій:** Наськы Украиньскы казкы запорозьця Иська Матырынкы. **Боричевскій:** Повѣсти и преданія народовъ слав. плем. **Броницынъ:** Рус. нар. сказки. **Буслаевъ** Рус. нар. поэзія., Истор. очер Рус. нар. словесн., Истор. Христом. **Валявецъ:** Хорутанскія и Словацкія сказки (Narodne pripovjedke, kupio Matija Valjavec) **Венцигъ:** Чешскія, Моравскія и Кошубскія сказки (Westslawische Merchenschatz). **Веселыя похожденія старинныхъ пошехонцевъ.** Изд. 1821 г. **Войцицкій:** Польскія сказки (Zarisy dowove). **Врчевичъ:** Сербскія сказки (Српске народне проповjетке). **Глинскій:** Польскія сказки. **Даль:** Сказки казака Луганскаго, Пословицы Рус. нар., Картины рус. быта. **Данилевскій:** Степныя сказки. **День** (журналъ). **Деревенская забавная старушка.** Изд. 1804. **Дмитріевъ** Опытъ собранія сказокъ Сѣверо-Западнаго края. **Добжинскій:** Славянскія сказки (Sloven. povesti). **Добровольскій:** Смоленскій Этнографическій Сборникъ. **Драгомановъ:** Малороссійскія народныя преданія и разсказы: **„Дѣдушкины прогулки“.** Изд. 1819 г. **Журналъ** Мин. Нар. Просв. (прибавленія). **Записки** Геогр. Общ. **Записки** Академіи Наукъ. **Калачовъ:** Архивъ ист.-юрид. свѣд. о Россіи. **„Калики перехожіе“,** Сборникъ народн. стиховъ. **Караджичъ:** Сербскія сказки (Српске народне проповjетке). **Кирша Даниловъ:** Древнія Рос. стихотв. **Киреевскій:** Пѣсни. **Костомаровъ:** Славян. Миѳол. **Касторскій:** Начерт. Рус. Миѳол. **Кулишъ:** Записки о Южной Россіи. **Кульда:** Моравскія сказки. **Лѣкарство** отъ задумч. и безсон. изд. 1819 г. **Лѣтописи** русск. литер. и древн. **Максимовичъ:** Русская Бесѣда. **Малый:** Чешскія сказки (Biblioteka zobavneho cteni) **Матица:** Србски лѣтописъ. **Манжура:** Сказки, пословицы и пр. (Сборникъ Харьковскаго Историко-Филолог. общества). **„Маякъ“** (журналъ). **Молодикъ** (малорус. альманахъ). **Мордовцевъ:** Малорус. литерат. сборн. **„Не любо — не слушай, а лгать не мѣшай“** изд. 1832 г. **Николичъ:** Сербскія сказки. **Новосельскій:** Народъ Украинскій (Lud Ukrainski). **Нѣмцова:** Словацкія сказки (Slov. pohadki). **„Основа“** (Малорус. журн.). **Памятники** стар. рус. литер. Изд. Кушелева-Безбородка. **„Пантеонъ“** (журналъ). **Пассекъ:** Очерки Россіи. **Пермскій Сборникъ. Подснѣжникъ** (журналъ). **Полевой:** Русскія нар. сказки. **Пыпинъ:** Очеркъ литер. исторіи старин. повѣстей и сказокъ. **Романовъ: В. Р.** Бѣлорусскій сборникъ. **Рудченко:** Малорусскія сказки. **Русскія** сказки, изд. 1787 г. **„Русское Слово“** (журналъ). **Рыбниковъ:** Сборн. пѣсенъ. **Садовниковъ:** Сказки Самарскаго края. **Гр. Сахаровъ:** Сказанія Рус. народа, Рус. нар. сказки. **Семенскій:** Польскія и литовскія преданія (Podania i Legendy). **Сказки,** записанныя въ Буковинѣ, Седмиградіи, с Поморянъ и Кошубовъ („Zeitschrift für Deutsche Mythologie und Sittenkunde“). **Смоляръ и Гауптъ:** Народныя указанія Вендовъ Верхней и Нижней Лужицы. **Снѣгиревъ:** Сборникъ истор. и статист. свѣд. о Россіи. **Собраніе старинныхъ русскихъ сказокъ,** изд. 1830 г. **„Старичекъ Весельчакъ“,** изд. 1801. **Стасовъ:** Происхожденіе русскихъ былинъ. **Сумлоркъ:** Старочешскія сказки (Staroceske powesti, spewy etc). **Терещенко:** Бытъ Русскаго Народа. **Труды** Курскаго Статист. Комит. **Труды** Общ. Любит. Рос. Словесн. **Труды** Ярославскаго Губ. Стат. Комит. **Худяковъ:** Русскія народныя сказки, Матерьялы для изученія народной словесности. **Черниговскія** Губ. Вѣдом. **Чтеніе** Общ. Ист.-и Древн. Рос. **Чубинскій:** „Труды“. **Чудинскій:** Великорус. сказки. **Чулковъ:** Русскія сказки **Шафарикъ:** Преданія и легенды русскія, польскія, и т. д. (Podania i Legendy polskie, ruskie, Litowskie), Образцы Чешской нар. литер. **Шейнъ:** Бѣлорусскій сказки (изд. 1893 г.). **Шпилевскій:** Бѣлоруссія въ описаніяхъ и повѣріяхъ **Щаповъ:** Истор. очерки нар. міросозерц. **Эрбенъ.** Лужицкія, Кошубскія, Болгарскія, Чешскія и пр. сказки (Slovenska citanka). **Эрленвейнъ:** Народныя сказки, собранныя сельскими учителями. **Этнографическое Обозрѣніе** (журналъ).

Всѣ 20 выпусковъ выйдутъ въ свѣтъ не позднѣе половины 1895 года и составятъ роскошный томъ свыше 640 стр.

При **20**-мъ выпускѣ подписчикамъ будетъ разослано особое послѣсловіе съ портретами извѣстнѣйшихъ собирателей русскихъ народныхъ сказокъ и этнографовъ, трудившихся по разработкѣ русскаго народнаго эпоса.

За одинъ рубль, при послѣднемъ (20-мъ) выпускѣ, подписчикамъ на все изданіе можетъ быть высланъ къ нему роскошный *металлическій* переплетъ.

Подписная цѣна на сборникъ „Сказокъ Русскаго Народа“: **съ доставкой и пересылкой:** за всѣ **20** выпусковъ—**5** р.;**10** вып.—**3** р.; 5 вып.—**1** р. **50** к. **Безъ доставки: 20** вып. — **4** р.; 10 вып.—**2** р. **50** к.; 5 вып.—**1** р. **25** к. **Отдѣльный выпускъ** *(для ознакомленія)* высыл. за **30** к. почт. марками. ***Въ Москвѣ можно подписываться открытымъ письмомъ въ контору***, *(при чемъ необходимо указать время, когда артельщикъ конторы можетъ явиться съ подписнымъ билетомъ за полученіемъ платы).*

По окончаніи изданія цѣна будетъ возвышена.

Контора: Москва, Болотная площадь, домъ Майтова (контора Крестнаго Календаря).

Кромѣ того подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ ***Новаго Времени:*** *въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ.*

Цѣна выпуска
25 коп.
съ пересылкой 30 копѣекъ.

6 „ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ БИБЛІОТЕКА КРЕСТНАГО КАЛЕНДАРЯ“ 6

„Иллюстрированная Библіотека Крестнаго Календаря“.

СКАЗКИ
РУССКАГО НАРОДА.

Текстъ подъ редакціей

В. А. Гатцука.

Рисунки художниковъ Н. А. Богатова, С. И. Ягужинскаго, Г. Дорэ и др.

VII.

СОДЕРЖАНІЕ:

МОСКВА.
Типографія **В. А. Гатцукъ**, Болотная площадь, домъ Майтова.
1895.

Дозволено цензурою. Москва, 30 Января 1895 года.

Зорька-Богатырь.

Въ нѣкоторомъ царствѣ жилъ-былъ царь съ царицей. Всѣмъ бы хорошо было ихъ житье, да одна бѣда: дѣтей у нихъ не было. Наконецъ вспомнилъ царь, что у него въ царствѣ есть знахарь, древній старичекъ, такой древній, что, бывало, еще дѣдушкѣ его ворожилъ. И снарядилъ царь къ тому знахарю пословъ съ наказомъ, спросить у него: живетъ, молъ, царь съ царицей десять лѣтъ, а все дѣтей у нихъ нѣтъ; такъ какъ тутъ быть? Доискалось посольство знахаря: жилъ знахарь въ дремучемъ лѣсу одинъ одинешенекъ. Передали послы царскій наказъ и ждутъ отвѣта. Знахарь подумалъ-подумалъ и говоритъ: «Пусть царь велитъ черезъ топи-трясины непроходимыя мосты построить съ бесѣдками. Какъ построятъ, пусть онъ самъ въ полночь подъ мостомъ сядетъ и людскихъ рѣчей послушаетъ: что люди скажутъ,—такъ и дѣлать нужно».

Были въ томъ царствѣ топи-трясины непроходимыя; кругомъ объѣзжать—три мѣсяца, а прямоѣзжей дорогой было бъ ходу три дня, да только ни пройти ни проѣхать черезъ нихъ нельзя было. Выстроили черезъ тѣ болота мосты крѣпкіе съ бесѣдками. Сѣлъ царь подъ мостъ людскія рѣчи слушать. Въ самую полночь слышитъ: идутъ по мосту двое нищихъ. Одинъ говоритъ:

«Спасибо нашему царю, что мостъ построилъ и бесѣдки понадѣлалъ; теперь прохожему и отдохнуть есть гдѣ». А другой ему въ отвѣтъ: «Надо ему пожелать наслѣдника. Еслибъ онъ догадался, да велѣлъ за ночь, пока пѣтухи не запѣли, шелковый неводъ связать, да тѣмъ неводомъ рыбу-щуку златоперую въ озерѣ, что посреди этихъ болотъ, изловилъ, да царица той рыбы-щуки покушала — и сынъ бы у нихъ родился». Поговорили нищіе и пошли дальше.

Вернулся царь во дворецъ, а на другую ночь приказалъ до первыхъ пѣтуховъ шелковый неводъ связать и въ озеро закинуть. Разъ закинули—ничего не поймали, въ другой закинули — опять ничего, въ третій закинули — поймалась щука златоперая. Взяли щуку и отнесли къ царю, а царь приказалъ ее, изготовивши, царицѣ къ столу подать. Когда повара щуку зажарили, пришла судомойка, положила ее на блюдо и понесла къ царицѣ, да дорогой оторвала крылышко и попробовала. Приняла блюдо изъ рукъ судомойки боярыня, оторвала другое крылышко и тоже попробовала. А всю щуку царица скушала.

И родилось у всѣхъ трехъ—у судомойки, у боярыни и у царицы — въ одинъ день, да не въ одинъ часъ, по сыну-богатырю. Судомойкинъ сынъ на зарѣ родился—его Зорькой назвали, боярскій сынъ вечеромъ родился—его Вечоркой назвали, царскій сынъ въ полночь родился — его Полуночкой назвали. Хороши были боярскій сынъ да царевичъ, а Зорька еще лучше уродился: по колѣна ноги въ чистомъ серебрѣ, до локтей руки въ красномъ золотѣ, на вискахъ звѣзды частыя, во лбу свѣтелъ мѣсяцъ. Росли всѣ они трое вмѣстѣ товарищами, только повадки были у нихъ разныя: какъ воротятся съ гулянья, царскій сынъ сейчасъ одежу мѣняетъ, боярскій сынъ отдыхать ложится, а судомойкинъ сынъ за ѣду принимается.

Кто ростетъ по годамъ, а наши богатыри по часамъ; кто въ годъ—они въ часъ таковы, кто въ три года — они въ три часа. Пришли въ возрастъ, заслышали въ себѣ силу богатырскую, стали шутки шутить нехорошія: играючи на улицѣ со сверстниками, кого за руку ухватятъ—рука прочь, кого за голову—голова долой. Стали люди царю жаловаться: «Уйми ты ихъ, государь ба-

Передали послы царскій наказъ и ждутъ отвѣта.

тюшка! Изъ-за ихъ удали много ужь молодыхъ ребятъ безвременной смертью побывшилось. Не вышелъ бы народъ изъ терпѣнья, да чтобы и молодцамъ твоимъ худа какого не приключилося.

Испугался царь, закручинился, сталъ думать крѣпкую думушку: какъ бѣды избыть,—ничего придумать не можетъ. Запереть молодцевъ въ тюрьму каменную, за запоры крѣпкіе—жалко, а такъ унять ихъ удаль — не уймешь: кипитъ въ нихъ горячая кровь, сила богатырская играетъ.

Только вдругъ на ту пору изъ дальней стороны, отъ султана индѣйскаго, пришли послы къ царю; просятъ, ихъ милостиво выслушать. Допустилъ ихъ царь передъ свои свѣтлыя очи и стали послы рѣчь держать:

«У нашего султана было три дочери красоты неописанной; берегъ онъ ихъ пуще глаза своего въ высокомъ терему, чтобы ни буйные вѣтры на нихъ не повѣяли, ни красное солнышко не опалило. Разъ какъ-то вычитали царевны въ книгѣ, что есть кругомъ ихъ терема чудный бѣлый свѣтъ, и когда пришелъ султанъ навѣстить ихъ, онѣ стали его со слезами упрашивать: «Государь ты нашъ батюшка! Выпусти насъ на бѣлый свѣтъ посмотрѣть, въ зеленомъ саду погулять». И надо же такой бѣдѣ быть,—согласился султанъ на ихъ неотступную просьбу, отпустилъ ихъ на бѣлый свѣтъ поглядѣть, въ зеленомъ саду погулять.»

«Вышли дѣвицы съ мамками и нянькакми изъ терема въ садъ; бѣгаютъ, забавляются, каждой травкой любуются. Вдругъ, откуда ни возмись, нашла на небо туча черная, встала гроза страшная, налетѣлъ буйный вихрь, всѣ деревья въ саду къ землѣ приклонилися. Налетѣлъ чудо-юдо, двѣнадцатиголовый змѣй, унесъ трехъ прекрасныхъ дѣвицъ не знамо куда».

«Кликнулъ кличъ султанъ по селамъ, городамъ, не возьмется ли кто дочерей его розыскать. «Кто это дѣло сдѣлаетъ, любую дочь за того замужъ отдамъ, золотой казной награжу не считаючи». Только не нашлось въ нашемъ славномъ царствѣ индѣйскомъ такихъ богатырей. Видно перевелись они!»

«Тогда приказалъ султанъ по чужимъ землямъ кличъ кликать: изъ иноземныхъ богатырей не сыщется ли кто. Слышно, есть у

васъ три сильномогучихъ богатыря: не откликнутся ли они на кличъ султанскій!»

Обрадовался царь этому случаю. «Отпущу,—думаетъ,—моихъ молодцовъ по бѣлому свѣту погулять, людей посмотрѣть, себя показать. Съ змѣемъ имъ не встрѣтиться,—гдѣ его найдешь,—а удаль у нихъ, можетъ, и поуймется.» Зоветъ Зорьку, Вечорку и Полуночку передъ свои ясныя очи и говоритъ имъ таково слово: «Дѣти мои милыя, соколы ясные! Зоветъ васъ индѣйскій султанъ вызволять его дочерей отъ двѣнадцатиглаваго змѣя. Это дѣло—по васъ, будетъ вамъ потѣха богатырская, лучше, чѣмъ товарищамъ на улицѣ ноги да руки рвать.» А Зорька, Вечорка и Полуночка тому и рады, поклонились царю въ ноги, благодарятъ за милость его царскую, просятъ благословенія. Царь ихъ благословилъ, на дорогу казной наградилъ: Зорькѣ кошель, Вечоркѣ два, а Полуночкѣ далъ золотой казны не считаючи.

Пошли молодцы въ оружейныя палаты, выбирать себѣ по рукѣ оружіе—не нашли подходящаго: гнутся въ ихъ рукахъ сабли вострыя, ломаются мечи булатные. Пошли въ царскія конюшни коней выбирать—и того хуже: на котораго коня руку ни наложатъ,—садится конь окарачъ. Вернулись молодцы къ царю, о своей бѣдѣ докладываютъ, и говоритъ имъ царь: «Коли такъ, ступайте вы, дѣтки, къ старому знахарю, что живетъ въ дремучемъ лѣсу и еще дѣдушкѣ моему ворожилъ. Не поможетъ ли онъ вамъ въ вашей бѣдѣ».

Пошли Зорька, Вечорка и Полуночка по царскому приказу, да, по дорогѣ идучи, между собою размолвились. Стали спорить: кому въ походѣ старшимъ быть, кого другимъ слушаться. Спорили-спорили и порѣшили: кто всѣхъ сильнѣй, тому быть старшимъ, а остальнымъ двумъ старшого слушаться. Стали сперва изъ тугихъ луковъ стрѣлять. Полуночка выстрѣлилъ, потомъ Вечорка, потомъ Зорька. Ѣдутъ; не близко, не далеко лежитъ полуночкина стрѣла; подальше упала вечоркина стрѣла — а зорькиной стрѣлы и сыскать не могли. Стали потомъ палицу желѣзную десятипудовую вверхъ бросать. Полуночка бросилъ—палица черезъ часъ назадъ упала; Вечорка бросилъ — черезъ три упала, а Зорька бросилъ — и совсѣмъ не вернулась, только ее и видѣли. Порѣшили въ третій разъ силу пробовать. Поста-

вилъ Полуночка рядомъ Зорьку съ Вечоркой, ударилъ ихъ по плечамъ—и вбилъ по колѣна въ землю; Вечорка ударилъ Зорьку съ Полуночкой — по грудь въ землю вбилъ; Зорька ударилъ Вечорку съ Полуночкой—по самую шею вбилъ. Говорятъ тогда ему братья: «Будь ты между нами старшой, чтобы намъ тебя во всемъ слушаться».

Долго ли, коротко-ли шли добрые молодцы и пришли наконецъ въ ту лѣсную трущобу, гдѣ старый знахарь жилъ. «Знаю, дѣтки, зачѣмъ ко мнѣ пожаловали,—говоритъ онъ имъ:—нѣтъ по васъ у царя ни коней, ни оружія. Такъ ступайте вы отсюда прямо на восходъ солнца; какъ выйдете изъ лѣса,—промежъ трехъ дорогъ, въ чистомъ полѣ подъ бѣлою березою отыщите вы плиту желѣзную. Въ полночь поднимите плиту,—подъ ней найдете вы себѣ и коней и оружье богатырское.

Пошолъ Зорька съ товарищами доставать себѣ коней и оружіе. Нашли въ чистомъ полѣ плиту желѣзную, а лежитъ та плита промежъ трехъ дорогъ; дожидаются полночи, за кольцо берутся, плиту повертываютъ. Имъ конюшня открывается, въ той конюшнѣ три коня стоятъ, на желѣзныхъ цѣпяхъ къ столбу привязаны: одинъ конь—на трехъ цѣпяхъ, другой конь—на шести, третій конь—на двѣнадцати. Увидали кони богатырей: ржутъ—земля дрожитъ, изъ ушей, изъ ноздрей дымъ столбомъ валитъ, изо рта бьетъ пламень огненный.

На стѣнахъ висятъ доспѣхи богатырскіе: сѣдла черасскія, уздечки шемаханскія, стремена булатныя, копья долгомѣрныя, щиты, мечи-кладенцы, сабли вострыя—все оружіе богатырское.

Стали богатыри себѣ коней и оружіе выбирать. Зорька, старшій богатырь, подошелъ къ коню, что на двѣнадцати цѣпяхъ привязанъ былъ, наложилъ на него руку могучую, по гривѣ погладилъ— сталъ конь, какъ вкопаный. Оторвалъ Зорька всѣ двѣнадцать цѣпей, осѣдлалъ коня добраго, опоясался мечомъ-кладенцомъ, взялъ въ руки копье долголѣтнее, за спину щитъ червленый закинулъ. Вечорка осѣдлалъ коня съ шести цѣпей, Полуночка—съ трехъ цѣпей. Снарядились богатыри и въ путь дорогу поѣхали — черезъ горы высокія, поля широкія, рѣки глубокія, въ страны дальнія, невѣдомыя.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Ѣдутъ Зорька и Вечорка съ Полуночкой не день, не два; доѣхали до рѣки Смородины, до того-ли моста калиноваго. Заваленъ мостъ костями человѣчьими — пѣшему по поясъ; кругомъ по берегу лежатъ кости,—коню по колѣно навалено.

— Что за притча, братцы?—говоритъ Зорька товарищамъ.— Надо бы узнать, отчего здѣсь столько костей человѣчьихъ лежитъ. Давайте, побудемъ здѣсь, покараулимъ». Кинули жребій, кому первую ночь стеречь,—досталось Полуночкѣ.

Раскинули себѣ товарищи палатку, а Полуночка пошолъ къ мосту сторожить; только, какъ пришелъ — залѣзъ въ кусты и заснулъ крѣпкимъ сномъ. Не понадѣялся на него Зорька: какъ подошло время къ полуночи, опоясался онъ мечомъ-кладенцомъ булатнымъ, вышелъ и сталъ на мосту. Вдругъ на рѣкѣ вода взволновалася, на дубахъ орлы раскричалися — выѣзжаетъ съ того берега чудо-юдо змѣй трехголовый, и прямо на мостъ. Подъ змѣемъ конь спотыкается. «Что ты, волчья сыть, травяной мѣшокъ, спотыкаешься? Или недруга заслышалъ? Есть мнѣ противникъ—Зорька богатырь, да его костей и воронъ сюда не занашивалъ». А Зорька отзывается: «Ахъ ты чудо-юдо! Да я и самъ тутъ на лицо».—«А зачѣмъ пожаловалъ? Къ дочерямъ моимъ или къ сестрамъ свататься?»—«Нѣтъ, братъ: въ полѣ съѣзжаться—родней не считаться; давай воевать». Взмахнулъ Зорька мечомъ-кладенцомъ—и снесъ змѣю сразу всѣ три головы. Туловище разрубилъ да въ рѣку бросилъ, головы подъ мостъ спряталъ.

Поутру проснулся Полуночка. «Ну что, не видалъ ли чего?»— спрашиваютъ товарищи. «Нѣтъ, братцы, мимо меня и муха не пролетала».

На другую ночь пошелъ Вечорка на дозоръ; забрался въ кусты и заснулъ. Зорька на него не понадѣялся; какъ подошло время къ полуночи, снарядился, опоясался мечомъ-кладенцомъ булатнымъ и сталъ на мосту. Вдругъ на рѣкѣ вода взволновалася, на дубахъ орлы раскричалися — въѣзжаетъ на мостъ чудо-юдо змѣй шестиголовый. Подъ змѣемъ конь спотыкается. «Что ты, волчья сыть, травяной мѣшокъ, спотыкаешься? Или Зорьку богатыря заслышалъ? Да я его на одну ладонь посажу, другой при-

хлопну—только мокренько будетъ». А Зорька отзывается: «Ахъ ты, чудо-юдо! Не поймавъ ясна сокола, рано перья щипать. Давай лучше силу пробовать: кто одолѣетъ, тотъ и похвалится». Сошлись, ударились,— задрожалъ мостъ калиновый. Чуду-юду не посчастливилось: съ одного размаху сшибъ ему Зорька три головы. «Стой, Зорька! Дай мнѣ роздыху».—«Что за роздыхъ. У тебя, чудо-юдо, три головы, у меня всего одна; вотъ, какъ будетъ у тебя одна голова, тогда и отдыхать станемъ». Опять сошлись, ударились. Отрубилъ Зорька змѣю послѣднія головы. Туловище изрубилъ да въ рѣку бросилъ, головы подъ мостъ спряталъ.

Поутру пришелъ Вечорка въ палатку съ очереди. «Ну что, не видалъ ли чего?»—спрашиваютъ товарищи. «Нѣтъ, братцы, мимо меня муха не пролетывала, комаръ не пропискивалъ».

На третью ночь собрался Зорька на дозоръ идти. Повѣсилъ онъ бѣлое полотенце на стѣнку, а подъ нимъ на полу миску поставилъ. «Братцы!—говоритъ.—Я на страшный бой иду, а вы хоть эту-то ночь не поспите—присматривайтесь, какъ будетъ съ полотенца кровь течь: если половина миски набѣжитъ—ничего, если полна миска набѣжитъ—все ничего, а если черезъ край польетъ—спускайте съ цѣпей моего коня богатырскаго и сами спѣшите на помочь мнѣ». Пообѣщали Вечорка съ Полуночкой все такъ сдѣлать, какъ Зорька наказывалъ.

Стоитъ Зорька на калиновомъ мосту, своей судьбы дожидается. Подошло время къ полуночи. Вдругъ на рѣкѣ вода взволновалася, на дубахъ орлы раскричалися, утка крякнула, берега звякнули—въѣзжаетъ на мостъ чудо-юдо, змѣй девятиголовый. Подъ змѣемъ конь спотыкается. «Что ты, волчья сыть, травяной мѣшокъ, спотыкаешься? Или Зорьки богатыря боишься? Да мнѣ только дунуть,—его и праху не останется». А Зорька отзывается: «Ахъ ты, чудо-юдо! Чего расхвастался на рать идучи?».—«Такъ ты ужъ здѣсь! Зачѣмъ пожаловалъ?»—«На тебя посмотрѣть, твоей крѣпости попробовать». Засмѣялся змѣй: «Куда тебѣ мою крѣпость пробовать? Ты муха предо мной!» Отвѣчаетъ Зорька богатырь: «Я пришелъ не сказки сказывать, а на смерть воевать». Размахнулся своимъ мечомъ-кладенцомъ и срубилъ чуду-юду три головы.

Стоитъ Зорька на мосту, своей судьбы дожидается.

Чудо-юдо подхватилъ эти головы, на мѣста посадилъ—приросли онѣ, будто и съ плечъ не падали.

Плохо пришлось Зорькѣ: сталъ змѣй одолѣвать его, по колѣна вогналъ въ сырую землю. «Стой, чудо-юдо!—говоритъ Зорька. — Цари-короли сражаются, и тѣ замиренье дѣлаютъ, а мы съ тобой неужто будемъ воевать безъ роздыху? Дай мнѣ роздыху хоть до трехъ разъ». Змѣй согласился. Снялъ Зорька съ руки правую рукавицу и кинулъ въ палатку. Затряслась палатка, а Вечорка съ Полуночкой спятъ, ничего не слышатъ.

Размахнулся Зорька мечомъ сильнѣй прежняго,

срубилъ чуду-юду сразу шесть головъ. А чудо-юдо обмакнулъ палецъ въ кровь, подхватилъ эти головы, на мѣста насадилъ—приросли онѣ, будто и съ плечъ не падали. Ударилъ змѣй Зорьку и забилъ его въ сырую землю по поясъ. Опять запросилъ Зорька роздыху, снялъ сапогъ съ правой ноги и кинулъ его въ палатку. Ударился сапогъ, опрокинулась палатка, а Вечорка съ Полуночкой все спятъ, ничего не слышатъ.

Размахнулся Зорька мечомъ, что хватило силъ, и срубилъ змѣю восемь головъ. Чудо юдо обмакнулъ свой палецъ въ кровь, подхватилъ головы, на мѣста посадилъ—приросли онѣ, будто и съ плечъ не падали, а Зорьку вогналъ въ сыру землю по самыя плечи. Запросилъ Зорька въ третій разъ роздыху, снялъ съ головы шлемъ богатырскій и кинулъ въ палатку: дрогнула сыра-земля, сорвался съ цѣпи конь богатырскій, Вечорка съ Полуночкой проснулись. Глянули—кровь изъ миски черезъ край ручьемъ бѣжитъ. Бросились они коней сѣдлать, спѣшатъ на выручку.

Прибѣжалъ богатырскій конь и молвитъ Зорькѣ человѣчьимъ голосомъ: «Не одолѣть тебѣ змѣя, пока у него мертвый палецъ есть: этимъ пальцемъ онъ себѣ головы приставляетъ». Сѣлъ Зорька на своего коня, налетѣлъ на змѣя яснымъ соколомъ; не столько мечемъ бьетъ, сколько конемъ топчетъ. Въ томъ бою змѣю не посчастливилось: отрубилъ ему Зорька руку правую съ мертвымъ пальцемъ, отрубилъ ему всѣ девять головъ, туловище на мелкія части разсѣкъ и въ рѣку побросалъ.

Тутъ и Вечорка съ Полуночкой подоспѣли. «Эхъ вы, сони!— говоритъ Зорька товарищамъ. — Гдѣ вамъ воевать: вы и стеречь то путемъ не умѣете. Изъ за вашего сна я чуть лютой смертью не пропалъ.» Вынулъ онъ тутъ изъ подъ моста всѣ головы змѣиныя, показалъ товарищамъ и пуще стыдить ихъ сталъ. Вечоркѣ съ Полуночкой тѣ рѣчи не по сердцу пришлись: молчатъ, насупились.

— Чтожь, братцы, — молвитъ Зорька, — намъ здѣсь не вѣкъ вѣковать: ѣдемъ дальше. Осѣдлали коней и поѣхали. Говоритъ Зорька товарищамъ: «Братцы, забылъ я въ палаткѣ плеточку; поѣзжайте шажкомъ, я живо васъ догоню». Повернулъ назадъ къ рѣкѣ Смородинѣ, слѣзъ съ коня, коня въ заповѣдные луга пустилъ, самъ сѣлъ подъ калиновымъ мостомъ и слушаетъ.

Немного погодя, вышли изъ воды три змѣихи и стали совѣтъ держать, какъ имъ богатырей извести, за смерть мужей отплатить. Одна говоритъ: «Я забѣгу впередъ и пущу имъ день жаркій, а сама обернусь колодцемъ; въ томъ колодцѣ будетъ плавать серебряный ковшъ. Захотятъ богатыри сами напиться и коней напоить—тутъ-то и разорветъ ихъ на маковыя зернышки». Другая говоритъ: «Коли это не поможетъ, я обернусь яблоней; на той яблонѣ будутъ висѣть яблоки спѣлыя, сочныя. Захотятъ богатыри сорвать яблочко—разорветъ ихъ на маковыя зернышки». Третья говоритъ: «Коли и это не поможетъ, я обернусь избушкою; захотятъ богатыри заночевать, войдутъ въ избушку — разорветъ ихъ на маковыя зернышки.

Перетолковали змѣихи, ушли въ рѣку Смородину. А Зорька кликнулъ изъ заповѣдныхъ луговъ своего коня и поѣхалъ нагонять товарищей.

Тѣмъ временемъ Вечорка съ Полуночкой ѣдутъ да ѣдутъ дорогой прямоѣзжею; видятъ въ полѣ палатка раскинута, а у палатки конь привязанъ. Подъѣхалъ Полуночка, слѣзъ съ коня, заглянулъ въ палатку—тамъ на кровати Бѣлый Полянинъ лежитъ. Какъ увидалъ онъ Полуночку—не говоря худого слова, хлопъ его мизинцемъ по лбу,—да подъ кровать и бросилъ. Вечорка ждалъ-ждалъ товарища, не дождался и самъ въ палатку вошелъ. Разъ его хлопнулъ Бѣлый Полянинъ мизинцемъ по лбу—зашатался богатырь, въ другой хлопнулъ—и совсѣмъ свалился. И его Бѣлый Полянинъ подъ кровать бросилъ.

Наѣзжаетъ Зорька богатырь. Пологъ распахнулъ: «Богъ на помочь, богатырь! — говоритъ.—Какъ тебя по имени звать, по отечеству величать?» А у Бѣлаго Полянина одинъ отвѣтъ: изловчился онъ, да Зорьку мизинцемъ по лбу хлопъ! Заговорило ретивое у Зорьки богатыря: ухватилъ онъ Бѣлаго Полянина за длинную бороду и ну таскать во всѣ стороны, самъ таскаетъ да приговариваетъ: «Не узнавъ броду, не суйся въ воду! Не узнавъ богатыря, не охальничай!» Взмолился Бѣлый Полянинъ: «Смилуйся, сильномогучій богатырь! Не предавай меня злой смерти! Буду я тебѣ слугой вѣрнымъ.» Зорька тому не вѣруетъ: вытащилъ изъ палатки Полянина, подвелъ къ столбу дубовому,

расколол тот столбъ надвое, забилъ туда его длинную бороду и хочетъ Полянина злой смерти предать. Гладь,—изъ палатки Вечорка съ Полуночкой выходятъ. А Бѣлый Полянинъ пуще проситъ: «Смилуйтесь, богатыри! Знаю я, куда вы ѣдете: индѣйскихъ царевенъ добывать. Въ этомъ дѣлѣ и я вамъ пригожусь.» Подумали подумали богатыри и порѣшили простить Бѣлаго Полянина. Только отрубилъ ему Зорька его длинную бороду, вытащилъ ее изъ столба и про всякій случай въ карманъ спряталъ. «Сказывай,—говоритъ Полянину,—что тебѣ про царевенъ вѣдомо».—«Вѣдомо мнѣ, что унесъ ихъ двѣнадцатиглавый змѣй въ подземное царство, а ходъ туда знаетъ Баба-Яга. Лишь бы вамъ до нея добраться, она вамъ всю дорогу разскажетъ, какъ по писаному». И напросился Бѣлый Полянинъ богатырямъ въ попутчики.

Ѣдутъ богатыри голой степью, день жаркій, жажда измучила. Наѣхали на зеленый лугъ, на лугу трава-мурава, тутъ же и колодецъ стоитъ, въ немъ плаваетъ ковшикъ серебряный. Вечорка съ Полуночкой съ коней слѣзли, пить собираются. «Стойте, братцы! — говоритъ Зорька. — Колодецъ стоитъ въ степяхъ, въ даляхъ, никто изъ него воды не беретъ, не пьетъ». Соскочилъ онъ съ своего коня и давай тотъ колодецъ рубить — только кровь брызжетъ. Вдругъ сдѣлался день туманный, жара спала и пить не хочется. «Вотъ видите, братцы, какая вода настойчивая,—словно кровь».

Поѣхали дальше. Голодъ богатырей мучитъ, а ѣсть нечего. Долго ли, коротко ли—увидали они у дороги яблоню съ яблоками спѣлыми, сочными. Говоритъ Полуночка товарищамъ: «Хоть по яблоку съѣдимъ—все легче будетъ».—«Нѣтъ, братцы,—говоритъ Зорька, — стоитъ яблоня въ степяхъ, въ даляхъ, одна въ чистомъ полѣ; можетъ статься, яблоки-то на ней червивыя, съѣшь—еще хворь нападетъ». Соскочилъ Зорька съ коня и давай яблоню сѣчь-рубить — только кровь брызжетъ. А у товарищей и голодъ пропалъ.

Ѣдутъ дальше. Дѣло ужь къ вечеру подходитъ. Видятъ богатыри — избушка въ полѣ стоитъ. «Скоро смеркнется, давайте переночуемъ въ этой избушкѣ».—«Нѣтъ,—говоритъ Зорька, —

лучше раскинемъ палатку и въ чистомъ полѣ переночуемъ: эта избушка старая, того и гляди упадетъ да насъ задавитъ». Соскочилъ съ своего коня, подошелъ къ избушкѣ, давай ее сѣчь и рубить—только кровь брызжетъ. «Сами видите,— говоритъ,— какая это избушка: вся гнилая».

Ѣдутъ богатыри черезъ горы высокія, черезъ поля широкія, черезъ рѣки глубокія. Заѣхали въ лѣсъ дремучій—свѣта Божьяго не видать. Въ томъ лѣсу избушка стоитъ, на курьихъ ножкахъ, на бараньихъ рожкахъ, кругомъ поворачивается. Говоритъ Бѣлый Полянинъ: «Избушка, избушка, стань къ лѣсу задомъ, къ намъ передомъ». Вошли въ нее богатыри, на лавку сѣли.

Вдругъ застучало, загремѣло; откуда ни возмись, Баба-Яга костяная нога въ желѣзной ступѣ ѣдетъ, пестомъ погоняетъ, помеломъ слѣдъ заметаетъ, сзади собачка побрехиваетъ. Въѣхала въ избушку: «Что за гости незванные?»—«Или не узнала меня, бабушка?—спрашиваетъ Бѣлый Полянинъ.—А помнишь, какъ мы съ тобой воевали тридцать лѣтъ безъ роздыху, какъ одолѣлъ я тебя, Ягу? Лютой смерти предать тебя нужно было, а я въ ту пору тебя помиловалъ». — «Батюшка, Бѣлый Полянинъ! Прости меня, старуху, что не сразу тебя признала».—«Слушай, бабушка! Ѣдемъ мы въ подземное царство, гдѣ живетъ двѣнадцатиглавый змѣй, что у индѣйскаго султана дочерей унесъ; укажи намъ дорогу, какъ поближе проѣхать». Баба-Яга разсказала имъ всю дорогу, какъ по писаному.

Держатъ путь богатыри все по лѣсу дремучему. Ѣхали, ѣхали и увидали пропасть темную, бездонную—заглянуть страшно. Тутъ и быль ходъ въ подземное царство.

Ходъ нашли, а какъ спускаться?— Говоритъ Зорька товарищамъ: «Давайте, братцы, звѣрей ловить, изъ звѣриныхъ шкуръ ремни дѣлать—на тѣхъ ремняхъ и спустимся». Сказано—сдѣлано. Кинули жеребій, кому оставаться богатырскихъ коней стеречь— вышло Бѣлому Полянину. Бросили въ пропасть ременный канатъ, стали спускаться поодиночкѣ, Зорька первымъ, потомъ Вечорка, потомъ Полуночка. А Бѣлому Полянину наказъ дали—ихъ около пропасти дождаться.

Спустились богатыри въ подземное царство; видятъ—дворецъ

Бросили въ пропасть ременный канатъ и стали спускаться поодиночкѣ.

стоитъ, изъ чистаго серебра, крыша золотая, въ окнахъ не стекла, а камни самоцвѣтные. Вдругъ земля дрогнула, словно буйный вихрь налетѣлъ чудо-юдо змѣй двѣнадцатиголовый; пасти разинулъ, обдалъ богатырей дыханьемъ огненнымъ. И началось тутъ побоище великое. Три дня, три ночи бились богатыри съ змѣемъ безъ роздыха,—по колѣна въ крови змѣиной стоятъ.—Наконецъ одолѣли змѣя.

Вошелъ Зорька съ товарищами во дворецъ, — а тамъ три царевны индѣйскія сидятъ золотыми цѣпями къ стѣнѣ прикованы. Освободили ихъ богатыри. Крѣпко полюбились имъ прекрасныя царевны, тутъ и кольцами богатыри съ ними обмѣнялись.

Дѣло сдѣлано, пора и назадъ ворочаться. Пошли къ тому мѣсту, гдѣ спустились. «Вытаскивай!»—кричитъ Зорька Бѣлому Полянину. Привязали старшую царевну къ ременному канату—вытащилъ ее Бѣлый Полянинъ на вольный свѣтъ, привязали среднюю — тоже вытащилъ, привязали младшую — и ее вытащилъ. Привязали Зорьку товарищи, сталъ Зорька подниматься—и упалъ. Обрѣзалъ Бѣлый Полянинъ ременный канатъ, чтобы богатыри свѣту бѣлаго больше не видѣли!

Пропадать богатырямъ ни за грошъ, ни за денежку; не одолѣлъ ихъ чудо-юдо двѣнадцатиголовый змѣй, одолѣла хитрость злая.

Садится Бѣлый Полянинъ на своего добраго коня, трехъ царевенъ впередъ себя сажаетъ, смертью грозитъ, если кому

А у султана индѣйскаго идетъ пиръ на весь міръ.

правду скажутъ. Захотѣлъ-было онъ и богатырскихъ коней за собой вести, да кони изъ его рукъ вырвались, зова не послушались. Такъ и оставилъ ихъ въ лѣсу Бѣлый Полянинъ, а самъ поѣхалъ съ царевнами въ царство индѣйское.

Время идетъ да идетъ — ни слуху, ни духу объ Зорькѣ съ товарищами.

Спрашиваетъ въ своемъ темномъ лѣсу знахарь солнце красное: «Не видало ль ты трехъ сильномогучихъ богатырей, Зорьку, Вечерку съ Полуночкою?» — «Нѣтъ, не видало». — «Не видалъ ли ты, мѣсяцъ ясный? — «Нѣтъ, не видалъ.» — «Не видалъ ли ты, вѣтеръ буйный?» — «Нѣтъ, не видалъ». - Вышелъ знахарь въ поле чистое, свиснулъ громкимъ посвистомъ, не откликнутся ли кони богатырскіе. Глядь — Зорькинъ конь бѣжитъ. «Гдѣ-жь хозяинъ твой?» — «Мой хозяинъ съ товарищами въ подземномъ царствѣ сидитъ и погибать имъ тамъ, коли ты ихъ не выручишь.»

Кликнулъ тогда знахарь Ворона Вороновича, и приказалъ ему вынести богатырей на своихъ крылахъ изъ подземнаго царства на вольный свѣтъ. Выбрались богатыри, на коней своихъ сѣли, и поѣхали въ царство индѣйское во всю конскую прыть.

А у султана индѣйскаго идетъ пиръ на весь міръ, на радостяхъ, что царевны сыскалися.

Сняли съ себя Зорька, Вечерка и Полуночка доспѣхи богатырскіе, забрались въ султанскія палаты и стали служить у стола простыми слугами.

Смотрятъ: сидитъ Бѣлый Полянинъ на первомъ мѣстѣ, величается, а противъ него за столомъ—индѣйскія царевны сидятъ не веселы, пригорюнились. Величается Бѣлый Полянинъ, индѣйскому султану разсказываетъ, какъ онъ его дочерей отъ лютаго змѣя выручилъ, какъ онъ за нихъ свою кровь проливалъ, бился со змѣемъ три дня, три ночи безъ отдыха.

Потихоньку зашли Зорька, Вечорка и Полуночка сзади индѣйскихъ царевенъ и положили имъ на блюдо по золотому колечку, что царевны имъ въ подземномъ царствѣ дали.

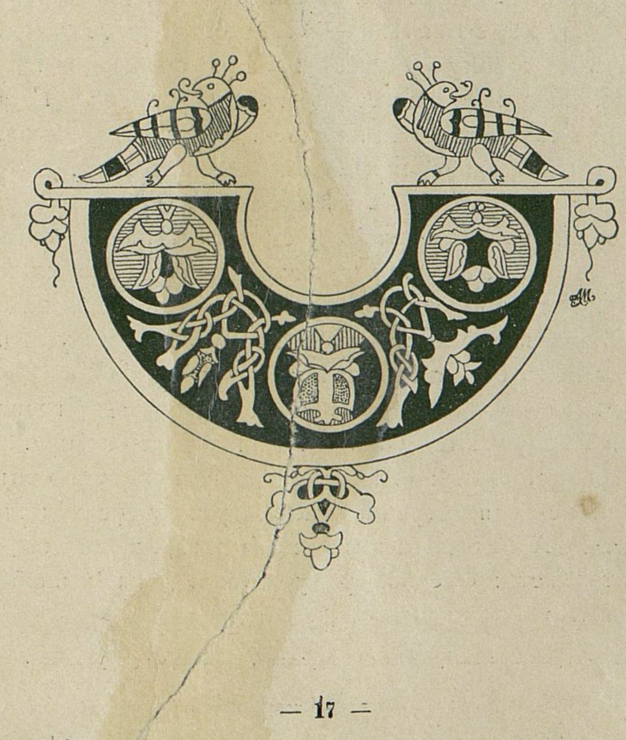
А Бѣлый Полянинъ сидитъ, еще пуще похваляется, разсказываетъ, какъ онъ трехъ сильномогучихъ богатырей, Зорьку, Вечорку и Полуночку одинъ побѣдилъ и смерти предалъ за то,

что они у него на пути индѣйскихъ царевень отнять хотѣли.

Вышелъ тутъ впередъ Зорька и говоритъ: «А не въ томъ-ли бою, храбрый витязь, ты свою бороду потерялъ—вотъ тебѣ она!» Кинулъ Полянину въ глаза его бороду и разсказалъ, какъ они его помиловали, смерти не предали, а онъ—ихъ въ подземномъ царствѣ покинулъ и царевенъ увезъ.

И царевны ту зорькину рѣчь утвердили, богатырей своими избавителями назвали.

Приказалъ султанъ не медля Бѣлаго Полянина казнить смертью, а за Зорьку, Вечерку и Полуночку своихъ дочерей замужъ выдалъ. Хотѣлъ было дать за дочерями въ приданое по полуцарству, да одному жениху полцарства не хватило. Такъ Полуночка, царскій сынъ, взялъ себѣ жену безъ приданаго.

Какъ мужикъ гречиху покорилъ *)

Жилъ-былъ въ одной деревнѣ мужикъ Филатъ, куда, какъ на работу плоховатъ. Ему бы землю пахать, а онъ только и норовитъ, какъ бы на боку лежать. Разъ приплелся Филатъ откуда-то домой, жена ему и говоритъ: «Эхъ ты, лодырь: я ужь и гречиху безъ тебя обмолотила! Пошолъ бы ты, да хоть въ мѣшки ее ссыпалъ.» — «Ладно.» Пришелъ Филатъ на гумно, сѣлъ на солому и думаетъ: «Ишь, сколько гречихи баба намолотила. Когда-то еще ее въ мѣшки всыпешь. То-ли дѣло, кабы гречиха сама въ мѣшки влѣзла. Ну-ка, попробую».

Сказано – сдѣлано. Раскрылъ онъ мѣшокъ и говоритъ: «Гречиха, а гречиха! Полѣзай въ мѣшокъ.» А гречиха ему: «Били меня, колотили меня, да чтобъ я еще въ мѣшокъ сама лѣзла. Не хочу!» — «Ахъ ты, такая - сякая; хозяина не слушаешься! Погоди-жь, я съ тобой управлюсь. Эй, мыши, идите гречиху ѣсть!»—«Нашолъ дураковъ,—говорятъ мыши,—мы ужь пшеницы наѣлись; станемъ объ твою гречиху зубы бить!»

Разсердился мужикъ: «Это что за бунтъ, — говоритъ:—и мыши меня не слушаются. Пошлю на нихъ кота-Ваську». Пришолъ домой и говоритъ коту: «Вася, а Вася, иди на гумно мышей ловить: мыши не хотятъ гречиху ѣсть, гречиха не хочетъ въ мѣшокъ лѣзть.» А Васька лежитъ на печкѣ, хвостомъ виляетъ, хозяину отвѣчаетъ: «Не пойду: у меня и дома мышей ловить, не переловить.»

---

*) Изложена по варьянтамъ: малорусскимъ, бѣлорусскимъ, польскимъ и хорутанскимъ.

Еще пуще разсердился мужикъ: «Ну, постой же ты, котъ; вотъ пошлю на тебя собаку,—узнаешь, какъ хозяина не слушаться.» Пошелъ на дворъ и давай кликать: «Жучка, а Жучка! Ступай кота-Ваську давить: котъ не хочетъ мышей ловить, мыши не хотятъ гречиху ѣсть, гречиха не хочетъ въ мѣшокъ лѣзть.» А Жучка свое дѣло знаетъ: хвостомъ виляетъ, къ хозяину идетъ и такую рѣчь ведетъ: «Хоть и говорятъ, что хуже никто не живетъ, какъ кошка съ собакой, только это напраслина. Какъ я стану Ваську давить, коли онъ мнѣ кумъ?»

— Что это у меня дома все непорядки!—думаетъ мужикъ?— Пойду, на Жучку волку пожалуюсь.» Пришелъ въ лѣсъ, видитъ: подъ кустомъ волкъ лежитъ. «Волкъ, а Волкъ! Пойди разорви мою Жучку: Жучка не хочетъ Ваську давить, Васька не хочетъ мышей ловить, мыши не хотятъ гречиху ѣсть, а гречиха не хочетъ въ мѣшокъ лѣзть.»—«Не хочу я идти ѣсть твою Жучку: я сейчасъ барана съѣлъ. Ступай-ка ты лучше по добру, по здорову, пока я тебя самого не разорвалъ.

— Ну, постой же ты, волкъ, — говоритъ мужикъ,—пошлю на тебя людей. Пришелъ въ село и говоритъ. «Пожалѣйте меня, люди добрые; подите, застрѣлите волка: волкъ не хочетъ Жучку душить, Жучка не хочетъ Ваську давить, Васька не хочетъ мышей ловить, мыши не хотятъ гречиху ѣсть, а гречиха не хочетъ въ мѣшокъ лѣзть» —«Ну тебя,—говорятъ мужики,— есть намъ время съ твоими волками путаться. Надо стараться, какъ бы подати заплатить».

— А, коли не хотите мнѣ помочь, пойду, напущу на васъ краснаго пѣтуха». Пошелъ Филатъ къ огню: «Батюшка, ясный огонь, поди, сожги село: мужики не идутъ волка бить, волкъ не идетъ Жучку душить, Жучка не идетъ Ваську давить, Васька не идетъ мышей ловить, мыши не идутъ гречиху ѣсть, а гречиха не хочетъ въ мѣшокъ лѣзть»—«И такъ про меня худая слава идетъ, будто я самъ села жгу,—говоритъ огонь.—Да теперь мнѣ и не досугъ, видишь: я картошку пеку. Не пойду!»

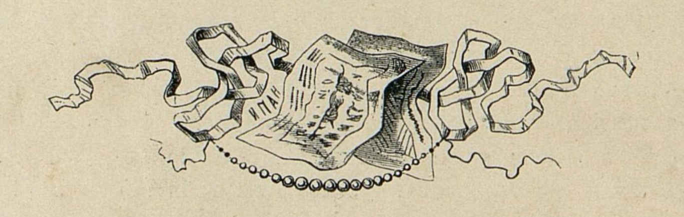
— Погоди же ты, огонь, я пошлю на тебя воду—тутъ тебѣ и конецъ будетъ». Пошелъ мужикъ къ рѣкѣ и давай ее просить: «Матушка, студеная водица, поди огонь гасить: огонь

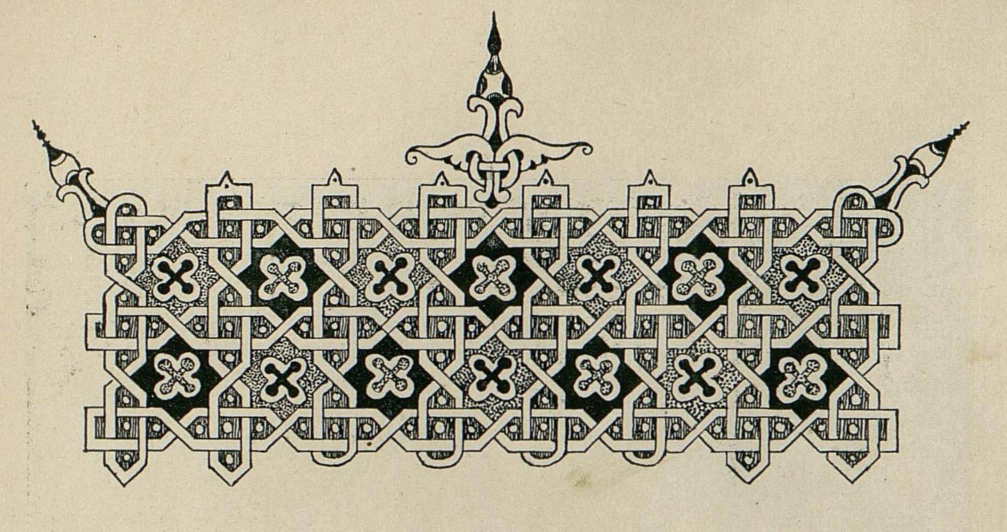
не хочетъ село палить, село не идетъ волка бить, волкъ не идетъ Жучку душить, Жучка не идетъ Ваську давить, Васька не идетъ мышей ловить, мыши не идутъ гречиху ѣсть, а гречиха не хочетъ въ мѣшокъ лѣзть».—«Отвяжись,—говоритъ вода, — видишь, меня и такъ мало: насилу мельницу верчу. Не пойду!»

— Хорошо же,—говоритъ мужикъ,—пошлю на тебя землю: засыпетъ она тебя, только тебя и видѣли... Кормилица, сыра-земля, только на тебя теперь у меня и надежда. Пойди, засыпь рѣку, а то рѣка не идетъ огонь гасить, огонь не идетъ село палить, село не идетъ волка бить, волкъ не идетъ Жучку душить, Жучка не идетъ Ваську давить, Васька не идетъ мышей ловить, мыши не идутъ гречиху ѣсть, гречиха не хочетъ въ мѣшокъ лѣзть».—«То-то,—говоритъ земля,—всѣ вы на меня надѣетесь. Пойди-ка, возьми лопату да кидай меня въ рѣку. Такъ и быть ужь, тогда я тебѣ рѣку засыплю».

Мужикъ Филатъ тому и радъ, побѣжалъ домой, схватилъ лопату и давай землю въ рѣку кидать. День кидаетъ, два кидаетъ, три кидаетъ — пошла рѣка огонь гасить, пошолъ огонь село палить, пошло село волка бить, пошелъ волкъ Жучку душить, пошла Жучка Ваську давить, пошелъ Васька мышей ловить, пошли мыши гречиху ѣсть, пошла гречиха въ мѣшки лѣзть.

Взяла баба мѣшки, свезла на мельницу, намолола муки, напекла блиновъ. Тѣ блины и я ѣлъ, наѣвшись, на печи заснулъ — и эту самую сказку во снѣ увидалъ.

Орелъ и Сова.

Летѣла Сова изъ лѣсу въ поле, а навстрѣчу ей Орелъ. «Здравствуй, Совушка-Сова, горемычная вдова!» - «Здравствуй, батюшка сизый Орелъ.» — «Куда, Совушка, путь держишь?» — «Въ поле лечу, мышей ловить, малыхъ дѣтушекъ кормить - «А ты куда?» — «Я въ лѣсъ, добычи искать, моимъ орлятамъ кормъ добывать.»

Испугалась Сова за своихъ дѣтей: «Батюшка, сизый Орелъ,— говоритъ,—будешь по лѣсу птицъ бить,—не погуби моихъ дѣтушекъ, малыхъ совенятушекъ.»—«Да какъ же я узнаю: какія твои дѣти, какія не твои?»—«Что ты, Орелъ; какъ моихъ не узнать? Краше ихъ во всемъ лѣсу птичекъ нѣтъ.»

Обѣщалъ Орелъ совиныхъ дѣтокъ не трогать и полетѣлъ въ лѣсъ. Нашолъ одно гнѣздо: сидятъ въ немъ птенчики: маленькіе, хорошенькіе; желтые ротики разѣваютъ, пищать жалобно. «Не трону ихъ, — думаетъ Орелъ, — ишь, какіе хорошенькіе, пожалуй не совиныя ли дѣтки.» И полетѣлъ дальше.

Нашелъ другое гнѣздо,—въ немъ птенчики еще лучше, въ третьемъ—еще красивѣе. Что тутъ дѣлать? Обѣщалъ Совѣ ея дѣтокъ не трогать—надо держать слово, а въ какомъ гнѣздѣ

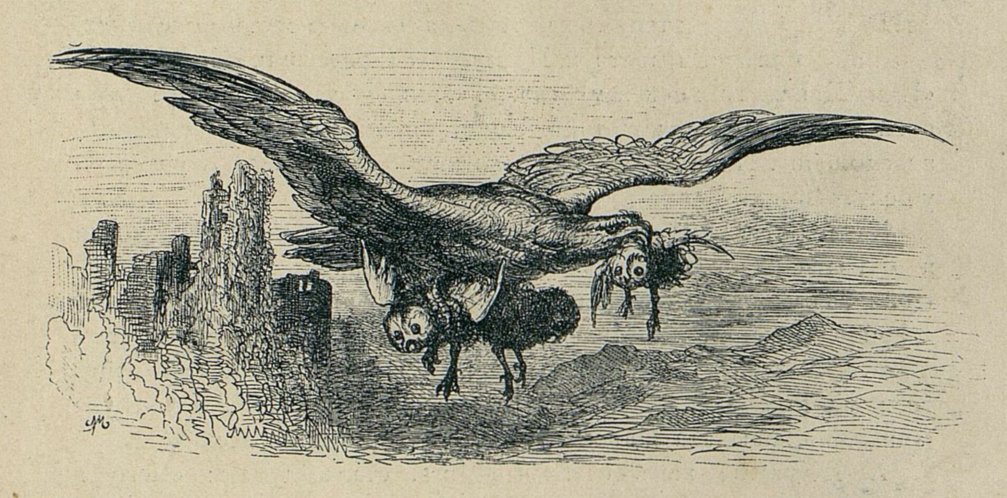

Видитъ Орелъ,—большое гнѣздо, а въ немъ пятеро птенцовъ.

совенята—не знаетъ Орелъ: во всѣхъ птенчики хороши.

Леталъ-леталъ Орелъ по лѣсу, вдругъ, видитъ большое гнѣздо, а въ немъ пятеро птенцовъ: головы большія, круглыя, шеи тонкія, сами голые—кое-гдѣ пухъ торчитъ, глаза кошачьи, носы кривые. Орутъ противнымъ голосомъ. «Вотъ такъ уроды,—думаетъ Орелъ,—ужь эти, навѣрно, не совиныя дѣти». Схватилъ ихъ, передушилъ и тащитъ къ себѣ. А на встрѣчу ему Сова: «Батюшка, сизый Орелъ! Что жь ты это сдѣлалъ? Погубилъ моихъ дѣтушекъ, малыхъ совенятушекъ ненаглядныхъ!»—«Да развѣ это твои, Сова, дѣти? Твои-то, ты говорила, красивые, а хуже этихъ я во всемъ лѣсу не нашелъ.» — «Что ты, Орелъ? Ужь чего моихъ дѣтей краше».

Не даромъ пословица говорится: «Дитя хоть криво, да отцу-матери мило.

Журавль и Цапля.

— Жили-были Журавль да Цапля, накосили стожокъ сѣнца, поставили середь польца. Не начать ли намъ опять съ конца?» —«Начни!»—«Ты: начни, я: начни. Жили-были Журавль да Цапля, накосили стожокъ сѣнца, поставили середь польца. Не начать-ли намъ опять съ конца?»

Вправду, жили-были Журавль и Цапля, на одномъ болотѣ, да въ разныхъ концахъ. Наскучило Журавлю холостое житье: «Пойду-ка,—думаетъ,—я къ Цаплѣ, посватаюсь; чѣмъ не жена будетъ». Пошолъ Журавль къ Цаплѣ: тяпъ-ляпъ, тяпъ-ляпъ, семь верстъ болото мѣсилъ. «Здравствуй, Цапля.»—«Здравствуй, Журавль.»—«Иди, Цапля, за меня замужъ». — «Ишь, чего захотѣлъ! У тебя ноги долгія, платье короткое, плохо летаешь,—жену прокормить не сможешь. Пошелъ прочь, долговязый!» Обидѣлся Журавль и ушелъ.

Какъ ушолъ онъ, Цапля раздумалась: «Эхъ, не напрасно-ли я Журавля прогнала! Гдѣ ужь нынче жениховъ очень выбирать. Пойду, скажу, что согласна.» Пришла, стучитъ къ Журавлю въ двери: «Журавль, а Журавль!»—«Чего тебѣ?»—«Ну ладно, такъ и быть, пойду за тебя замужъ»—«Нѣтъ, Цапля, не надо мнѣ тебя. Не хочу жениться, не беру тебя замужъ. Убирайся, откуда пришла!» Заплакала Цапля со стыда и воротилась домой.

А Журавль, какъ остался одинъ, сталъ думать: «Чего я такъ на Цаплю разсердился? Извѣстно, ихъ дѣло дѣвичье, нельзя не поломаться. Да и скучно же одному! Пойду, возьму Цаплю замужъ.» Пришолъ и говоритъ: «Цапля, я къ тебѣ: иди за меня замужъ»—«Нѣтъ, Журавль, ты меня осрамилъ. Не пойду за тебя»—Пошолъ Журавль домой, не солоно хлебавши, а Цап-

ля опять раздумалась: «Зачѣмъ отказала? Что одной-то жить? Лучше пойду за Журавля.» Приходитъ къ Журавлю,—Журавль не хочетъ, прогналъ Цаплю. Прогналъ да потомъ обдумался—идетъ къ Цаплѣ, - опять Цапля не хочетъ.

Такъ-то и по сю пору ходятъ они одинъ къ другому свататься, да никакъ не женятся.

Пузырекъ, соломенка и уголь *).

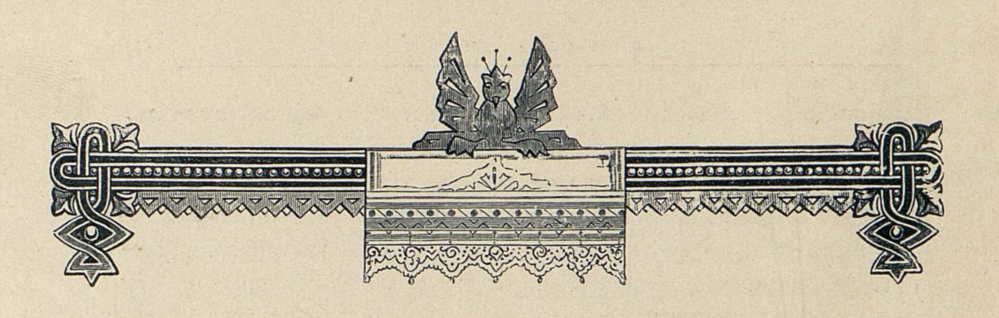
У бабушки, у старушки лежалъ пузырекъ въ кладушкѣ. Отворила разъ старушка свою кладушку—Пузырекъ-то, и выскочи. Выскочилъ, и давай храбровать: «Нѣтъ мнѣ, Пузырьку, здѣсь удальца равнаго, не съ кѣмъ мнѣ, богатырю, силой помѣряться. Пойду въ чужедальные края, въ Іерусалимъ-градъ, съ бусурманами воевать.» Набралъ себѣ Пузырь храбрыхъ товарищей—Уголька да Соломенку и пошли они въ невѣдомые края: черезъ порогъ—въ сѣни, съ сѣней—на крыльцо. А у того крыльца увидали молодцы широкое озеро: цѣлое ведро воды дѣвка пролила.

Говоритъ Пузырь-богатырь: «Перекинься ты, Соломенка, черезъ озеро съ берега на берегъ, мы по тебѣ перейдемъ». Перекинулась Соломенка. Уголекъ—онъ горячій,—впередъ прыгнулъ. На самой серединѣ озера замутило у Уголька со страху въ головѣ, остановился онъ.... Какъ закричитъ Соломенка: «Батюшки, жарко! Родимые, горю! Жжетъ меня Уголь!» — Перегорѣла да и бултыхъ вмѣстѣ съ Уголькомъ въ воду. А Пузырекъ хохоталъ-хохоталъ, смѣючись съ крыльца свалился—и объ камень разбился.

Кабы не эта бѣда, не видать бы теперь бусурманамъ Іерусалимъ-града!

*) Записана А. А. Гатцукомъ въ Подольскомъ уѣздѣ Московской губ. (1867 г.)

Правда и кривда.

Жили-были въ одной деревнѣ два сосѣда, Иванъ да Наумъ—оба портные. Разъ согласились они идти въ другія волости, промышлять своимъ мастерствомъ. Пришли въ село, начали бабъ да мужиковъ обшивать и заработали по двадцати рублей на брата.

Идутъ въ другую волость, и заспорили дорогой: какъ лучше жить, правдой или кривдой. Наумъ говоритъ: «Правдой нужно жить», а Иванъ ему: «Врешь ты: изъ господъ ли, изъ купцовъ, или изъ нашего брата, мужиковъ, кто умѣетъ кривить, тотъ и въ сапогахъ ходитъ. А у насъ на деревнѣ, знаешь, чай, старика Архипа? Весь свой вѣкъ прожилъ правдою, — ни сапоговъ, ни хорошаго платья отъ роду не нашивалъ». Наумъ на своемъ стоитъ, не соглашается. Вотъ ударились они объ закладъ, и такой между собой уговоръ положили—дойти до перваго села и спросить у людей: чѣмъ лучше жить? Если скажутъ: правдою, — то криводушный отдастъ правдивому свои двадцать рублей; а если скажутъ: кривдою,—пусть правдивый расплачивается.

Пришли въ село, стали по избамъ ходить да спрашивать: «Скажите, люди добрые, чѣмъ лучше жить: правдою или кривдою?» Только, кого ни спросятъ, отъ всѣхъ одинъ отвѣтъ: «Какая теперь правда! За правду не то, что не похвалятъ, а еще скажутъ— кляузникъ». «Нашли, о чемъ говорить! Само собой, кривдою жить лучше: кривда въ сапогахъ ходитъ, а правда въ лаптяхъ». Отдалъ Наумъ Ивану двадцать рублей. Принялись они по прежнему

работать, бабъ, мужиковъ обшивать. Заработали по тридцати рублей на брата и пошли въ третью волость.

Дорогой тѣ же разговоры: чѣмъ лучше жить. Опять поспорили и ударились объ закладъ на тридцать рублей. Дошли до села, а навстрѣчу купецъ ѣдетъ. «Ваше степенство! Рѣши ты нашъ споръ: чѣмъ лучше жить на свѣтѣ — правдой или кривдой?» Отвѣчаетъ купецъ: «Отцы наши говаривали: не обманешь—не продашь. Такъ неужто намъ умнѣе ихъ быть? Наше дѣло купеческое. Правдой сытъ не будешь, кривдой не подавишься; люди ложь — мы тожь?» Отдалъ Наумъ Ивану тридцать рублей.

Заработали они въ этомъ селѣ по пятидесяти рублей на брата, дорогой идучи, опять заспорили и порѣшили на томъ: кто теперь проспоритъ, пусть отдастъ другому всѣ пятьдесятъ рублей. Ѣдетъ имъ на встрѣчу баринъ. «Такъ и такъ, сударь, — говорятъ, — рѣши ты нашъ споръ: какъ рѣшишь, такъ тому дѣлу и быть.» Говоритъ баринъ: «Нечего и спрашивать: всѣ люди на одну стать, всѣ кривдой живутъ». Взялъ Иванъ у Наума пятьдесятъ рублей и пошли они дальше.

Пришлось имъ идти лѣсомъ, и застигла ихъ темная ночь, – ни зги не видно; бредутъ они ощупью, съ дороги вовсе сбились. Какъ разсвѣло, стали они искать дороги—нѣтъ ни дорожки ни тропиночки, кругомъ дремучій, темный лѣсъ безъ конца-края. Пробродили цѣлый день; вынулъ Иванъ-криводушный изъ котомки каравай хлѣба и сталъ ужинать, — а Науму поѣсть нечего, ничего съ собой въ дорогу не взялъ. Подумалъ, было, онъ: не подѣлится ли съ нимъ Иванъ,—только Иванъ поѣлъ, хлѣбъ въ тряпочку завернулъ и въ котомку уложилъ. Такъ и легъ Наумъ не ѣвши.

Кое какъ проворочался онъ ночь, всталъ утромъ натощахъ, не подъ силу ужь ему смотрѣть, какъ товарищъ за хлѣбъ принялся, — и сталъ онъ просить у него хоть кусочка. Не далъ Иванъ: «Ты, братъ, правдивый, на правду надѣешься. Пусть она тебя и кормитъ».

Опять цѣлый день плутали; къ вечеру Наумъ ужь чуть-чуть ноги передвигаетъ,—отощалъ совсѣмъ. Какъ сѣли отдыхать, да

принялся Иванъ закусывать, — началъ его Наумъ объ кусочкѣ хлѣба молить. «Ладно,—говоритъ Иванъ,—пусть ужь моя кривда теперь тебя выручитъ: давай, я выколю тебѣ глазъ,—тогда дамъ хлѣба». Подумалъ, подумалъ Наумъ: «Ну, на,— говоритъ,—колй глазъ, если въ тебѣ жалости нѣтъ». Выкололъ ему глазъ Иванъ, и далъ маленькій кусочекъ хлѣба.

На утро насилу поднялся Наумъ и побрелъ вслѣдъ за товарищемъ. Сѣли отдыхать, и говоритъ онъ Ивану: «Христомъ Богомъ прошу: дай еще кусочекъ хлѣба, а то совсѣмъ помираю».— «Ладно, ради моей кривды, дамъ еще кусокъ, коли позволишь и второй глазъ выколоть». Испугался Наумъ, сталъ просить, молить товарища, чтобы покормилъ его такъ, обѣщаетъ на всю жизнь къ нему въ батраки пойти,—нѣтъ, не соглашается Иванъ, всталъ и уходить хочетъ. Еще больше испугался Наумъ: страшно одному въ лѣсу оставаться, голодной смертью помирать, а подняться, съ голоду не можетъ. «Да ужь нечего раздумывать,— говоритъ Иванъ,—давай глазъ; такъ и быть, покормлю тебя тогда и поведу за собой слѣпого. Заплакалъ Наумъ, обернулся кругомъ, поглядѣлъ въ послѣдній разъ на бѣлый свѣтъ, на ясное солнышко, и говоритъ: «Богъ съ тобой, на, колй послѣдній глазъ, если тебѣ ужь такъ этого хочется!»

Выкололъ ему Иванъ послѣдній глазъ, далъ кусочекъ хлѣба, а какъ поѣлъ онъ,—привязалъ ему къ рукѣ веревочку и повелъ за собою. Отошли они немного, надоѣло Ивану вести за собой слѣпого; вотъ онъ завелъ его въ болото и бросилъ тамъ. «Прощай,— говоритъ,—кумъ, не поминай меня лихомъ, съ своей правдой въ болотѣ сидючи». И ушелъ.

Загоревалъ, затужилъ Наумъ: «Видно и въ самомъ дѣлѣ нѣтъ правды на свѣтѣ; одолѣла меня кривда!» Выбился кое-какъ изъ болота, бредетъ ощупью и вдругъ слышится ему голосъ: «Поверни направо и иди все прямикомъ. Дойдешь до самой чащи, найдешь тропинку; она приведетъ тебя къ старому дубу. Ты на тотъ дубъ влѣзь, ночи дождись и слушай, что кто подъ дубомъ скажетъ; какъ услышишь, такъ и дѣлай».

Повернулъ Наумъ направо, по тропинкѣ дошелъ до дуба, влѣзъ на него и сталъ слушать.

А я сегодня три хорошихъ дѣла сдѣлала, — говоритъ Кривда.

Подошло время къ полночи, приходятъ подъ дубъ двое— Правда и Кривда. Правда въ лаптяхъ, Кривда въ сапогахъ. Говоритъ Кривда: «Я сегодня три хорошихъ дѣла сдѣлала. Первое дѣло — у помѣщика воду отняла: пусть его погорюетъ! Второе дѣло — царскую дочь испортила — пусть царь поплачетъ! Третье дѣло лучше всего: Иванъ Науму глаза выкололъ. Подѣломъ Науму: мало меня почиталъ». Говоритъ Правда Кривдѣ: «А все-таки, Кривда, твое дѣло недолговѣчное. Велитъ помѣщикъ раскопать терновый кустъ, что въ оврагѣ стоитъ — и вода у него будетъ; велитъ царь отъ той березы, что на высокой горѣ, противъ его дворца стоитъ, отмѣрить двѣнадцать саженъ на восходъ солнца, землю тутъ разрыть и крестъ, что въ землѣ лежитъ, найти, да тѣмъ крестомъ царевну благословить — и царевна выздоровѣетъ; умоется Наумъ водой изъ гремучаго ключа, что изъ подъ этого дуба бѣжитъ,—и прозрѣетъ».

Перетолковали Правда съ Кривдой и разошлись. Наумъ слѣзъ съ дуба, прислушивается, — тутъ и ключъ журчитъ. Нашелъ ключъ, умылся — и сталъ зрячимъ по прежнему. Ночь въ лѣсу переночевалъ, а поутру въ путь-дорогу пустился.

Не долго и шелъ онъ, глядь,—просвѣтъ показался, лѣсъ кончился, около лѣса идетъ большая дорога. Пошелъ онъ этой дорогою, приходитъ въ барскую усадьбу. Зашелъ было, водицы попросить, напиться, а ему говорятъ: «Иди съ Богомъ, у насъ вода дорогая: за десять верстъ по воду ѣздимъ. Нашъ помѣщикъ просто озолотилъ бы того, кто бы ему воды на мѣстѣ досталъ». Попросилъ тогда Наумъ, чтобы его къ помѣщику провели. «Такъ и такъ,— говоритъ,—слышалъ я про вашу бѣду и могу ей помочь». Помѣщикъ и слушать не хочетъ: «У меня,—говоритъ,—много тутъ колодезниковъ перебывало. Только деньги съ меня брали, а ничего не сдѣлали».—«Да мнѣ денегъ не нужно».—«Когда такъ, попробуй». Наумъ взялъ двухъ работниковъ, пошелъ въ оврагъ, раскопалъ терновый кустъ — а вода оттуда какъ хлынетъ! Весь оврагъ залила. Диву дался помѣщикъ, не знаетъ, какъ и благодарить Наума. Полный кошель серебра ему отсыпалъ.

Пожилъ здѣсь Наумъ день-другой, пошелъ дальше. Не даромъ пословица молвится: языкъ до Кіева доведетъ. Такъ и На-

ему помогли добрые люди до царя добраться. «Ваше величество,— говоритъ царю Наумъ,—слышалъ я про вашу бѣду, что дочка у васъ больна. Этому дѣлу я помочь могу». Отвѣчаетъ ему царь: «Сколько у меня лѣкарей, ученыхъ людей, перебывало, ничего не помогли! Ты и подавно не поможешь.» А Наумъ все на своемъ стоитъ. «Ну,—говоритъ царь,—помогай. Только, если хуже будетъ—сейчасъ тебѣ голову долой».—«На то ваша царская воля». Взялъ Наумъ двухъ слугъ царскихъ, пошелъ съ ними на ту гору, что противъ дворца стояла, отмѣрилъ отъ березы двѣнадцать саженъ на восходъ солнца; стали тутъ землю копать — крестъ нашли. Благословилъ Наумъ тѣмъ крестомъ царевну — выздоровѣла царевна. Обрадовался царь: «Проси у меня, чего хочешь,— говоритъ Науму. — Хочешь, дочь за тебя отдамъ?» — «Что вы, ваше величество! Куда мнѣ, мужику, въ царскую родню лѣзть. Я и ступить-то по придворному не умѣю». Отсыпалъ царь Науму цѣлый четверикъ золота и отпустилъ его съ честью.

Вернулся Наумъ на родину, новую избу купилъ, всѣмъ хозяйствомъ заново обзавелся. Стала молва идти по деревнѣ: разбогатѣлъ-де Наумъ, у самого царя въ гостяхъ побывалъ. «Что за притча?—думаетъ Иванъ.—И съ глазами Наумъ, и съ деньгами. Надо провѣдать его». И пошелъ къ нему въ гости.

— Съ новосельемъ, кумъ! — «Спасибо.» — «Ты ужь на меня, сдѣлай милость, за прежнее не сердись, вѣдь, самъ знаешь: уговоръ такой былъ». — «Ничего, слава Богу, я опять зрячимъ сталъ».—«Говорятъ на деревнѣ, будто ты съ большими деньгами пришелъ, у царя въ гостяхъ побывалъ». Промолчалъ на это Наумъ. Видитъ Иванъ, что такъ толку не добьешься, дождался, пока подали угощеніе; тутъ у хозяина языкъ развязался, и разсказалъ онъ гостю, какъ услыхалъ голосъ на дорогѣ, этого голоса послушался и богачомъ сталъ.

Вспало на умъ Ивану это средство испробовать. Да вотъ горе: гдѣ тотъ дубъ сыскать, подъ которымъ Наумъ разговоръ слышалъ? А самъ Наумъ это мѣсто вовсе запамятовалъ. И порѣшилъ Иванъ идти къ знахарю за совѣтомъ.

Говоритъ ему знахарь: «Незачѣмъ тебѣ дуба искать,—я лучше мѣсто знаю. Выходи ты въ самую полночь на болото; тамъ

увидишь старую лодку. Залѣзь ты подъ нее и слушай: что кто скажетъ; какъ услышишь,—такъ и дѣлай».

Лежитъ Иванъ подъ лодкой, слушаетъ. Въ самую полночь вылѣзли изъ болота трое: старый дѣдушка Болотникъ и двое чертенятъ. Сѣли на днище. «Чудныя дѣла на свѣтѣ творятся,— говоритъ дѣдушка:—то все кривда одолѣвала, а теперь и правда въ силу входитъ. Слышали, дѣтки, какое счастье Науму-то привалило? Надо бы ему какую пакость придумать!» Насторожилъ Иванъ уши, хотѣлъ голову изъ-подъ лодки высунуть, чтобы лучше слышать, да лодку-то и толкни. Всполошились чертенята, вскочили, перевернули лодку и вытащили Ивана. Какъ завизжатъ: «Батюшки, чужой!»—«Да ужь не Наумъ ли это?»—кричитъ Болотникъ. Плохо пришлось тутъ Ивану, такъ плохо, что еслибъ скоро пѣтухъ не пропѣлъ, не быть бы ему живому. Избили его черти и въ болото бросили.

Утромъ шли мимо мужики, увидали Ивана въ болотѣ, вытащили и отвели въ деревню. Сколько ни допытывались отъ него, какъ онъ въ болото попалъ — не сказалъ Иванъ. Только промолвилъ: «И другу и недругу закажу знахарямъ вѣрить». Да еще съ той поры за кривду горой стоять бросилъ.

Для составленія настоящаго **Полнаго Сборника Сказокъ Русскаго народа,** мы пользовались, кромѣ ненапечатанныхъ матерьяловъ, находящихся въ бумагахъ покойныхъ А. А. Гатцука и проф. О. М. Бодянскаго, между прочимъ, слѣдующими изданіями:

Авдѣева: Дѣтскія сказки. **Афанасьевъ:** Нар. Рус. легенды, Народныя Русскія сказки, Поэт. воззрѣніе Славянъ на природу. **Безсоновъ:** Дѣтскія сказки. **Бодянскій:** Наськы Украиньскы казкы запорозьця Иська Матырынкы. **Боричевскій:** Повѣсти и преданія народовъ слав. плем. **Броницынъ:** Рус. нар. сказки. **Буслаевъ** Рус. нар. поэзія., Истор. очер Рус. нар. словесн., Истор. Христом. **Валявецъ:** Хорутанскія и Словацкія сказки (Narodne pripovjedke, kupio Matija Valjavec) **Венцигъ:** Чешскія, Моравскія и Кошубскія сказки (Westslawische Merchenschatz). **Веселыя похожденія старинныхъ пошехонцевъ.** Изд. 1821 г. **Войцицкій:** Польскія сказки (Zarisy dowove). **Врчевичъ:** Сербскія сказки (Српске народне проповjетке). **Глинскій:** Польскія сказки. **Даль:** Сказки казака Луганскаго, Пословицы Рус. нар., Картины: рус. быта. **Данилевскій:** Степныя сказки. **День** (журналъ). **Деревенская забавная старушка.** Изд. 1804. **Дмитріевъ** Опытъ собранія сказокъ Сѣверо-Западнаго края. **Добжинскій:** Славянскія сказки (Sloven. povesti). **Добровольскій:** Смоленскій Этнографическій Сборникъ. **Драгомановъ:** Малороссійскія народныя преданія и разсказы: **„Дѣдушкины прогулки“.** Изд. 1819 г. **Журналъ** Мин. Нар. Просв. (прибавленія). **Записки** Геогр. Общ. **Записки** Академіи Наукъ. **Калачовъ:** Архивъ ист.-юрид. свѣд. о Россіи. **„Калики перехожіе“,** Сборникъ народн. стиховъ. **Караджичъ:** Сербскія сказки (Српске народне проповjетке). **Кирша Даниловъ:** Древнія Рос. стихотв. **Киреевскій:** Пѣсни. **Костомаровъ:** Славян. Миѳол. **Касторскій:** Начерт. Рус. Миѳол. **Кулишъ:** Записки о Южной Россіи. **Кульда:** Моравскія сказки. **Лѣкарство** отъ задумч. и безсон. изд. 1819 г. **Лѣтописи** русск. литер. и древн. **Максимовичъ:** Русская Бесѣда. **Малый:** Чешскія сказки (Biblioteka zobavneho cteni) **Матица:** Србски лѣтописъ. **Манжура:** Сказки, пословицы и пр. (Сборникъ Харьковскаго Историко-Филолог. общества). **„Маякъ“** (журналъ). **Молодикъ** (малорус. альманахъ). **Мордовцевъ:** Малорус. литерат. сборн. **„Не любо—не слушай, а лгать не мѣшай“** изд. 1832 г. **Николичъ:** Сербскія сказки. **Новосельскій:** Народъ Украинскій (Lud Ukrainski). **Нѣмцова:** Словацкія сказки (Slov. pohadki). **„Основа“** (Малорус. журн.). **Памятники** стар. рус. литер. Изд. **Кушелева-Безбородка. „Пантеонъ“** (журналъ). **Пассекъ:** Очерки Россіи. **Пермскій** Сборникъ. **Подснѣжникъ** (журналъ). **Полевой:** Русскія нар. сказки. **Пыпинъ:** Очеркъ литер. исторіи старин. повѣстей и сказокъ. **Романовъ: В. Р.** Бѣлорусскій сборникъ. **Рудченко:** Малорусскія сказки. **Русскія** сказки, изд. 1787 г. **„Русское Слово“** (журналъ). **Рыбниковъ:** Сборн. пѣсенъ. **Садовниковъ:** Сказки Самарскаго края. **Гр. Сахаровъ:** Сказанія Рус. народа, Рус. нар. сказки. **Семенскій:** Польскія и литовскія преданія (Podania i Legendy). **Сказки,** записанныя въ Буковинѣ, Седмиградіи, у Поморянъ и Кошубовъ („Zeitschrift für Deutsche Mythologie und Sittenkunde“). **Смоляръ и Гауптъ:** Народныя сказанія Вендовъ Верхней и Нижней Лужицы. **Снѣгиревъ:** Сборникъ истор. и статист. свѣд. о Россіи. **Собраніе старинныхъ русскихъ сказокъ,** изд. 1830 г. **„Старичекъ Весельчакъ“,** изд. 1801. **Стасовъ:** Происхожденіе русскихъ былинъ. **Сумлоркъ:** Старочешскія сказки (Staroceske powesti, spewy etc). **Терещенко:** Бытъ Русскаго Народа. **Труды** Курскаго Статист. Комит. **Труды** Общ. Любит. Рос. Словесн. **Труды** Ярославскаго Губ. Стат. Комит. **Худяковъ:** Русскія народныя сказки, Матерьялы для изученія народной словесности. **Черниговскія** Губ. Вѣдом. **Чтеніе** Общ. Ист. и Древн. Рос. **Чубинскій: „Труды“. Чудинскій:** Великорус. сказки. **Чулковъ:** Русскія сказки **Шафарикъ:** Преданія и легенды русскія, польскія, и т. д. (Podania i Legendy polskie, ruskie, litowskie), Образцы Чешской нар. литер. **Шейнъ:** Бѣлорусскій сказки (изд. 1893 г.). **Шпилевскій:** Бѣлоруссія въ описаніяхъ и повѣріяхъ **Щаповъ:** Истор. очерки нар. міросозерц. **Эрбенъ.** Лужицкія, Кошубскія, Болгарскія, Чешскія и пр. сказки (Slovenska citanka). **Эрленвейнъ:** Народныя сказки, собранныя сельскими учителями. **Этнографическое Обозрѣніе** (журналъ).

Всѣ 20 выпусковъ выйдутъ въ свѣтъ не позднѣе половины 1895 года и составятъ роскошный томъ свыше 640 стр.

При **20**-мъ выпускѣ подписчикамъ будетъ разослано особое послѣсловіе съ портретами извѣстнѣйшихъ собирателей русскихъ народныхъ сказокъ и этнографовъ, трудившихся по разработкѣ русскаго народнаго эпоса.

За одинъ рубль, при послѣднемъ (20-мъ) выпускѣ, подписчикамъ на все изданіе можетъ быть высланъ къ нему роскошный ***металлическій*** **переплетъ.**

Подписная цѣна на сборникъ „Сказокъ Русскаго Народа“: **съ доставкой и пересылкой:** за всѣ **20** выпусковъ— **5 р.**; 10 вып.—**3 р.**; 5 вып.—**1 р. 50 к. Безъ доставки: 20** вып.— **4 р.**; **10** вып.—**2 р. 50 к.**; 5 вып.—**1 р. 25 к. Отдѣльный выпускъ** *(для ознакомленія)* высыл. за **30 к.** почт. марками. ***Въ Москвѣ можно подписываться открытымъ письмомъ въ контору,*** *(при чемъ необходимо указать время, когда артельщикъ конторы можетъ явиться съ подписнымъ билетомъ за полученіемъ платы).*

По окончаніи изданія цѣна будетъ возвышена.

Контора: Москва, Болотная площадь, домъ Майтова (контора Крестнаго Календаря).

Кромѣ того подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ ***Новаго Времени:*** *въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ.*

Цѣна выпуска
25 коп.
съ пересылкой 30 копѣекъ.

Дозволено цензур. Москва.

Обложка печатана въ Хромо-Литографіи В. Симова. В. Кудинова.

 (См. 3-ю стр. обложки.)

„Иллюстрированная Библіотека Крестнаго Календаря“.

СКАЗКИ

РУССКАГО НАРОДА.

Текстъ подъ редакціей

В. А. Гатцука.

Рисунки художниковъ **Н. А. Богатова**, **Г. Дорэ** и др.

VI.

СОДЕРЖАНІЕ:

МОСКВА.
Типографія **В. А. Гатцукъ**, Болотная площадь, домъ Майтова.
1895.

Дозволено цензурою. Москва, 15 Января 1895 года.

Про жену супротивницу.

Была у мужика жена, да такая-то злая и спорщица, что мужу съ ней иной разъ — чистая бѣда: что мужъ ни скажетъ, она ему все напротивъ, все на зло. Разъ нарочно захотѣлъ онъ надъ ней подшутить и говоритъ: «Жена, а жена! Ты смотри, сегодня пироговъ не пеки.» — «А вотъ-таки и напеку!»—Ну, коли напечешь, такъ въ поле ихъ мнѣ не носи.»—«А вотъ-таки напеку и принесу.»—«Коли понесешь, такъ хоть черезъ мостъ не ходи.»—«Вотъ нарочно пойду»—«Ну, коли пойдешь, такъ камней за пазуху не клади.»—А вотъ-таки и наложу.» — «Наложишь, такъ смотри: не смѣй съ моста въ воду прыгать.»—«А вотъ-таки, на зло тебѣ, прыгну!» И прыгнула баба съ моста мужу на зло, и утонула бы, еслибъ онъ ее не вытащилъ.

Сидитъ разъ жена подъ окномъ, глядь—по улицѣ гуси идутъ: «Смотри-ка,—говоритъ она мужу,—какіе наши гуси-то славные.» А у нихъ и гусей вовсе не было. «Какіе это наши

гуси,—говоритъ мужъ:—это барскіе!»—«Анъ, наши!»—«Нѣтъ, барскіе»—«Анъ, наши, наши! Это ты мнѣ нарочно, на зло. Коли такъ,—не хочу съ тобой жить: умру сейчасъ.» Упала баба со злости на полъ и кричитъ: «Помираю!»—«Да полно, жена, перестань!»—«А чьи гуси?»—«Барскіе!»—«Ну, коли такъ,—совсѣмъ помираю, умерла ужъ, клади меня на столъ, готовь гробъ!» Любопытно стало мужу: до чего женино упорство дойдетъ. Положилъ онъ ее на столъ, сколотилъ изъ досокъ ящикъ, принесъ его и говоритъ: «Ну, жена, вотъ и гробъ готовъ.»—«А чьи гуси?»—«Барскіе!»—«Клади меня въ ящикъ!» Положилъ ее мужъ въ ящикъ и говоритъ: «Ну, жена, вотъ ты и въ гробу; сейчасъ крышку наложу!» «А чьи гуси?»—«Барскіе.»—«Заколачивай гробъ!» Положилъ мужъ крышку, забилъ пару гвоздиковъ: «И гробъ забилъ,—говоритъ;— хоронить везти надо.»—«А чьи гуси?»—«Барскіе.»—«Вези, коли такъ, на кладбище!» Поставилъ мужъ гробъ на телѣгу и привезъ къ ямамъ, гдѣ глину копаютъ. «Ну жена, вотъ и могила готова; сейчасъ опускать буду.» «А чьи гуси?»—«Барскіе.»—«Опускай!» Спустилъ мужъ гробъ въ яму, наклонился надъ ней: «Прощай, жена,—говоритъ,—не поминай лихомъ, сейчасъ засыпать начну.» А та чуть шепчетъ: «Чьи гуси?»—«Барскіе.»—«Засыпай!» Накидалъ мужъ на гробъ лопатъ десять глины. «Дай,—думаетъ,—проучу жену хорошенько.» Оставилъ ее въ ямѣ и уѣхалъ домой.

Пришла ночь темная, холодная, завыли волки въ сосѣднемъ лѣсу. Лежитъ вздорная баба въ гробу, ознобомъ ее и со страху и отъ холода пробираетъ, а она все злится да шепчетъ: «Вотъ-таки не поддамся. Сказала: мои гуси,—стало-быть мои!»

И вправду, пожалуй, замерзла бы баба, кабы мужъ не вернулся и не вытащилъ ее изъ ямы.

Идутъ они разъ лѣсомъ, увидалъ мужъ кустъ малины и говоритъ: «Чуръ, жена: моя малина, я ее первый увидалъ.»—«Нѣтъ, врешь, я!» Бросилась баба къ малинѣ, вскочила въ кустъ,— а за нимъ-то было бездонное провалище, гдѣ черти жили,—и ввалилась въ преисподнюю.

Что мужику дѣлать? Пришелъ домой—дѣти пищатъ, кричатъ, ѣсть просятъ. Онъ и корову дои, онъ и кашу вари, онъ и ру-

бахи стирай а ночь не спи—малолѣтокъ качай. Сталъ мужикъ собирать обрывки да веревки, отъ лаптей оборки, связалъ канатъ длинный-предлинный, пришелъ къ ямѣ, куда жена провалилась, спустилъ туда конецъ да потряхиваетъ,—не ухватится ли за него баба. И мудреное дѣло—на веревкѣ что-то потяжелѣло. Вытащилъ веревку—глядь, а за конецъ маленькій чертенокъ прицѣпился, вершковъ шести, да весь въ шерсти, и пищитъ: «Кидай, дяденька, опять поскорѣе конецъ: тамъ нашъ старшой, лысый дѣдушка, дожидается. Какъ ввалилась къ намъ твоя баба, всѣхъ насъ избила, изругала, а дѣдушку за бороду вовсе затаскала.» — «Ишь, ты, окаяшка! Больно мнѣ нужно вашего старшого выручать, туда ему и дорога.» Повалился чертенокъ мужику въ ноги: «Выручай, родимый, дѣдушку: безъ него мы всѣ пропадемъ.»

Подумалъ мужикъ и говоритъ: «Ну, ладно, я это дѣло сейчасъ оборудую.» Кинулъ въ провалище конецъ веревки, наклонился и кричитъ туда: «Жена, а жена!»— «Чего тебѣ?»— «Я въ яму веревку спустилъ; ты, смотри, къ ней не подходи!» — «Анъ, подойду»—«А подойдешь, такъ за конецъ не хватайся!» — «Вотъ и ухвачусь»—«А коли ухватишься, смотри: не смѣй дѣдушку лысаго за бороду хватать да съ собой наверхъ тащить.—«Вотъ-таки ухвачу и вытащу!» Сталъ мужикъ тянуть кверху веревку, чертенокъ ему

помогаетъ, — а за конецъ баба уцѣпилась и дѣдушку лысаго за бороду тащитъ.

Вытащилъ мужикъ ихъ наверхъ и говоритъ: «Пусти, жена, лысаго дѣдушку.» — «Анъ, не пущу!» — «Ну, такъ по крайности, небей его по лысинѣ» — «Вотъ, на зло тебѣ, бить буду!» — и давай старшого чорта по затылку подчивать да за бороду изъ стороны въ сторону мочалить. Кричитъ, вопитъ лысый дѣдушка, рвется — не тутъ-то было. «Ну, будетъ съ тебя, — говоритъ мужикъ, — не скоро забудешь,» — да какъ крикнетъ: «Лупи его, жена, бей его, окаяннаго, не останавливайся!» — «А вотъ и брошу бить, перестану!» — «Смотри, хоть бороду-то не выпускай да домой не уходи.»

Отпустила баба лысаго дѣдушку и пошла домой.

— Ну, что же, лысый, какая мнѣ отъ тебя награда будетъ? — спрашиваетъ мужикъ. — «А вотъ какая: станемъ мы вотъ съ этимъ малышомъ, Анчуткой Безпятымъ, въ богатые дома забираться, хозяевамъ покою не давать, а ты объяви себя чертогономъ и подряжайся за хорошія деньги насъ изъ дома выгонять. Какъ придешь въ домъ, сейчасъ крикни: «Шилды, будылды, начеки, чекалды! Брысь!» — мы и уйдемъ, а ты деньги получишь. Только смотри: изъ одного дома выгоняй, изъ другого выгоняй, а изъ третьяго — ужь не моги, не то самому тебѣ плохо придется.

Пошелъ мужикъ домой. Только, долго ли коротко ли, сталъ народъ говорить, что у богатаго купца - подрядчика въ новомъ домѣ нечисто: шумъ, гамъ, вонь нестерпимая, въ трубахъ точно волки воютъ, изъ печей кирпичи летятъ, съ полокъ и со столовъ все на полъ валится, — а отъ чего, неизвѣстно. Собрался мужикъ, пришелъ къ купцу и говоритъ: «Дорого, небось, тебѣ, твое степенство, новый домъ стоилъ?» — «Эхъ, и не говори, землякъ! Пятдесятъ тысячъ на него убилъ, а жить нельзя.» — «Давай тысячу, я тебѣ всю эту пакость переведу». Ударили по рукамъ при свидѣтеляхъ, вошелъ мужикъ въ главную горницу да какъ крикнетъ: «Шилды, будылды, начеки, чекалды! Брысь!» — Только чертей въ домѣ и слышали: все затихло, точно ничего и не было. Отдалъ купецъ мужику тысячу рублей, и зажилъ мужикъ припѣваючи.

Прошло сколько-то времени — опять та же исторія у одного

богатого барина въ хоромахъ. Нѣтъ житья барину, хоть бросай новый домъ. И его мужикъ за три тысячи выручилъ,—прогналъ дѣдушку лысаго съ Анчуткой. Зажилъ мужикъ лучше прежняго, завелъ батраковъ и батрачекъ, себѣ поддевку новую сшилъ и сапоги со сборами, женѣ платье шелковое, каждый день чай въ накладку пьетъ,—не житье, а масляница.

Только, вдругъ, присылаютъ къ нему изъ города отъ князя, чтобы сейчасъ къ князю чертогонъ явился и княжескія хоромы отъ чертей освободилъ. Вонъ куда дѣдушка лысый съ Анчуткой забрались; и заколобродили они тамъ во всю Ивановскую: ни днемъ ни ночью минуты покоя княжеской семьѣ не даютъ, такой шумъ-гамъ, безобразіе подняли, что народъ по улицѣ идетъ, останавливается.

А мужикъ помнитъ зарокъ дѣдушки лысаго,—не идетъ, передъ посланнымъ отказывается: «Какой я, ваше благородіе, чертогонъ, это про меня напраслина. Чертей-то, небось, всегда бабы гоняютъ, это ихъ дѣло.» Только княжескій посланный мужику не повѣрилъ, ухватилъ его за воротъ, кинулъ въ повозку и привезъ къ князю. Обѣщаетъ мужику князь десять тысячь дать, коли освободитъ онъ хоромы отъ чертовскаго безобразія, а коли не освободитъ, — обѣщаетъ туда угнать, куда и Макаръ телятъ не гонялъ. Подумалъ мужикъ и говоритъ: «Дозвольте мнѣ, Ваше Сіятельство, подумать,—тутъ дѣло страшное, зарокъ, положонъ.

На другое утро разорвалъ мужикъ на себѣ одежу, волосы растрепалъ, бороду всклочилъ, рожу всю расцарапалъ—и бѣжитъ къ княжескому дворцу. А тамъ шумъ-гамъ, безобразіе идетъ отъ чертей неописанное. Какъ вскочитъ мужикъ во дворецъ въ такомъ видѣ да какъ заоретъ благимъ матомъ: «Батюшки, родимые! Бѣги, честной народъ, злая баба пришла!»—Только чертей и слышали, такъ пыль по дорогѣ отъ нихъ и закурилась.

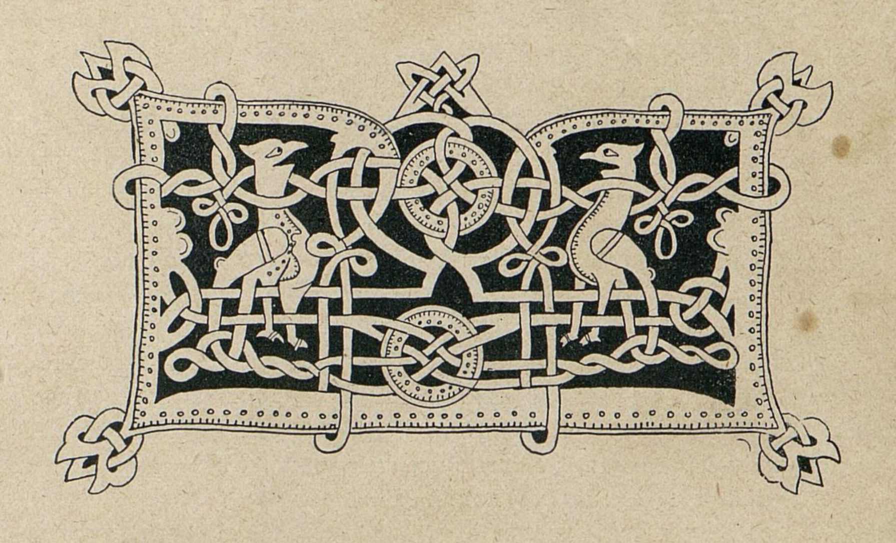
Далъ князь мужику за его службу, какъ обѣщалъ, десять тысячь рублей. Сейчасъ мужикъ пошелъ въ лучшую лавку, гдѣ платьемъ торгуютъ, одѣлся во всю барскую одежу, сбрилъ у цирульника себѣ бороду, купилъ рысака, дрожки бѣговые съ полной сбруей, сѣлъ—и ѣдетъ домой бариномъ.

Сталъ переѣзжать черезъ мостъ, глядь,—а на встрѣчу ему

жена идетъ. «Здорово, жена, погляди, ка, каковъ я. Хорошо бороду обрилъ?»—«И то обстригъ.»—«Какое обстригъ—вовсе брито»—«Анъ, врешь, стрижено»—Да не стрижено, а брито».—«Нѣтъ, стрижено!»—«Вѣрно, говорю тебѣ, брито, хоть попробуй.»—«Анъ, стрижено, стрижено! Хочу, чтобы стрижено было, а то сейчасъ съ моста въ воду кинусь!»—«Да, Богъ съ тобой, жена, ты погляди: вѣдь брито!»—Бултыхъ баба съ моста въ воду, мужу на зло; тонетъ, а сама изъ воды руку высунула и двумя пальцами точно стрижетъ,—дескать «стрижено».

Соскочилъ мужикъ съ дрожекъ, лошадь бросилъ и бѣжитъ берегомъ вверхъ по рѣкѣ. Встрѣчаются ему люди: «Куда, землякъ бѣжишь?»—«Ахъ, братцы, бѣда! Жена съ моста въ рѣку свалилась».—«Такъ куда жь ты? Ее, небось, водой внизъ потащило»—Нѣтъ, люди добрые,—говоритъ мужикъ,—моя жена всему наперекоръ шла, надо ее противъ воды искать.

Искали бабу, искали—и на водѣ и противъ воды,—не нашли. Такъ она и утонула.

Мѣна.

Нашолъ старикъ у себя на дворѣ горошину. «Сыпь,— говоритъ, — старуха, горошину въ печь, высуши, истолки, киселя навари, разлей въ блюда. Пойду я къ царю, понесу въ поклонъ блюдо киселю, — не пожалуетъ ли насъ царь чѣмъ-нибудь ради нашей бѣдности».

Снесъ старикъ царю блюдо киселю и пожаловалъ ему царь четверикъ золота.

Взвалилъ онъ мѣшокъ съ золотомъ на плечи и идетъ домой; шелъ-шелъ, уморился, чуть тащится. Вдругъ, на встрѣчу ему парень, верхомъ ѣдетъ: «Здорово, дѣдушка, откуда Богъ несетъ?» — «Ходилъ къ царю, носилъ въ поклонъ блюдо киселю».—«А чѣмъ тебя царь пожаловалъ?»—«Четверикомъ золота».—«Эка, какъ усталъ-то ты дѣдушка, мѣшокъ тащивши! Промѣняй твое золото на моего коня. Сядешь на него,— не увидишь, какъ до дому доѣдешь, а я, помоложе тебя, какънибудь съ мѣшкомъ управлюсь». Подумалъ-подумалъ старикъ— и промѣнялъ четверикъ золота на коня.

Ѣдетъ старикъ: трюхъ-трюхъ, трясетъ его верхомъ, всю поясницу разломило, всю душу вымотало. А тутъ еще на грѣхъ какъ споткнется подъ нимъ конь, — полетѣлъ старикъ кверхъ ногами, шлепнулся кулемъ на землю и лежитъ. По дорогѣ гналъ пастухъ корову, подошелъ къ старику и спрашиваетъ: «Что ты, дѣдушка, посередь дороги развалился? Легъ бы отдыхать къ сторонкѣ». А старикъ ему: «Ходилъ я, родимый, къ царю, носилъ въ поклонъ блюдо киселю, пожаловалъ мнѣ царь четверикъ золота, я золото на коня промѣнялъ, да либо конь не по мнѣ,

либо я не по коню:—вотъ теперь я и лежу». Поднялъ старика пастухъ и говоритъ: «Куда ужъ тебѣ, дѣдушка, такой борзый конь, промѣняй ка его мнѣ на мою корову». Подумалъ-подумалъ старикъ и промѣнялъ своего коня на корову.

Идетъ дальше, вдругъ навстрѣчу ему мужикъ овцу гонитъ: «Здорово, дѣдушка. Откуда Богъ несетъ?» Разсказалъ ему старикъ. «Промѣняй коровку на мою овцу — ишь, овца-то какая жирная да курчавая, а въ твоей коровѣ что: ни шерсти ни мяса». Подумалъ старикъ и промѣнялъ корову на овцу.

Гонитъ овцу, а на встрѣчу ему баба гуся подмышкой несетъ: «Здравствуй, дѣдушка. Откуда бредешь?»—«Ходилъ къ царю, носилъ блюдо киселю; меня царь мѣшкомъ золота пожаловалъ, да только я золото на коня промѣнялъ, а коня на корову.»—«Гдѣ-жъ у тебя корова-то?» — «Да вотъ на эту овечку вымѣнялъ». — «Промѣняй овечку на моего гуся». Подумалъ старикъ и промѣнялъ овцу на гуська.

Тащитъ старикъ гуся, глядь—бѣжитъ по дорогѣ дѣвчонка и курицу несетъ: «Откуда идешь, дѣдушка?» Разсказалъ ей старикъ, а дѣвочка и говоритъ: — «Промѣняй, дѣдушка, твоего гуська на мою курочку: ее кормить легче будетъ». Подумалъ старикъ и промѣнялъ гуська на курочку.

Несетъ курочку подмышкой, а она вырывается, крыльями хлопаетъ. Билась, билась и вырвалась у старика. Давай ее старикъ ловить. Лапти у него старые, оборки рваныя; оборки развязались, лапти съ ногъ валятся, въ ногахъ путаются, — никакъ старикъ курицы не поймаетъ. Шелъ въ то время дорогою мужикъ, несъ за спиной новые лапти: «Здорово, дѣдушка! Богъ въ помочь курицу ловить. Откуда это ты?» Старикъ ему разсказалъ. «Эхъ, дѣдушка! Гдѣ тебѣ курицу поймать. Промѣняй ее лучше мнѣ за новые лапти, а то въ твоихъ тебѣ и до дому не дойти.» Старикъ подумалъ-подумалъ—и промѣнялъ.

Поймалъ мужикъ курицу и пошелъ своей дорогой, а старикъ сѣлъ на траву переобуваться. Хвать—лапти на ногу не лѣзутъ, вовсе малы. Что тутъ дѣлать? Идетъ мимо офеня-коробейникъ, за плечами тащитъ коробъ съ нитками, иголками, ситцами, платками, всякими бабьими бездѣлками: «Старичку почтенье! Изда-

лека ли, дѣдушка?» — «Ходилъ, родимый, къ царю, носилъ въ поклонъ блюдо киселю; пожаловалъ мнѣ царь на мою бѣдность мѣшокъ золота». — «О? Гдѣ-жъ оно у тебя?». Разсказалъ тутъ старикъ про свою мѣну, а коробейникъ ему и говоритъ: «Нутка, покажи твои лапти, можетъ быть, мнѣ впору придутся: по вашимъ мѣстамъ и на сапоги не наторгуешь». Примѣрилъ, — въ самый разъ. «Промѣняй,—говоритъ,—мнѣ твои лапти, я за нихъ тебѣ иголку дамъ». Подумалъ старикъ, и отдалъ лапти за иголку.

Недалеко старику ужь и до своего села было, только споткнулся онъ и упалъ. Хвать, а иголки-то въ кафтанѣ, куда онъ ее заткнулъ, и нѣтъ: вывалилась. Давай онъ по землѣ лазить, въ травѣ руками шарить.

Ѣхалъ мимо баринъ богатый на тройкѣ, приказалъ кучеру остановиться и спрашиваетъ: «Чего ты, дѣдушка, по травѣ на корачкахъ ползаешь?» — «Иголку ищу, батюшка: потерялъ».— «Ну, вотъ! Гдѣ ужь иголку въ высокой травѣ найти. Да ты откуда?» Разсказалъ старикъ и барину все, что съ нимъ было.

Давай баринъ надъ старикомъ смѣяться: «Вотъ такъ мѣняла,— говоритъ,—тебѣ бы цыганомъ быть. Только какъ-то ты теперь домой покажешься: вѣдь съѣстъ тебя поѣдомъ твоя старуха за такую мѣну, всѣ кочерги, ухваты объ тебя обломаетъ».— «Нѣтъ, баринъ, моя старуха не такая. Ты погляди: какъ она еще мнѣ обрадуется». — «Нѣтъ, старикъ, объ закладъ побьюсь, что достанется тебѣ». Спорили, спорили и поставилъ баринъ въ закладъ тысячу рублей, что побьетъ старуха старика за мѣну.

Пріѣхали къ стариковой избѣ; баринъ въ сѣняхъ остался, слушаетъ, - какъ-то старуха мужа встрѣтитъ,—а старикъ въ избу вошелъ, и говоритъ: «Здорово, жена!» — «Здравствуй, родимый, здравствуй, голубчикъ! Встосковалась я тебя поджидаючи». — «А мнѣ, жена, мѣшокъ золота царь пожаловалъ». — «Ну, и то слава Богу; значитъ, теперь и мы съ деньгами будемъ».—«Только я золото-то тащилъ, тащилъ, уморился и на коня промѣнялъ». — «И чудесное дѣло: съ деньгами-то, какъ подумаешь, только грѣхъ одинъ, а лошадь въ нашемъ дѣлѣ кормилица: дровецъ ли привезти, въ полѣ ли поработать». — «Ты погоди: съ лошади-то я свалился, ушибся, да и промѣнялъ ее на корову». — «Ишь, ты у

меня какой догадливый! Я и сама-то подумала: куда ужъ тебѣ, старику, съ лошадью управляться, а коровка-то чего лучше: будемъ молочко теперь съ кашей хлѣбать».—«Только я подумалъ: чѣмъ мы корову-то будемъ кормить, да и промѣнялъ ее на овечку».— «И то, вѣдь, правда; да къ тому-жъ и я стара стала, за коровкой-то уходъ нуженъ. То-ли дѣло овца: обстригу съ нея шерстку, напряду, сукна натку—глядишь, и кафтанъ новый у тебя будетъ, а то этотъ-то дыра на дырѣ». — «Такъ-то такъ, только я овечку на гуся промѣнялъ. Думаю: за овцу пастуху еще платить надо, а гусь у насъ и на дворѣ около лужи походитъ».— «Ужь чего лучше; чудесно откормится. А какъ мы этого гуська зарѣжемъ, да зажаримъ—смотришь, и праздникъ не хуже людей встрѣтимъ». — «Ну, а я подумалъ: что гусь? Съѣлъ его, только и всего! Да и промѣнялъ его на курочку».—«Ахъ ты, родимый ты мой, вотъ радость-то мнѣ на старости лѣтъ: курочка намъ, глядишь, яичекъ нанесетъ, циплятокъ выведетъ: и яишенку когда поѣдимъ, да и птицы полонъ дворъ будетъ». — «Ты погоди: курочка то у меня вырвалась, никакъ я ее поймать не могъ; взялъ, да и промѣнялъ на новые лапти».—«И вправду, бѣда съ этими курами: то ястребъ унесетъ, то на чужой дворъ залетитъ, то ребятишки камнемъ зашибутъ. А лапти у тебя вовсе растоптались, съ ногъ валятся».—«Только лапти-то я ужь больно малы взялъ, на ногу не лѣзутъ. Такъ я ихъ на иголку промѣнялъ». — «Ужь это чего хуже, какъ лапти малы: всѣ ноги собьешь! А за иголку тебѣ въ ножки поклонюсь; спасибо, что и обо мнѣ вспомнилъ. Иголка всегда пригодится: зашить что, заштопать».— «Да только вотъ бѣда: споткнулся я, упалъ да иголку-то и потерялъ» —«И, родимый, что за бѣда! Бѣда невеликая; спасибо, что самъ то живъ-здоровъ воротился.

Слушаетъ баринъ и диву дается. «Ну, старикъ,—говоритъ,— видалъ я много всего на своемъ вѣку, а такихъ чудесъ отъ роду не видывалъ. Не жаль и денегъ отдать. Получай тысячу рублей».

Получилъ старикъ деньги и зажилъ со старухой припѣваючи.

Василиса Премудрая.

Скажемъ ка про лѣто про тёпло, про весну про красну, про зиму студёну. Слеталися птицы стадами, садилися птицы рядами, пѣли онѣ, говорили, между собою рядили: Кто у насъ на морѣ старшій, кто у насъ на синемъ молодшій? — На морѣ орелъ царемъ, на синемъ орлица—царица, дикіе гуси—дворяне, черные грачи — крестьяне; сѣра утка — попадьей, коростель— дьячкомъ, малые воробушки — крылошане, синички — молодицы, касаточки—красны дѣвицы. А ворона-то въ ворахъ придорожныхъ: лѣтомъ ворона по амбарамъ, зимою ворона по дорогамъ; всякаго она слѣдъ перегребаетъ, всякаго братомъ называетъ. На морѣ филинъ—водовозомъ, на морѣ журавль—перевозомъ; журавль по бережку ходитъ, людей перевозитъ, цвѣтно платье не мочитъ. Эки, вѣдь, долгія ноги! Эко короткое платье!

Это присказка, а сказка будетъ впереди.

Подружилась Мышь съ Воробьемъ; стали они вмѣстѣ жить, сообща кормъ добывать, и такой промежду себя уговоръ положили, чтобы, что ни промыслятъ-своруютъ,— все пополамъ между собой дѣлить.

Раздобылся разъ Воробей маковымъ зернышкомъ и несетъ его къ Мыши: «На, кусай свою половину». А Мышь въ ту пору голодна была; хвать — и откусила зерна три четверти. Раз-

сердился Воробей, обругалъ Мышь «воровкой поганою». Не стерпѣла Мышь обиды: «Самъ-то ты кто?—говоритъ.—Потому тебя и Воробьемъ зовутъ, что воръ ты и бить тебя надобно». Слово-за слово — передрались пріятели, и въ той дракѣ Мышь у Воробья изъ хвоста всѣ перья повыщипала.

Полетѣлъ Воробей къ Льву, звѣриному царю, на Мышь жаловаться. Проситъ казнить ее лютой смертью за денной грабежъ и обиду. «Срамъ,—говоритъ,—мнѣ теперь, государь, безъ хвоста на улицу выйти: малые ребятишки, и тѣ насмѣхаются». — «Ладно, —говоритъ Левъ звѣриный царь,—разберемъ твое дѣло. Позвать ко мнѣ Мышь отвѣтчицу!»—А Мышь, она хитра была, догадлива: идетъ къ царю на судъ, казанской сиротой прикинулась, лѣвый глазъ прищурила, на всѣ ноги хромаетъ, костылемъ подпирается. «Батюшка, могучій царь, — говоритъ, — взвелъ на меня Воробей напраслину. Самъ онъ ни съ того, ни сего въ драку полѣзъ, выклевалъ мнѣ, злодѣй, лѣвый глазъ, всѣ ноженьки разломилъ, всѣ суставы раздробилъ. Насилу я отъ него въ нору схоронилась». — «А кто жь ему, Воробью, хвостъ выщипалъ? — «Знать не знаю, царь батюшка, вѣдать не вѣдаю. А слыхала я, точно, отъ добрыхъ людей, что такой онъ, Воробей, ужь отъ роду: безъ хвоста и безъ совѣсти». Говоритъ тутъ Левъ, звѣриный царь, Воробью: «Какіе у тебя есть свидѣтели на то, что и вправду Мышь тебѣ, Воробью, хвостъ выщипала?»—«Есть у меня свидѣтели вѣрные: двѣ сороки да ворона старая». Не принялъ Левъ, звѣриный царь, воробьиныхъ свидѣтелей. «Не вѣрю, — говоритъ, — я всему вашему птичьему роду, а сорокамъ да воронамъ развѣ только дуракъ повѣритъ!» И прогналъ онъ Воробья отъ себя съ безчестіемъ.

Полетѣлъ Воробей къ Орлу, своему птичьему Царю, палъ ему въ ноги, и сталъ горько плакаться: «Защити, государь, меня Воробьишку, холопа твоего вѣрнаго, не дай моимъ дѣтямъ напрасно съ голоду помереть! Не вступишься ты своею силою,—надъ нами, птицами, малые ребятишки насмѣхаться будутъ». Услыхалъ Орелъ про неправый львиный судъ, да про то, что хулитъ Левъ весь птичій родъ,—разгнѣвался. Сейчасъ послалъ гонца Стрижа звать на свой судъ Мышь отвѣтчицу. А Мышь сидитъ у норы, надъ

Идетъ Мышь къ царю на судъ, казанской сиротой прикинулась.

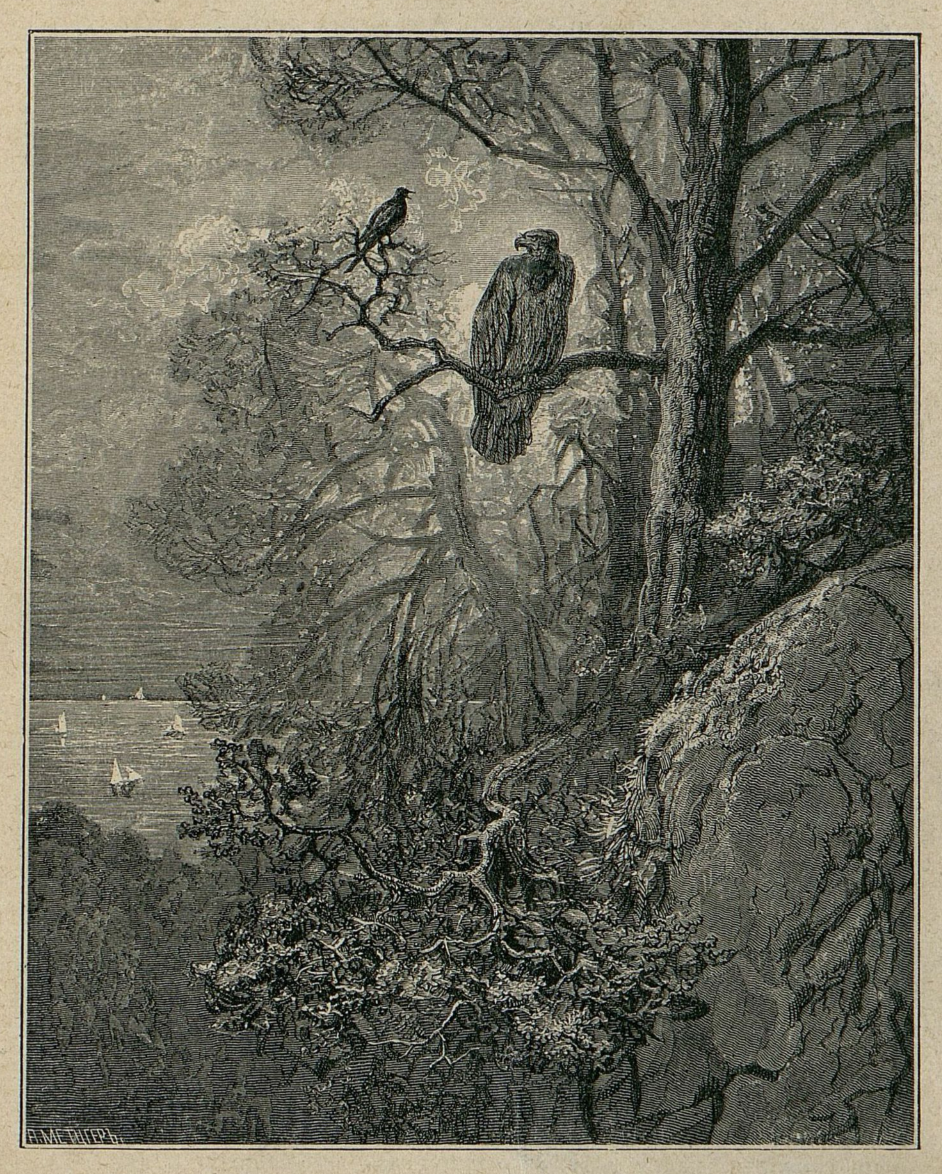
Орломъ насмѣхается: «Какой такой мнѣ судья вашъ птичій царь! Пусть-ка самъ ко мнѣ придетъ, я и ему перья повыщиплю».

Какъ услыхалъ Орелъ про это, — еще пуще разгнѣвался. Шлетъ своего ближняго боярина, Яснаго Сокола, ко Льву, чтобы выдалъ онъ ему Мышь-обидчицу головою, а не выдастъ,— выходилъ бы въ поле со своею звѣриною ратью на смертный бой. Левъ на своей неправдѣ сталъ, не выдалъ Орлу Мышь обидчицу, вышелъ въ поле съ своею ратью звѣриною и начался тутъ между звѣрями и птицами страшный, смертный бой — изъ за половины маковаго зернышка.

Бились рати три дня и три ночи безъ отдыха,—укрылось поле мертвыми тѣлами, и птичьими и звѣриными, потекли ручьи черной крови, — на четвертый день стало подаваться звѣриное войско: притупились ихъ когти вострые, поломались зубы крѣпкіе. Подалось, войско, не выдержало и пустились звѣри на утёкъ въ лѣса дремучіе, въ болота топкія, въ тѣснины горныя; а птицы за ними въ погоню кинулись.

Остался на побоищѣ одинъ Орелъ, птичій царь. Сидитъ онъ на высокомъ сухомъ дубу чуть живой, весь избитый, израненный.

На ту пору охотился царь въ тѣхъ мѣстахъ. Увидалъ онъ Орла и хочетъ его застрѣлить. Взговорилъ ему Орелъ человѣчьимъ голосомъ: «Не стрѣляй меня, царь-государь, возьми лучше къ себѣ, пригожусь я тебѣ ко времени.» — «На какое дѣло ты мнѣ пригодишься?»—говоритъ царь, и опять въ Орла цѣлится. «Не стрѣляй меня, царь-государь,—молитъ опять Орелъ, — сослужу я тебѣ службу не малую. Возьми ты только меня къ себѣ и корми три года, три мѣсяца и три дня; отрощу я себѣ крылья и добромъ заплачу тебѣ.» Думаетъ царь и никакъ придумать не можетъ: чѣмъ ему заплатитъ птица Орелъ. Нацѣлилъ опять, хочетъ ужь стрѣлу пустить,—въ третій разъ молитъ его Орелъ: «Не стрѣляй меня, царь-государь, возьми лучше къ себѣ, да корми три года, три мѣсяца и три дня. Какъ верну я себѣ силу прежнюю, сослужу тебѣ службу великую».

Сидитъ Орелъ на высокомъ дубу, чуть живой, весь избитый, израненный.

Смиловался царь надъ птицей-Орломъ, взялъ его къ себѣ и сталъ кормить до поры до времени. А съѣдалъ Орелъ ни мало ни много: въ день по три быка, да медовой сыты выпивалъ по три бочки. Кормитъ царь Орла, а самъ думаетъ: «Накладно будетъ мнѣ такую птицу кормить: за три-то года всю скотину въ моемъ царствѣ переѣстъ». Вотъ прошелъ годъ, и велитъ Орелъ царю выпустить его въ дремучій боръ къ высокимъ дубамъ силу пробовать. Выпустилъ царь Орла, взлетѣлъ тотъ за тучи темныя, ударился съ разлету грудью о сырой дубъ. Раскололся сырой дубъ на двое. Говоритъ тутъ Орелъ: «Не собрался я еще, царь-государь, съ прежней силою, корми меня еще годъ.» Прошелъ другой годъ, выпустилъ царь Орла въ дремучій боръ къ высокимъ дубамъ. Взвился Орелъ въ поднебесье и ударился съ размаху грудью о сырой дубъ: раскололся сырой дубъ на десять частей. «Приходится тебѣ, царь - государь, еще цѣлый годъ кормить меня: не собрался я съ прежней силою.» Прокормилъ царь Орла всѣ три года, три мѣсяца и три дня. Сталъ Орелъ свою силу пробовать; взвился въ поднебесье выше прежняго, и ударился грудью со всей силы въ самый большой дубъ: раскололся сырой дубъ съ верху до корня на мелкія щепы. Отъ того удара богатырскаго застоналъ, зашатался дремучій боръ. Говоритъ царю могучій Орелъ: «Ну, теперь вернулась ко мнѣ сила прежняя. Спасибо тебѣ, царь-государь, что ты, меня больного вылѣчилъ, прокормилъ три года, три мѣсяца и три дня. Садись ко мнѣ на крылья могучія, понесу я тебя въ свою сторону и заплачу тебѣ за твое добро.»

Сѣлъ царь на крылья Орлу, поднялся Орелъ высоко-высоко, выше лѣса стоячаго, выше облака ходячаго и полетѣлъ черезъ синее океанъ-море. Отлетѣлъ немного отъ берега и спрашиваетъ: «Погляди-ка, царь-государь, да скажи: что за нами и что предъ нами, что надъ нами и что подъ нами?»—«За нами,—отвѣчаетъ царь,—земля, предъ нами—море, надъ нами—небо, подъ нами—вода.»—«Такъ!—говоритъ Орелъ, встряхнулся и скинулъ съ себя царя; упалъ тотъ въ море и по колѣно въ воду ушелъ. Не далъ Орелъ царю потонуть, подхватилъ на крыло и спрашиваетъ: «Что, царь-государь, каково? Небось испугался?» — «Испугался», — говоритъ царь.

Летитъ Орелъ дальше, прилетѣлъ на самую середину моря синяго и говоритъ: «Погляди-ка, царь-государь, да скажи: что за нами и что предъ нами, что надъ нами и что подъ нами?»— «И за нами море и предъ нами море, надъ нами небо, подъ нами вода.» Встряхнулся Орелъ, и упалъ царь какъ разъ посреди синяго моря, — по поясъ въ воду ушелъ. Не далъ Орелъ царю потонуть, подхватилъ на крыло и спрашиваетъ: «Что, царь-государь, каково? Небось испугался?»—«Испугался,—говоритъ царь,— да все думалъ: вытащишь ты меня, не дашь потонуть.»

Летитъ Орелъ съ царемъ дальше. Подлетаютъ къ другому берегу синяго моря, и говоритъ Орелъ царю: «Погляди-ка, царь-государь, да разскажи: что за нами и что предъ нами, что надъ нами и что подъ нами.» Отвѣчаетъ царь: «За нами—море, предъ нами—земля, надъ нами—небо, подъ нами вода.» Скинулъ Орелъ еще разъ царя,—ушелъ царь въ воду по самую шею. Не далъ Орелъ царю потонуть, подхватилъ къ себѣ на крыло и спрашиваетъ: «Что, царь-государь, каково? Небось испугался?»—«Испугался, — говоритъ царь, — да все надѣялся, что ты не дашь мнѣ утонуть.»—«То-то: позналъ, значитъ, ты теперь, царь-государь, смертный страхъ. Въ такомъ страхѣ былъ и я, когда на дубу сидѣлъ, а ты три раза въ меня стрѣлять цѣлился; такъ-то и я думалъ: авось не застрѣлитъ, смилуется. Это тебѣ за старое чтобы ты въ памяти держалъ, каково смертный страхъ испытывать и милостивымъ быть.

Перелетѣли Орелъ съ царемъ море и говоритъ Орелъ: «Полетимъ мы съ тобой, царь-государь, въ мѣдное царство, въ гости къ моей старшей сестрицѣ, мѣднаго царства царицѣ. Будемъ у ней въ гостяхъ пировать, станетъ она тебя дарить,—не бери ты у ней ни злата, ни серебра, ни каменья самоцвѣтнаго, а проси у ней мѣдный ларчикъ съ мѣднымъ ключикомъ.»

Прилетѣли они къ мѣдному царству, въ мѣдный городъ; ударился Орелъ о сырую землю, оборотился добрымъ молодцомъ и пошли они во дворецъ къ орловой сестрицѣ, мѣднаго царства царицѣ. Увидала сестра, обрадовалась, стала брата цѣловать, обнимать, къ сердцу прижимать. «Братецъ ты мой родной, гдѣ ты пропадалъ? Больше трехъ лѣтъ я тебя не видала. Ужь какъ я по

тебѣ сокрушалась, горькими слезами обливалась, думала: нѣтъ тебя на бѣломъ свѣтѣ.» — «И лежать-бы, сестрица, мнѣ въ могилѣ сырой, — говоритъ Орелъ добрый-молодецъ, — да спасибо товарищу: онъ меня къ себѣ взялъ, вылѣчилъ, три года, три мѣсяца и три дня кормилъ.» Посадила сестра ихъ за столы дубовые, за скатерти браныя, и не знаетъ, чѣмъ подчивать. Послѣ угощенья стала она царю дары подносить. Повела его въ подвалы глубокіе, а въ подвалахъ тѣхъ—казна несмѣтная: злата и серебра кучи цѣлыя, каменья самоцвѣтнаго углы навалены. «Бери,—говоритъ,—сколько тебѣ хочется.» Отвѣчаетъ ей царь: «Не надо мнѣ ни золота, ни серебра, ни каменья самоцвѣтнаго, подари ты мнѣ мѣдный ларчикъ съ мѣднымъ ключикомъ.» — «Ишь, чего захотѣлъ,—говоритъ царица, орлова сестрица.—Не взыщи, любезный другъ, ни за что на свѣтѣ не дамъ тебѣ мѣднаго ларчика. Ступай, коли такъ, съ пустыми руками.» Разсердился Орелъ добрый-молодецъ на сестру за такія ея слова, ударился о сырую землю, обернулся орломъ-птицею, подхватилъ царя и полетѣлъ съ нимъ прочь. «Братецъ дорогой, не сердись, вернись назадъ: не пожалѣю я и ларчика!» - кричитъ вслѣдъ сестрица, мѣднаго царства царица.— «Опоздала сестра!»—отвѣчаетъ Орелъ.

Летитъ Орелъ по поднебесью и говоритъ царю: «Погляди-ка, царь-государь, да скажи: что за нами и что предъ нами?» — «За нами все небо въ огнѣ-заревѣ, точно страшный пожаръ, предъ нами цвѣты цвѣтутъ лазоревые.» — «Гдѣ пожаръ горитъ, тамъ мѣдное царство, гдѣ цвѣты цвѣтутъ, тамъ — серебряное. Въ серебряномъ царствѣ живетъ моя средняя сестра. Какъ будемъ мы у ней въ гостяхъ пировать, станетъ она тебѣ дары подносить, не бери ты ни злата, ни серебра, ни каменья самоцвѣтнаго, проси у ней серебряный ларчикъ съ серебрянымъ ключикомъ.» Прилетѣли Орелъ съ царемъ къ серебряному царству, въ серебряный городъ. Встрѣтила ихъ сестра, стала брата миловать, цѣловать, къ сердцу прижимать. Посадила ихъ за столы дубовые, за скатерти браныя, угостила употчивала, а послѣ повела царя въ подвалы глубокіе; въ тѣхъ подвалахъ казна лежитъ несмѣтная: злата, серебра—кучи цѣлыя, каменья самоцвѣтнаго углы навалены. «Бери себѣ, сколько тебѣ нужно,—говоритъ царю орлова сест-

рица.» — Отвѣчаетъ ей царь: «Не надо мнѣ ничего, только подари серебряный ларчикъ съ серебрянымъ ключикомъ». — Не многаго ли хочешь ты, любезный другъ? Ни за что на свѣтѣ не отдамъ я тебѣ серебрянаго ларчика». Разсердился, разгнѣвался Орелъ добрый-молодецъ, обернулся птицею, подхватилъ царя и полетѣлъ прочь. «Братецъ, родной, вернися! Не пожалѣю я ларчика, только вернись!» — кричитъ орлова сестрица, серебрянаго царства царица.—«Опоздала, сестра!»—отвѣчаетъ Орелъ.

Летитъ Орелъ съ царемъ по поднебесью и говоритъ: «Погляди ка, царь-государь, да скажи: что позади насъ и что впереди?» — «Позади насъ пожаръ горитъ, впереди цвѣты цвѣтутъ лазоревые.» — «Гдѣ пожаръ горитъ — серебряное царство, гдѣ цвѣты цвѣтутъ — золотое. Тамъ живетъ моя младшая сестра. Какъ будемъ у ней въ гостяхъ пировать, станетъ она тебѣ дары подносить, ничего не бери, проси у ней золотой ларчикъ съ золотымъ ключикомъ.»

Прилетѣли они къ золотому царству, въ золотой городъ; ударился Орелъ о сырую землю, оборотился добрымъ молодцомъ и пошли они во дворецъ къ орловой сестрицѣ, золотого царства царицѣ. Встрѣтила ихъ младшая сестра, стала брата миловать, цѣловать, къ сердцу прижимать и говоритъ: «Братецъ, ты мой родной, гдѣ ты пропадалъ? Больше трехъ лѣтъ я тебя не видала. Ужъ какъ я по тебѣ сокрушалась, слезами горючими обливалась, думала тебя и на свѣтѣ нѣтъ, лежатъ твои косточки въ могилѣ сырой.» — «И вѣкъ бы тебѣ сокрушаться, сестрица, выплакать бы тебѣ очи ясныя, а мнѣ лежать въ могилѣ сырой, кабы не мой товарищъ: онъ меня взялъ къ себѣ, вылѣчилъ, три года, три мѣсяца и три дня кормилъ меня.» Посадила младшая сестра гостей за столы дубовые, за скатерти браныя, угостила, употчивала. Повела потомъ царя въ подвалы глубокіе, а въ подвалахъ тѣхъ — казна несмѣтная: злата и серебра груды цѣлыя, каменья самоцвѣтнаго углы навалены. «Бери,—говоритъ,—сколько твоей душенькѣ угодно.» Отвѣчаетъ царь: «Не надо мнѣ ни злата, ни серебра, ни каменья самоцвѣтнаго, подари мнѣ золотой ларчикъ съ золотымъ ключикомъ.»—«Не пожалѣю я ради брата родного ничего: ты его у себя держалъ, вылѣчилъ, кормилъ,

воротилъ ему силу прежнюю, а мнѣ брата милаго; бери себѣ на счастье золотой ларчикъ.» Взялъ царь ларчикъ, пожилъ, попировалъ въ золотомъ царствѣ, а какъ пришло время разставаться, говоритъ ему Орелъ добрый-молодецъ: «Ну, прощай, царь-государь, не поминай лихомъ. Вотъ тебѣ мой добрый совѣтъ: не отпирай ларчика, пока домой не воротишься!»

Снарядилъ царь корабль, взялъ съ собой золотой ларчикъ, и поплылъ по синему морю домой. Долго ли коротко ли ѣхалъ онъ по морю-океану, только видитъ: среди моря островъ стоитъ, и приказалъ царь пристать къ тому острову. Вышелъ царь на берегъ и сталъ отдыхать, а потомъ вспомнилъ про ларчикъ и крѣпко захотѣлось ему узнать, что въ немъ, для чего Орелъ не велѣлъ ему отмыкать его до поры, до времени. Не утерпѣлъ онъ и отомкнулъ ларчикъ. И только что ларчикъ открылся, какъ явился предъ царемъ золотой городъ. Смотритъ царь и диву дается: какъ это изъ такого маленькаго ларчика цѣлый городъ выскочилъ и городъ чудесный: золотые дворцы и церкви словно жаръ горятъ, вмѣсто камня на улицахъ—золото, черезъ рѣчки мосты перекинуты—изъ червоннаго. Обрадовался царь такому подарку, а потомъ пригорюнился: какъ,—думаетъ,—собрать цѣлый городъ въ маленькій ларчикъ, чтобы домой увезти. Сидитъ онъ на берегу, горюетъ, глядитъ вдаль на море синее. Вдругъ, вышелъ изъ моря невѣдомый человѣкъ и спрашиваетъ: «Чего царь-государь, пригорюнился?»—«Какъ не горевать мнѣ, добрый человѣкъ: не могу я въ ларчикъ спрятать золотой городъ.»—«Этому горю я могу помочь. Соберу я въ твой ларчикъ золотой городъ, только за это пообѣщай мнѣ отдать то, чего дома не вѣдаешь.» Думаетъ царь: что ему дома невѣдомо; кажется, все знаетъ. Подумалъ и согласился. «Собери,—говоритъ,—мнѣ золотой городъ въ ларчикъ, отдамъ тебѣ то, чего дома не вѣдаю. Въ томъ мое царское слово!» Только вымолвилъ царь, гдядь, — города нѣтъ, весь въ ларчикъ убрался, а человѣкъ тотъ скрылся подъ водой. Взялъ царь ларчикъ, сѣлъ на корабль и поѣхалъ домой.

Пріѣзжаетъ царь домой, и встрѣчаетъ его царица съ радостной вѣстью: у нея сынъ родился. Обрадовался царь милому дѣтищу, а самъ плачетъ, заливается горючими слезами. Понялъ

Сидитъ царь на берегу, горюетъ.

онъ, кому обѣщалъ сына: не простой человѣкъ выходилъ изъ воды, а въ человѣчьемъ образѣ самъ Царь Морской, водяное чудище. Плачетъ царь, а царицѣ невдомекъ. Спрашиваетъ она: «Царь-государь, о чемъ плачешь, съ радости что ли?»—«И съ радости и съ горя»,—говоритъ царь, и разсказалъ, какъ и что съ нимъ было. Поплакали они вмѣстѣ, да дѣлать нечего: слезами дѣла не поправишь. Открылъ царь ларчикъ, раскинулся передъ нимъ золотой городъ, и сталъ въ немъ жить царь съ царицею, да сына ростить.

Растетъ Иванъ-царевичъ, словно опара подымается,—выросъ и сталъ такимъ молодцомъ, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать. Думаетъ царь: сколько ни держи его у себя, а отдавать Морскому Царю надобно. Слово данное — свято, а царское вдвое. Вотъ разъ повелъ царь Ивана-царевича къ синему морю, привелъ на берегъ и говоритъ: «Поищи-ка, Иванъ-царевичъ, моего перстня, обронилъ я его здѣсь на морскомъ бережку.» Оста-

вилъ Ивана-царевича одного, а самъ домой ушелъ. Пошелъ Иванъ-царевичъ по берегу перстень искать; идетъ, вдругъ навстрѣчу ему — старуха старая плетется, спотыкается, клюкою подпирается. «Куда, молодецъ, путь держишь?» — «А тебѣ что за дѣло, старая вѣдьма!» — Ничего не сказала старуха, прошла мимо, а Иванъ-царевичъ думаетъ: «Зачѣмъ я обидѣлъ старуху? Пойду ка, ворочу ее да спрошу гдѣ мнѣ перстень искать: старые-то люди умны, догадливы.» Воротился онъ, догналъ старуху и говоритъ: «Прости меня, бабушка, за мое грубое слово: больно ужъ мнѣ досадно. Заставилъ меня отецъ перстень искать, а гдѣ я его найду?» — «Не перстень искать заставилъ тебя твой батюшка, отдалъ онъ тебя на службу Морскому Царю, въ подводное царство.» Заплакалъ Иванъ-царевичъ, услыхавши тѣ старухины слова, а она говоритъ: «Не тужи, Иванъ-царевичъ, а слушайся меня: спрячься за тотъ смородинный кустъ, что стоитъ ближе къ морю и сиди. Прилетятъ на море купаться одиннадцать бѣлыхъ голубицъ красныхъ-дѣвицъ, а послѣ нихъ двѣнадцатая, тоже бѣлая, только съ пестрыми крылышками; сбросятъ онѣ свои крылышки и станутъ купаться, а ты подкрадись, да и утащи пестрыя крылышки. Дастъ тебѣ за нихъ дѣвица выкупъ — золотое колечко и станешь ты ея суженымъ. Смѣло иди тогда въ подводное царство къ Морскому Царю.» Поблагодарилъ Иванъ-царевичъ старуху, пошелъ къ синему морю, спрятался за смородинный кустъ, сидитъ-ждетъ.

Въ полдень прилетѣли къ тому мѣсту одиннадцать бѣлыхъ голубицъ, сбросили свои крылышки, и обернулись красными дѣвицами, одна другой краше. Кинулись онѣ въ воду и стали купаться: играютъ, плещутся, пѣсни поютъ, серебристой пѣной, морской брызжутся. Вслѣдъ за ними прилетѣла двѣнадцатая голубица, съ пестрыми крылышками. Сбросила она свои крылышки и стала купаться. И была та дѣвица всѣхъ пригожѣе, всѣхъ красивѣе. Подкрался Иванъ-царевичъ и утащилъ пестрыя крылышки. Выкупались дѣвицы, вышли изъ воды, стали разбирать свои крылышки, хвать, — а у младшей ихъ нѣтъ какъ нѣтъ. Говоритъ младшая дѣвица: «Сестрицы, голубушки, не ищите, улетайте безъ меня домой; не досмотрѣла я, сама и буду отвѣтъ держать

предъ Морскимъ Царемъ, батюшкою.» Прицѣпили красныя дѣвицы крылышки, оборотились голубками и улетѣли домой.

Осталась младшая красавица одна, осмотрѣлась кругомъ и говоритъ: «Отзовись, выходи, добрый человѣкъ, у кого мои крылышки: коли старъ старичокъ — будь мнѣ батюшка, коли старая старушка, — будь мнѣ матушка, коли младъ человѣкъ, — будь сердечный другъ, коли красная дѣвица, — будь родная сестра.» Услыхалъ такую рѣчь Иванъ-царевичъ, вышелъ изъ за куста и подалъ крылышки красавицѣ. «Ахъ, Иванъ-царевичъ, — говоритъ она, — что долго не бывалъ къ намъ въ подводное царство. Мой батюшка, Морской Царь, на тебя сильно гнѣвается, ступай скорѣй, да вотъ тебѣ золотое колечко; береги его да помни, что я — твоя суженая, Василиса Премудрая.» Сказала дѣвица, обернулась голубкою и улетѣла прочь.

Спустился Иванъ-царевичъ въ океанъ-море, шелъ-шелъ и пришелъ въ подводное царство, прямо во дворецъ къ Морскому Царю. Увидалъ его Царь и кричитъ: «Гдѣ ты былъ, пропадалъ?

Отчего ко мнѣ долго не бывалъ, не показывался? За такую провинность твою изволь сейчасъ приниматься за работу: есть у меня пшеницы триста скирдъ, а въ каждомъ скирдѣ по триста копенъ; къ утру обмолоти все дочиста. Да смотри: ни скирдъ не ломай, ни сноповъ не разбивай, а не сдѣлаешь — мой мечъ, твоя голова съ плечъ.»

Идетъ Иванъ-царевичъ отъ Морского царя, а самъ горько плачетъ. Увидала его изъ своего терема высокаго Василиса Премудрая и спрашиваетъ: «О чемъ, Иванъ-царевичъ, плачешь?» — «Какъ мнѣ не плакать? Велѣлъ мнѣ Царь Морской къ завтрашнему утру триста скирдъ обмолотить, да чтобъ ихъ не ломать и сноповъ не разбивать. А развѣ я могу это сдѣлать?» — «Ничего, Иванъ-царевичъ, не горюй. Это еще не бѣда,—бѣда будетъ впереди; ложись спать,—утро вечера мудренѣе.» Пришла ночь, легъ Иванъ-царевичъ спать, а Василиса Премудрая вышла на крыльцо своего терема высокаго и крикнула громкимъ голосомъ: «Гей, вы слуги мои вѣрные, муравьи ползучіе, собирайтесь всѣ, что есть васъ на бѣломъ свѣтѣ, выбирайте зерно изъ скирдъ батюшкиныхъ, да складывайте его въ закромы!» Набѣжало муравьевъ со всего свѣта видимо-невидимо, выбрали зерно и сложили все въ закромы за одну ночь.

На утро призываетъ Ивана-царевича къ себѣ Морской Царь и говоритъ: «Ну, и хитеръ же ты, добрый молодецъ, видѣлъ я твою работу: чисто сдѣлано. Дамъ я тебѣ другую задачу: слѣпи-ка мнѣ къ завтрашнему утру церковь изъ воску яраго. Сдѣлаешь,—молодецъ, а нѣтъ,—мой мечъ, твоя голова съ плечъ!»

Идетъ Иванъ-царевичъ отъ Морского Царя, голову повѣсилъ, пригорюнился; выглянула изъ окошка Василиса Премудрая и спрашиваетъ: «О чемъ, Иванъ-царевичъ, пригорюнился, повѣсилъ головушку?» — «Какъ мнѣ негоревать, Василиса Премудрая: приказалъ мнѣ твой батюшка, Морской Царь, слѣпить въ одну ночь церковь изъ воску яраго, а развѣ я сумѣю это сдѣлать?» — «Не кручинься, Иванъ-царевичъ; это еще не бѣда, — бѣда будетъ впереди. Ложись ка спать: утро вечера мудренѣе.» Ночью Василиса Премудрая вышла на крыльцо своего терема и крикнула громкимъ голосомъ: «Гей, вы, слуги мои вѣрные, пчелки работ-

ницы, прилетайте всѣ сюда, что есть васъ на бѣломъ свѣтѣ, слѣпите мнѣ церковь изъ воску яраго, чтобы къ утру была готова!» Откуда ни возьмись, слетѣлося пчелъ видимо-невидимо и начали работать: однѣ воскъ изъ ульевъ носятъ, другія лѣпятъ,—и къ утру церковь слѣпили на славу.

Призываетъ на утро Морской Царь Ивана-царевича къ себѣ и говоритъ: «Видѣлъ я твою работу: мастеръ ты лѣпить изъ воску, хитро сработано. Теперь дамъ я тебѣ третью задачу: есть у меня конь, на него еще никто сѣсть не осмѣливался. Объѣзди ты мнѣ этого коня, чтобы онъ подверхомъ могъ ходить. Коли не справишься,—голову тебѣ съ плечъ долой, а объѣздишь,—выдамъ я за тебя изъ моихъ дочерей любую, какую себѣ выберешь.»

Идетъ Иванъ-царевичъ отъ Морскаго Царя и думаетъ: «Ну, эта работа не трудная, съ конемъ справится можно,—не привыкать стать.» А Василиса Премудрая выглянула въ окошко и спрашиваетъ: «Что, Иванъ-царевичъ, какую тебѣ задачу задалъ мой батюшка, Морской Царь?»—«Да пустяковую: всего-то объѣздить коня неѣзжалаго.» — «Эхъ, Иванъ-царевичъ! Вотъ когда бѣда-то пришла неминучая! И въ той бѣдѣ я тебѣ помочь не могу: вѣдь конемъ-то этимъ будетъ самъ мой батюшка, Морской Царь. Подхватитъ онъ тебя, да понесетъ выше лѣсу стоячаго, ниже облака ходячаго и разнесетъ по чисту полю твои косточки.» «Какъ-же мнѣ быть теперь? Научи, Василиса Премудрая.»—«Иди скорѣй, прикажи сковать себѣ палицу желѣзную, вѣсомъ въ двадцать пудъ. Какъ сядешь на коня и понесетъ онъ тебя, — держись крѣпче, да бей его палицею промежду ушей безъ отдыха.»

Спалъ ли, не спалъ Иванъ-царевичъ, только на утро пошелъ въ конюшню. Вывели ему коня неѣзжалаго: двадцать конюховъ подъ устцы держатъ: храпитъ конь, надыбы становится, изъ ноздрей паръ клубами валитъ. Сѣлъ Иванъ-царевичъ на коня, поднялся конь кверху и полетѣлъ выше лѣса стоячаго, ниже облака ходячаго. Крѣпко держится Иванъ-царевичъ на конѣ, врѣзалъ коню въ бока шпоры булатныя, а самъ бьетъ его промежду ушей двадцати-пудовой палицей безъ отдыха. Сбавилъ конь

свою прыть, сталъ спускаться ниже, а Иванъ-царевичъ, знай, его палицей охаживаетъ. Опустился конь на сырую землю и стоитъ, какъ вкопанный, весь пѣною покрытый, словно мыломъ намыленный. Отвелъ Иванъ-царевичъ коня и пошелъ къ себѣ въ горницу.

Подъ вечеръ призываетъ его къ себѣ Морской Царь, сидитъ онъ сумрачный, сердитый, голова платкомъ обвязана. «Ну что, Иванъ-царевичъ, объѣздилъ коня?» — спрашиваетъ. — «Объѣздилъ, твое морское величество.» — «Коли такъ, я свое слово держу: приходи завтра выбирать себѣ невѣсту. А сегодня мнѣ что-то не по себѣ: голова болитъ.»

Раннымъ-рано на другой день улучила Василиса Премудрая минуточку, свидѣлась съ Иваномъ-царевичемъ и говоритъ ему: «Какъ будешь сегодня выбирать себѣ невѣсту, помни, что я тебѣ скажу: обернетъ сперва батюшка, Морской Царь, насъ двѣнадцать сестеръ кобылицами, смотри, примѣчай: на моей уздечкѣ одна блесточка потускнѣетъ, а у всѣхъ будутъ ясныя. Выпуститъ потомъ насъ голубицами, да насыплетъ намъ гречихи,—всѣ мы будемъ клевать, одна я, нѣтъ-нѣтъ, да и махну крылышкомъ. Въ третій разъ покажетъ насъ дѣвицами, гляди, посматривай: у которой на щеку малая мушка сядетъ,—ту и бери.»

Такъ и вышло, какъ говорила Василиса Премудрая. Вывелъ Морской Царь двѣнадцать кобылицъ. Всѣ—масть въ масть, грива въ гриву, хвостъ въ хвостъ, у каждой уздечка наборная, серебряная. «Выбирай любую,»—говоритъ Морской Царь. Оглядѣлъ Иванъ-царевичъ уздечки: серебро на всѣхъ блеститъ, только, глядь, а у одной чуть-чуть бляшечка потускнѣла. «Вотъ моя невѣста,» — говоритъ Иванъ-царевичъ, и схватилъ ее за уздечку. — «Плохую берешь, получше бы выбралъ.» — «Мнѣ и эта хороша.» — «Ну, выбирай опять.»

Выпустилъ Морской Царь двѣнадцать голубицъ, всѣ бѣлыя, ровныя, перо въ перо, крыло въ крыло. Насыпалъ гречихи, стали голубки клевать. Смотритъ Иванъ-царевичъ, а одна голубка, нѣтъ-нѣтъ, да и взмахнетъ крылышкомъ. Схватилъ онъ голубку за крыло и говоритъ: «Вотъ, эта самая моя невѣста.» Сталъ сердиться Морской Царь. «Больно хитеръ ты, я вижу, моло-

Сидитъ Морской Царь сумрачный, сердитый, голова платкомъ обвязана.

децъ, — говоритъ. — Своимъ ли только умомъ доходишь? Ну, выбирай въ послѣднiй разъ ту же. Не узнаешь, — не быть тебѣ нынче живому!» Явились предъ Иваномъ-царевичемъ двѣнадцать красныхъ дѣвицъ, всѣ ровныя, — ростъ въ ростъ, лицо въ лицо, платье въ платье. Глядитъ онъ: у одной на щекѣ малая мушка сидитъ; схватилъ онъ ту дѣвицу за руку и говоритъ: «Вотъ, моя нареченная.» — «Ладно, быть по твоему,» — сказалъ Морской Царь, а самъ, какъ туча черная, насупился.

Дѣлать нечего, пришлось ему выдать свою дочь любимую, Василису Премудрую, за Ивана-царевича.

Живетъ Иванъ-царевичъ съ молодой женой счастливо, только чуется ему недоброе: Морской Царь на него злобу въ сердцѣ держитъ. Да и соскучился онъ, стосковался по отцѣ, по матери, по дому, по родинѣ. Оттого задумалъ онъ уйти изъ подводнаго царства на святую Русь, и говоритъ Василисѣ Премудрой: «Уйдемъ-ка, мы съ тобой, Василиса Премудрая, по добру, по здорову, со мной на святую Русь. Нежитье намъ здѣсь: хочетъ насъ Морской Царь извести, со свѣта сжить, да и соскучился я больно по отцу, по матери, по дому, по родинѣ.» — «Что-жъ, уйдемъ, — говоритъ Василиса Премудрая; — только, знай: будетъ за нами погоня великая. Разгнѣвается Морской Царь, догонитъ насъ и предастъ лютой смерти, коли мы его хитростью, да мудростью не проведемъ.»

Выждали темной ночи Иванъ-царевичъ съ Василисой Премудрою, сѣли на борзыхъ коней и поскакали, что есть духу. А передъ тѣмъ, какъ сѣсть на коней, порѣзала себѣ Василиса Премудрая мизинный пальчикъ, капнула по капелькѣ крови въ трехъ углахъ своего терема и заперла двери крѣпко-накрѣпко. Вотъ приходятъ на утро посланные отъ Морскаго Царя, стучатся въ дверь и говорятъ: «Просыпайтесь! Батюшка васъ къ себѣ зоветъ.» Отвѣчаетъ имъ изъ угла одна кровинка: «Рано больно, — не выспались.» Ушли посланные; ждали-ждали, опять въ дверь стучатъ: «Не пора-время спать, пора-время вставать.» — «Встаемъ, одѣваемся», — отвѣчаетъ другая капелька. Приходятъ въ третiй разъ посланные: «Батюшка Царь Морской гнѣваться изволитъ, что, молъ, долго спятъ.» — «Сейчасъ придемъ,» — гово-

ритъ третья капелька. Подождали посланные, опять въ дверь стучатся; стучали, стучали, да такъ и не достучались отвѣта. Выломали дверь, глядь,—а въ теремѣ пусто. Доложили обо всемъ Царю; разгнѣвался Морской Царь и послалъ погоню великую.

А Иванъ-царевичъ съ Василисой Премудрой ужь далеко-далеко скачутъ. «Ну-ка, Иванъ-царевичъ, — говоритъ Василиса Премудрая,—слѣзь съ коня, припади ухомъ къ сырой землѣ, да послушай: нѣтъ-ли погони отъ Морскаго Царя?» Слѣзъ Иванъ-царевичъ съ коня, припалъ ухомъ къ землѣ и говоритъ: «Слышу я людскую молвь и конскій топотъ.»—«Это за нами погоня,»— говоритъ Василиса Премудрая и оборотила коней—зеленымъ лугомъ, Ивана-царевича—старымъ пастухомъ, а себя—овечкою. Наѣхала погоня и спрашиваетъ: «Эй, старичокъ не видалъ ли ты на борзыхъ коняхъ молодца съ красною дѣвицей?»—«Не приходилось, люди добрые. Сколько лѣтъ пасу на этомъ мѣстѣ, ни птица мимо не пролетывала, ни звѣрь не прорыскивалъ.» Вернулась погоня къ Морскому Царю съ докладомъ: «Никого на пути-дорогѣ мы не встрѣтили, ваше морское величество; видѣли только— старикъ-пастухъ овечку на зеленомъ лугу пасетъ.» «Что-жь вы ихъ, розини, не хватали,—вѣдь это они и есть!»—закричалъ Морской Царь и послалъ новую погоню.

Скачутъ Иванъ-царевичъ съ Василисой Премудрою на борзыхъ коняхъ. «Ну-ка, Иванъ-царевичъ,—говоритъ Василиса Премудрая, — слѣзь съ коня, припади ухомъ къ сырой землѣ, да послушай: нѣтъ ли погони отъ батюшки Морскаго Царя?» Слѣзъ Иванъ-царевичъ съ коня, припалъ ухомъ къ землѣ и говоритъ: «Слышу я людскую молвь и конскій топотъ пуще прежняго.»— «Это за нами новая погоня гонитъ,» — сказала Василиса Премудрая, и оборотила коней—деревьями, Ивана-царевича—старичкомъ-священникомъ, а себя—ветхой церковью. Наѣхала погоня, спрашиваетъ: «Не видалъ ли, батюшка, добраго молодца съ красной дѣвицей на борзыхъ коняхъ или пастуха съ овечкою?»— «Не приходилось, люди добрые; сколько лѣтъ служу, самъ эту церковь строилъ, а съ той поры ни птица мимо не пролетывала, ни звѣрь не прорыскивалъ.» Воротилась погоня и докладываетъ

Морскому Царю: «Никого на пути-дорогѣ не встрѣтили, ваше морское величество; стоитъ только одна церковь ветхая, да въ ней служитъ священникъ, старичокъ старенькій.»—«Что жъ вы церковь не ломали, ротозѣи, старика не хватали, вѣдь это они самые и были!» Разгнѣвался Морской Царь и самъ поскакалъ въ погоню.

А Иванъ-царевичъ съ Василисой Премудрою ужъ далеко-далеко уѣхали. И говоритъ Василиса Премудрая: «Слѣзь ка, Иванъ-царевичъ съ коня, припади ухомъ къ сырой землѣ да послушай: нѣтъ ли за нами погони отъ Морского Царя?» Слѣзъ Иванъ-царевичъ съ коня, припалъ ухомъ къ землѣ и говоритъ: «Слышу я конское ржаніе и топотъ—точно громъ гремитъ.»—«То за нами гонится самъ батюшка, Морской Царь!» — говоритъ Василиса Премудрая, и оборотила коней—глубокимъ озеромъ, Ивана-царевича — селезнемъ, а себя—сѣрой утицей. Прискакалъ Морской Царь, увидалъ озеро, а на немъ утицу съ селезнемъ, ударился о сырую землю и оборотился коршуномъ. Сталъ коршунъ налетать на селезня съ уткою, хочетъ ихъ убить до-смерти. Вотъ-вотъ, ударитъ селезня, а тотъ какъ нырнетъ въ воду,—ищи его. Хочетъ коршунъ утку убить, а утка, какъ нырнетъ,—только ее и видѣли. Бился-бился коршунъ, не могъ ничего подѣлать съ селезнемъ и уткою. Выбился изъ силъ Морской Царь и убрался домой въ подводное царство. А Иванъ-царевичъ съ Василисой Премудрою выждали время и поскакали дальше.

Долго ли коротко ли ѣхали они, и пріѣхали, наконецъ, на святую русь. Подъѣзжаетъ Иванъ-царевичъ къ родному городу и говоритъ: «Подожди меня здѣсь, Василиса Премудрая; пойду ка я оповѣщу о тебѣ отца съ матерью.»

— «Ступай,—говоритъ Василиса Премудрая—только, смотри, помни одно: какъ увидишь ты своихъ братьевъ и сестеръ, которыхъ ты еще не видывалъ, не цѣлуй ихъ, а то навсегда меня позабудешь.» Пообѣщалъ Иванъ-царевичъ, да и забылъ свое обѣщаніе: какъ увидалъ своихъ новыхъ братцевъ и сестрицъ,

обрадовался, сталъ ихъ цѣловать, и забылъ свою жену Василису Премудрую.

Три дня ждала-поджидала Василиса Премудрая своего мужа у городскихъ воротъ: не вернулся Иванъ-царевичъ. Нарядилась она нищенкой, стала ходить по городу, искать пристанища, и нанялась къ бѣдной старушкѣ въ работницы. Живетъ она у ней да ждетъ, когда вспомнитъ про свою милую жену Иванъ-царевичъ.

А Ивана-царевича отецъ собрался женить на богатой королевнѣ, сосѣдняго короля дочери. Вотъ и кликнулъ царь кличъ по всему своему царству, чтобы собирались всѣ его подданные поздравлять жениха съ невѣстою, да чтобы несли, по старинному обычаю, пироги на царскій столъ. Стала и старуха, Василисы Премудрой хозяйка, пирогъ стряпать. «Кому это ты пирогъ печешь?»—спрашиваетъ ее Василиса Премудрая. «Развѣ не знаешь: нашъ царь женитъ своего сына Ивана-царевича на королевской дочкѣ; вотъ я и понесу пирогъ обрученнымъ на столъ.»—«Испеку и я отъ себя пирожокъ,» — говоритъ Василиса Премудрая. «Куда тебѣ, не пустятъ тебя во дворецъ: больно на тебѣ одежа плоха.»—«Ничего, бабушка, ты сама мой пирожокъ снесешь.» Испекла Василиса Премудрая пирогъ, а вмѣсто начинки посадила въ середку голубя съ голубкою.

Идетъ во дворцѣ пиръ горой. Сидятъ женихъ съ невѣстой за столомъ, принимаютъ дары отъ богатыхъ гостей, а отъ бѣдныхъ поздравленія. И старушка два пирога принесла. Стали рѣзать пирогъ Василисы Премудрой, а изъ него вылетѣли голубь съ голубкою; полетали, полетали по комнатѣ и сѣли на столъ передъ женихомъ съ невѣстою. «Вспомни, вспомни, голубокъ,—говоритъ голубка, — какъ я была овечкою, а ты пастухомъ.» — «Забылъ, забылъ, голубушка,»—говоритъ голубокъ. «Вспомни, вспомни, голубокъ, какъ я была церковью, а ты старичкомъ-священникомъ?» — «Забылъ, забылъ, голубушка.» — «Вспомни, вспомни, голубокъ, какъ была я сѣрой утицей, а ты селезнемъ.»—«Забылъ, забылъ голубушка,» — говоритъ голубокъ.» — «Ну ка вспомни, какъ говорила тебѣ Василиса Премудрая, что ты ее позабудешь, коли поцѣлуешь своихъ братцевъ и сестрицъ!»

«Вспомнилъ, вспомнилъ!»—закричалъ Иванъ-царевичъ, выскочилъ изъ за стола и сталъ допрашивать, кто принесъ пирогъ съ голубями. А Василиса Премудрая тутъ стоитъ, между слугъ и челяди, нищенкой; узналъ ее Иванъ-царевичъ, взялъ за бѣлыя руки, сталъ цѣловать, обнимать. «Батюшка,—говоритъ,—вотъ моя жена законная, Богомъ данная, не нужно мнѣ другой жены.» Тутъ пошли спросы-разспросы; разсказалъ Иванъ-царевичъ обо всемъ, какъ дѣло было, и задалъ царь на радостяхъ пиръ на весь міръ.

На томъ пиру и я былъ, медъ-вино пилъ, по усамъ текло, а въ ротъ не попало. Дали мнѣ синь-колпакъ,—стали въ шею толкать; дали мнѣ красный шлыкъ,—я въ подворотню шмыгъ! Иду путемъ-дорогою, посвистываю. Вдругъ, летитъ сорока-бѣлобока. Кричитъ: «Синь-колпакъ, синь-колпакъ!» Я думалъ: «Скинь колпакъ!» — взялъ да и скинулъ. Летитъ ворона, кричитъ: «Красный шлыкъ, красный шлыкъ!» А я думалъ: «Краденый шлыкъ» — взялъ да и шлыкъ на дорогѣ бросилъ. Такъ-то и пришелъ, со свадьбы, не солоно хлебавши!

Для составленія настоящаго **Полнаго Сборника Сказокъ Русскаго народа,** мы пользовались, кромѣ ненапечатанныхъ матерьяловъ, находящихся въ бумагахъ покойныхъ А. А. Гатцука и проф. О. М. Бодянскаго, между прочимъ, слѣдующими изданіями:

Авдѣева: Дѣтскія сказки. **Афанасьевъ:** Нар. Рус. легенды, Народныя Русскія сказки, Поэт. воззрѣніе Славянъ на природу. **Безсоновъ:** Дѣтскія сказки. **Бодянскій:** Наськы Украиньскы казкы запорозьця Иська Матырынкы. **Боричевскій:** Повѣсти и преданія народовъ слав. плем. **Броницынъ:** Рус. нар. сказки. **Буслаевъ** Рус. нар. поэзія., Истор. очер Рус. нар. словесн., Истор. Христом. **Валявецъ:** Хорутанскія и Словацкія сказки (Narodne pripovjedke, kupio Matija Valjavec) **Венцигъ:** Чешскія, Моравскія и Кошубскія сказки (Westslawische Merchenschatz). **Веселыя похожденія старинныхъ пошехонцевъ.** Изд. 1821 г. **Войцицкій:** Польскія сказки (Zarisy dowove). **Врчевичъ:** Сербскія сказки (Српске народне проповјетке). **Глинскій:** Польскія сказки. **Даль:** Сказки казака Луганскаго, Пословицы Рус. нар., Картины: рус. быта. **Данилевскій:** Степныя сказки. **День** (журналъ). **Деревенская забавная старушка.** Изд. 1804. **Дмитріевъ** Опытъ собранія сказокъ Сѣверо-Западнаго края. **Добжинскій:** Славянскія сказки (Sloven. povesti). **Добровольскій:** Смоленскій Этнографическій Сборникъ. **Драгомановъ:** Малороссійскія народныя преданія и разсказы: **„Дѣдушкины прогулки“.** Изд. 1819 г. **Журналъ** Мин. Нар. Просв. (прибавленія). **Записки** Геогр. Общ. **Записки** Академіи Наукъ. **Калачовъ:** Архивъ ист.-юрид. свѣд. о Россіи. **„Калики перехожіе“,** Сборникъ народн. стиховъ. **Караджичъ:** Сербскія сказки (Српске народне проповјетке). **Кирша Даниловъ:** Древнія Рос. стихотв. **Киреевскій:** Пѣсни. **Костомаровъ:** Славян. Миѳол. **Касторскій:** Начерт. Рус. Миѳол **Кулишъ:** Записки о Южной Россіи. **Кульда:** Моравскія сказки. **Лѣкарство** отъ задумч. и безсон. изд. 1819 г. **Лѣтописи** русск. литер. и древн. **Максимовичъ:** Русская Бесѣда. **Малый:** Чешскія сказки (Biblioteka zobavneho cteni) **Матица:** Србски лѣтописъ. **Манжура:** Сказки, пословицы и пр. (Сборникъ Харьковскаго Историко-Филолог. общества). **„Маякъ“** (журналъ). **Молодикъ** (малорус. альманахъ). **Мордовцевъ:** Малорус. литерат. сборн. **„Не любо — не слушай, а лгать не мѣшай“** изд. 1832 г. **Николичъ:** Сербскія сказки. **Новосельскій:** Народъ Украинскій (Lud Ukrainski). **Нѣмцова:** Словацкія сказки (Slov. pohadki). **„Основа“** (Малорус. журн.). **Памятники** стар. рус. литер. Изд. Кушелева-Безбородка. **„Пантеонъ“** (журналъ). **Пассекъ:** Очерки Россіи. **Пермскій Сборникъ.** **Подснѣжникъ** (журналъ). **Полевой:** Русскія нар. сказки. **Пыпинъ:** Очеркъ литер. исторіи старин. повѣстей и сказокъ. **Романовъ: В. Р.** Бѣлорусскій сборникъ. **Рудченко:** Малорусскія сказки. **Русскія** сказки, изд. 17б7 г. **„Русское Слово“** (журналъ). **Рыбниковъ:** Сборн. пѣсенъ. **Садовниковъ:** Сказки Самарскаго края. **Гр. Сахаровъ:** Сказанія Рус. народа, Рус. нар. сказки. **Семенскій:** Польскія и литовскія преданія (Podania i Legendy). **Сказки,** записанныя въ Буковинѣ, Седмиградіи, с Поморянъ и Кошубовъ („Zeitschrift für Deutsche Mythologie und Sittenkunde“). **Смоляръ и Гауптъ:** Народныя указанія Вендовъ Верхней и Нижней Лужицы. **Снѣгиревъ:** Сборникъ истор. и статист. свѣд. о Россіи. **Собраніе старинныхъ русскихъ сказокъ,** изд. 1830 г. **„Старичекъ Весельчакъ“,** изд. 1801. **Стасовъ:** Происхожденіе русскихъ былинъ. **Сумлоркъ:** Старочешскія сказки (Staroceske powesti, spewy etc). **Терещенко:** Бытъ Русскаго Народа. **Труды** Курскаго Статист. Комит. **Труды** Общ. Любит. Рос. Словесн. **Труды** Ярославскаго Губ. Стат. Комит. **Худяковъ:** Русскія народныя сказки, Матерьялы для изученія народной словесности. **Черниговскія** Губ. Вѣдом. **Чтеніе** Общ. Ист. и Древн. Рос. **Чубинскій:** „Труды“. **Чудинскій:** Великорус. сказки. **Чулковъ:** Русскія сказки **Шафарикъ:** Преданія и легенды русскія, польскія, и т. д. (Podania i Legendy polskie, ruskie, litowskie), Образцы Чешской нар. литер. **Шейнъ:** Бѣлорусскій сказки (изд. 1893 г.). **Шпилевскій:** Бѣлоруссія въ описаніяхъ и повѣріяхъ **Щаповъ:** Истор. очерки нар. міросозерц. **Эрбенъ.** Лужицкія, Кошубскія, Болгарскія, Чешскія и пр. сказки (Slovenska citanka). **Эрленвейнъ:** Народныя сказки, собранныя сельскими учителями. **Этнографическое Обозрѣніе** (журналъ).

Всѣ 20 выпусковъ выйдутъ въ свѣтъ не позднѣе половины 1895 года и составятъ роскошный томъ свыше 640 стр.

При **20**-мъ выпускѣ подписчикамъ будетъ разослано особое послѣсловіе съ портретами извѣстнѣйшихъ собирателей русскихъ народныхъ сказокъ и этнографовъ, трудившихся по разработкѣ русскаго народнаго эпоса.

За одинъ рубль, при послѣднемъ (20-мъ) выпускѣ, подписчикамъ на все изданіе можетъ быть высланъ къ нему роскошный *металлическій* переплетъ.

Подписная цѣна на сборникъ „Сказокъ Русскаго Народа“: **съ доставкой и пересылкой:** за всѣ **20** выпусковъ—**5** р.;10 вып.—**3** р.; 5 вып.—**1** р. **50** к. **Безъ доставки:** **20** вып. — **4** р.; **10** вып.—**2** р. **50** к.; 5 вып.—**1** р. **25** к. **Отдѣльный выпускъ** *(для ознакомленія)* высыл. за **30** к. почт. марками. ***Въ Москвѣ можно подписываться открытымъ письмомъ въ контору,*** *(при чемъ необходимо указать время, когда артельщикъ конторы можетъ явиться съ подписнымъ билетомъ за полученіемъ платы).*

По окончаніи изданія цѣна будетъ возвышена.

Контора: Москва, Болотная площадь, домъ Майтова (контора Крестнаго Календаря).

Кромѣ того подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ ***Новаго Времени:*** *въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ.*

Цѣна выпуска
25 коп.
съ пересылкой 30 копѣекъ.

Сказки

Подъ редакціей
В. А. Гатцука.

Русскаго народа

Дозволено цензур. Москва.

Обложка печатана въ Хромо-Литографіи В. Симова. В. Кудинова.

„Иллюстрированная Библіотека Крестнаго Календаря“.

СКАЗКИ
РУССКАГО НАРОДА.

Текстъ подъ редакціей

В. А. Гатцука.

Рисунки художниковъ Н. А. Богатова, С. И. Ягужинскаго и др.

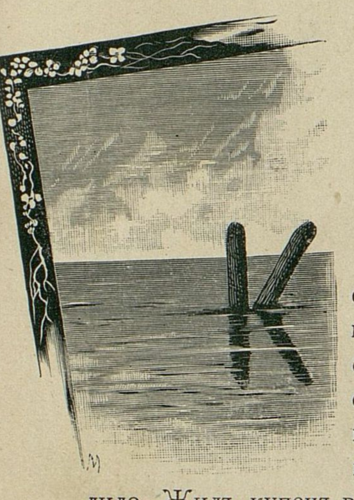
VIII.

СОДЕРЖАНІЕ:

МОСКВА.
Типографія В. А. Гатцукъ, Болотная площадь, домъ Майтова.
1895.

Дозволено цензурою. Москва, 28 Марта 1895 года.

Баба-Яга *).

Когда-то въ нѣкоторомъ городѣ жилъ купецъ съ женою, а у нихъ была дочка Настя, единое дитятко. Не наглядятся на дочку отецъ съ матерью, не нарадуются, берегутъ пуще глаза, чтобы вѣтеръ на нее не пахнулъ, горячее солнышко ея личика не опалило. Жилъ купецъ въ хорошемъ достаткѣ, съ женою—въ любви да согласіи: добрые люди ихъ житью радуются, а худые завидуютъ.

Пуще всѣхъ завидовала купцовой женѣ одна ихъ сосѣдка вдова, и задумала она купчиху извести, чтобы самой потомъ за купца замужъ выйти. Была она женщина еще въ самой порѣ: высокая бѣлая да румяная, хоть отъ перваго мужа у нея было двѣ дочери, постарше Насти. Собралась вдова и пошла въ дремучій темный лѣсъ; а въ томъ лѣсу жила ея тетка, Баба-Яга, злая колдунья. Все вдова Ягѣ разсказала, ничего не потаила и дала ей Яга два яблока,—не простыя, заколдованныя: первое женщинѣ дать—обернется она коровою, а вторымъ всякаго мущину къ себѣ приворожить можно.

Вернулась вдова домой, сейчасъ пошла къ своей сосѣдкѣ и стала ее звать: «Что ты все дома сидишь? Пойдемъ, въ зеленой рощѣ погуляемъ». Согласилась купчиха, взяла съ собой дочку—

*) По варьянту изъ сборника Богдана Броницына.

и пошли онѣ въ зеленую рощу гулять. Какъ завидѣла Настя цвѣточки алые, лазоревые,—принялась ихъ рвать, вѣнки заплетать. Деревцо за деревцо, кустикъ за кустикъ, и отошла отъ родимой матушки изъ виду. Въ ту пору купчиха отъ жары притомилася, захотѣлось ей испить. Подвела ее вдова къ глубокому бездонному пруду, что посреди рощи былъ, и говоритъ: «Можно и изъ пруда напиться, только вода въ немъ плохая, стоялая. Лучше, скушай вотъ это яблочко, спѣлое да сочное» — и дала купчихѣ заколдованное яблоко. Только откусила она яблока — обернулась коровой-Буренушкой. А вдова давай кричать, людей на помощь звать: будто оступилась купчиха съ крутого берега и въ пруду утонула. Собрались люди, стали баграми въ пруду искать, невода закидывать,—не нашли купцовой жены, и разошлись по домамъ.

Пошелъ домой и купецъ съ дочкой, а корова - Буренушка ни на шагъ отъ нихъ не отстаетъ, идетъ сзади, въ лицо Настѣ заглядываетъ, и текутъ изъ ея глазъ слезы, точно человѣкъ горько плачетъ. Пришли домой. «Чья это корова?—спрашиваетъ Настю отецъ.—Надо ее прогнать.» Стала Настя его просить-молить, чтобы оставилъ онъ Буренушку, не гналъ бы со двора. «Ну, хорошо, — говоритъ купецъ, — пусть побудетъ, пока хозяинъ не сыщется. Не отыскался хозяинъ у Буренушки, такъ она и осталась.

Прошло послѣ того съ годъ времени, — ужь купецъ во вдовѣ души не чаетъ; околдовала она его приворотнымъ яблокомъ и такъ ему полюбилась, что только онъ и думаетъ, какъ бы ее за себя замужъ взять. А вдовѣ—то и на руку; какъ посватался къ ней купецъ, сейчасъ веселымъ пиркомъ да за свадебку, — и перешла вдова съ дочерями жить къ новому мужу въ домъ.

Худое тутъ Настѣ пришло житье. День и ночь мачиха на нее ворчитъ. Какъ у ней языкъ не заболитъ? Все не такъ, все худо, пойдетъ и придетъ, станетъ и сядетъ, — все не впопадъ. Съ утра до вечера, какъ заведенныя гусли. У родимой матушки Настя, какъ сыръ въ маслѣ купалась, а у мачихи каждый день слезами умывалась. Что дѣлать? Вѣтеръ хоть пошумитъ да за-

тихнетъ, а злая баба расходится—не скоро уймется, все будетъ придумывать да зубы чесать. Чужіе люди Настю любили и жалѣли, а мачиха съ сестрами ея красотѣ завидовали, мучили ее всякими работами, чтобы она отъ трудовъ похудѣла, отъ солнца почернѣла. Только какъ ни старались онѣ Настю извести — ничего подѣлать не могли: сами отъ злости худѣли да дурнѣли, а Настя со дня на день хорошѣла, какъ пышный цвѣтокъ распускалась, на всю округу первой красавицей, первой рукодѣльницей слыла.

Злится мачиха день ото дня больше, а того не знаетъ, что помогала Настѣ ея коровка-Буренушка. Вотъ какъ это дѣло сталося. Только что вышла вдова замужъ за Настинаго отца, придралась чего-то къ падчерицѣ, и выгнала ее вечеромъ зимою въ лютый морозъ изъ дому вонъ: ночуй, гдѣ хочешь. Посидѣла бѣдняжка въ сѣняхъ,—не знаетъ, гдѣ голову приклонить,—и надумала, пойти хоть въ хлѣвъ погрѣться. Вошла въ коровникъ, прижалась къ своей Буренушкѣ, обхватила ее за шею,—стоитъ, горькими слезами обливается.

Вдругъ, въ самую полночь, только что пѣтухи пропѣли, говоритъ ей Буренушка человѣчьимъ голосомъ: «Не плачь, мое дитятко, не горюй! Знаю я твою бѣду и въ ней тебѣ помогу. Вѣдь я твоя родная матушка: обернула меня коровой злая разлучница, мачиха. Говорить съ тобой человѣчьимъ голосомъ можно мнѣ только одинъ разъ въ году — въ нынѣшнюю ночь, и то только три минуточки. Слушай скорѣй: какъ приключится тебѣ отъ мачихи какая бѣда,—побьетъ она тебя или тяжкой работой замучаетъ—приходи ко мнѣ; въ одно мое ушко влѣзь, въ другое вылѣзь—и все горе твое какъ рукой сниметъ, еще больше похорошѣешь. А если работу какую непосильную тебѣ мачиха задастъ, приноси, коли можно, ее ко мнѣ; я тебѣ и въ этомъ помогу».

Такъ и стала дѣлать Настя. Обидитъ ее мачиха, она прокрадется въ хлѣвъ къ своей Буренушкѣ, припадетъ ей на шейку, какъ къ родной матери и выплачетъ свое горе: «Буренушка, матушка! Бьютъ меня, журятъ, хлѣба не даютъ, плакать не велятъ! На завтра приказала мачиха пять пудовъ льну напрясть,

— 3 —

наткать, побѣлить, въ куски скатать.» Потомъ влѣзетъ Буренушкѣ въ одно ушко, въ другое вылѣзетъ, — горя какъ не бывало и вся работа сдѣлана: и напрядено и наткано и побѣлѣно и скатано. Поглядитъ мачиха на сработанное, покряхтитъ, поворчитъ, спрячетъ въ сундукъ своимъ дочерямъ на приданное, а падчерицѣ еще больше работы задастъ.

Идетъ время да идетъ, а Настя часъ отъ часу все цвѣтетъ, хорошѣетъ. Всѣ женихи къ ней присватываются,—на мачихиныхъ дочерей никто и смотрѣть не хочетъ. Мачиха пуще прежняго злится и всѣмъ женихамъ одно отвѣчаетъ: «Не выдамъ меньшой прежде старшихъ!» А проводивши жениховъ, побоями зло Настѣ вымещаетъ.

Билась-билась мачиха съ падчерицей,—ни что не беретъ,—и порѣшила пойти къ Бабѣ-Ягѣ въ дремучій лѣсъ за совѣтомъ, какъ бы Настю извести. Говоритъ ей Яга. «Ничего ты съ ней не подѣлаешь, пока у васъ въ домѣ корова Буренка живетъ,—вѣдь корова-то ея мать. Прикажи ты корову эту зарѣзать, а падчерицу потомъ пришли ко мнѣ за какимъ нибудь дѣломъ. Я ужь съ ней по своему управлюсь.»

Только что вернулась купчиха домой,—начала къ мужу приставать: «Вели корову-Буренку зарѣзать: она всю ночь мычитъ, мнѣ спать не даетъ. Молока отъ нея нѣтъ, только даромъ кормимъ.» Услыхала это Настя, испугалась, стала, было, отца просить, чтобы не слушалъ мачихи, не велѣлъ рѣзать любимую Буренушку, — какъ накинется на нее мачиха: «Ахъ ты, такая-сякая, хочешь меня съ мужемъ ссорить!» Избила Настю и вонъ изъ дому выгнала. Купцу что до коровы,—рѣзать, такъ рѣзать,—послалъ за мясникомъ, чтобы на другой день зарѣзалъ корову.

А Настя прибѣжала ночью къ своей Буренушкѣ, припала къ ея шеѣ, плачетъ горькими слезами да приговариваетъ: «Родимая моя Буренушка! Нѣтъ конца мачихиной злобѣ: приказала она тебя завтра зарѣзать. Убьютъ тебя, — на кого я, горемычная, останусь?» Отвѣчаетъ ей Буренушка человѣчьимъ голосомъ: «Не плачь, дитятко мое милое: слезами горю не поможешь; видно, такъ мнѣ на роду написано. Не та бѣда, что убьютъ меня, а то горе, что нельзя ужь мнѣ будетъ помогать тебѣ, какъ я прежде помогала. А

все-таки не оставлю я тебя безъ помощи. Какъ зарѣжутъ меня, попроси ты мясника, чтобы отрубилъ онъ мой правый рогъ; береги его всегда при себѣ, никому не показывай, а когда приключится съ тобою какая бѣда—приложи рогъ къ уху и слушай: онъ тебя научитъ, какъ горю пособить.»

На другое утро зарѣзали Буренушку при злой мачихѣ; а какъ ушла она и сталъ мясникъ мясо на части рубить,—выбѣжала къ нему Настя и выпросила себѣ на память правый Буренушкинъ рогъ.

Вскорости послѣ того понадобилось купцу уѣхать изъ дому на долгое время по торговымъ дѣламъ. Какъ уѣхалъ онъ, мачиха перешла на житье въ другой домъ, а возлѣ того дома и начинался дремучій лѣсъ, гдѣ Баба-Яга жила. Пришла осень. Разъ вечеромъ мачиха роздала всѣмъ тремъ своимъ дѣвицамъ работу: старшую дочь заставила кружева плести, младшую—чулки вязать а Настю—прясть, и всѣмъ большіе уроки въ работѣ задала. Погасила огонь во всемъ домѣ, оставила только одну свѣчку въ той горницѣ, гдѣ работали дѣвушки, а сама спать легла. Дѣвушки работали. Только вдругъ затрещала свѣчка, — что-то на свѣтильню попало,—и начала гаснуть. Старшая мачихина дочка стала было поправлять свѣтильню, да вмѣсто того, по приказу матери, будто нечаянно, и потушила свѣчку вовсе. «Что намъ теперь дѣлать?—говоритъ.—Огня нѣтъ въ цѣломъ домѣ, а уроки наши не кончены. Надо сбѣгать за огнемъ къ Бабѣ-Ягѣ.»—«Мнѣ отъ спицъ свѣтло, — говоритъ младшая мачихина дочка, что чулки вязала,—я не пойду.»—«И я не пойду, мнѣ отъ булавокъ свѣтло,» — говоритъ ея сестра, что кружева плела. «Тебѣ за огнемъ идти!—закричали обѣ.—Ступай къ Бабѣ-Ягѣ!» и вытолкали Настю изъ горницы.

Пошла она въ свой чуланчикъ, сѣла и задумалась: «Чѣмъ мнѣ каждый день муки терпѣть, — пойду лучше къ Бабѣ-Ягѣ: одинъ конецъ!» Вынула Буренушкинъ рогъ, приложила его къ уху — и слышитъ, точно издали ей тихій голосъ говоритъ: «Не бойся, Настенька, дочка моя милая; ступай, куда посылаютъ. Только смотри, рога съ собой взять не забудь да почаще его слушай,—ничего съ тобой у Яги не станется». Настя спрятала рогъ за пазуху, перекрестилась и пошла въ дремучій лѣсъ.

Всю ночь прошла Настя, не останавливаясь; чуть-чуть сѣрѣть въ лѣсу стало — вышла она на поляну, гдѣ стояла избушка Бабы-Яги. Стоитъ избушка на курьихъ ножкахъ, на пѣтушьихъ пяткахъ, кругомъ избушки заборъ изъ человѣчьихъ костей, на заборѣ торчатъ черепа людскіе съ глазами—и горятъ эти глаза яркимъ огнемъ, такъ что на полянѣ какъ днемъ свѣтло; вмѣсто верей у воротъ — ноги человѣчьи, вмѣсто запоровъ — руки, вмѣсто замка — ротъ съ острыми зубами; за заборомъ собачка бѣгаетъ, побрёхиваетъ. Обомлѣла Настя, прижалась къ дереву, шевельнуться со страху не можетъ.

Вдругъ—скачетъ черезъ поляну всадникъ: самъ бѣлый, одѣтъ въ бѣломъ, конь подъ нимъ бѣлый и сбруя на конѣ бѣлая, — стало разсвѣтать, мѣсяцъ за гору зашолъ, у череповъ глаза начали гаснуть. Все стоитъ Настя, отъ страха опомниться не можетъ. Немного погодя промчался другой всадникъ: самъ красный, одѣтъ въ красномъ, конь подъ нимъ красный и сбруя на конѣ красная, — стало всходить солнце. Все стоитъ Настя, тронуться съ мѣста не смѣетъ, не знаетъ, что дѣлать. Вынула она изъ-за пазухи Буренушкинъ рогъ, прислушалась, — изъ него говоритъ ей голосъ: «Сейчасъ пріѣдетъ Баба-Яга съ добычи, ты къ ней подойди, свое дѣло ей скажи, все, что она прикажетъ, дѣлай и никому, кто что отъ тебя будетъ просить, не отказывай».

Вдругъ страшно въ лѣсу загремѣло, завыло, застучало: поднялся вихрь, деревья къ землѣ приклонилися, застонала мать сыра-земля — выѣзжаетъ изъ лѣсу Баба-Яга, костяная нога. Въ ступѣ ѣдетъ, пестомъ погоняетъ, помеломъ слѣдъ заметаетъ. Подъѣхала къ воротамъ, остановилась, оглядѣлась, обнюхала кругомъ: «Фу-фу-фу! Русскимъ духомъ пахнетъ! Кто здѣсь есть—отзовись!» Настя подошла къ старухѣ со страхомъ и низко ей поклонилась: «Это я, бабушка. Меня мачихины дочки прислали, огоньку у тебя попросить». — «А, внучка, наконецъ-то ты ко мнѣ пожаловала! Ну, входи въ мой домъ, поработай на меня. Коли угодишь, — будетъ тебѣ огонь, а нѣтъ — не прогнѣвайся: найдемъ для твоей головы въ заборѣ свободный колъ!» Потомъ обернулась къ воротамъ и крикнула: «Эй, запоры мои крѣпкіе, отомкнитесь! Ворота мои широкія, отворитесь!» Ворота отвори-

Вокругъ избушки заборъ изъ человѣчьихъ костей, на заборѣ торчатъ черепа людскіе.

лись. Въѣзжаетъ Баба-Яга на широкій дворъ, въѣзжаетъ, посвистываетъ; позади нея Настя потихоньку вошла, и за ними опять все заперлось.

Вылѣзла Яга изъ ступы, — ступа сама въ сарай поѣхала, — вошла въ горницу и развалилась на постели. «Подавай-ка,—говоритъ Настѣ, — что тамъ въ печи: я ѣсть хочу. Стала Настя таскать изъ печи да подавать Ягѣ кушанья, — а кушанья было настряпано человѣкъ на десять, — принесла изъ погреба квасу, меду, пива, вина. Все пріѣла, все выпила Яга; пріѣла и съ костями, выпила до единой капельки—оставила Настѣ одно только поросячье ребрушко, да и то обглоданное. «Ну, теперь, — говоритъ,—я до вечера спать лягу, а ты не бездѣльничай: состряпай мнѣ къ завтраку столько же ѣды, сколько было мнѣ на ужинъ приготовлено. Вотъ пока тебѣ вся работа, а буду вечеромъ уѣзжать, — дамъ тебѣ настоящее дѣло». Сказала Яга и захрапѣла такъ, что съ деревьевъ сухой листъ посыпался.

Вышла Настя на крыльцо, сѣла, на ступенькѣ и только что хотѣла позавтракать ребрушкомъ,—подходитъ къ ней старый облѣзлый котъ и говоритъ: «Мяу, мяу, дѣвица! Дай мнѣ то, чѣмъ тебя Яга поподчивала». Настя вспомнила совѣтъ Буренушкина рога, отдала коту ребрушко, а сама не ѣвши осталась. Стала она ходить по двору, Бабы-Яги хозяйство осматривать: всѣ амбары, погреба, закромы полнымъ-полны припасами. Забрала она чего нужно, и принялась готовить Ягѣ къ вечеру завтракъ. Вдругъ, выбѣжали изъ-подъ пола мышки и говорятъ: «Дѣвица, дѣвица! Дай намъ кашки, мы тебѣ пригодимся». Она имъ дала кашки. Сготовивши завтракъ, сѣла Настя подъ окошко и задумалась: какую работу ей Яга на ночь задастъ, скоро-ли домой отпуститъ. Подходитъ къ ней черная собачка, что дворъ сторожила, старая, худая—кости да кожа,—и говоритъ: «Здравствуй, дѣвица, чего пригорюнилась?» Настя ей разсказала, объ чемъ задумалась. «Вынеси мнѣ, дѣвица, говядинки кусочекъ: я тебѣ пригожусь». Вынесла ей Настя кусочекъ говядинки.

До вечера далеко, все дѣло сдѣлано,—вышла Настя на Ягинъ дворъ, подошла къ воротамъ, вдругъ говорятъ ей ворота человѣчьимъ голосомъ: «Дѣвица, дѣвица, подлей намъ масла подъ пяточки:

мы тебѣ пригодимся». Она подлила имъ масла подъ пяточки. А яблонька, что у воротъ стояла, тоже проситъ: «Подвяжи меня, дѣвица, ленточкой изъ твоей русой косы: я тебѣ понадоблюсь». Настя и яблонькину просьбу исполнила.

Подошло дѣло къ вечеру, проснулась Баба-Яга, позавтракала по утрешнему и говоритъ дѣвицѣ: «Сейчасъ я уѣду, а ты въ ночь дѣломъ займись: есть у меня полный амбаръ пшеницы да кто-то со зла въ нее земли намѣшалъ. Такъ вотъ, къ утру ты всю пшеницу по зернушку перебери, каждую пшеничину обдуй, очисть, и чистую въ другой амбаръ пересыпь. Да смотри: ѣсть мнѣ приготовь. А не сдѣлаешь всего,—завтра я тобой поужинаю».

Вдругъ, мелькнулъ по двору всадникъ: самъ черный, одѣтъ въ черномъ, конь подъ нимъ черный, сбруя на конѣ черная; мелькнулъ и около дома точно сквозь землю провалился,—наступила ночь. Баба-Яга вышла на крыльцо, гаркнула, свиснула—подъѣхала къ ней ступа съ толкачемъ. Она сѣла въ нее,—и загремѣла по лѣсу.

Осталась Настя одна,—не знаетъ за какую и работу впередъ взяться,—стоитъ у амбара да горько плачетъ. Вдругъ, выбѣгаетъ мышка: «Чего, дѣвица плачешь?»—«Какъ мнѣ, сѣрая мышка, не плакать? Наказала мнѣ Баба-Яга, къ утру изъ этого амбара всю пшеницу по зернушку отъ земли очистить и въ другой амбаръ перенести; да еще, чтобъ къ утру ей ужинъ готовъ былъ». — «Ну, красавица, въ этой бѣдѣ я тебѣ помогу. Ступай Ягѣ ужинъ готовить, а съ пшеницей мы за тебя справимся». Отперла Настя амбары, — откуда ни возьмись, набѣжало мышей видимо-невидимо. Давай пшеницу изъ амбара въ амбаръ по зерну перетаскивать. Еще далеко до свѣту — вся работа была готова: и пшеница перечищена и ужинъ Ягѣ поспѣлъ.

Мелькнулъ во дворѣ бѣлый всадникъ,—стало разсвѣтать; мелькнулъ красный,—взошло солнце, глаза у череповъ, что всю ночь горѣли, потухли. Затрещали деревья, поднялся вихрь, дрогнула сыра-земля—ѣдетъ Баба-Яга. Настя ее встрѣтила. «Все-ли сдѣлано?»—спрашиваетъ Яга. «Изволь, посмотри сама, бабушка»,—молвила Настя. Яга все осмотрѣла, подосадовала, что не за что разсердиться, и сказала: «Ну, ладно: не сегодня, такъ завтра!»

Потомъ крикнула: «Вѣрные мои слуги, сердечные други! Смелите пшеницу на муку!» Откуда ни возьмись, явилось шесть паръ рукъ, похватали пшеницу изъ амбара и унесли прочь съ глазъ. Подозвала Яга къ себѣ собаку съ котомъ и говоритъ имъ: «Ну, а вы, дармоѣды, смотрите, день не спите, эту дѣвчонку сторожите, чтобы не ушла куда. Проснусь,—тогда въ васъ нужды не будетъ. Да чтобъ и ворота съ яблоней свое дѣло знали. Не то бѣда вамъ всѣмъ».

Наѣлась Баба-Яга, напилась, по вчерашнему спать завалилась, и говоритъ Настѣ: «Ты къ вечеру мнѣ завтрака не готовь, истопи только печку пожарче, а пока я не засну, сядь здѣсь около меня да почеши мнѣ голову». Настя сѣла около Яги. «Что ты такъ на меня, внучка, смотришь? — говоритъ ей Яга. — Ужь не спросить-ли о чемъ хочешь?» — «Хотѣлось бы, бабушка; да все не смѣла». — «Ну, спрашивай, только думай, что спросить хочешь: много будешь знать, скоро состарѣешься». — «Вотъ, когда я на полянѣ стояла, такъ мелькнулъ всадникъ, — самъ бѣлый и на бѣломъ конѣ. Кто онъ такой?» — «Это день мой ясный», - отвѣчаетъ Яга. «Потомъ, немного погодя, красный всадникъ на красномъ конѣ мимо меня проскакалъ. Это кто-же такой?» - «А это мое солнышко красное». — «А что значитъ черный всадникъ на черномъ конѣ, что вечеромъ черезъ поляну промчался и въ твоемъ дворѣ съ глазъ пропалъ?» — «Это ночь моя темная,—все мои слуги вѣрные!» — отвѣчала Баба-Яга, повернулась къ стѣнкѣ и захрапѣла такъ, что съ деревьевъ сухой листъ дождемъ посыпался.

Подождавши немного, вышла Настя на крыльцо; подбѣжалъ къ ней котъ и говоритъ: «Пришла тебѣ бѣда, дѣвица: вѣдь Яга затѣмъ печку тебѣ натопить приказала, чтобы въ ней тебя-же зажарить и тобой позавтракать. А ты печку топи, да трубу не закрывай. Можетъ, пока Яга ее опять калить будетъ — ты и убѣжать успѣешь. Хорошо-бы тебѣ теперь бѣжать, да не можемъ мы тебя выпустить, пока она не проснется. До того времени приказала она намъ тебя сторожить. Что она намъ прикажетъ, то мы и дѣлать должны». Какъ сказалъ котъ, такъ Настя и сдѣлала: печку вытопила, а трубы не закрыла.

Бѣжитъ Настя дремучимъ лѣсомъ.

Проснулась Баба-Яга. «Вытопила печку?» — спрашиваетъ. «Вытопила», — говоритъ Настя. «Жарко?» — «Топила-то жарко, да боюсь, ужь не остыла-ли». Посмотрѣла Яга печку, разсердилась: «Эхъ ты, боярышня! Печку закрыть во время не умѣешь. Смотри, — совсѣмъ холодная. Ступай въ свѣтелку, садись пока прясть; я ужъ сама печку истоплю какъ слѣдуетъ».

Затопила Яга опять печку, — цѣлый возъ дровъ въ нее ввалила; а Настя сидитъ въ свѣтелкѣ, — прясть не прядетъ, все думу думаетъ.

Вынула изъ-за пазухи Буренушкинъ рожокъ, прислушалась, — слышитъ изъ рожка голосъ: «Стоитъ здѣсь въ углу сундукъ. Раскрой его, вынь полотенце и гребенку. Какъ побѣжишь, да будетъ тебя Яга догонять, кинь позади себя гребенку. Не поможетъ гребенка,—кинь полотенце. Да не позабудь черепъ съ забора захватить. Бѣги, какъ стемнѣетъ».

Только раскрыла Настя сундукъ, что въ свѣтелкѣ, въ углу, стоялъ,—а Баба-Яга подошла къ окну и спрашиваетъ: «Ткешь-ли, внучка, ткешь-ли, милая?»—«Тку, бабушка, тку, милая!»—говоритъ Настя, а у самой со страха зубъ-на-зубъ не поподаетъ. Ушла Баба-Яга. Вдругъ, слышитъ Настя: кто-то къ ней въ дверь царапается. Пріотворила, — вбѣжалъ котъ и говоритъ: «Ну, дѣвица, теперь пора, ужь стемнѣло: бѣги скорѣй сколько есть силы». Выскочила Настя изъ свѣтелки,—собачка ее пропустила, ворота передъ ней отворились, яблонька въ сторону отогнулась,— схватила она черепъ съ забора вмѣстѣ съ палкою и пустилась бѣжать въ лѣсъ безъ оглядки.

А котъ сѣлъ за ткацкій станъ,—ткетъ не ткетъ, только путаетъ. Подошла Баба-Яга къ окошку и спрашиваетъ: «Ткешь-ли, внучка, ткешь-ли, милая?» — «Тку, баба, тку!» — говоритъ котъ. Баба-Яга бросилась въ свѣтелку, увидѣла, что Настя ушла,— давай бить кота и ругать, зачѣмъ не выцарапалъ ей глаза. «Я тебѣ сколько служилъ,—говоритъ котъ, — ты мнѣ сухой корки не дала, а она меня косточкой попотчивала». Накинулась Баба-Яга на собаку — зачѣмъ не лаяла, не кусала Настю, когда она убѣгала, на ворота,—зачѣмъ передъ ней отворились, на яблоньку,—зачѣмъ ей глаза не выхлестнула. «Я тебѣ сколько служила,—говоритъ собачка, — ты мнѣ косточки обглоданной не кинула, а она меня мясцомъ покормила».—«Мы тебѣ сколько слу жили,—говорятъ ворота,—ты намъ водицы подъ пяточки не подлила, а она намъ маслица подлила».—«Я тебѣ сколько служу,— говоритъ яблонька, — ты меня и ниточкой не подвязала, а она, добрая, меня ленточкой изъ косы подвязала».

Баба-Яга сѣла поскорѣй въ ступу, — толкачомъ погоняетъ, помеломъ слѣдъ заметаетъ, — и пустилась догонять Настю. Бѣжитъ Настя что есть силы, дремучимъ лѣсомъ. Вокругъ нея

А Баба-Яга ужъ вотъ она. Вотъ-вотъ догонитъ!

ночь темная, непроглядная; видятся ей страшныя чудища, — за сарафанъ ее хватаютъ, дорогу загораживаютъ, — а она все бѣжитъ да бѣжитъ. Вдругъ слышитъ она: далеко-делеко сзади точно буря загудѣла, точно громъ загрохоталъ.... Прислонила ухо къ землѣ, — стонетъ, дрожитъ мать сыра - земля.... Баба-Яга догоняетъ.

Обернулась Настя и кинула назадъ себя гребешокъ. Вдругъ поднялся сзади такой густой лѣсъ, что и мыши между деревьевъ не пробраться, — дремучій да страшный лѣсъ, безъ единой тропиночки. Наскочила Яга на лѣсъ—нельзя дальше. Завыла со злости и давай въ лѣсу себѣ дорогу прогрызать.

А Настя все бѣжитъ да бѣжитъ. Вотъ ужь и лѣсу скоро конецъ, разсвѣтать начало. Вдругъ слышитъ: опять сзади загудѣло, загрохотало пуще прежняго, близится грохотъ, точно буря несется, сто́я слышно, какъ дрожитъ, стонетъ мать сыра - земля. То Баба-Яга прогрызла лѣсъ и въ погоню мчится. Оглянулась Настя, а Баба-Яга—ужь вотъ она, вотъ-вотъ догонитъ!.. Только успѣла Настя кинуть полотенце, — разлилось позади ея широкое синее море, разлилось безъ конца-края. Подхватили волны Бабу-Ягу, назадъ на берегъ вмѣстѣ со ступой выкинули. Постояла-постояла Яга на берегу, скрипнула со злости зубами,—да ничего не подѣлаешь, пришлось назадъ, въ свою берлогу, не солоно хлѣбавши, ворочаться.

Еще солнце не всходило, подошла Настя къ своему дому. У воротъ хотѣла-было она бросить черепъ, что ей всю ночь въ лѣсу свѣтилъ, вдругъ слышитъ,—изъ Буренушкина рожка говоритъ ей голосъ: «Не бросай черепъ, неси къ мачихѣ!»

Мачиха съ своими дочками встрѣтила Настю ласково, и разсказала, что съ той поры, какъ она ушла, у нихъ въ домѣ такъ и не было огня: сами добыть никакъ не могли, а какой отъ сосѣдей приносили, — тотъ сейчасъ гаснулъ, какъ только входили съ нимъ въ горницу. «Авось хоть твой огонь будетъ держаться,» — говоритъ мачиха.

Внесли черепъ въ горницу,—а глаза изъ черепа такъ и глядятъ на мачиху и ея дочерей, такъ и жгутъ! Тѣ-было прятаться,—

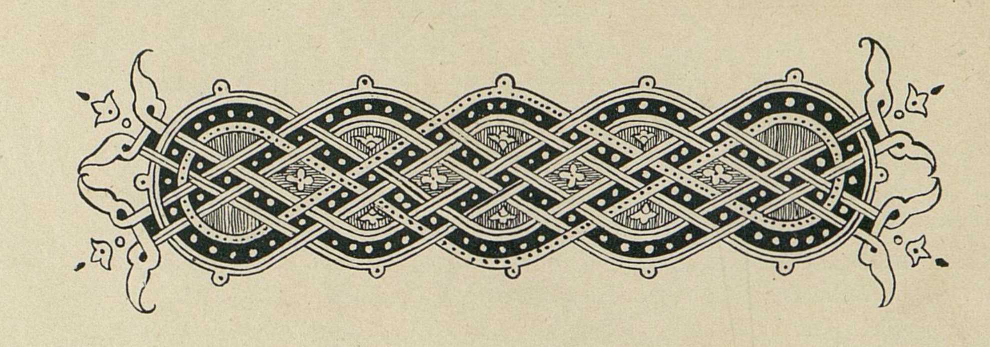
только, куда ни бросятся, глаза всюду за ними такъ и слѣдятъ. Въ минуту совсѣмъ сожгло ихъ въ уголь, одной Василисы не тронуло.

Скоро вернулся изъ отлучки Настинъ отецъ. Настя ему все разсказала, и стали они жить вдвоемъ въ мирѣ да согласіи лучше прежняго, потому что какъ померла мачиха, такъ и колдовство ея надъ Настинымъ отцомъ кончилось.

Бѣдный мужикъ.

Шелъ бѣдный мужикъ полемъ и увидалъ подъ кустомъ зайца. Обрадовался мужикъ: «Вотъ, — думаетъ, — счастье-то! Сейчасъ я этого зайца плетью убью, снесу въ городъ и продамъ, а на тѣ деньги куплю себѣ курочку. Курочка нанесетъ яицъ, высидитъ цыплятъ; какъ подростутъ цыплята, я ихъ продамъ и куплю себѣ свинку. Свинка принесетъ мнѣ двѣнадцать поросятъ; поросята подростутъ, принесутъ каждый еще по двѣнадцати, а тѣ выростутъ — опять по двѣнадцати принесутъ. Я ихъ всѣхъ переколю, мясо продамъ, на денежки домъ и все хозяйство заведу, а самъ женюсь. Родятся у меня двое сыновей: Ванька да Васька. Дѣтки станутъ съ работниками пашню пахать, а я буду у окна сидѣть да порядки давать: «Эй вы, ребятки, — крикну, — Ванька да Васька! Очень-то людей къ работѣ не невольте, видно сами бѣдно не живали!»

Да такъ громко крикнулъ мужикъ, что заяцъ испугался и убѣжалъ, а съ нимъ и домъ мужиковъ и все богатство и жена и дѣти пропали.

Бабья работа.

Заспорили мужъ съ женой: чья работа труднѣе. Мужъ говоритъ: «Что у тебя за дѣло? Все въ избѣ да на дворѣ. Замерзнешь — отогрѣться не долго, жарко станетъ — въ холодкѣ посидишь. Попробовала бы ты по нашему: въ полѣ попахать или въ лѣсу зимой дровъ порубить, — узнала бы, каково хлѣбъ достается.» А жена свое: «Нѣтъ, наша бабья работа труднѣе.» Спорили, спорили и порѣшили, чтобы на другой день помѣняться: женѣ въ полѣ пахать, а мужу дома управляться.

Собралась жена въ поле до свѣта и наказываетъ мужу: «Смотри, не проспи—когда нужно будетъ скотину въ поле выгонять; да насѣдку съ цыплятами береги, чтобы ястребъ какого цыпленка не унесъ; да чтобъ обѣдъ у тебя былъ готовъ къ тому времени, какъ я съ поля вернусь: проса на кашу натолки, хлѣбъ испеки да масла сбей.» И уѣхала въ поле.

Пока мужикъ вставать собрался,—стóитъ-ли для бабьей работы торопиться,—пока одѣлся да вышелъ скотину выгонять, — а стадо ужъ и прогнали: пришлось бѣгомъ догонять. Вернулся

домой, да чтобъ ястребъ цыплятъ не потаскалъ, — онъ всѣхъ ихъ веревочкой къ насѣдкѣ привязалъ и пустилъ ходить по двору, а самъ сталъ около печи управляться.

Затопилъ онъ печь. Помнитъ, что, пока печка топится, жена всегда тѣсто мѣсила и просо на кашу толкла,—вотъ онъ замѣсилъ тѣсто и давай просо толочь, да, чтобы сразу и масло сбить,— привязалъ къ поясу кувшинъ со сметаной. Думаетъ: какъ будетъ просо толочь,—и масло собьетъ.

Только что началъ толочь просо въ ступѣ, — насѣдка на дворѣ какъ заклохчетъ: Кирръ, кирръ! а цыплята какъ запищатъ.. Онъ на дворъ, взглянуть, чего это они тамъ, — зацѣпился второпяхъ за порогъ, растянулся и кувшинъ со сметаной разбилъ. Да ужь и не до сметаны тутъ; глядитъ,—здоровенный ястребище ухватилъ цыпленка, а за нимъ и остальные цыплята съ насѣдкой кверху потянулись,—потому что связаны вмѣстѣ были. Пустился мужикъ бѣжать въ ту сторону, куда ястребъ цыплятъ понесъ; бѣжалъ-бѣжалъ,—не догналъ. Такъ и скрылся ястребъ изъ виду

Вернулся мужикъ назадъ; глядь,—изба растворена, у порога собака сметану дolизываетъ. Онъ ее палкой. Вошелъ въ избу,— а туда свиньи забрались: одна свалила на полъ тѣсто и уплетаетъ его за обѣ щеки, а другая опрокинула ступу и около проса старается. Давай онъ свиней выгонять; выгналъ, всю палку объ нихъ измочалилъ. Смотритъ, — а въ печи ужь давно погасло. Эхъ, что-бъ васъ!.... Совсѣмъ съ толку сбился мужикъ, стоитъ посреди избы да въ затылкѣ чешетъ.

Пока онъ думалъ,—ужь и обѣдать время подошло, жена съ поля вернулась. Въѣхала она во дворъ, смотритъ,—нѣтъ насѣдки. Распрягла лошадь, вошла въ избу и спрашиваетъ у мужа:

— Гдѣ насѣдка съ цыплятами?

— Гдѣ! Ястребъ унесъ, вотъ гдѣ. Я нарочно всѣхъ цыплятъ ве. ревочкой къ насѣдкѣ привязалъ, чтобы ястребъ котораго не унесъ или чтобы не разбѣжались. А ястребъ налетѣлъ да такой здоровенный, что и насѣдку и цыплятъ сразу утащилъ.

— А обѣдъ готовъ?

— Сготовишь тутъ, когда въ печкѣ погасло.

— Масло сбилъ?

— Ну тебя съ масломъ! Я чуть голову себѣ не разбилъ: побѣжалъ за насѣдкой, споткнулся, кувшинъ разбился, — вонъ и черепки валяются. А сметану собака слизала.

— Да что это у тебя тѣсто по всей избѣ?

— Все твои свиньи проклятыя. Я кинулся за насѣдкой,—а онѣ въ избу: одна тѣсто стащила, другая ступу опрокинула и просо поѣла.

— Такъ ты ничего не сдѣлалъ?

— Не сдѣлалъ! Сдѣлаешь тутъ съ этими ястребами да свиньями.

— А я вотъ вспахала же всю полосу, да смотри, въ какую еще пору домой вернулась.

— Ишь, тамъ-то одно дѣло, а тутъ — вонъ сколько! И одно дѣлай, и другое, и третье. Гдѣ со всѣмъ управиться.

— Какъ-же я то каждый день управляюсь? То-то вотъ и есть: не спорь въ другой разъ, не говори, что намъ, бабамъ, дѣлать нечего.

Нищему подать,—Богу взаймы дать.

Въ одномъ городѣ жилъ-былъ татаринъ. Былъ онъ человѣкъ бѣдный, вдовый, съ малыми дѣтьми. Цѣлый день его дома нѣтъ, — онъ на поденщину ходилъ,— ребятишки все одни да одни: ни прибрать ихъ, ни накормить, ни присмотрѣть за ними некому. Жениться бы ему опять, — да кто за такого бѣднаго пойдетъ, чужихъ ребятъ няньчить? Вотъ и надумалъ татаринъ взять себѣ въ домъ работницу. Хоть и тяжело бѣдняку лишній ротъ кормить, да что подѣлаешь,— жалко дѣтей.

Нашлась и работница подходящая. Померъ тутъ мужикъ одинъ, бѣдный, пребѣдный; такъ послѣ него дочь-сирота осталась. Ее татаринъ и сговорилъ, чтобъ служила у него изъ-за

хлѣба. Стали они жить. Дѣвушка,—Машей ее звали,—въ домѣ управляется, за дѣтьми смотритъ, обѣдъ готовитъ,—а татаринъ на поденщинѣ работаетъ. И такъ эта Маша ко двору ему пришлась, такъ за его татарчатами смотрѣла,—словно имъ мать родная,—что лучше ему, спокойнѣе за ней было жить, чѣмъ за своей женой: во всемъ онъ ей вѣрилъ, обо всѣхъ своихъ дѣлахъ съ ней совѣтовался. И заработокъ у него сталъ больше: первое, что работа навернулась выгодная, а второе—и работаться стало спорѣе, какъ пересталъ онъ ежечасно о своихъ ребятишкахъ душой болѣть.

Разъ вечеромъ, когда татаринъ дома былъ, подошелъ къ окошку нищій, старый старичокъ и проситъ милостынку. Маша подала ему хлѣба крающку. «Что это ты, дѣвушка,—говоритъ Машѣ татаринъ,—нищимъ хлѣбъ раздаешь? Самимъ намъ только хватаетъ.»—«Ничего, сами какъ нибудь сыты будемъ; по нашему, надо нищимъ подавать, потому что нищему подать все равно, что Богу взаймы дать. А нашъ Богъ за добро во сто разъ отдаетъ»,—говоритъ ему Маша.

Былъ у татарина прикопленъ на черный день серебряный цѣлковый. И чудно́е дѣло: съ той поры, какъ завелся у него этотъ цѣлковый — завелась и лишняя забота. Ночью татаринъ просыпаться сталъ: боится, не укралъ бы кто его денегъ, днемъ все ему думается: какъ бы этотъ цѣлковый въ оборотъ пустить, чтобы не лежалъ онъ такъ, даромъ, а выгоду приносилъ бы.

Запали татарину въ голову Машины слова; думалъ онъ, думалъ и порѣшилъ дать свой цѣлковый Русскому Богу взаймы. Пришелъ въ Воскресенье на церковную паперть—и отдалъ деньги первому нищему.

Долго-ли, коротко-ли, — заболѣла вдругъ татаринова работница, и такъ тяжко заболѣла, что съ постели встать не можетъ,— вся, какъ огонь горитъ, какъ свѣчка день ото дня таетъ. Правду люди сказываютъ: бѣда идетъ, — за собой другую ведетъ. Какъ на грѣхъ, и хозяинъ Машинъ въ то-же время повредилъ себѣ руку топоромъ, — и ему работать нельзя. Пришла тутъ имъ бѣда неминучая: дѣти голодныя кричатъ, плачутъ ѣсть просятъ, а въ домѣ завалящаго куска хлѣба нѣтъ и до-

быть неоткуда. Вспомнилъ татаринъ про свой цѣлковый, что Русскому Богу взаймы отдалъ и говоритъ Машѣ: «Вотъ, дѣвушка, когда мой запасный цѣлковый намъ пригодился бы. Я его Вашему Богу, какъ ты меня учила, взаймы далъ, — надо бы теперь его назадъ взять. Больно нужно.»

А Маша и отвѣтить ему ничего не можетъ,—такъ разболѣлась. Пошелъ татаринъ на паперть, сталъ искать того нищаго, которому свой рубль далъ,—нѣтъ нищаго. Видитъ онъ, что проходятъ люди изъ церкви,—въ то время обѣдня шла, — и подаютъ нищимъ милостыню, сталъ и онъ руку протягивать. Стоялъ, стоялъ, люди мимо идутъ, ничего ему не даютъ, все говорятъ: «Богъ подастъ!» Наконецъ, ужь и обѣдня отошла,—выходитъ изъ церкви послѣ всѣхъ старый старичокъ въ бѣдной одежѣ, и подалъ татарину копѣечку.

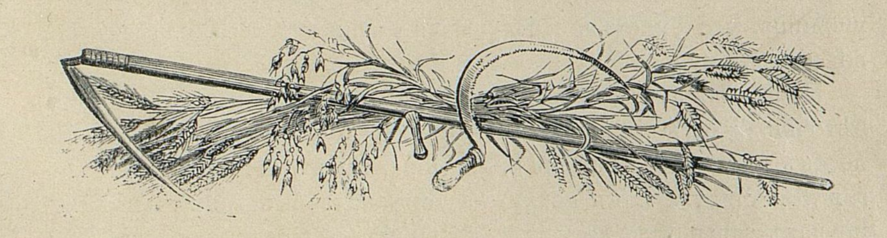
Воротился татаринъ домой и говоритъ Машѣ: «Вотъ, повѣрилъ я тебѣ, что Вашъ Богъ во сто разъ долги отдаетъ, а мнѣ за мой цѣлковый одну копѣйку отдалъ. Какъ мнѣ теперь копѣйкой васъ всѣхъ накормить?» Пошолъ онъ на рынокъ; что ни спроситъ, — все дороже копѣйки стоитъ, такъ и не купилъ ничего. Идетъ домой, голову повѣсивши,—а дорога шла берегомъ,—глядитъ: рыбакъ только что бредень вытащилъ, крупную рыбу отъ мелкой отбираетъ. Вотъ онъ и говоритъ рыбаку: «Дай мнѣ, добрый человѣкъ, рыбу за копѣйку: дома дѣти третій день неѣвши.» Рыбакъ пожалѣлъ его и далъ ему за копѣйку рыбу — такъ небольшую.

Дома сталъ татаринъ эту рыбу чистить, чтобы дѣтямъ ее сварить, разрѣзалъ,—глядь, внутри у нея маленькій камушекъ, словно стекла кусочекъ, только на солнцѣ очень ужь сильно блеститъ, радугой переливается. Онъ его Машѣ показалъ, а она ему и говоритъ,—ей полегче стало:—«Точно самоцвѣтный камушекъ. Сходи къ жиду, золотыхъ дѣлъ мастеру, — не дастъ ли за него чего.» Пришелъ татаринъ къ жиду. Только взглянулъ жидъ на камень — такъ у него глаза и загорѣлись. «Гдѣ ты это взялъ?» — спрашиваетъ. Татаринъ ему разсказалъ. «Ну,—говоритъ ему жидъ,—это ничего не стоитъ, такъ стеклышко.» — «Коли ничего не стоитъ, и не надо; отдамъ дѣтямъ

играть. Положилъ татаринъ камушекъ въ карманъ и сталъ было уходить, а жидъ его за кафтанъ: «Погоди, погоди,—говоритъ;— и у меня дѣти играть любятъ. Давай сюда твой камушекъ, я тебѣ, такъ ужь и быть, ради твоей бѣдности, дамъ за него три цѣлковыхъ!» — «Что-то ужь сразу много жидъ даетъ, — думаетъ татаринъ, — можетъ, вещь-то цѣнная. Нѣтъ, — говоритъ, — что ужь! Вы, жиды, ради бѣдности чужимъ не дадите. Пойду, въ другомъ мѣстѣ камню цѣну узнаю.» — «Зачѣмъ въ другомъ мѣстѣ? Никто тебѣ больше моего не дастъ. Хочешь десять рублей?—«Не хочу!» - «Ну, двадцать»—«И ста рублей не возьму»—«Бери сто рублей»—«Эге,—думаетъ татаринъ,—вотъ она вещь-то какая! Ладно,— говоритъ, — хочешь дать тысячу рублей,—получай камень, твое счастье!» Жидъ торговаться; ухватился за камень, весь дрожитъ, глаза блестятъ, вертитъ его въ рукахъ, на свѣтъ прикидываетъ. Набавилъ двѣсти, триста, пятьсотъ рублей,—не уступаетъ татаринъ. Нечего дѣлать, отсчиталъ ему жидъ за камушекъ тысячу рублей. Извѣстно, камень-то три стоилъ.

Воротился домой татаринъ, подошелъ къ Машѣ и говоритъ ей, да тихо такъ, степенно: «Ну, Маша, правда твоя. Великъ Вашъ Богъ христіанскій, правая ваша вѣра! Хочу по ней жить.»

Въ довольствѣ да въ холѣ скоро Маша поправилась. Хозяинъ ея окрестился, женился на ней и стали они жить, поживать да бѣдныхъ людей не забывать.

Ивашечка и вѣдьма.

Худое было житье старику со старухою: вѣкъ они прожили, а дѣтей не нажили. Съ молоду еще ничего, жили, другъ другу помогали; состарѣлись — напиться подать некому; и тужатъ и плачутъ.

Пошолъ разъ старикъ въ лѣсъ за дровами, выбралъ дерево, какое приглянулось — и только-что замахнулся топоромъ, вдругъ говоритъ ему дерево человѣчьимъ голосомъ: «Подожди, добрый человѣкъ, не руби меня подъ корень, дай мнѣ еще на бѣломъ свѣтѣ постоять, на ясномъ солнышкѣ погрѣться. Я твое горе знаю и въ немъ тебѣ помогу. Срѣжь ты съ меня малую вѣточку, снеси домой, прикажи старухѣ ее въ чистыя пеленки укутать, новымъ свивальникомъ обвить да въ теплую золу подъ печку положить— увидишь, что̀ будетъ». Послушался старикъ дерева, сдѣлалъ все по сказанному.

Ночью сидятъ старикъ и старуха въ избѣ, ждутъ, что̀ изъ вѣточки будетъ. Вдругъ зашевелилось что-то подъ печкою и голосокъ слышится: «Батюшка, матушка, выньте меня отсюда!» Поглядѣла старуха подъ печку,—а тамъ мальчикъ лежитъ, въ пеленочкахъ завернутъ, да такой славный,—настоящая ягодка. Ужь какъ сынку старики обрадовались, и сказать нельзя. Назвали его Ивашечкой, и стали беречь, ростить.

Ростетъ Ивашечка, подростаетъ, въ разумъ приходитъ. Какъ стало ему семь годковъ, говоритъ онъ отцу: «Сдѣлай мнѣ, батюшка, челночокъ да весельце; буду я по озеру плавать, вамъ рыбку ловить».—«Куда тебѣ, ты еще малъ, утонешь, чего добраго!»—«Нѣтъ, не утону, пусти». Сдѣлалъ ему старикъ челнокъ да весельце, старуха надѣла на сынка бѣлую рубашку съ краснымъ поясомъ,—и отпустили. Вотъ Ивашечка сѣлъ въ свою лодку и сталъ приговаривать: «Челночокъ, челночокъ, плыви отъ берега дальше! Челночокъ, челночокъ, плыви отъ берега дальше!» Челнокъ и поплылъ—далеко-далеко.

Въ Воскресенье пришла старуха на берегъ и стала кликать Ивашечку: «Ивашечка, мой сыночекъ, плыви, плыви къ бережочку! Я, мать, пришла, тебѣ ѣсть принесла. Принесла тебѣ ѣсть-пить, чистую сорочечку перемѣнить!» Услыхалъ Ивашечка материнъ голосъ и сталъ приговаривать: «Челночокъ, челночокъ, плыви къ берегу ближе: это меня матушка зоветъ!» Приплылъ челнокъ къ берегу, старуха Ивашечку накормила, напоила, чистую сорочку съ краснымъ пояскомъ на него надѣла и опять за рыбкой отпустила.

На другую недѣлю старикъ пришолъ къ берегу и зоветъ сынка: «Ивашечка, мой сыночекъ, плыви, плыви къ бережочку! Я, отецъ, пришолъ, тебѣ есть принесъ. Принесъ тебѣ ѣсть-пить, чистую сорочечку перемѣнить!» Услыхалъ Ивашечка отцовъ голосъ и сталъ приговаривать: «Челночокъ, челночокъ, плыви къ берегу ближе: это меня батюшка зоветъ». Челнокъ приплылъ къ бережку; старикъ забралъ рыбу, что Ивашечка наловилъ, накормилъ-напоилъ сынка, перемѣнилъ ему чистую сорочку и отпустилъ опять ловить рыбку.

Услыхала вѣдьма, какъ старикъ и старуха сынка кликали, и задумала поймать Ивашечку, чтобы его съѣсть. Вотъ пришла она на берегъ и завыла страшнымъ голосомъ: «Ивашечка, мой сыночекъ! Плыви, плыви къ бережочку! Я, мать, пришла, тебѣ ѣсть принесла!» А Ивашечка распозналъ, что это вѣдьминъ голосъ, а не материнъ, и говоритъ: «Челночокъ, челночокъ, плыви отъ берега дальше! Челночокъ, челночокъ, плыви отъ берега дальше! То не мать, то меня вѣдьма зоветъ!» Челнокъ и поплылъ—далеко-далеко.

Вѣдьма видитъ, что такъ Ивашечку не обманешь, побѣжала къ кузнецу: «Кузнецъ, кузнецъ,—говоритъ, — скуй мнѣ такой голосокъ, какъ у Ивашкиной матери; а то я тебя съѣмъ.» Испугался кузнецъ: нечего дѣлать, — сковалъ вѣдьмѣ такой голосокъ, какъ у Ивашечкиной матери. Вѣдьма прибѣжала къ берегу, спряталась въ кустахъ и давай кликать Ивашечку какъ разъ такимъ голоскомъ, какъ у его матери: «Ивашечка, мой сыночекъ, плыви, плыви къ бережочку! Я, мать, пришла, тебѣ ѣсть принесла. Принесла тебѣ ѣсть-пить, чистую сорочечку перемѣнить!» Ивашечка обознался, приплылъ къ берегу, — а вѣдьма выскочила, схватила его, сунула въ мѣшокъ и помчала къ себѣ домой.

Пришла вѣдьма домой и приказываетъ своей работницѣ Алёнкѣ: «Истопи пожарче печь да зажарь мнѣ Ивашку хорошенько, а я пойду по дѣлу».

Вотъ Алёнка истопила печь жарко-жарко, взяла лопату, на которой хлѣбы въ печь сажаютъ, и говоритъ Ива-

Бросилась вѣдьма дерево грызть, на которомъ Ивашечка сидѣлъ.

шечкѣ: «Ну, ложись на лопату!» Ивашечка легъ поперекъ лопаты—нельзя Аленкѣ его въ печь сунуть. «Не такъ, глупый: ты вдоль лягъ!» Ивашечка легъ вдоль, да ногами въ устье печки уперся,—опять нельзя Аленкѣ его всунуть. «Эхъ, опять не такъ!»—«Да я малъ еще, не знаю, какъ тебѣ нужно,—говоритъ Ивашечка.—Ты сама мнѣ покажи.»—«Хорошо, показать не долго!» Легла Аленка вдоль лопаты, ноги вытянула, руки сложила, а Ивашечка—шмыгъ ее въ печь, заслонкой закрылъ, лопатой заслонку приперъ. Самъ вышелъ изъ вѣдьминаго дома, заперъ двери, залѣзъ на высокое-высокое дерево, на самую верхушку, и сидитъ.

Воротилась вѣдьма домой, стучится—никто ей не отворяетъ. «Ишь, — говоритъ, — ушла лѣнтяйка изъ дому; навѣрно гдѣ нибудь теперь съ подругами болтается!» Влѣзла въ окошко, отворила изнутри дверь, накрыла столъ, вынула жареную Аленку изъ печи—и давай ѣсть. Ѣла-ѣла —всю Аленку съѣла, потомъ вышла на лужокъ и стала на травкѣ валяться да приговаривать: «Покатаюся, поваляюся, Ивашкинаго мясца поѣвши! Покатаюся, поваляюся, Ивашкинаго мясца поѣвши!» А Ивашечка ей съ дерева: «Покатайся, поваляйся, Аленкинаго мясца поѣвши!»—«Что это, будто меня кто переговариваетъ?»—говоритъ вѣдьма. Поглядѣла туда-сюда,—нѣтъ никого. Опять давай валяться по травкѣ: «Покатаюся, поваляюся, Ивашкинаго мясца поѣвши!» А Ивашечка съ дерева опять ей: «Покатайся, поваляйся, Аленкинаго мясца поѣвши!»

Перестала вѣдьма кататься, прислушалась, посмотрѣла туда-сюда. Глядь—а на деревѣ Ивашечка сидитъ. Такъ и взвыла она со злости, заскрипѣла зубами и бросилась дерево грызть, на которомъ Ивашечка сидѣлъ. Грызла, грызла, грызла,—передніе зубы выломала. Побѣжала къ кузнецу: «Кузнецъ, кузнецъ! Скуй мнѣ желѣзные зубы, а то я тебя съѣмъ!» Что кузнецу сдѣлать? Сковалъ онъ ей желѣзные зубы. Прибѣжала вѣдьма къ дереву, впилась въ него желѣзными зубами—зашаталось, затрещало дерево.

Сидитъ Ивашечка ни живъ, ни мертвъ,—вдругъ видитъ: летитъ стадо гусей. Взмолился онъ, сталъ ихъ упрашивать: «Гуси мои, лебедушки! Возьмите меня на крылышки! Отнесите къ отцу, къ матери; тамъ васъ накормятъ, напоятъ!» — «Ка - га! — говорятъ гуси.—Пусть тебя задніе возьмутъ!» А вѣдьма грызетъ,—только

щепки летятъ,—дерево трещитъ, шатается. Летитъ другое стадо гусей. «Гуси мои, лебедушки!—молитъ ихъ Ивашечка.—Возьмите меня на крылышки! Отнесите къ отцу, къ матери; тамъ васъ накормятъ, напоятъ!» «Ка-га!—говорятъ гуси.—Пусть тебя отсталый гусенокъ возьметъ!»

Не летитъ отсталый гусенокъ, а дерево совсѣмъ ужь перегрызено, вотъ-вотъ повалится. Остановилась вѣдьма отдохнуть, глядитъ на Ивашечку, облизывается. Вдругъ, летитъ отсталый гусенокъ, чуть крылышками машетъ. Взмолился къ нему Ивашечка: «Ой, ты гусекъ-лебедь мой! Возьми меня на крылышки, отнеси къ отцу, къ матери! Тамъ тебя до сыта накормятъ, холодной водицей напоятъ!» Пожалѣлъ гусенокъ Ивашечку, подхватилъ его на крылья—и полетѣлъ съ нимъ вмѣстѣ.

Прилетѣлъ гусенокъ къ Ивашечкиному дому и опустился на крышу. А старуха въ то время блиновъ напекла, сидятъ они со старикомъ, сынка Ивашечку поминаютъ. «Это тебѣ, старикъ, блинъ, а это мнѣ! Это—тебѣ, а это—мнѣ; это—тебѣ, а это—мнѣ,»—говоритъ старуха.—«А мнѣ?»—отозвался Ивашечка.—«Это тебѣ, старикъ, а это—мнѣ...»—«А мнѣ?»—«Посмотри-ка, старикъ, что это тамъ на крышѣ отзывается». Вышелъ старикъ, глядь,—а на крышѣ Ивашечка сидитъ живой, здоровый. Обрадовались ему отецъ съ матерью такъ, что и разсказать нельзя.

И стали они жить-поживать, добра наживать. А отсталаго гусенка отпоили, откормили, на волю пустили. Съ той поры началъ онъ широко крыльями махать, впереди стада летать; и теперь живетъ-поживаетъ, Ивашечку вспоминаетъ.

Про серебряное блюдечко и наливное яблочко.

мужика съ женой, было три дочери: двѣ — нарядницы, затѣйницы, а третья — простоватая; и зовутъ ее сестры, а за ними и отецъ съ матерью, — дурочкой. Дурочку вездѣ толкаютъ, во все помыкаютъ, работать заставляютъ; она не молвитъ и слова, на все готова: и траву полетъ, и лучину колетъ, коровушекъ доитъ, уточекъ кормитъ. Кто что ни спроситъ, все дура приноситъ: «Дура, поди! За всѣмъ, дура, гляди!»

Ѣдетъ мужикъ съ сѣномъ на ярмарку, обѣщаетъ дочерямъ гостинцевъ купить. Одна дочь проситъ: «Купи мнѣ, батюшка, кумачу на сарафанъ.» Другая дочь проситъ: «Купи мнѣ алой китайки». А дура молчитъ да глядитъ. Хоть дура, да дочь; жаль отцу—и ее спросилъ: «Чего тебѣ, дура, купить?» Дура усмѣхнулась и говоритъ: «Купи мнѣ, свѣтъ-батюшка, серебряное блюдечко да наливное яблочко.» — «Да на что тебѣ?» — спрашиваютъ сестры. —«Стану я катать яблочкомъ по блюдечку, да слова приговаривать, которымъ научила меня прохожая старушка за то, что я ей калачъ подала.» Мужикъ обѣщалъ и поѣхалъ.

Близко ли, далеко ли, мало ли, долго ли былъ онъ на ярмаркѣ, сѣно продалъ, гостинцевъ купилъ: одной дочери алой китайки, другой кумачу на сарафанъ, а дурѣ серебряное блюдечко да наливное яблочко; возвратился домой и показываетъ. Сестры

рады были, сарафаны пошили, а на дуру смѣются, да ждутъ, что она будетъ дѣлать съ серебрянымъ блюдечкомъ, съ наливнымъ яблочкомъ. Дура не ѣстъ яблочко, а сѣла въ углу,—приговариваетъ:

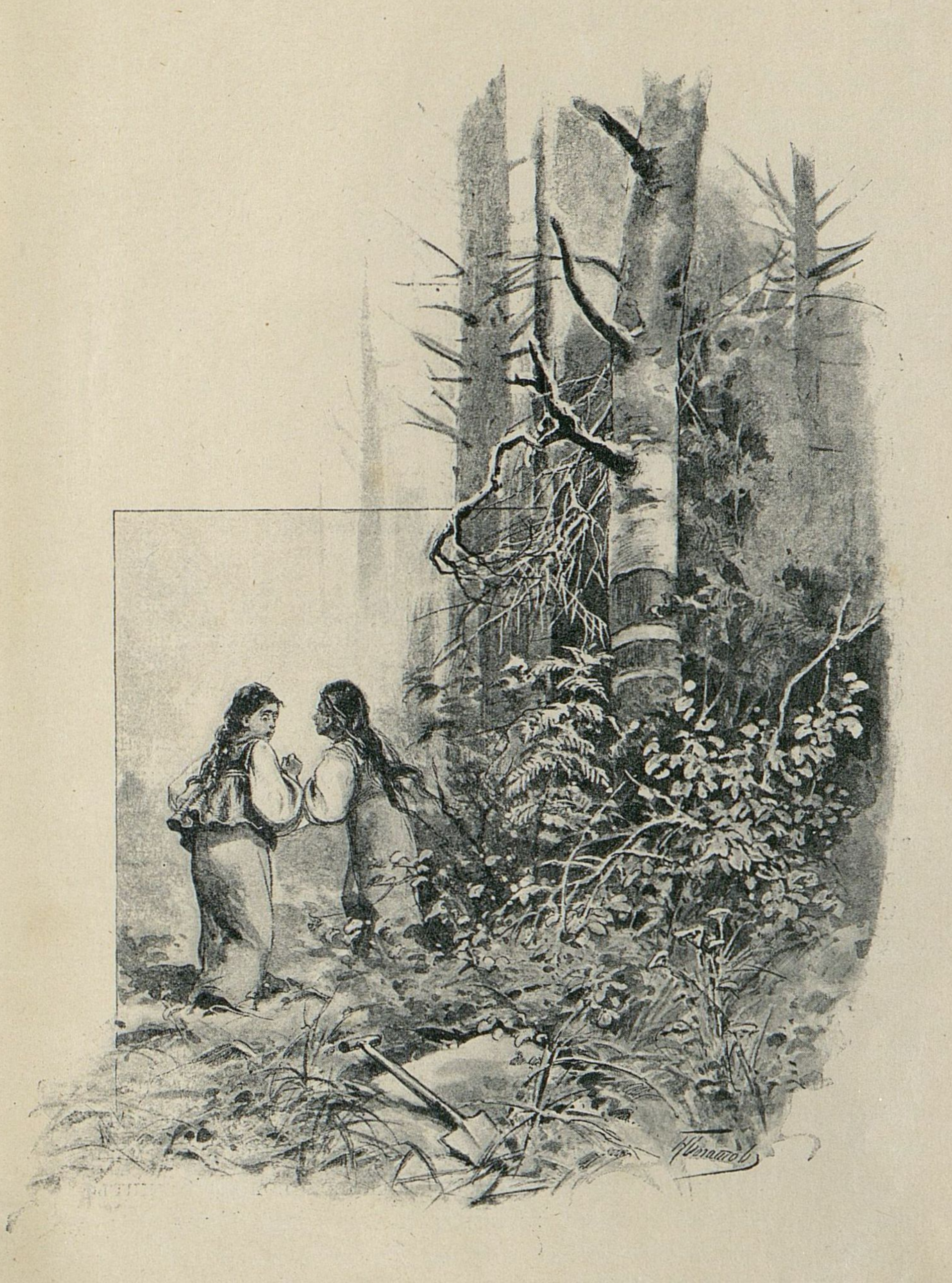
— Катись-катись, яблочко, по серебряному блюдечку, показывай мнѣ города и поля, лѣса и моря, и горъ высоту, и небесъ красоту!»

Катится яблочко по блюдечку, наливное по серебряному, а на блюдечкѣ всѣ города одинъ за другимъ видны, корабли на моряхъ и полки на поляхъ, и горъ высота, и небесъ красота. Солнышко за солнышкомъ катится, звѣзды въ хороводъ собираются—такъ все красиво, на диво, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать! Заглядѣлись сестры, а самихъ зависть беретъ, какъ-бы выманить у дуры блюдечко; но она свое блюдечко ни на что не промѣняетъ.

Злыя сестры похаживаютъ, зовутъ, подговариваютъ: «Душенька сестрица! Въ лѣсъ по ягоды пойдемъ, землянички наберемъ.» Дурочка блюдечко отцу отдала, встала да въ лѣсъ пошла; съ сестрами бродитъ, ягоды сбираетъ, и видитъ, что на травѣ заступъ лежитъ. Вдругъ злыя сестры заступъ схватили, дурочку убили, подъ березкой схоронили, а къ отцу поздно пришли, говорятъ: «Дурочка отъ насъ убѣжала, безъ вѣсти пропала; мы лѣсъ обошли, ее не нашли: видно, волки съѣли!» Жалко отцу—хоть дура, да дочь! Плачетъ мужикъ по дочери; взялъ онъ блюдечко и яблочко, положилъ въ ларецъ да замкнулъ; а сестры слезами обливаются.

Водитъ стадо пастушокъ, трубитъ въ трубу на зарѣ и идетъ по лѣсу овечку отыскивать. Видитъ онъ бугорокъ подъ березкой въ сторонѣ, а на немъ вокругъ цвѣты алые, лазоревые, надъ цвѣтами тростинка. Пастушокъ молодой срѣзалъ тростинку, сдѣлалъ дудочку, а дудочка сама поетъ - выговариваетъ:

— Играй-играй, дудочка! Потѣшай свѣта-батюшку, мою родимую матушку и голубушекъ сестрицъ моихъ. Меня, бѣдную, загубили, со свѣту сбыли за серебряное блюдечко, за наливное яблочко. Люди слышатъ, сбѣжались, вся деревня за пастухомъ идетъ;

Злыя сестры заступъ схватили, дурочку убили, подъ березкой схоронили.

пристаютъ къ пастуху, выспрашиваютъ, кого загубили? Отъ распросовъ отбою нѣтъ. «Люди добрые!—говоритъ пастухъ,—ничего я не вѣдаю, а искалъ въ лѣсу овечку и увидѣлъ бугорокъ, на бугоркѣ цвѣточки, надъ цвѣточками тростинка; срѣзалъ я тростинку, сдѣлалъ себѣ дудочку, сама дудочка играетъ-выговариваетъ.» Случился тутъ отецъ дурочки, слышитъ слова пастуха, схватилъ дудочку, а дудочка сама поетъ:

— Играй-играй, дудочка, родимому батюшкѣ; потѣшай его съ матушкой. Меня бѣдную загубили, со свѣту сбыли за серебряное блюдечко, за наливное яблочко.»—«Веди насъ, пастухъ!—говоритъ отецъ,—туда, гдѣ срѣзалъ ты тростинку.»

Пошелъ за пастухомъ онъ въ лѣсокъ, на бугорокъ, и дивится на цвѣты красивые, цвѣты алые, лазоревые. Вотъ начали разрывать бугорокъ и мертвое тѣло отрыли. Отецъ всплеснулъ руками, застоналъ, дочь несчастную узналъ, лежитъ она убитая, невѣдомо кѣмъ загубленая, невѣдомо кѣмъ зарытая. Добрые люди спрашиваютъ, кто убилъ-загубилъ ее? А дудочка сама играетъ-выговариваетъ:

— Свѣтъ мой батюшка родимый, меня сестры въ лѣсъ зазвали, меня бѣдную загубили за серебряное блюдечко за наливное яблочко; не пробудишь ты меня отъ сна тяжкаго, пока не достанешь воды изъ колодезя царскаго.... Двѣ сестры-завистницы затряслись, поблѣднѣли, а душа какъ въ огнѣ, и признались въ винѣ; ихъ схватили, связали, въ темной погребъ замкнули до царскаго указа, высокаго повелѣнья; а отецъ въ путь собрался въ городъ престольный.

Скоро ли, долго ли—прибылъ въ тотъ городъ. Ко дворцу онъ приходитъ; вотъ съ крыльца золотаго царь-солнышко вышелъ, старикъ въ землю кланяется, царской милости проситъ. Говоритъ царь: «Возьми, старикъ, живой воды изъ царскаго колодезя; когда дочь оживетъ, представь ее намъ съ блюдечкомъ, яблочкомъ, съ лиходѣйками-сестрами.» Старикъ радуется, въ землю кланяется, и домой везетъ скляницу съ живою водою; бѣжитъ онъ въ лѣсокъ на цвѣтной бугорокъ, отрываетъ тамъ тѣло. Лишь онъ спрыснулъ водой—встала дочь передъ нимъ живой, и припала голубкой на шею отцу. Люди сбѣжались, наплакались.

Поѣхалъ старикъ въ престольный городъ; привели его въ царскія палаты. Вышелъ царь-солнышко, видитъ старика съ тремя дочерьми: двѣ за руки связаны, а третья дочь — какъ весенній цвѣтъ, очи — райскій свѣтъ, по лицу заря, изъ очей слезы катятся, будто жемчугъ падаютъ. Царь глядитъ, удивляется; на злыхъ сестеръ прогнѣвался, а красавицу спрашиваетъ: «Гдѣ-жь твое блюдечко и наливное яблочко?» Тутъ взяла она ларчикъ изъ рукъ отца, вынула яблочко съ блюдечкомъ, а сама царя спрашиваетъ: «Что ты, царь-государь, хочешь видѣть: города-ль твои крѣпкіе, полки-ль твои храбрые, корабли ли на морѣ, чудныя-ль звѣзды на небѣ?»

Покатила наливнымъ яблочкомъ по серебряному блюдечку, а на блюдечкѣ-то одинъ за однимъ города выставляются, въ нихъ полки собираются, со знаменами со пищалями, въ боевой строй становятся; воеводы передъ строями, головы передъ взводами, десятники передъ десятнями; и пальба и стрѣльба, дымъ облако свилъ, все изъ глазъ сокрылъ! Яблочко по блюдечку катится, наливное по серебряному: на блюдечкѣ море волнуется, корабли, какъ лебеди, плаваютъ, флаги развѣваются, съ кормы стрѣляютъ; и стрѣльба, и пальба, дымъ облако свилъ, все изъ глазъ сокрылъ! Яблочко по блюдечку катится, наливное по серебряному: въ блюдечкѣ все небо красуется, солнышко за солнышкомъ кружится, звѣзды въ хороводъ собираются.

Царь удивленъ чудесами, а красавица льется слезами, передъ царемъ въ ноги падаетъ, проситъ помиловать: «Царь-государь!— говоритъ она, — возьми мое серебряное блюдечко и наливное яблочко, лишь прости сестеръ моихъ, за меня не губи ты ихъ.» Царь на слезы ея сжалился, по прошенью помиловалъ; она отъ радости вскрикнула, обнимать сестеръ бросилась.

Царь глядитъ, изумляется; взялъ красавицу за руки, говоритъ ей привѣтливо: «Я почту доброту твою, отличу красоту твою: хочешь ли быть мнѣ супругою, царству доброй царицею?»—«Царь-государь!—отвѣчаетъ красавица,—твоя воля царская, а надъ дочерью воля отцовская, благословенье родной матери; какъ отецъ велитъ, какъ мать благословитъ, такъ и я скажу.» Отецъ въ землю

поклонился; послали за матерью — мать благословила. «Еще къ тебѣ слово,—сказала царю красавица:—не отлучай родныхъ отъ меня; пусть со мною будутъ и мать, и отецъ, и сестры мои.» Тутъ сестры ей въ ноги кланяются: «Недостойны мы!» — говорятъ онѣ.—«Все забыто, сестры любезныя!—говоритъ она имъ;—вы родныя мнѣ, не съ чужихъ сторонъ, а кто старое зло помнитъ, тому глазъ вонъ!»

Такъ сказала она, улыбнулась, и сестеръ поднимала; а сестры въ раскаяньи плачутъ, какъ рѣка льются, встать съ земли не хотятъ. Тогда царь имъ встать приказалъ, кротко на нихъ посмотрѣлъ, во дворцѣ остаться велѣлъ.

Пиръ во дворцѣ, крыльцо все въ огняхъ, какъ солнце въ лучахъ; царь съ царицей сѣли въ колесницу, земля дрожитъ, народъ бѣжитъ: «Здравствуй,—кричитъ,—на многія вѣка!»

